90 коп. Индекс 70145

Программа «ДИАЛОГ КУЛЬТУР» Фонда социальных изобретений СССР и Институт научной информации по общественным наукам АН СССР объявляют Всесоюзный конкурс научных и научно-публицистических работ и эссе.

Девиз конкурса: «ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО: НОВЫЕ ИДЕИ — ТРЕТЬЕМУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ».

Главной задачей конкурса является выявление молодых талантливых мыслителей и поддержка творческой молодежи.

На конкурс будут приниматься ранее не опубликованные работы объемом от 12 до 120 страниц машинописного текста (через 2 интервала) по гуманитарной тематике: «Человек и глобальные проблемы»; «Духовная культура отдельных народов и человечества в целом: прошлое, настоящее, будущее»; «Эволюция социальных и политических структур»; «Человеческая индивидуальность в изменяющемся мире»; «Экономика: новый взгляд» и другие. Главные критерии качества — оригинальность мысли и ясность ее изложения.

Работы следует высылать в двух экземплярах (первый и второй) по адресу: 117418, Москва, ул. Красикова, д. 28/21 ИНИОН АН СССР, «Конкурс». Рукописи авторам не возвращаются. Работы будут приниматься до 1 декабря 1991 года.

Лучшие работы предполагается опубликовать в советских и зарубежных изданиях. Труды победителей конкурса будут отмечены премиями в размере от 1 до 3 тыс. рублей. Авторы оригинальных работ смогут принять участие во всесоюзных и международных школах молодых ученых и специалистов, организуемых Госкомитетом по народному образованию СССР.

ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА

ISSN 0042-8779. Вопросы истории. 1990. № 9. 1—192

Вопросы Истории 9'90

ISSN 0042-8779

Вопросы Истории

9 '90

90 коп. Индекс 70145

Программа «ДИАЛОГ КУЛЬТУР» Фонда социальных изобретений СССР и Институт научной информации по общественным наукам АН СССР объявляют Всесоюзный конкурс научных и научно-публицистических работ и эссе.

Девиз конкурса: «ЧЕЛОВЕК И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО: НОВЫЕ ИДЕИ — ТРЕТЬЕМУ ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ».

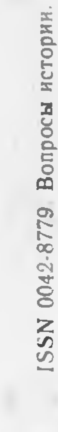
Главной задачей конкурса является выявление молодых талантливых мыслителей и поддержка творческой молодежи.

На конкурс будут приниматься ранее не опубликованные работы объемом от 12 до 120 страниц машинописного текста (через 2 интервала) по гуманитарной тематике: «Человек и глобальные проблемы»; «Духовная культура отдельных народов и человечества в целом: прошлое, настоящее, будущее»; «Эволюция социальных и политических структур»; «Человеческая индивидуальность в изменяющемся мире»; «Экономика: новый взгляд» и другие. Главные критерии качества — оригинальность мысли и ясность ее изложения.

Работы следует высылать в двух экземплярах (первый и второй) по адресу: 117418, Москва, ул. Красикова, д. 28/21 ИНИОН АН СССР, «Конкурс». Рукописи авторам не возвращаются. Работы будут приниматься до 1 декабря 1991 года.

Лучшие работы предполагается опубликовать в советских и зарубежных изданиях. Труды победителей конкурса будут отмечены премиями в размере от 1 до 3 тыс. рублей. Авторы оригинальных работ смогут принять участие во всесоюзных и международных школах молодых ученых и специалистов, организуемых Госкомитетом по народному образованию СССР.

ОРГКОМИТЕТ КОНКУРСА

Вопросы истории 9'90

ISSN 0042-8779

Вопросы истории

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 9 СЕНТЯБРЬ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

ВОСПОМИНАНИЯ

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ПУБЛИКАЦИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

СТАТЬИ

К ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННЫХ СОВЕТСКО-ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С. Л. Тихвинский

Война с фашистской Германией была в самом разгаре, когда 25 октября 1943 г. участвовавший в работе Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании государственный секретарь США К. Хэлл по поручению президента США Ф. Рузвельта в доверительной беседе поставил перед И. В. Сталиным вопрос о возможном участии Советского Союза в войне против милитаристской Японии. Этот же вопрос был поставлен перед Сталиным 28 ноября 1943 г. в Тегеране Рузвельтом и У. Черчиллем. В ходе состоявшейся между ними беседы советский руководитель заявил: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить, по крайней мере, в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда — общим фронтом против Японии» [1].

В последовавших затем дипломатических контактах с союзниками советское руководство стремилось уточнить, какую роль они предназначают Советскому Союзу в войне на Дальнем Востоке, чтобы легче принять участие в разработке планов операций против Японии. 14 декабря 1944 г., отвечая на запрос Рузвельта о политических вопросах, связанных со вступлением Советского Союза в войну с Японией, Сталин заявил послу США в СССР А. Гарриману, что «Советский Союз хотел бы получить Южный Сахалин, т. е. вернуть то, что было передано Японии по Портсмутскому договору, а также получить Курильские острова» [2].

8 февраля 1945 г. в беседе с Рузвельтом на Крымской конференции Сталин поинтересовался, как обстоит дело с политическими усло-

---

ТИХВИНСКИЙ Сергей Леонидович — академик, председатель Национального комитета историков Советского Союза.

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. док. М. 1978, с. 95.

[2] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Док. и м-лы. Т. 2. 1944—1945. М. 1984, с. 272.

виями, на которых СССР вступит в войну против Японии, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве. «Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу... Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР» [3].

11 февраля 1945 г. руководители СССР, США и Великобритании подписали в Крыму соглашение о том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии «восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов; передачи Советскому Союзу Курильских островов». Главы правительств СССР, США и Великобритании поставили свои подписи под этим соглашением, в котором заявляли, что «претензии Советского Союза должны быть, безусловно, удовлетворены после победы над Японией» [4].

Вопрос об аннулировании Портсмутского договора 1905 г. и о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов был поставлен Советским правительством перед Японией еще в 1940 г. в ходе переговоров в Москве о заключении пакта о нейтралитете. В беседе с японским послом в Москве Татэкава 18 ноября 1940 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов заявил, что «у общественного мнения СССР вопрос о заключении нового пакта о ненападении, на этот раз с Японией, естественно, будет связываться с вопросом о возвращении утраченных ранее территорий. Может встать вопрос о Южном Сахалине и о Курильских островах» [5]. Принимая 13 и 23 декабря 1940 г. Татэкава, Молотов заявил, что «если Япония думает оставить без изменения на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой». Япония, подчеркнул Молотов, нарушила этот договор. Кроме того, поскольку он был заключен после поражения России, он не может оставаться вечно без изменений и подлежит исправлению» [6]. Эта же формулировка была повторена наркомом иностранных дел 7 апреля 1941 г., когда он принимал министра иностранных дел Японии Мацуока [7].

При посещении Сталина 12 апреля 1941 г. японский министр иностранных дел повторил ранее сделанное им предложение о покупке Японией у Советского Союза Северного Сахалина, на что Сталин, подойдя к географической карте и указывая на Советский Дальний Восток, ответил: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан — пролив Курильский у южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что хотите нас задушить?» [8].

[3] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сб. док. М. 1979, с. 140—141.

[4] Там же, с. 273.

[5] АВП СССР, ф. 06, оп. 2, пор. № 18, п. 3, л. 45.

[6] Там же, лл. 34, 85.

[7] Там же, оп. 3, пор. № 383, п. 28, л. 16.

[8] Там же, оп. 52а, п. 458, д. 2, л. 169.

Условия вступления Советского Союза в войну с Японией на стороне антифашистской коалиции отражали давние чаяния советского народа. Правящие круги Японии были уведомлены Советским правительством об этих чаяниях еще до того, как Япония развязала войну на Тихом океане. Советский народ не мог забыть зверств японских оккупантов на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., бесконечных провокаций на границе в 30-е годы, боев с японскими милитаристами в районе оз. Хасан и на Халхин-Голе. В годы войны против фашистской Германии японская военщина держала Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке в постоянном напряжении. В 1941 г. военнослужащие Квантунской армии, дислоцированной в Северо-Восточном Китае, нарушили сухопутную Государственную границу СССР 136 раз, в 1942 г.— 229 раз, а в 1943 г.—433 раза. Японский флот блокировал советские дальневосточные порты; с лета 1941 г. до конца 1944 г. было незаконно задержано 178 советских торговых судов, три торговых судна были торпедированы японскими подводными лодками [9]. На протяжении всей Великой Отечественной войны Япония непрерывно нарушала советско-японский пакт о нейтралитете и таким образом лишила его всякой реальной силы.

5 апреля 1945 г. Советское правительство денонсировало пакт о нейтралитете с Японией, подписанный в Москве 13 апреля 1941 г., в полном соответствии со ст. 3 пакта, предусматривавшей право сторон на его денонсацию за один год до истечения пятилетнего срока его действия. Это было серьезным предупреждением правительству Японии о необходимости незамедлительного прекращения развязанной японскими милитаристами в декабре 1941 г. широкомасштабной войны на Тихом океане. Однако, несмотря на это, даже после разгрома и безоговорочной капитуляции союзницы Японии — фашистской Германии,— японские милитаристы упрямо продолжали «тотальную войну».

26 июля 1945 г. в Потсдаме была опубликована Декларация США, Великобритании и Китая, призвавшая Японию к немедленной безоговорочной капитуляции. В пункте 8 декларации, в частности, отмечалось, что после безоговорочной капитуляции Японии «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем» [10]. Правительство СССР солидаризировалось с духом и основными положениями Потсдамской декларации, а 8 августа официально присоединилось к ней.

С 9 августа Советский Союз считал себя в состоянии войны с Японией. В ходе военных действий Советских Вооруженных Сил в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах японским войскам был нанесен существенный урон и они в результате совместных ударов союзных войск были вынуждены капитулировать. В обращении Сталина к советскому народу по случаю подписания Японией акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. говорилось: «Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания... Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток,

[9] См.: СССР и Япония. М. 1987, с. 222; Иванов М. И. Япония в годы войны. Записки очевидца. М. 1978.

[10] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). Сб. док. М. 1980, с. 382.

а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии»[11].

Несмотря на стремление правящих кругов США к установлению после капитуляции Японии своего безраздельного господства над этой страной, они сразу же после победы антифашистской коалиции не могли не учитывать позиции своих союзников, мирового общественного мнения и настроений американского народа. Военная администрация США в Японии, возглавлявшаяся генералом Д. Макартуром, во исполнение решений Крымской конференции и в соответствии с Потсдамской декларацией направила японскому правительству специальную директиву № 677 от 29 января 1946 г., в которой указывалось, что из-под юрисдикции японского правительства исключаются «Курильские (Тисима) острова, группа островов Хабомаи (Хабомадзё), включая острова Суйё, Юри, Акиюри, Сибоцу и Тараку, а также остров Сикотан»[12]. Основываясь на этой директиве, в последующие месяцы японские власти издали распоряжение о репатриации своих граждан с Южного Сахалина и Курильских островов. 2 февраля 1946 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, объявивший государственной собственностью Советского Союза все земли с недрами и водами на территории Южного Сахалина и Курильских островов.

Обеспокоенные нарастанием социальных конфликтов в Японии, под давлением мировой и японской демократической общественности, американские оккупационные власти пошли на осуществление серьезных реформ государственной и экономической структур Японии, носивших буржуазно-демократический характер. В то же время с первых дней оккупации они в тесном сотрудничестве с реакционными силами в самой Японии стали проводить антисоветскую политику, всячески противодействовали распространению влияния СССР, а также победе китайской революции и учреждению Китайской Народной Республики (КНР).

Антисоветский курс администрации Г. Трумэна наглядно проявился в ходе подготовки мирного договора с Японией. Как известно, правительства стран, подписавших Декларацию Объединенных Наций, принятую в Вашингтоне 1 января 1942 г., взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира с вражескими странами. 2 августа 1945 г. на конференции руководителей трех союзных держав в Берлине ими было принято решение о создании Совета министров иностранных дел пяти держав — СССР, США, Великобритании, Франции и Китая — для подготовки мирных договоров с вражескими странами[13].

Игнорируя это решение Берлинской конференции, правительство США отказалось от рассмотрения вопроса о заключении мирного договора с Японией на Совещании Совета министров иностранных дел и 11 июля 1947 г. информировало Советское правительство о своем намерении созвать 19 августа 1947 г. конференцию по составлению мирного договора с Японией из представителей 11 стран — членов Дальневосточной Комиссии для Японии. 13 августа 1947 г. правительство США заявило, что не считает Совет министров иностранных дел «надлежащим органом для рассмотрения вопроса о японском мирном договоре»[14]. В памятной записке от 29 августа 1947 г. правительству США

[11] См. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. III. М. 1947, с. 56.

[12] Сборник документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, Решение Московского совещания министров иностранных дел и другие документы, связанные с капитуляцией Японии) 1943—1946 гг. М. 1947, с. 24.

[13] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. VI, с. 482—483.

[14] Сборник нот и заявлений правительств СССР, США, Китая, Англии и других стран по вопросу мирного урегулирования для Японии. Июль 1947 — июль 1951. М. 1951, с. 35—36.

Советское правительство вновь привело аргументацию в пользу предварительного рассмотрения вопроса о мирном договоре с Японией на Совете министров иностранных дел и напоминало, что особая заинтересованность входящих в него держав в вопросах послевоенного урегулирования с Японией была подчеркнута на Московской конференции министров иностранных дел в 1945 г. при установлении принципа единогласия этих держав в Дальневосточной Комиссии для Японии и при учреждении Союзного Совета для Японии в составе представителей этих держав[15].

Подготовка мирного урегулирования с Японией проходила в условиях все усиливавшейся «холодной войны», разрыва союзнических отношений, существовавших между западными державами и СССР в годы войны. В госдепартаменте США возобладало мнение о нежелательности сотрудничества с Советским Союзом в деле мирного урегулирования с Японией и о необходимости использования оккупации этой страны американскими войсками в интересах дальнейшего укрепления политических и экономических позиций США в Японии; американское военное ведомство высказывалось за сохранение оккупационного режима в Японии на длительное время. Правящие круги Японии активно использовали усиление антисоветских настроений американской администрации. В январе 1947 г. министр иностранных дел Японии Х. Асида в меморандуме официальным представителям США предлагал, с учетом обострения американо-советских отношений, заключить между Японией и США соглашение против агрессии со стороны «третьей державы».

В начале 1950 г. президент Трумэн назначил одного из наиболее воинствующих антикоммунистов, Дж. Ф. Даллеса, главой американской миссии по заключению мирного договора с Японией. В июне 1950 г. вспыхнула война в Корее, в ходе которой укрепился военно-политический союз правящих кругов Японии и США, получивший вскоре официальное оформление. Несмотря на неоднократные попытки Советского правительства добиться созыва Совета министров иностранных дел для обсуждения условий мирного договора с Японией, США отказались от переговоров по данному вопросу, одновременно проводя активную работу по подготовке и заключению военного союза с Японией и по оставлению на ее территории американских войск, о чем открыто заявил Даллес в Токио в феврале 1951 года[16].

В марте 1951 г. правительство США разослало странам — членам Дальневосточной Комиссии для Японии свой проект мирного договора с Японией, не обсудив его в предварительном порядке ни с Советским правительством, ни с правительством КНР. 12 июля 1951 г. был опубликован совместный американо-английский проект мирного договора с Японией, положенный в основу обсуждения на созванной в сентябре того же года в Сан-Франциско конференции. К участию в ней не были допущены представители Китая, Кореи, Вьетнама и Монголии — стран, внесших существенный вклад в разгром Японии.

Критикуя предложенный проект мирного договора, первый заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в своем выступлении на конференции указал, что втягивание Японии в военные группировки не может не вызвать тревогу со стороны государств, действительно заинтересованных в сохранении и поддержании мира на Дальнем Востоке. По поручению Советского правительства он предложил включить в текст мирного договора обязательства о выводе с территории Японии в 90-дневный срок всех вооруженных сил союзных держав и статью, запрещающую размещать в Японии иностранные

[15] Правда, 31.VIII.1947.

[16] Правда, 11.II.1951.

войска или морские базы. Хотя позиция СССР и пользовалась поддержкой ряда делегаций, особенно азиатских стран, заинтересованных в том, чтобы Япония стала миролюбивой нейтральной страной, благодаря усилиям США и их союзников, а также правящих кругов Японии Сан-Францискский мирный договор был подписан 48 странами [17], в том числе Японией, и вступил в силу.

Сан-Францискский мирный договор в ст. 2 раздела II — «Территория» зафиксировал отказ Японии «от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.» [18]. Однако в силу крайне враждебной СССР позиции США в тексте договора не было зафиксировано соглашение, достигнутое в Ялте, о включении Курильских островов и Сахалина в состав Советского Союза.

Конференция в Сан-Франциско проходила в период резкого обострения советско-американских отношений, в разгар «холодной войны» и кровопролитных сражений на Корейском полуострове, в которых американским войскам противостояли, наряду с северокорейской армией, крупные силы «китайских добровольцев» — регулярных частей Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой лишь за полтора года до этого, 14 февраля 1950 г., был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, направленный против любых попыток возрождения японского милитаризма со стороны как японской реакции, так и иностранных государств, которые способствовали бы этому возрождению. Это был недвусмысленный намек на США.

Соединенные Штаты отстранили от мирного урегулирования с Японией корейский народ, в 1910 г. ставший жертвой японской агрессии, и китайский народ, против которого милитаристская Япония вела необъявленную войну еще со времени захвата 18 сентября 1931 г. северо-восточных провинций Китая (Маньчжурии), а с 7 июля 1937 г.— при явном попустительстве США, Великобритании и Франции — развернула крупномасштабную тотальную войну. Не были на конференции в Сан-Франциско должным образом представлены и многие другие народы Азии, испытавшие на себе гнет японских оккупантов и боровшиеся с ними.

Текст Сан-Францискского договора не гарантировал прочного мира ни народам стран Азии, ни самому японскому народу, он не содержал положений, направленных на подлинную демократизацию японского общества, на чем настаивала советская делегация на конференции в Сан-Франциско. Одновременно с заключением сепаратного мирного договора с Японией в Сан-Франциско был подписан американо-японский «договор безопасности», превращавший территорию Японских островов в передовой плацдарм вооруженных сил США, направленный против СССР, КНР и КНДР.

30 мая 1952 г., через 2 дня после вступления в силу Сан-Францискского договора, японское правительство, придерживавшееся в области внешней политики односторонней ориентации на США, довело до сведения представительства СССР в Японии, что в связи с отменой оккупационного режима и прекращением деятельности Союзного Совета для Японии «японское правительство считает, что Советская часть Союзного Совета для Японии прекратила свое существование». В ответ 11 июня 1952 г. Представительство СССР в Японии направило письмо

[17] Большинство их не принимало прямого участия в войне с Японией (21 государство Латинской Америки, 7 стран Африки).

[18] Текст договора был издан в Лондоне на английском, испанском и французском языках (см. АВП СССР, ф. 146, оп. 44, пор. № 5, п. 149).

министру иностранных дел Японии, в котором указало, что «ссылка японского правительства на вступление в силу сепаратного мирного договора не может служить законным основанием для заявления по поводу Представительства СССР» [19]. (В последующие годы японская сторона хотя и не ставила вопроса о прекращении деятельности Советского представительства, поставила его в положение определенной изоляции, воздерживаясь от установления с ним официальных контактов.)

После подписания Сан-Францискского договора правительство С. Иосида запретило японским фирмам вступать в какие-либо контакты с советскими внешнеторговыми организациями, что привело к резкому сокращению товарооборота между СССР и Японией. Японское правительство препятствовало также осуществлению научных и культурных связей между обеими странами, развитию контактов по линии профсоюзных и общественных организаций.

Начиная с 1953 г. деловые круги и общественность Японии стали все настойчивее требовать от правительства нормализации отношений с СССР и КНР, с другими социалистическими странами. В свою очередь, и в правящих кругах Японии зрели настроения в пользу проведения независимой от диктата США внешней политики. Учитывая это, а также руководствуясь стремлением жить в мире и добрососедстве со своим дальневосточным соседом, Советское правительство выступило с инициативой нормализации отношений с Японией. Отвечая на вопросы главного редактора газеты «Цюбу Ниппон симбун» М. Судзуки, министр иностранных дел СССР Молотов 11 сентября 1954 г. выразил готовность советской стороны к нормализации отношений с Японией. Вслед за этим, 12 октября того же года, правительства СССР и КНР выступили с совместной декларацией об отношениях с Японией, в которой высказались «за развитие широких торговых отношений с Японией на взаимовыгодных условиях, за установление с ней тесных культурных связей», выразили «готовность предпринять шаги с целью нормализации своих отношений с Японией» [20].

В декабре 1954 г. после поражения на парламентских выборах проамериканский кабинет С. Иосида ушел в отставку. Новый премьер-министр Японии И. Хатояма, выражая интересы торгово-промышленных кругов, лишившихся после окончания войны в Корее прибыльных заказов, а также под давлением профсоюзов и общественных организаций взял курс на восстановление отношений с СССР и КНР и развитие с ними торговых связей. 22 января 1955 г. Хатояма заявил в парламенте, что важнейшей задачей его правительства в области внешней политики будет достижение самостоятельности и независимости [21].

В январе 1955 г. временно исполнявший обязанности торгового представителя СССР в Японии А. И. Домницкий вручил Хатояма письмо Советского правительства, в котором выражалась готовность начать переговоры о нормализации отношений между обеими странами. Затем переговоры велись в Нью-Йорке между постоянным представителем СССР при ООН А. А. Соболевым и японским наблюдателем в ООН Савада. Под нажимом США японское правительство упорно отказывалось от советского предложения о проведении в Москве или в Токио официальных переговоров о нормализации отношений, настойчиво предлагая местом переговоров Нью-Йорк, где американские дипломаты могли бы влиять на их ход. Японская дипломатия намеревалась вести переговоры с СССР по аналогии с русско-японскими переговорами 1905 г., в ходе которых США, как известно, оказывали давле-

[19] Там же, ф. 048, оп. 31г, п. 11, д. 1.

[20] Правда, 13.IX.1954.

[21] См. Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. М. 1964, с. 284.

ние на Россию и во многом способствовали удовлетворению экспансионистских требований Японии.

Уже первые сообщения относительно готовящихся переговоров Японии с Советским Союзом вызвали открытое недовольство правящих кругов США, усиливших свое давление на кабинет Хатояма. Выступая 8 февраля 1955 г. с речью в сенате США, Г. Хэмфри обвинил Советский Союз в стремлении оторвать Японию от США и под предлогом подписания с нею мирного договора включить ее в свою орбиту. Другой американский сенатор, М. Мэнсфилд, посвятил несколько выступлений в сенате «советской угрозе» Японии, рекомендуя ее правительству не идти на уступки СССР в территориальном вопросе[22]. В мае 1955 г. перед началом советско-японских переговоров Даллес направил Хатояма послание, в котором запугивал Японию прекращением американской помощи в случае расширения Японией экономических связей с Китаем и Советским Союзом и установления с ними дипломатических отношений[23].

После длительного обсуждения местом переговоров о нормализации советско-японских отношений был избран Лондон, где 3 июня 1955 г. они официально и открылись.

Делегацию СССР возглавлял советский посол в Лондоне А. Я. Малик, в прошлом посол в Японии, а затем постоянный представитель СССР при ООН. В состав советской делегации входили советник Дальневосточного отдела (ДВО) МИД СССР Н. Б. Адырхаев, заведующий ДВО МИД СССР И. Ф. Курдюков, советник ДВО МИД СССР Г. И. Павлычев и автор настоящей статьи, в то время советник посольства СССР в Великобритании. Японскую делегацию возглавлял бывший посол Японии в Лондоне С. Мацумото, незадолго до этого вышедший в отставку и посвятивший себя парламентской деятельности. На парламентских выборах осенью 1955 г. он баллотировался от либерально-демократической партии по фракции Хатояма и пользовался его полным доверием. Хатояма назначил Мацумото главой делегации на переговорах в Лондоне вопреки мнению министра иностранных дел М. Сигэмицу, который пользовался поддержкой многих проамерикански настроенных консервативных деятелей Японии и испытывал довольно сильное их влияние. Членами японской делегации были заместитель заведующего отделом договоров МИД Японии М. Такасахи, посланник Японии в Швеции Т. Ниидзэки, первый секретарь посольства Японии в Лондоне А. Сигэмицу и специалист по Советскому Союзу МИД Японии Т. Хираока.

Еще на предварительной, неофициальной встрече глав обеих делегаций, состоявшейся 1 июня 1955 г., был решен ряд процедурных вопросов, в частности было условлено, что заседания будут проходить два раза в неделю. Однако вскоре С. Мацумото, получив указание от своего министра иностранных дел М. Сигэмицу, что «не нужно спешить с японо-советскими переговорами»[24], внес предложение сократить число встреч до одного раза в неделю. Указание Сигэмицу носило отнюдь не процедурный характер и во многом предопределило ход лондонских переговоров.

На первом официальном заседании делегаций, проходившем в посольстве СССР в Лондоне 3 июня 1955 г., Малик, приветствуя японскую делегацию, подчеркнул готовность Советского Союза нормализовать отношения с Японией. В ответном слове Мацумото выразил надежду на то, что предстоящие переговоры будут проходить в духе взаимного понимания и сотрудничества и что будут найдены удовлетво-

[22] Там же, с. 286—287.
[23] См. История внешней политики СССР. 1945—1980. Т. 2. М. 1981, с. 224.
[24] Мацумото С. Радуга из Москвы. Токио. 1966, с. 27 (на яп. яз.).

ряющие обе стороны условия для восстановления дипломатических отношений[25].

На втором заседании 7 июня 1955 г. Мацумото зачитал и вручил Малику текст выступления Сигэмицу 26 мая 1955 г. на сессии японского парламента, в котором был назван ряд вопросов, подлежащих урегулированию в ходе переговоров о нормализации отношений между Японией и СССР: освобождение и репатриация японцев, задержанных в Советском Союзе; территориальный вопрос (острова, относящиеся к о. Хоккайдо, Курильские острова, южная часть Сахалина и др.); рыболовство в северных водах; вопрос о торговле; допуск Японии в ООН.

В развитие высказанных Сигэмицу положений японский делегат на этом заседании выдвинул в качестве предварительных условий для заключения мирного договора 7 пунктов: 1. Возвращение японских гражданских лиц и военнослужащих, задержанных в СССР. 2. Заявление СССР и Японии о том, что переговоры между ними будут вестись с учетом прав и обязанностей, взятых Японией по Сан-Францисскскому мирному договору и договору безопасности. 3. Уважение территориального суверенитета (возврат Японии Курильских островов и Южного Сахалина). 4. Обеспечение безопасного промысла японских рыбаков в северных водах, возвращение японских судов, задержанных Советским Союзом за лов рыбы в его территориальных водах. 5. Всемерное экономическое сотрудничество, учитывая международные обязательства каждой из сторон. 6. Подтверждение положения Устава ООН о взаимном уважении суверенитета. 7. Поддержка СССР обращения Японии о приеме ее в ООН[26].

Мацумото недвусмысленно давал понять, что стремление Японии пересмотреть статью Сан-Францисского договора, касавшуюся отказа Японии от притязаний на Южный Сахалин и Курильские острова, будет поддержано Западом. Ссылаясь на дебаты в японском парламенте по вопросу о начале японо-советских переговоров в Лондоне, он обратил внимание советской делегации на тот факт, что, по мнению депутатов парламента от правящей партии, самым важным моментом при ведении переговоров с СССР должно быть тесное сотрудничество Японии с западными державами. Мацумото на том же заседании передал главе советской делегации текст парламентского запроса депутата от либеральной партии Охаси и ответ на него премьер-министра Хатояма. В запросе говорилось, что «согласованные действия между государствами западного мира окажут величайшее влияние на результаты настоящих переговоров, поскольку одновременно с японо-советскими переговорами будет происходить совещание глав правительств Англии, США, Франции и СССР». В ответ на это глава советской делегации подчеркнул, что, «как известно, некоторые из западных стран занимают такую позицию, которая отнюдь не может содействовать успеху советско-японских переговоров». Он высказал твердую убежденность в том, что «в переговорах необходимо исходить из интересов двух стран, участвующих в переговорах, безотносительно к третьим странам». Мацумото согласился с мнением Малика, однако просил советскую сторону «учесть то обстоятельство, что Япония имеет определенные права и обязанности, вытекающие из Сан-Францисского мирного договора и договора безопасности, заключенного с США». Глава советской делегации в связи с этим разъяснил, что «советская сторона не ставит условием нормализации советско-японских отношений и заключения мирного договора с Японией ее отказ от обязательств, вытекающих из имеющихся у нее международных договоров»[27].

[25] АВП СССР, ф. 146, оп. 44, пор. № 4, п. 149, лл. 72—73.
[26] Там же, пор. № 3, п. 149, лл. 11—14.
[27] Там же, д. 3, л. 19.

На третьем заседании 14 июня советская делегация внесла на рассмотрение проект мирного договора с Японией, который предусматривал прекращение состояния войны между двумя странами и восстановление между ними официальных отношений на основе равенства, взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, невмешательства во внутренние дела и ненападения, подтверждал и конкретизировал действующие международные соглашения в отношении Японии, которые были провозглашены Потсдамской декларацией. Проектом предусматривались также последующие переговоры сторон о заключении отдельных договоров и конвенций о торговле и мореплавании, рыболовстве, культурном сотрудничестве, консульских отношениях и по другим практическим вопросам развития советско-японских отношений и взаимовыгодного сотрудничества. Советская сторона выражала готовность постатейно обсудить как свой проект договора, так и японский, если он будет представлен японской делегацией. Такой порядок отвечал требованиям демократической процедуры, давал возможность по-деловому и плодотворно проводить работу по согласованию положений будущего мирного договора.

Обе делегации исходили из целесообразности проведения переговоров в спокойной и конфиденциальной обстановке при соблюдении правил взаимного согласия сторон на обнародование хода и результатов переговоров. Однако после получения советского проекта мирного договора Сигэмицу, не считаясь с договоренностью сторон и с существующими традициями, провел совещание заведующих политическими отделами ведущих японских газет, на котором отрицательно отозвался о советском проекте и пессимистически оценил перспективы японо-советских переговоров в Лондоне. Заявление Сигэмицу было явно рассчитано на то, чтобы помешать переговорам, создать вокруг них неблагоприятное мнение японской и международной общественности. Малик на очередной встрече с Мацумото квалифицировал заявление японского министра иностранных дел как нарушение договоренности воздерживаться от публикации сообщений о ходе переговоров без взаимного согласия сторон. Мацумото признавал впоследствии, что он тогда оказался в весьма трудном положении перед членами советской делегации.

На четвертой, пятой и шестой встречах глав делегаций Мацумото неизменно поднимал вопрос о репатриации из Советского Союза японских военнопленных, хотя она была в основном завершена еще в начале 1950 года[28]. В СССР оставалась лишь сравнительно небольшая часть отбывавших наказание японских военных преступников. Советская сторона передала японской делегации на переговорах в Лондоне списки 1016 бывших военнопленных и 357 гражданских лиц, отбывавших в СССР наказание за военные преступления.

Руководствуясь стремлением облегчить переговоры по основным положениям проекта мирного договора, Советское правительство, хотя оно могло этого и не делать до мирного урегулирования, не прекращало репатриацию японских военных преступников по мере отбытия ими сроков наказания и не ставило этот вопрос в зависимость от хода переговоров в Лондоне. Этот шаг, казалось, должен был быть воспринят японской стороной как проявление дружелюбия со стороны СССР. К тому же Советское правительство заявило, что оно передаст японским властям всех оставшихся в СССР японских военных преступников сразу же после восстановления дипломатических отношений между двумя странами.

Требование японских представителей о безусловной и немедленной репатриации всех военных преступников напоминало скорее ультиматум, чем аргументированную позицию страны, подписавшей акт о безоговорочной капитуляции и стремившейся к заключению мирного договора со страной-победительницей. Индийский историк С. Вишванатхан отмечал в этой связи: «Тон заявлений японского представителя в ходе переговоров о восстановлении дипломатических отношений был таким, что вынуждал советского представителя неоднократно напоминать ему о том, что Япония проиграла войну и безоговорочно капитулировала»[29].

И хотя Мацумото продолжал настаивать на приоритете рассмотрения вопроса о репатриации отбывающих наказание в СССР военных преступников, для участников переговоров с той и другой стороны было очевидным, что он действовал вопреки логике вещей и лишь выполнял директиву руководителя МИД Японии по искусственному затягиванию переговоров. Кроме того, переговоры в Лондоне с самого начала показали, что позиция японской делегации во многом определялась политическим нажимом на японское правительство со стороны США.

Мацумото и его советники в беседе с членами советской делегации давали понять, что территориальный вопрос, вопросы о международных обязательствах и военных союзах Японии, а также о режиме прохода военных судов через японские проливы,— все это области, в которых Япония не могла принимать самостоятельных решений без предварительного согласования с США. Эти вопросы фактически были изъяты Соединенными Штатами из компетенции японского правительства. По словам Мацумото, они являлись самыми «трудными» для достижения по ним договоренности[30]. Однако это вовсе не означало, что Япония не хотела бы их решать с учетом своих интересов.

Именно во время переговоров в Лондоне обнаружился на практике кабальный для Японии характер договора с США об обеспечении безопасности. Например, предложение Советского Союза запретить прохождение военных кораблей через японские проливы для государств, не граничащих с Японским морем, отвечало интересам мира и безопасности на Дальнем Востоке, в том числе и самой Японии. Однако оно противоречило позиции США, и поэтому Япония, выступая против включения в мирный договор статьи о проливах, выражала не свои, а американские интересы, связанные с военно-стратегической концепцией США. Мацумото заявлял, что «если советская сторона не снимет своих предложений о проливах, то вряд ли можно будет рассчитывать на успешное завершение переговоров». Он полагал даже, что «по территориальному вопросу можно договориться, но что вопрос о проходе военных кораблей может оказаться камнем преткновения»[31].

4 августа 1955 г. Мацумото заявил Малику, что «японский народ удручен тем, что Хабомаи и Сикотан, являющиеся продолжением острова Хоккайдо, не возвращены Японии, а также тем, что Курильские острова и Южный Сахалин за столь короткий срок войны между СССР и Японией отторгнуты от Японии», он просил ускорить ответ советской стороны по территориальным вопросам, поставленным японской стороной. И хотя Малик заявил, что «вопрос о Курильских островах и Южном Сахалине ясен», но эта его реплика была воспринята японским делегатом как свидетельство готовности советской стороны пойти на частичное удовлетворение японских требований.

9 августа 1955 г. Малик в беседе с Мацумото дал понять, что Советское правительство готово пойти навстречу пожеланию японской стороны и рассмотреть вопрос о передаче Японии близлежащих к ней о-вов Хабомаи и Сикотан при условии окончательного урегулирования

---

[28] Правда, 22.IV.1950.

[29] Vishwanathan S. Normalization of Japanese-Soviet Relations 1945—1970. Florida. 1973, p. 88.

[30] См. АВП СССР, ф. 146, оп. 44, п. 149, д. 3, л. 16.

[31] Там же, лл. 32, 47.

территориального вопроса между обеими странами при подписании мирного договора и в общем контексте, наряду с другими вопросами, а не изолированно [32]. Таким образом, Советское правительство сделало в ходе переговоров серьезную уступку, желая открыть путь к достижению договоренности о заключении мирного договора.

По заявлению Мацумото, этот шаг советской стороны был «воспринят японским правительством с большой радостью». Как впоследствии отмечалось в его мемуарах, он «подумал тогда о сближении взглядов сторон и о близости завершения переговоров». Вместе с тем он понимал, что позиция Японии в вопросе о «северных территориях» зависела от США, и поэтому опасался, что американцы снова могут помешать достижению договоренности сторон [33]. В интервью бывшего члена японской делегации на лондонских переговорах К. Ниидзэки, ныне директора Института международных отношений при МИД Японии, опубликованном в 1989 г. в журнале «Гайко форум», признается, что японская делегация никак не ожидала подобной уступки со стороны СССР (то есть согласия на возвращение Японии островов Хабомаи и Сикотан одновременно с подписанием мирного договора) [34].

Малик, учитывая недовольство Москвы медленным ходом переговоров, как нам представляется, поторопился выдать на встрече с Мацумото имевшуюся у советской делегации запасную позицию, рассчитывая тем самым на взаимную уступчивость японской стороны и успешное завершение переговоров. Однако эта уступка имела обратный эффект: японские правящие круги решили теперь добиваться также передачи островов Кунашир и Итуруп. 6 сентября 1955 г. Мацумото спросил Малика, «можно ли считать, что СССР намерен передать острова Хабомаи и Сикотан без каких-либо условий, и не потребует ли СССР объявления этих островов демилитаризованной зоной». Малик разъяснил японской стороне, что вопрос о передаче Японии островов Хабомаи и Сикотан обусловлен достижением соглашения обеих сторон по всем другим статьям мирного договора, и подчеркнул, что позиция Советского Союза относительно этих островов служит убедительным доказательством того, что советская сторона делает все возможное, чтобы успешно завершить переговоры о нормализации советско-японских отношений [35].

11 августа в Лондон прибыл министр земледелия и лесоводства Японии И. Коно, ближайший сторонник премьер-министра Хатояма. Мацумото информировал Коно о переговорах, подчеркнув, что они «проходят вполне удовлетворительно и имеют хорошие перспективы». Коно выразил удовлетворение ходом переговоров, но на жалобы Мацумото по поводу антисоветской позиции МИД Японии и лично Сигэмицу ответил, что «обстановка в Токио весьма сложная». «Правительство Хатояма опиралось на меньшинство в правящей партии и всегда находилось между двух стульев,— писал позднее Мацумото.— Справа на него давила либеральная партия, а слева — социалистическая. В силу этого возможности И. Хатояма как руководителя были весьма слабыми и ему пришлось сполна испить всю горечь поражения правительства, опиравшегося на партийное меньшинство. Это обстоятельство

[32] Там же, лл. 18, 22, 36.

[33] Мацумото С. Ук. соч., с. 14.

[34] Ниидзэки К. Три волны в японо-советских отношениях.— Проблемы Дальнего Востока, 1990, № 1.

[35] АВП СССР, ф. 146, оп. 44, п. 149, д. 3, л. 39. Развивая эту тему после окончания официального заседания делегаций, Мацумото намекнул Малику на согласие Японии демилитаризовать острова Хабомаи, Сикотан, Кунашир и Итуруп в случае их возвращения Японии. В ответ Малик сказал, что «возвращение Хабомаи и Сикотана — это предел, и он (Малик) не может ставить перед Советским правительством вопрос о новых уступках Японии» (см. там же, пор. № 3, п. 149, д. 146, л. 44).

сильно сказывалось и на японо-советских переговорах». Сигэмицу, находясь в это время с очередным визитом в США, заявил в пресс-клубе в Вашингтоне, что «Япония не намерена устанавливать дружественных отношений с Советским Союзом». Такого рода заявления Сигэмицу даже глава японской делегации Мацумото расценивал как «обструкцию» переговорам [36].

9 августа 1955 г. глава японской делегации передал советскому представителю составленную МИД Японии историко-географическую справку, в которой содержались утверждения об «исконной принадлежности» Японии Курильских островов и Южного Сахалина. При этом особый акцент делался на тезис о географической и исторической общности Хоккайдо и о-вов Хабомаи, Сикотан, Кунашир и Итуруп, якобы не входящих в понятие «Курильские острова» [37].

Советской делегацией было убедительно показано, что впервые русские исследователи посетили Курильские острова еще в первой половине XVII в. и впоследствии дали им, как отличающимся активной вулканической деятельностью то название, которое и закрепилось за ними. Русскими людьми осуществлялось и хозяйственное их освоение [38]. Однако в ходе переговоров советская делегация делала упор не на историческое право первооткрытия и хозяйственного освоения Курильских островов, а на международно-правовые аргументы.

Лишь через два с половиной месяца после начала переговоров в Лондоне, 16 августа, японская сторона представила свой проект мирного договора. В нем содержалось положение о передаче Японии Южного Сахалина и Курильских островов. Подобная позиция японской стороны была шагом назад и противоречила здравому смыслу. Она резко контрастировала с гибкой и реалистической позицией Советского Союза на переговорах.

На лондонских переговорах японская сторона обосновывала свои притязания на южную часть Курильских островов ссылками на Симодский торговый договор (1855 г.), в соответствии с которым (ст. 2) граница между Россией и Японией на Курильских островах устанавливалась между островами Итуруп и Уруп. Впоследствии по Санкт-Петербургскому договору (1875 г.) Россия уступила Японии среднюю и северную части Курильских островов за ее отказ от необоснованных притязаний на Сахалин. Однако эти территориальные уступки царской России, сделанные в 1855 и 1875 гг., утратили международно-правовую силу: после развязывания в 1904 г. войны против России и отторжения у нее Южного Сахалина Япония потеряла всякое право ссылаться на японо-русские договоры 1855 и 1875 годов. Японское правительство в соответствии со ст. 9 Портсмутского мирного договора 1905 г. и приложением № 10 к нему само аннулировало все предшествующие договоры с Россией. Продолжая политику территориальных захватов, Япония фактически нарушила и Портсмутский договор: в 1918 г. она оккупировала и пыталась отторгнуть от Советского Союза Приморье, Забайкалье и Северный Сахалин.

На советско-японских переговорах в Лондоне советская сторона решительно заявляла, что территориальный вопрос уже решен рядом действующих международных соглашений. Условия Ялтинского согла-

[36] Мацумото С. Ук. соч., с. 65, 52, 67.

[37] Этот же тезис был 14 мая 1990 г. повторен на заседании бюджетной комиссии палаты советников японского парламента директором договорного департамента МИД Японии Х. Фукуда (Нихон Кэйдзай, 15.V.1990).

[38] Советские историки и архивисты выявили и опубликовали документы, убедительно свидетельствующие о приоритете России в открытии и хозяйственном освоении островов Курильской гряды (см. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. М. 1984; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. док. М. 1989).

шения СССР, США и Великобритании совершенно определенно указывают на то, что Советскому Союзу должен быть возвращен Южный Сахалин и переданы Курильские острова. Потсдамская декларация обусловливает, что положения Каирской декларации должны быть выполнены и что ст. 8 данной декларации базируется на Ялтинском соглашении. Подписав акт о капитуляции, Япония взяла на себя обязательство честно выполнять условия Потсдамской декларации, в которой зафиксированы положения Ялтинского соглашения и Каирской декларации о возвращении Южного Сахалина и Курильских островов Советскому Союзу. Поскольку эти территории были исключены из числа тех, которые оставлены союзниками под суверенитетом Японии, ее нынешние претензии на них не имеют каких-либо международно-правовых оснований.

Аргументация японской стороны, что она не связана Ялтинским соглашением, не будучи его участницей, являлась несостоятельной. Хотя Япония и не подписывала этого соглашения, но, капитулировав, она приняла те условия, которые были определены в Ялте союзными державами. Принятие Японией их условий по этому вопросу зафиксировано и в Сан-Францисском мирном договоре 1951 года.

Несмотря на то, что СССР не подписал Сан-Францисского договора, Япония, подписав его, юридически отказалась от «северных территорий», зафиксировав это в ст. 2 договора. Как подчеркивал американский исследователь японо-советских отношений Янг С. Ким, СССР считает, что «обязательства Японии, возлагаемые на нее мирным договором, базируются на соглашениях военного времени, заключенных между союзными державами, и на Акте о капитуляции. Следовательно, притязания Японии содержат в себе попытку пересмотреть итоги второй мировой войны и условия мирного договора» [39].

Понимая слабость своей позиции, японская сторона пыталась исключить из Курильских островов Итуруп и Кунашир, а Хабомаи и Сикотан отнести к прибрежным территориям о. Хоккайдо. Янг С. Ким отмечает, что «японская сторона на переговорах знала о том, что Курильские острова, от которых она отказалась по условиям мирного договора, включали в себя все Курильские острова, в том числе Итуруп и Кунашир. На заседаниях парламентских комитетов, обсуждавших Сан-Францисский договор, представителем правительства Японии был дан официальный и авторитетный ответ, что Курильские острова, упоминаемые в договоре, включали в себя и Северные Курилы и Южные Курилы (Итуруп и Кунашир). Только с 1955 г. Япония заняла позицию, заключающуюся в том, что Курильские острова, от которых она отказалась по ст. 2, не включают в себя Южные Курилы» [40].

Действительно, ни в Ялтинском соглашении, ни в Сан-Францисском договоре никакого различия между северной и южной частями Курильской гряды не делается, и речь идет о Курильских островах в целом. Поэтому заявление японской стороны, что Итуруп и Кунашир не входят в состав Курильских островов, лишено всякого основания. Кстати, многие японские картографические издания подтверждают, что эти острова являются частью Курильской гряды. Разговоры по поводу того, что на Итуруп и Кунашир якобы не распространяется географическое понятие «Курильские острова», которое зафиксировано в Сан-Францисском мирном договоре, не выдерживают критики.

В ходе Сан-Францисской мирной конференции в беседах с государственным секретарем США Даллесом глава японской делегации Иосида в неофициальном порядке зондировал вопрос о возможности

[39] Young S. Kim. Washington Papers, Japanese-Soviet Relations. Lnd. 1974, p. 31.
[40] Ibid., p. 22.

исключить Итуруп и Кунашир из понятия «Курильские острова». Но эти притязания «остались без внимания» [41]. США опасались тогда ставить этот вопрос на обсуждение участников мирной конференции, зная, что подобное притязание японской стороны лишено правового обоснования и может отрицательно сказаться на итогах конференции. Только пятью годами позже японской стороне удалось склонить правительство США высказать в меморандуме от 7 сентября 1956 г. точку зрения о том, что о-ва Итуруп и Кунашир в прошлом являлись «исконной японской территорией» [42]. Но и это по существу ничего не меняло, так как осталась в силе ст. 2 Сан-Францисского договора, согласно которой Япония отказалась от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова.

В мемуарах участников переговоров отмечался тот факт, что японская делегация первоначально была уполномочена подписать мирный договор на условиях распространения суверенитета Японии на Хабомаи и Сикотан и тем самым завершить дискуссию по территориальному вопросу [43]. Однако из-за противодействия США и противников нормализации японо-советских отношений в самой Японии подписание мирного договора было тогда сорвано.

Советская сторона проявила в ходе лондонских переговоров большую выдержку и терпение, настойчиво вела работу по согласованию отдельных статей мирного договора. В результате было согласовано 9 из 12 статей советского проекта договора. В частности, была достигнута договоренность по преамбуле мирного договора, по статьям о решении международных споров мирными средствами, об отказе от репараций и взаимных претензий, о невмешательстве во внутренние дела договаривающихся сторон, об экономических отношениях и о заключении соглашения по рыболовству, а также о порядке ратификации и времени вступления в силу мирного договора. Японская же сторона не стремилась к быстрому завершению переговоров и намеренно затягивала их [44]. Премьер-министр Японии Хатояма был фактически отстранен от руководства переговорами и даже не получал из-за саботажа, проводимого его противниками, объективной информации о них [45].

Причина неудачи лондонских переговоров заключалась прежде всего в том, что Япония в то время делала лишь первые робкие попытки проводить самостоятельную внешнюю политику. В то же время в правящих кругах страны оставались неустраненными серьезные разногласия по вопросу о японо-советских отношениях. Фракция Иосида, недовольная приходом к власти Хатояма, активно противодействовала всем мероприятиям его кабинета, стремилась вынудить его уйти в отставку. Министр иностранных дел Сигэмицу рассматривал предвыборные обещания и заявления премьера о нормализации отношений с Советским Союзом лишь как маневр, обеспечивший консервативным кругам большинство голосов избирателей на парламентских выборах в 1954 году.

Японский представитель в Лондоне Мацумото, хотя и был сторонником линии Хатояма, однако находился под постоянным нажимом противников нормализации японо-советских отношений и поэтому занимал выжидательную позицию. Будучи одновременно и дипломатом, и депутатом парламента, он прислушивался не только к инструкциям

[41] Цит. по: Vishwanathan S. Op. cit., p. 51.
[42] Цит. по: Young S. Kim. Op. cit., p. 31.
[43] См. Мацумото С. Ук. соч.
[44] Принимая в Москве делегацию японских парламентариев 21 сентября 1955 г., Н. С. Хрущев, касаясь лондонских переговоров, заявил: «У нас создается такое впечатление, что японская сторона не проявляет особой заинтересованности в нормализации отношений между Советским Союзом и Японией и поэтому искусственно затягивает переговоры» (Правда, 24.IX.1955).
[45] См. Мацумото С. Ук. соч., с. 44.

премьер-министра, но и министра иностранных дел, значительно отличавшимся друг от друга, а также к ходу парламентских дебатов в Японии. Мацумото в одной из бесед с Маликом признавал, что «на его позицию влияет внутриполитическое положение в стране. Кабинет Хатоямa... является кабинетом меньшинства, и поэтому он, Хатояма, вынужден считаться с мнением многих политических групп и течений в Японии»[46].

Тактики затягивания переговоров японская сторона придерживалась вплоть до весны 1956 года. После 23 совместных заседаний 20 марта 1956 г. лондонские переговоры были прерваны.

Между тем политические круги Японии, испытывая мощное давление со стороны широких слоев своего народа, все более убеждались в том, что путь к независимости страны, к ее выходу на широкую международную арену лежит через нормализацию японо-советских отношений.

В апреле — мае 1956 г. делегация японских рыбопромышленных кругов во главе с министром земледелия и лесоводства Японии Коно посетила Советский Союз и обсудила с советскими представителями вопросы рыболовства в северо-западной части Тихого океана и оказания помощи людям, терпящим бедствие на море. Несмотря на то, что переговоры о восстановлении дипломатических отношений были прерваны, Советское правительство 14 мая подписало в Москве советско-японскую конвенцию по рыболовству в открытом море в северо-западной части Тихого океана и соглашение по оказанию помощи людям, терпящим бедствие на море. Обе стороны договорились о том, что считают необходимым в самое ближайшее время, но не позднее 31 июля 1956 г., возобновить переговоры о нормализации советско-японских отношений[47]. Предусматривалось, в частности, что оба документа войдут в силу одновременно с подписанием мирного договора или восстановлением дипломатических отношений между СССР и Японией.

Направляя в Москву Коно, сторонника нормализации японо-советских отношений, Хатояма, помимо урегулирования вопросов, связанных с рыболовством, преследовал также цель установить прямые контакты с Советским правительством по вопросам, связанным с продолжением переговоров о нормализации японо-советских отношений. Как писал Коно в своих мемуарах, Хатояма, направляя его в СССР, сказал ему: «Конечно, рыба — штука важная, но наступило такое время, когда нужно решить основной вопрос, вопрос о нормализации отношений между двумя странами. Поэтому возможно, что и мне придется поехать в Москву. Вот почему я и хотел бы, чтобы вы сейчас отправились в Советский Союз выяснить его точку зрения и все обстоятельства на месте»[48].

Пребывание в Москве делегации во главе с Коно способствовало решению вопроса о фактическом признании официальным советским учреждением представительства СССР в Токио, которое игнорировалось МИД Японии в течение четырех лет после вступления в силу Сан-Францискского мирного договора. Возглавить представительство было поручено автору данной статьи в ранге чрезвычайного и полномочного посланника I класса.

На решение японского правительства возобновить переговоры о нормализации японо-советских отношений и согласиться на приезд в Токио официального советского представителя оказал влияние ряд факторов, в том числе рост в стране широкого движения за нормализацию отношений, в котором принимали участие представители деловых кругов, почти все политические партии, интеллигенция, студенчество, профессиональные союзы, различные общественные организации.

[46] АВП СССР, ф. 146, оп. 44, п. 149, д. 3, л. 24.
[47] Правда, 16.V.1956.
[48] Коно И. Теперь можно рассказать. Токио. 1958, с. 15 (на яп. яз.).

В конце 1955 г. в результате слияния правых партий в единую либерально-демократическую партию, лидером которой был избран Хатояма, его сторонники несколько укрепили свои позиции в правительстве и парламенте. В начале июля 1956 г. прошли очередные выборы в верхнюю палату парламента, и правительство было серьезно обеспокоено резкой критикой со стороны кандидатов оппозиционных партий. Основой для нее послужило невыполнение правительством обязательства о нормализации отношений с СССР. Во многих избирательных округах кандидаты от либерально-демократической партии, выступавшие против нормализации японо-советских отношений, потерпели поражение.

Большое влияние на мобилизацию общественного мнения Японии в пользу быстрейшей нормализации отношений с СССР оказал визит в Советский Союз японской парламентской делегации, возглавляемой депутатами парламента Китамура Токутаро (Либерально-демократическая партия) и Номидзо Масару (Социалистическая партия) осенью 1955 г. по приглашению Верховного Совета СССР. На возобновление японо-советских переговоров о нормализации двусторонних отношений влиял также усилившийся нажим на правительство Японии со стороны рыбопромышленников и деловых кругов, заинтересованных в развитии рыболовного промысла в северо-западной части Тихого океана, в закупке сырья в СССР и продаже ему японских промышленных товаров.

Важным фактором, действовавшим в направлении ускорения нормализации японо-советских отношений, явилось также общее ослабление международной напряженности, чему в немалой степени содействовали женевское совещание руководителей четырех держав (1954 г.), рассматривавшее вопрос о мирном урегулировании в Корее и восстановлении мира в Индокитае, установление дружественных отношений СССР со странами Азии, в том числе с Индией и Бирмой, итоги Бандунгской конференции стран Азии и Африки (апрель 1955 г.) и другие события.

Советское правительство, стремясь к укреплению мира на Дальнем Востоке и в интересах развития добрососедских отношений с Японией, сочло возможным удовлетворить пожелания ее рыбопромышленных кругов о разрешении лова лососевых в путину 1956 г., не дожидаясь вступления в силу мирного договора или восстановления дипломатических отношений между двумя странами, как это предусматривалось конвенцией о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана. Вскоре по прибытии в Токио главой советского представительства было выдано 1027 разрешений японским рыбакам на лов лососевых в путину 1956 года.

Дружественная позиция СССР способствовала росту симпатий к нему со стороны широких слоев японского населения. Поэтому решение правительства Японии о возобновлении не позже 31 июля 1956 г. переговоров с Советским Союзом было с большим удовлетворением воспринято широкими кругами японской общественности. 18 июля посол Японии в Лондоне Ниси через советского посла Малика сообщил Правительству СССР, что Япония готова возобновить переговоры о нормализации отношений, которые раньше велись в Лондоне. 21 июля Советское правительство ответило согласием на продолжение переговоров в Москве.

Противники нормализации японо-советских отношений встретили решение кабинета Хатояма о возобновлении переговоров с СССР активизацией своей деятельности, направленной на их срыв. Еще 24 мая лидеры враждебных Хатояма группировок созвали в Токио «совеща-

ние старых дипломатов» для обсуждения вопроса о нормализации отношений. На нем присутствовали дипломаты, в прошлом активно содействовавшие осуществлению японской экспансионистской политики, такие, как бывшие премьеры страны Иосида и Асида, адмирал Номура, и др. Участники этого совещания выступили против предстоящих переговоров с СССР и обрушились с нападками на внешнюю политику кабинета Хатояма. Однако, как сообщала 26 мая 1956 г. газета «Ниппон таймс», «премьер-министр Хатояма подтвердил свою решимость добиваться мира с Советским Союзом и коммунистическим Китаем».

По мере приближения начала переговоров деятельность противников нормализации советско-японских отношений принимала все более враждебный характер. Они, в частности, чинили всяческие препятствия нормальной работе советского представительства в Токио. Летом 1956 г. у здания представительства СССР трижды устраивались антисоветские демонстрации.

Накануне отъезда японской делегации в Москву развернулась борьба между отдельными группировками Либерально-демократической партии по вопросу о составе японской делегации на предстоящих переговорах. Возглавить делегацию неожиданно согласился сам министр иностранных дел Японии Сигэмицу, ранее категорически отказывавшийся от поездки в Москву. Его готовность возглавить делегацию не вызвала большого энтузиазма у фракции Хатояма — Коно, поскольку его деятельность давно служила объектом резкой критики со стороны не только оппозиции, но и многих депутатов, членов Либерально-демократической партии.

Сигэмицу, отражая настроения крайне правых элементов в партии, хотел по-прежнему применять тактику затягивания переговоров. Поэтому с целью обеспечения точного выполнения главой делегации инструкций японского правительства было решено направить на переговоры второго полномочного представителя — депутата нижней палаты Мацумото, представлявшего Японию на лондонских переговорах. Таким образом достигался определенный компромисс между конфликтовавшими группировками в либерально-демократической партии и правительстве Японии.

Как говорится в мемуарах Мацумото [49], утвержденные правительством инструкции для делегации предусматривали, чтобы уже в начале переговоров японская делегация повторно предъявила известные территориальные притязания. По получении отказа советской стороны (а в том, что японские территориальные притязания будут вновь решительно отвергнуты, никто в правительстве не сомневался) делегация должна была запросить дальнейших указаний из Токио. Такая тактика, по мнению некоторых членов японского правительства, позволяла смягчить нападки на него со стороны противников нормализации отношений с СССР, обвинявших Хатояма в нежелании добиваться передачи Японии Южных Курил. Предполагалось, что по получении телеграммы от Сигэмицу, подтверждавшей неизменность позиции Советского Союза в территориальном вопросе и запрашивавшей дальнейших указаний, Хатояма проведет специальное заседание кабинета в присутствии представителей всех группировок Либерально-демократической партии для утверждения новых инструкций, предусматривавших достижение соглашения с СССР.

На заседании 1 августа в Москве японская делегация предложила, чтобы в тексте мирного договора, в частности в статье, посвященной территориальному вопросу, было записано согласие СССР на передачу Японии островов Итуруп и Кунашир при условии отказа Японии от претензий на Южный Сахалин и другие Курильские острова. Это предложение ничем не отличалось от предложений, сделанных год назад Мацумото в Лондоне и еще тогда решительно отвергнутых советской стороной. Естественно, что и на переговорах в Москве это предложение вновь было отклонено как совершенно безосновательное и идущее вразрез с решениями союзных держав военного и послевоенного времени, а также актом о капитуляции Японии. Японская позиция противоречила и Сан-Францисскому договору.

Во время последующих встреч японских представителей с советскими руководителями, в том числе на высшем уровне, прогресс по территориальному вопросу не был достигнут. В переговорах наступил момент, когда японская делегация, исчерпав все свои «доводы», пришла к выводу о необходимости завершения переговоров, готова была подписать мирный договор и тем самым выполнить обещания, данные своему народу перед отъездом в Москву. Принципиальная линия СССР на переговорах, отклонение явно неправомерных притязаний японской стороны обезоруживали Сигэмицу, который 11 августа был уже склонен прекратить бесплодную дискуссию по территориальному вопросу и подписать мирный договор, тем более что по остальным статьям практически расхождений между сторонами не было.

12 августа Сигэмицу, информируя Токио о ходе переговоров в Москве, сообщал, что «переговоры уже пришли к концу. Дискуссии исчерпаны. Все, что можно было сделать, сделано. Необходимо определить нашу линию поведения. Дальнейшая оттяжка способна лишь больно ударить по нашему престижу и поставить нас в неудобное положение. Не исключено, что вопрос о передаче нам островов Хабомаи и Сикотан будет поставлен под сомнение» [50].

Как вспоминал спустя четыре года один из видных членов кабинета Хатояма и его преемник на посту премьер-министра Т. Исибаси, «когда велись переговоры между Японией и Советским Союзом, министр иностранных дел Сигэмицу заявил, что Япония отказалась от южнокурильских островов по Сан-Францисскому мирному договору. На этом основании он запросил инструкций правительства, рекомендуя пойти на заключение мирного договора, отказавшись от Итурупа и Кунашира, с тем, однако, что Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии. Однако в то время мы отвергли предложение Сигэмицу» [51].

Естественно, Исибаси не пишет, что такое решение было принято под давлением США. 19 августа 1956 г. Сигэмицу, находясь в Лондоне на конференции по Суэцкому каналу, посетил американское посольство и информировал Даллеса о ходе московских переговоров. Даллес от имени своего правительства заявил, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония согласится признать Южный Сахалин и Курилы частью территории Советского Союза, США навечно сохранят в своем владении о-ва Рюкю (самый большой из них — Окинава уже давно был превращен американцами в свою крупнейшую авиабазу на Дальнем Востоке).

За несколько дней до заявления Даллеса госдепартамент США выступил с аналогичным демаршем перед японским посольством в Вашингтоне, а американское посольство в Токио — перед МИД Японии. Генеральный секретарь японского кабинета Немото Рютаро в своем выступлении 30 августа 1956 г. признал, что 13 августа, то есть когда в Москве еще велись переговоры, заместитель помощника госсекретаря США В. Себолд пригласил японского посланника в Вашингтоне Сима Сигэнобу «для обсуждения с ним вопросов о применении статьи

[49] Мацумото С. Ук. соч., с. 104.

[50] Цит. по: там же, с. 110; Коно И. Ук. соч., с. 21.
[51] Цит. по: Кутаков Л. Н. Ук. соч., с. 337.

26 Сан-Францисского договора»[52], якобы препятствующей Японии самостоятельно договариваться с другими странами, и прежде всего с СССР, о мирном урегулировании взаимных претензий.

25 августа в Лондоне Даллес вновь обсуждал с Сигэмицу, на этот раз в присутствии американского посла в Москве Ч. Болена, ход японо-советских переговоров и подтвердил ранее высказанную им точку зрения по этому вопросу. Наконец, во время нового свидания с Сигэмицу в Лондоне Даллес, ссылаясь на ст. 26 Сан-Францисского мирного договора, категорически потребовал от японского правительства отказаться от урегулирования территориального вопроса с Советским Союзом, заявив, что условия вышеупомянутой статьи запрещают Японии предоставлять странам, не подписавшим Сан-Францисский договор, «более благоприятные условия», чем странам — участницам этого договора. «По этому вопросу,— вспоминает Мацумото,— и в прошлом в посольство Японии в Вашингтоне поступали представления со стороны госдепартамента США»[53].

Эти акции американской дипломатии со всей очевидностью показывали, что США стремились не допустить положительного исхода московских переговоров. Они ставили задачу по мере возможности помешать нормализации японо-советских отношений. В случае, если им все-таки не удалось бы воспрепятствовать заключению японо-советского мирного договора, то они попытались бы оставить «территориальный вопрос» неурегулированным и тем самым вбить клин в японо-советские отношения, а в будущем, возможно, и использовать это как предлог для вмешательства США в переговоры Японии с СССР[54].

Реваншистские и крайне правые группировки в Японии стали требовать от правительства передачи вопроса о территориальных притязаниях к СССР на рассмотрение международной конференции, на которую предлагалось пригласить государства — участников Сан-Францисского договора. По замыслу этих группировок, конференция должна была пересмотреть статьи этого договора об отказе Японии от Южного Сахалина и Курильских островов. Однако даже наиболее воинственно настроенные антисоветские круги на Западе понимали всю абсурдность подобной акции.

Заявления официальных американских представителей о намерении США отторгнуть от Японии о-ва Рюкю и вмешательство Даллеса в ход японо-советских переговоров вызвали всеобщее возмущение в Японии. Почти все средства массовой информации осудили заявление Даллеса, рассматривая его как попытку нажима на японское правительство с целью срыва японо-советских переговоров.

Правительство страны оказалось в исключительно трудном положении. Противники нормализации японо-советских отношений пытались добиться отставки кабинета Хатояма. С этой целью они провели

[52] Цит. по: Леонидов С. Т. Из истории нормализации советско-японских отношений после второй мировой войны. В кн.: Япония. Вопросы истории. М. 1959, с. 273.

[53] Мацумото С. Ук. соч., с. 117.

[54] Обстоятельные документальные данные о давлении американской дипломатии и лично Даллеса на японскую сторону в ходе переговоров в Лондоне в 1955—1956 гг. приведены в докладе английского историка Дж. Хэслэма «Москва разговаривает с Токио 1955—1956» на конференции по американо-советским отношениям, состоявшейся в октябре 1988 г. в университете штата Огайо (Haslam J. Moscow Talks to Tokyo 1955—1956. Conference on US—USSR Relations. Ohio University. 1988. October 7—9). Хэслэм признает, что юридические права СССР на Курильские острова бесспорны, и приводит заключение юридического департамента Форин оффис от 5 июня 1956 г., что Кунашир и Итуруп являются частью Курильских островов. Первоначальное юридическое заключение госдепартамента США по данному вопросу было идентичным британскому (заключение заместителя юридического советника госдепартамента США по политическим вопросам Сноу от 25 ноября 1949 г. см.: Foreign Relations of the United States. Vol. 7. 1949. Washington. 1976, p. 905).

сбор подписей среди представителей деловых и финансовых кругов. 7 сентября правительству была вручена петиция с требованием об отставке, подписанная 78 руководителями крупных торгово-промышленных фирм, связанных с американским капиталом. В Токио расклеивались плакаты, содержавшие провокационные выпады против Хатояма и Коно, а также представительства СССР в Японии, раздавались призывы не допускать поездки Хатояма в Москву для окончательного урегулирования японо-советских отношений. С самолета над Токио разбрасывались десятки тысяч антисоветских листовок.

Однако правительство Хатояма проявило твердость. «Проблема завершения японо-советских переговоров рассматривалась всем японским народом как самая первоочередная задача»[55],— подчеркивал в своих мемуарах Мацумото. Правительство резко осудило подачу петиции руководителями торгово-промышленных компаний и объявило выговор трем подписавшим этот документ лицам, связанным с правительственными и полуправительственными компаниями. Эти действия кабинета получили одобрение со стороны японской общественности, требовавшей быстрейшего урегулирования отношений с Советским Союзом. Резиденцию премьер-министра в эти дни посещали делегации различных общественных организаций, полностью поддерживавших решимость правительства завершить нормализацию японо-советских отношений. Опираясь на широкую поддержку общественного мнения, японское правительство вскоре по возвращении Сигэмицу из Лондона стало активно изучать вопрос о возможности возобновления переговоров с Советским Союзом.

В этой связи в неофициальных беседах с главой представительства СССР в Японии Коно и министр без портфеля, начальник правительственного бюро экономического планирования Т. Такасаки, исполнявший во время отсутствия Сигэмицу обязанности министра иностранных дел, интересовались мнением Советского правительства о возможности урегулирования отношений между обеими странами без заключения официального мирного договора. Следствием этих бесед явилось послание премьер-министра Японии Председателю Совета Министров СССР от 11 сентября 1956 г., в котором Хатояма просил подтвердить высказанные представителем Советского правительства в Токио условия урегулирования отношений между СССР и Японией. «Учитывая ход переговоров между обоими государствами,— писал Хатояма,— я имею честь сообщить Вам, что Япония, при условии, что переговоры по территориальному вопросу будут продолжаться в будущем, готова приступить к переговорам в целях нормализации отношений между обеими странами в том случае, если Советский Союз заранее выразит свое согласие со следующими 5 пунктами: 1) прекращение состояния войны между обеими странами, 2) взаимный обмен посольствами, 3) немедленная репатриация задерживаемых японских граждан, 4) вступление в силу рыболовной конвенции и 5) поддержка Советским Союзом приема Японии в ООН»[56].

На это послание Председатель Совета Министров СССР ответил письмом от 13 сентября 1956 г., в котором сообщал, что Советское правительство подтверждает свою готовность возобновить в Москве переговоры без заключения в настоящее время мирного договора. Предложенная японской стороной формула нормализации отношений в тот момент более всего устраивала правительство Хатояма, поскольку она обезоруживала внешних и внутренних противников нормализации: США лишались формального повода для осуществления своей угрозы

[55] Мацумото С. Ук. соч., с. 119.

[56] Сборник документов и материалов по Японии (1954—1956 гг.). ДВО МИД СССР, 1959, с. 1.

об отторжении от Японии о-ов Рюкю, а шовинистически настроенные элементы внутри страны не могли далее препятствовать восстановлению дипломатических отношений между Японией и СССР.

7 октября Хатояма в сопровождении Коно, Мацумото, советников и экспертов вылетел в Москву. Переговоры проходили с 13 по 19 октября 1956 года. В них приняли участие руководители КПСС и Советского правительства — Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, А. И. Микоян, Д. Т. Шепилов и др.

Как указывалось в подписанной обеими сторонами 19 октября 1956 г. Совместной декларации СССР и Японии, оба государства полностью согласились, что восстановление дипломатических отношений между ними будет служить развитию взаимопонимания и сотрудничества между обоими государствами в интересах мира и безопасности на Дальнем Востоке. Было достигнуто соглашение о том, что состояние войны между СССР и Японией прекращается со дня вступления в силу Совместной декларации (т. е. со дня обмена ратификационными грамотами) и что между СССР и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения.

СССР и Япония подтвердили, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава ООН, в частности его ст. 2,— разрешать свои споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость; воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН.

СССР и Япония подтвердили, что в соответствии со ст. 51 Устава ООН каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. Обе стороны взяли на себя обязательство не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера. СССР брал на себя обязательство поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены ООН, обещал со вступлением в силу Совместной декларации освободить и репатриировать всех осужденных в СССР японских граждан.

Советский Союз отказался от всех репарационных претензий к Японии. СССР и Япония взаимно отказывались от всех претензий, возникших в результате войны с 9 августа 1945 г., соответственно со стороны своего государства, его организаций и граждан к другому государству, его организациям и гражданам. Обе стороны согласились в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договора или соглашений, для того чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и других коммерческих взаимоотношений и продолжить после восстановления дипломатических отношений переговоры о заключении мирного договора. Идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, Советский Союз соглашался на передачу Японии островов Хабомаи и Сикотан, с тем, однако, что фактическая их передача будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией[57]. Одновременно с Совместной декларацией был подписан протокол о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации.

Известие об успешном завершении переговоров и подписании Совместной декларации было с огромным удовлетворением встречено японским народом. Только правые группировки не прекращали своей подрывной деятельности, направленной на срыв ратификации Совместной декларации. Помимо враждебных выступлений членов этих группировок в парламенте и на заседаниях Либерально-демократической партии (бывших премьеров Иосида и Асида, бывшего министра финансов Икэда, бывшего посла Японии в США Номура и др.) ими широко использовалась реакционная пресса, критиковавшая Хатояма и его окружение за «пособничество коммунизму в Японии», требовавшая его отставки и призывавшая не допускать учреждения в Токио советского посольства, поскольку оно якобы будет «направлять деятельность левых элементов». 12 ноября профашистские группировки совершили налет на здание представительства СССР в Японии, пытаясь проникнуть внутрь здания. Прибывшая полиция разогнала налетчиков.

[57] Известия, 9.XII.1956.

Несмотря на противодействие ультраправых сил, 27 ноября нижняя палата японского парламента единогласно ратифицировала Совместную декларацию, протокол о развитии торговли, конвенцию о рыболовстве и соглашение о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море. За ратификацию проголосовали все 365 присутствовавших на заседании депутатов; члены группировок, выступавших против нормализации японо-советских отношений, общим числом около 60 человек, демонстративно не явились на заседание. 3 декабря японо-советские соглашения 224 голосами против 3 были ратифицированы верхней палатой парламента. 8 декабря император Хирохито утвердил ратификацию Совместной декларации и других документов, касающихся нормализации японо-советских отношений. В тот же день советско-японские документы ратифицировал Президиум Верховного Совета СССР.

12 декабря в МИД Японии заместитель министра иностранных дел СССР Н. Т. Федоренко и министр иностранных дел Японии Сигэмицу обменялись ратификационными грамотами Совместной декларации СССР и Японии, а также протокола между СССР и Японией о развитии торговли и взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации. По условиям Совместной декларации и протокола они вступали в силу в день обмена ратификационными грамотами. 14 декабря МИД Японии был извещен о закрытии с 12 декабря представительства СССР в Токио, об открытии посольства СССР и о назначении автора этих строк временным поверенным в делах СССР в Японии. 10 февраля 1957 г. в Токио прибыл первый после восстановления советско-японских отношений чрезвычайный и полномочный посол СССР в Японии И. Ф. Тевосян.

В результате нормализации советско-японских отношений еще в декабре 1956 г. в Японию вернулись из Советского Союза свыше 100 осужденных японских военных преступников, досрочно освобожденных из мест заключения в соответствии с изданным Президиумом Верховного Совета СССР Указом об амнистии. 18 декабря 1956 г. при поддержке Советского Союза Япония на XI сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята в члены ООН.

С подписанием Совместной декларации завершился важный этап в истории советско-японских отношений. Усилия СССР и реалистически настроенных политических и деловых кругов и прогрессивной общественности Японии увенчались успехом.

Со времени вступления в силу Совместной декларации СССР и Японии прошло более 30 лет. В обеих странах, да и во всем мире за эти годы произошли огромные изменения. В конце 50-х годов советско-японские отношения начали было приобретать динамизм во всех областях — торгово-экономической, культурной, общественно-политической. Однако в связи с подписанием 19 января 1960 г. Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности между Японией и США Советское правительство 27 января 1960 г. направило правительству Японии

Памятную записку, в которой расценивало заключение Японией нового военного договора с США как «подтачивающего устои на Дальнем Востоке, создающего препятствия развитию советско-японских отношений». В Памятной записке этот договор квалифицировался как фактически лишающий Японию независимости и узаконивающий пребывание на ее земле иностранных войск, как направленный против СССР и КНР.

Советское правительство заявляло, что «только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Сикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено Совместной декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г.»[58]. Советское правительство, говорилось в Памятной записке, «не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками».

Предпринимая такой шаг, Хрущев, по всей видимости, исходил не только из соображений противодействия военному союзу США и Японии, направленному на возрождение военного потенциала Японии, но и из стремления поддержать широкое движение протеста японской общественности против договора с США, развернувшееся в Японии с конца 1959 г., когда стал известен текст подготавливавшегося договора. Определенную роль играло и стремление Хрущева продемонстрировать солидарность СССР с КНР. Дело в том, что отношение Китая к Советскому Союзу стало в то время заметно ухудшаться. Китайское руководство открыто обвиняло Хрущева в «сговоре с США», отказе от борьбы с империализмом, в «ревизионизме». Однако, как показало время, Памятная записка Советского правительства от 19 января 1960 г. отнюдь не способствовала улучшению ни советско-японских, ни советско-китайских отношений.

В то же время военно-политический союз между Японией и США и сегодня продолжает вызывать серьезное беспокойство соседних с Японией государств Азиатско-Тихоокеанского региона, в первую очередь вследствие того, что в рамках этого союза Япония усиленно наращивает свою военную мощь, и под предлогом необходимости обороны от «советской угрозы» начал возрождаться японский милитаризм. Советский Союз не мог оставаться сторонним наблюдателем этого процесса. Выступая в Красноярске 17 сентября 1988 г., М. С. Горбачев говорил, что «японцы вроде бы доказали, что в современном мире можно идти к статусу великой державы, не опираясь на милитаризм. Естественно, возникает вопрос: зачем же дискредитировать этот свой уникальный и столь поучительный для всего человечества опыт?»[59].

Сменявшие друг друга после отставки Хатояма правительства Японии, однозначно придерживаясь курса правящей Либерально-демократической партии на «неразделение политики и экономики», продолжали блокировать развитие крупномасштабных торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между Японией и Советским Союзом, выжидая уступок с его стороны в вопросе о «северных территориях». Для оказания постоянного нажима на СССР в данном вопросе японские правящие круги в 1981 г. официально объявили 7 февраля днем борьбы за возвращение «северных островов». Правительство Японии стремится вовлечь в это движение все большее число жителей страны.

Историческая память как советского, так и японского народов хранит немало горьких воспоминаний о прошлых конфликтах. Этим в какой-то мере можно объяснить и нынешнюю тупиковую ситуацию с заключением между двумя странами мирного договора.

[58] Известия, 29.I.1960.
[59] Известия, 18.IX.1988.

В СССР хорошо понимают стратегическое значение островов Хабомаи, Сикотан, Кунашир и Итуруп. В 1904 г. они явились базой для ведения военных операций против России — с о. Сикотан был высажен японский десант на Камчатку. 26 ноября 1941 г. именно с баз на Курилах японский флот отправился для нападения на Пёрл-Харбор. В годы Великой Отечественной войны с Курильских островов и Южного Сахалина японские военно-морские силы совершали пиратские нападения на советские торговые суда в дальневосточных водах. Курильские острова стали замком, который закрывал для нашей страны выход в океан, а также к портам Камчатки и Чукотки.

Во время проходивших за последние годы визитов в Японию советских руководителей, в ходе бесед, имевших место в Москве с видными японскими деятелями, на международной встрече во Владивостоке «Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог, мир, сотрудничество», состоявшейся осенью 1988 г., и на других международных форумах продолжался поиск взаимоприемлемых решений для преодоления имеющихся разногласий, высказывались конкретные предложения о поэтапном развитии советско-японских отношений в экономической, культурной и иных областях.

В связи с сообщением, что в 1991 г. ожидается визит Президента СССР М. С. Горбачева в Японию, в нашей стране, в деловых, политических и общественных кругах Японии активизировались поиски путей вывода отношений между двумя странами на уровень, который соответствовал бы требованиям времени и складывающейся в международных отношениях обстановке устранения конфронтации, смягчения напряженности, роста взаимопонимания и доверия.

В советских средствах массовой информации в последнее время высказываются различные, порой диаметрально противоположные мнения относительно того, как следовало бы устранить препятствия, лежащие на пути развития добрососедских отношений с Японией. Некоторые придерживаются того мнения, что в настоящее время нет оснований для пересмотра итогов второй мировой войны, что даже в Сан-Францисском мирном договоре содержится отказ Японии от каких-либо прав как на Южный Сахалин, так и на Курильские острова. Что касается искусственно раздуваемой в Японии кампании за возврат «северных территорий», то она является не чем иным, как попыткой пересмотреть итоги войны.

Некоторые советские политологи полагают, что не только не следует идти на удовлетворение территориальных притязаний Японии, но и следовало бы отказаться от идеи скорого и радикального углубления хозяйственных связей с нею и ориентироваться на развитие этих отношений с Южной Кореей. Эти авторы предлагают активизировать советско-американские консультации по японской проблематике с тем, чтобы США проявили более взвешенное отношение к японскому тезису о «советской угрозе», под предлогом которой происходит возрождение японского милитаризма[60].

Заслуживают серьезного внимания и соображения тех, кто признает наличие территориальной проблемы и предлагает поэтапное ее разрешение в течение 15—20 последующих лет то ли в форме совместного протектората, или кондоминиума СССР и Японии над спорными островами, или предоставление им полной самостоятельности с превращением их в зону свободного предпринимательства. Некоторые предлагают Хабомаи и Сикотан передать Японии и вынести вопрос об Итурупе

[60] См. Богатуров А., Носов М. АТР и советско-американские отношения.— Международная жизнь, 1990, № 1, с. 111—112.

и Кунашире на общенародный плебисцит. Кое-кто предлагает просто отдать эти острова Японии в обмен на экономическую помощь Советскому Союзу или продать их Японии за сходную цену и на вырученные средства приобретать товары народного потребления. Раздаются голоса и в пользу превращения спорных островов в «международный экологический заповедник».

Ряд реалистически мыслящих политиков и общественных деятелей Японии полагают, что в условиях продолжающихся серьезных изменений во взаимоотношениях СССР с США, Канадой, европейскими странами, с КНР и Южной Кореей замороженное состояние отношений между СССР и Японией является анахронизмом, и выступают с рядом конструктивных предложений, направленных на улучшение японо-советских отношений. Одни предлагают оставить без изменений принцип «неразделения политики и экономики» до тех пор, пока СССР не согласится передать Японии «северные территории», но зато потом оказать СССР щедрую экономическую помощь, поделиться «ноу-хау» в области управления, пойти на широкий обмен специалистами и на иную «интеллектуальную поддержку»; другие считают необходимым отойти от этого принципа и в первую очередь добиться возвращения Хабомаи и Сикотана, а вопрос о Кунашире и Итурупе отложить на будущее. Находятся и сторонники полного пересмотра ст. 2 Сан-Францисского договора, требующие безоговорочной передачи Японии Южного Сахалина и всех Курильских островов. Некоторые японские авторы предлагают купить у Советского Союза ряд островов Курильской гряды.

В свете столь значительного разброса взглядов и мнений по вопросу о будущности советско-японских отношений на пути заключения советско-японского мирного договора предстоит преодолеть еще немало трудностей. Поэтому этот вопрос нельзя, наверное, считать первоочередной задачей. К тому же вопрос о мирном договоре не может решаться вне контекста проблемы обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Представляется, что на нынешнем этапе следовало бы шаг за шагом развивать связи между двумя странами во всех областях — в торговле, культуре, образовании, науке, совместном предпринимательстве, экологии, сохранении и приумножении природных ресурсов, в частности рыбных, в проведении совместных исследований в области природы землетрясений, цунами и вулканической активности и т. д., продолжать вести политический диалог и поиск приемлемых компромиссов, создавая тем самым атмосферу доброжелательства и добрососедства, в условиях которой со временем станет возможным переход к решению более сложных проблем, включая и вопрос о территориальном урегулировании двусторонних отношений.

ЧЕРЧИЛЛЬ И «РЕШЕНИЕ» АНГЛИИ ПРОДОЛЖАТЬ ВОЙНУ В 1940 г.: ПРАВИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ЛОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ

Д. Рейнолдс

Лето 1940 г. вошло в английский исторический фольклор как самый славный час Британии. После падения Франции английский народ продолжал борьбу в одиночестве, но объединенный, пробужденный чудом Дюнкерка, под защитой героического английского военно-воздушного флота. Больше всего британцев вдохновляла бульдожья хватка Черчилля: «Победа любой ценой», «Кровь, труд, слезы и пот», «Мы будем сражаться на побережье... мы не сдадимся никогда». Эта история рассказывается с ностальгией при каждом национальном кризисе, и ее убедительность подчеркивается категорическим утверждением Черчилля в его мемуарах: «Будущие поколения, возможно, сочтут достопримечательным тот факт, что на повестку дня военного кабинета ни разу не был поставлен важнейший вопрос — надо ли нам продолжать борьбу в одиночестве», об этом «даже вскользь не упоминалось на наших самых секретных совещаниях». «Само собой разумелось», уверял он читателей, что Англия продолжит борьбу, а «мы были слишком заняты, чтобы терять время на отвлеченные, теоретические споры» [1].

Действительно, вопрос о продолжении борьбы никогда специально не выносился на обсуждение военного кабинета. Однако во всех других отношениях утверждения сэра Уинстона были по меньшей мере неискренними. Вопрос был чересчур реален, и ответ на него вовсе не разумелся сам собой, после того как лучшая в мире армия была разбита за шесть недель и Англия осталась в изоляции и с минимальной обороной.

В данной статье мы намерены пересмотреть некоторые мифы о событиях 1940 года. Сначала обратимся к дискуссиям в Уайтхолле и Вестминстере о перемирии и свяжем их с неустойчивой политической ситуацией в первые месяцы пребывания Черчилля на посту премьера. Затем рассмотрим причины, почему правительство, в частности Черчилль, верило в то, что у Англии тогда был шанс победить Германию. Эти причины не были убедительными, ибо основывались на ошибочных представлениях о Германии и США. Такое исследование даст гораздо более сложный образ Черчилля, чем образ неукротимого, идущего напролом, проамерикански настроенного героя, бережно хранимый военными мемуарами и национальной мифологией.

РЕЙНОЛДС Дэвид — профессор, член совета Кристс-колледжа в Кембридже (Великобритания). Автор книги «Создание англо-американского союза. 1937—1941».

[1] Churchill W. S. The Second World War. Vol. I—VI. Lnd. 1948—1954. Vol. II, pp. 157, 172, 199, 216.

Чтобы понять проводившиеся в Англии дискуссии о перемирии, надо вспомнить о необычном политическом положении Черчилля летом 1940 года. В течение десятилетия — с 1929 до 1939 г.— он был в тени, и большинство членов парламента вспоминают о нем как о выдохшемся и эксцентричном государственном деятеле, не присоединявшемся к «команде» тори в таких крупных вопросах, как Индия, перевооружение и отречение*. В конце 30-х годов консервативная оппозиция внешней политике Чемберлена группировалась скорее вокруг Идена, а не Черчилля, и хотя в сентябре 1939 г., когда разразилась война, Черчилль был введен в военный кабинет как военно-морской министр, он не был допущен к эффективному контролю над военными действиями. Но при вынесении палатой общин вотума доверия по вопросу о норвежской кампании 8 мая 1940 г. Чемберлен вместо обычных примерно 100 голосов получил 81. Он тщетно пытался соединить лейбористов и либералов в национальную коалицию, и через два дня политической сумятицы, вечером 10 мая, король поручил Черчиллю сформировать правительство. Утром этого дня Германия начала наступление на Западном фронте. Для Черчилля это был судьбоносный час.

В течение 1940 г. Черчилль занял в Вестминстере и по всей стране более сильные позиции, чем Чемберлен даже на вершине своей популярности — после Мюнхена. Но в первые месяцы премьерства Черчилль чувствовал себя не очень уверенно. Сменить Чемберлена — это было не его решение. Министр иностранных дел лорд Галифакс пользовался доверием Чемберлена, короля и тори, и он был бы поддержан лейбористской и либеральной партиями[2]. Именно нерасположение Галифакса дало Черчиллю шанс. В то время Черчилль был премьер-министром без партии. Чемберлен оставался лидером консерваторов, а тори-парламентарии подчеркнуто сплотились вокруг него сразу же после политического кризиса. Черчилль был очень обеспокоен этими политическими реальностями. «В большой степени я нахожусь в Ваших руках»,— писал он Чемберлену, приняв поручение сформировать правительство[3], и это отразилось на составе его кабинета.

Несмотря на то, что в нем добавились лейбористские и либеральные лидеры, коалиция все же сохранила многих из старой гвардии тори на ключевых постах. Чемберлен стал лордом-председателем совета, получив контроль над внутренней политикой. Галифакс остался министром иностранных дел вместе со своим заместителем — близким другом Чемберлена Р. А. Батлером, а Кингсли Вуд стал министром финансов. После Дюнкерка, когда в прессе прошла мощная кампания за устранение «виновных», предположительно ответственных за несчастья Англии, Черчиллю стало ясно, что если Чемберлена заставили подчиниться, то Саймон, Кингсли Вуд и некоторые заместители министров, включая Батлера, могут уйти с таким же успехом. Призывая через прессу лордов к сдержанности, Черчилль облек свою обеспокоенность в крайние выражения. Он сказал, что не забыл того, как год назад, на Рождество, они попытались изгнать его из его избирательного округа; впоследствии поразивший его ход событий привел к тому, что в результате практически единогласного голосования обеих палат парламента он стал премьер-министром. Но люди, которые поддерживали Чемберлена и изгоняли Черчилля, продолжали оставаться в парламенте. Когда тот и другой приветствовали палату после образования новой администрации, Чемберлена встретили самой громкой овацией.

* Отречение от престола английского короля Эдуарда VIII (январь — декабрь 1936 г.) в пользу своего младшего брата Георга VI.— *Ред.*

[2] Как считает Д. Карлтон (Carlton D. Anthony Eden. Lnd. 1981, pp. 161—162), Чемберлен мог предпочесть Черчилля Галифаксу, но мы придерживаемся более традиционной оценки.

[3] Birmingham University Library, Neville Chamberlain Papers, NC 7/9/80.

Всеобщие выборы во время войны невозможны, и поэтому с существующей палатой общин, какой бы непредставительной она ни выглядела в стране, необходимо считаться как с основным источником власти на этот период. Если бы Черчилль оказал давление на этих людей, как он это умел, это восстановило бы их против него, и такие междоусобные раздоры дали бы Германии наилучший победный шанс[4]. Опасения Черчилля, вероятно, были необоснованны. Вначале казалось, что Чемберлен сохраняет надежду возвратить себе пост премьера после войны, но операция и диагноз врачей заставили его осенью отойти от политики[5], и Черчилль, которому в октябре предложили стать лидером консерваторов, следуя поучительным примерам своих предшественников — Ллойд Джорджа и Макдональда,— быстро согласился. С этих пор его политическое положение стало непоколебимым. Однако весной и летом Черчилль испытывал опасения, и это надо иметь в виду, возвращаясь к дискуссиям о перемирии в военном кабинете.

Эти дискуссии состоялись 26, 27 и 28 мая 1940 года. К 26 мая большие массы английских экспедиционных сил сосредоточились вокруг Дюнкерка. На этой стадии ожидалось, что можно будет эвакуировать только 30—50 тыс. войск без техники, которые составят основу для успешной защиты против вторжения[6]. Более того, имелись опасения, что вторжение неизбежно. Некоторое время в конце мая данные английской разведки говорили о том, что Гитлер собирается свернуть военные действия во Франции, с тем чтобы атаковать Британские острова[7]. Перспектива была, как опасался, в частности, Галифакс, ужасающей. Как и большинство в Уайтхолле, министр иностранных дел был ошеломлен уничтожением французской армии — «единственной твердыни, на которую все возлагали надежды в последние два года»[8] — и еще в декабре 1939 г. заметил в кабинете, что, если французское правительство захочет заключить перемирие, «мы не сможем вести войну самостоятельно»[9]. Теперь, столкнувшись лицом к лицу с непредсказуемым, он начал искать выход.

Важно иметь ясное представление о том, что говорил тогда Галифакс. Он не призывал к немедленной капитуляции или к чему-либо подобному. Он хотел при помощи итальянцев выяснить условия перемирия с Гитлером. Галифакс подчеркивал, что он боролся бы до конца, если бы оказались под угрозой целостность и независимость Англии — если, например, Гитлер потребует флот или английские военно-воздушные силы. Однако если его условия гарантируют сохранение независимости — пусть даже они повлекут за собой потерю части империи,— тогда, по его мнению, бессмысленно было бы допустить дальнейшие разрушения и кровопролитие[10]. Черчилль отвечал, что никакой удовле-

[4] См. King C. H. With Malice toward None: A War Diary. Lnd. 1970, p. 50 (запись от 7 июня 1940 г.). «Если интриги против правительства или нападки на него усилятся,— писал в июле Батлер,— все, что нам нужно будет сделать,— это потянуть за веревочку игрушечную собачку, чтобы она залаяла. После нескольких стаккато станет ясно, что правительство в своем большинстве зависит от консерваторов» (Cambridge University Library, Templewood Papers, T/XIII/17).

[5] Перенеся операцию по поводу рака, Чемберлен писал в своем дневнике 9 сентября 1940 г. о необходимости «приспособиться к жизни частично скованного человека, каким я теперь являюсь. Любые идеи о новом премьерстве после войны — я знаю, что о них нет и речи» (Chamberlain Papers, NC 2/24A).

[6] Черчилль заявил заместителям министров 28 мая, что «мы, несомненно, будем в состоянии эвакуировать 50 тысяч. Если бы мы смогли эвакуировать 100 тысяч, это была бы невероятная удача» (British Library of Political and Economic Science, Dalton Diary, Vol. 22, p. 93).

[7] Hinsley F. H. British Intelligence in the Second World War: Its Influence on Strategy and Operations. Vol. I. Lnd. 1979, pp. 165—166.

[8] Borthwick Institute, York. Hickleton Papers. A. 7. 8. 4, Halifax Diary, 25.V.1940.

[9] CAB 65/2, War Cabinet Minutes, WM 107 (40).

[10] См. CAB 65/13, pp. 149, 151, 179—180.

творительный мир невозможен, пока Англия не показала Гитлеру, что она не может быть побеждена. Только тогда могут быть достигнуты основы равенства, на которых возможны переговоры. Даже простой интерес сейчас к германским условиям мира, настаивал Черчилль, был бы проявлением слабости, что может подорвать позиции Англии внутри страны и за рубежом [11].

Выход был с трудом найден в результате пяти долгих совещаний, во время которых был применен сильный для Галифакса аргумент — разговор об отставке [12]. В конце концов Чемберлен склонился к точке зрения Черчилля, которая также была поддержана лейбористами и либералами — членами военного кабинета и встречена аплодисментами на собрании заместителей министров. Галифакс, таким образом, оказался в изоляции, и идея сближения с итальянцами была отклонена [13]. Более того, к началу июня военная ситуация выглядела гораздо лучше. К всеобщему изумлению и облегчению, из Дюнкерка было эвакуировано 335 тыс. союзных войск, и одновременно стало ясно, что Гитлер намеревается покончить с Францией, прежде чем напасть на Англию. Когда угроза кризиса миновала, в кабинете сложился консенсус вокруг позиции Черчилля, согласно которой вопрос об условиях перемирия не должен подниматься, пока не будет выиграна битва за Англию. Однако была еще надежда на то, что, продолжая борьбу, Британия сможет обеспечить себе не полную победу, но приемлемые условия мира. Галифакс и Батлер категорически на этом настаивали, опасаясь, что эмоции и бравада вовлекут Черчилля в продолжение войны без необходимости [14].

В Вестминстере также сомневались в мудрости решения продолжать борьбу. Группа из примерно 30 членов парламента и десяти пэров, организованная бизнесменом-лейбористом Р. Стоксом, считала, что продолжение войны было бы катастрофическим для Англии и Германии. Кто бы ни победил, говорили они, Европа будет разорена, и единственными, кто от этого выиграет, будут Россия и США. Это был аргумент не в защиту лозунга «мир любой ценой», а в пользу того, чтобы серьезно подумать над любыми разумными предложениями Гитлера, открывающими возможность «немедленного мира при разоружении» [15]. Группа Стокса видела в Ллойд Джордже своего потенциального лидера. Отношение бывшего премьер-министра к вопросу было очень сходным с позицией военного кабинета после Дюнкерка. Он не призывал к немедленному миру, но считал, что англичане смогут добиться благоприятных условий перемирия, когда будет выиграна битва за Англию [16].

Хотя в 1940 г. Ллойд Джордж уже сходил с политической арены, его современники так не считали. Дряхлость только подступала к нему, и он оставался в стране и за границей влиятельной фигурой, в которой многие все еще видели крупного лидера. Черчилль, несомненно, не сбрасывал его со счетов. Несколько раз в мае и июне он пытался ввести Ллойд Джорджа в свое правительство, но эти попытки расстраивал Чемберлен, чья ожесточенная ненависть к Ллойд Джорджу восходила ко времени первой мировой войны. Черчилль убедил Чемберлена изменить позицию в компенсацию за прекращение в прессе кампании против «виновных». Однако Ллойд Джордж отказался войти в правительство якобы потому, что не желал служить вместе с теми, кого он называл «архитекторами несчастья»,— Чемберленом и Галифаксом [17]. Но это была не единственная причина. Как подозревали Чемберлен и Черчилль, Ллойд Джордж также видел себя в роли будущего премьер-министра — миротворца, готового принять власть, когда битва за выживание будет выиграна и народ поймет невозможность достижения полной победы. Как сказал он своему секретарю в октябре 1940 г., «я подожду, пока Уинстон лопнет» [18].

Сегодня, вне связи с логикой момента, легко обвинить Галифакса, Ллойд Джорджа и им подобных в примиренчестве и пораженчестве. Велика разница между разговорами о компромиссном мире в 1940 г. и безоговорочной капитуляцией, подписанной Германией в мае 1945 года. Поэтому важно подчеркнуть, что идея возможного урегулирования путем переговоров не была ошибочной и непатриотической, а в действительности являлась целью, которую преследовали английские лидеры, вступая в войну в 1939 году. В октябре 1940 г. Чемберлен писал Рузвельту: «Мое личное убеждение состоит в том, что мы одержим победу, но не полную и эффектную, которая в нынешних условиях невероятна, а убедив немцев в том, что они победить не могут. А придя к такому выводу, они, я думаю, не смогут противостоять нашему неослабевающему давлению, поскольку они начали эту войну без энтузиазма и уверенности 1914 года» [19]. Убедить «немцев в том, что они победить не могут», означало оказывать давление, чтобы «пал фронт в самой Германии» и чтобы свергнуть Гитлера и нацистскую систему [20]. После этого могли бы быть проведены переговоры с новым германским правительством с возможным участием Геринга и консервативных генералов, с которыми английское правительство пыталось наладить связь зимой 1939/40 года. Чемберлену и его коллегам это казалось взвешенным к реалистичным.

Целью Англии было уничтожить нацистскую угрозу европейской безопасности, а не сокрушить немецкую нацию, и после ужасов 1914—1918 гг. никто не мог с энтузиазмом думать о войне на истощение, особенно при отсутствии Восточного фронта. Некоторые правые члены кабинета в своих расчетах шли еще дальше. Исторически английские лидеры сохраняли представление о сильной, но миролюбивой Германии как о возможном факторе стабильности в Центральной Европе. Устранить нацистскую угрозу ценой того, чтобы навлечь на континент «советскую угрозу», вряд ли было желанной перспективой. Поэтому С. Хор, министр внутренних дел в правительстве Чемберлена и его близкий помощник, хотел внутреннего краха Германии и установления там сдержанного, миролюбивого правительства, но не настоящей революции, которая привела бы к большевистской Европе [21].

Какую позицию по этому вопросу занимал Черчилль? Он заявил 13 мая в палате общин, что его политика — это «победа любой ценой, победа несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долог и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не выжи-

---

[11] Ibid., pp. 150, 187; Chamberlain Papers, NC 2/24A.

[12] Hickleton Papers, A 7. 8. 4, Halifax Diary, 27.V.1940.

[13] Этот эпизод Черчилль в своих мемуарах рассматривает в контексте англо-американских отношений — можно ли подкупить Муссолини и предупредить его вступление в войну (Churchill W. S. Op. cit. Vol. II, pp. 108—111).

[14] Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. I. Lnd. 1970, p. 204.

[15] House of Lords Record Office, Lloyd George Papers, G/19/3, Stockes to Lloyd George, 17.VII.1940. Основой группы Стокса была «парламентская группа мирных целей», организованная осенью 1939 г. инакомыслящими лейбористами — членами парламента (подробнее об этом см.: Bodleian Library, Oxford, Richard R. Stockes Papers, fil. 73, 76).

[16] См. Lloyd George Papers, G/3/4, Lloyd George to the Duke of Bedford, 14.IX.1940.

[17] Lloyd George Papers, G/4/5, Lloyd George to Churchill, 29.V.1940; см. также: Chamberlain Papers, NC 2/24A; Life with Lloyd George: The Diary of A. J. Sylvester, 1931—1945. Lnd. 1975, pp. 360—370.

[18] См. Life with Lloyd George, p. 281.

[19] Public Record Office (PRO), PREM 1/366.

[20] Chamberlaine Papers, NC 18/1/1116, Neville Chamberlain to Ida Chamberlain, 10.IX.1939.

[21] Sussex University Library, Brighton, Kingsley Martin Papers, box 30, fil. 6, Notes of Interview with Hoare, 22.IX, 15.X.1939.

вем». В частных беседах 18 мая и 1 июня он выражал уверенность в том, что Англия победит Германию, и отбрасывал идею о возможной эвакуации королевской семьи и правительства за границу[22]. Но в кабинете во время дюнкеркского кризиса он гораздо менее твердо стоял на том, что единственно приемлемым выходом является полная победа. На вопрос Галифакса 26 мая, будет ли он готов обсудить условия мира, если убедится в достаточной степени, что они не затронут независимость страны, Черчилль ответил, что «он был бы рад выйти из нынешних трудностей на таких условиях, которые сохранили бы нам главные элементы нашей жизненной мощи, даже ценой уступки части территории»[23]. В более живописном пересказе Чемберлена ответ Черчилля звучал так: «Если бы мы могли выйти из этой переделки, отдав Мальту, Гибралтар и несколько африканских колоний, я бы ухватился за эту возможность», хотя он и не видел таких перспектив[24].

На следующий день Черчилль занимал такую же позицию. Согласно протоколам военного кабинета, он заметил, что «если герр Гитлер готовится заключить мир на условиях возвращения германских колоний и территорий в Центральной Европе, то это одно дело», но считал, что это «очень маловероятно»[25]. Суммируя свою позицию 28 мая, Черчилль подчеркивал, что в настоящем кризисе нельзя получить приемлемых условий мира от Италии и Германии: «Синьор Муссолини, если бы он принял роль посредника, получил бы свое независимо от нас. Невозможно было представить, что герр Гитлер окажется настолько глуп, чтобы позволить нам продолжать перевооружение. На самом деле условия полностью отдали бы нас в его власть. Если мы продолжим борьбу и даже если потерпим поражение, мы получим условия не хуже тех, которые были бы предложены нам сейчас. Однако если мы продолжим войну и Германия предпримет вторжение, мы, несомненно, будем нести потери, но и она тоже кое-что потеряет. Сократятся их поставки нефти. Придет время, когда мы сочтем, что пора положить конец войне, но условия мира не будут тогда более смертельны для нас, чем нынешние»[26].

В любом случае премьер-министр, по-видимому, допускал возможность заключения мира, хотя и подчеркивал, что момент для этого совершенно неподходящий. Конечно, его язык был далек от выражений типа «победа любой ценой». Как можно объяснить эти замечания? Пытался ли Черчилль просто сохранить единство кабинета, убеждая податливых коллег в том, что он не твердолобый романтик? Этот аргумент, несомненно, правдоподобен, особенно если вспомнить, что политическое положение Черчилля тем летом было сравнительно слабым. Но прежде чем мы отбросим его утверждения как тактическую уловку, надо отметить, что подобную линию он проводил и при других обстоятельствах, когда можно было ожидать от него более запальчивых, оптимистических заявлений с целью укрепить общественное мнение в стране. 29 мая, касаясь пораженческих разговоров в Лондоне, он издал приказ министрам поддерживать «высокий моральный дух в своей среде, не преуменьшая опасности событий, но демонстрируя уверенность в нашей стабильности и непоколебимой решимости продолжать войну до тех пор, пока мы не разрушим планы врага поставить всю Европу под свое господство»[27]. Никакого упоминания о полной победе здесь нет.

[22] House of Commons, Debates, 5th Series, Vol. 360, Col. 1502; Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. VI. Lnd. 1983, pp. 358, 449.
[23] CAB 65/13, pp. 179—180, WM, 142 (40) CA, 27.V.1940. Галифакс напомнил премьер-министру о дискуссии в предшествующие дни, но Черчилль не опроверг этого пересказа своих замечаний.
[24] Chamberlain Papers, NC 2/24A.
[25] CAB 65/13, p. 180.
[26] CAB 65/13, p. 187, WM 145 (40) I, CA.
[27] House of Lords Record Office, Beaverbrook Papers, D 414/3.

Могут, однако, возразить, что все эти высказывания Черчилля, как и полемика в военном кабинете, восходят к периоду Дюнкерка и, таким образом, отражают атмосферу крайне острого, но скоротечного кризиса, царившую перед успешной эвакуацией. Такое объяснение, как и предыдущее, может быть принято, но уместно отметить, что Черчилль делал подобные заявления о заключении мира в самые безнадежные моменты. На зондирование Гитлером в конце сентября 1939 г. вопроса о мире Черчилль набросал примерный ответ. Хотя ответ и был отрицательным, но, как он писал Чемберлену, «не закрывающим дверь перед любым искренним предложением» с германской стороны[28]. 6 июня 1940 г. Черчилль сказал Галифаксу, что прежде чем согласиться на предоставление Ллойд Джорджу какого-либо поста в кабинете, он бы провел бывшего премьер-министра «сначала через инквизицию, чтобы узнать, что у него на уме». Черчилль сказал, что в качестве критерия он принял бы формулу Галифакса, что «любые предлагаемые сейчас и потом условия мира не должны подрывать нашу независимость»[29]. И в августе 1940 г. в выражениях, напоминающих прошлую осень, премьер-министр настойчиво повторял, что твердый ответ на гитлеровские инициативы — «единственный шанс вырвать у Германии такие условия, которые не будут фантастическими»[30].

Таким образом, вполне вероятно, что Черчилль не отбрасывал возможности заключения мира, если даже в мае 1940 г. считал момент для этого неподходящим. Как и для его коллег, речь для него могла идти не о полной победе, которая казалась нереальной даже при участии Франции в войне, а об устранении Гитлера и нацизма, возврате завоеванных Германией территорий и о надежно гарантированном прочном мире. В конце концов он больше чем все тори опасался долговременной «большевистской угрозы» и в августе 1941 г. говорил о своей цели видеть Германию «богатой, но бессильной»[31]. Вспомним также, что военные цели Англии формировались медленно и что курс на «безоговорочную капитуляцию», взятый в январе 1943 г., возник на совершенно другом этапе войны. После «блицкрига» Геринга, выглядевшего в глазах англичан уже очень непривлекательно, и в течение всего 1941 г. ожидания в отношении германской «сдержанности» постепенно испарились. В то же время Россия и США стали активными союзниками. Иными словами, к 1943 г. полная победа казалась и необходимой и возможной; не такой была ситуация в 1940 году.

В конечном счете эти аргументы умозрительны: они выведены из отрывочных и неясных свидетельств. Но почти несомненно то, что в противоположность усиленно создаваемой им самим легенде Черчилль временами впадал в те же сомнения, которые испытывали и другие английские лидеры летом 1940 года. В феврале 1946 г., вспоминая о черных днях войны, Черчилль удивил Галифакса, сказав, что «он в действительности никогда не верил во вторжение. Этими проблемами он занимался с 1913 года [как военно-морской министр] и представляет себе, как это трудно»[32]. Но 4 июня 1940 г. Черчилль набросал С. Болдуину несколько торопливых строк, тон которых совершенно другой: «Мы переживаем оч[ень] тяжкие времена, и я ожидаю худшего; но я совершенно уверен, что наступят лучшие дни. Хотя довольно сомнительно, что мы

[28] PRO, PREM 1/395, Churchill to Chamberlain, 9.X.1939.
[29] Hickleton Papers, A 7. 8. 4, Halifax Diary.
[30] PREM 4/100/3, p. 131.
[31] Dalton Diary, Vol. 25, p. 57.
[32] Черчилль добавил, что «хотя он в то время этого полностью не осознавал, но для него несомненно, что немцы допустили огромную ошибку, растратив попусту силы своего флота на всякие норвежские дела» (Hickleton Papers, A. 7. 8. 18, Halifax Diary, 10.II.1946; Churchill W. S. Op. cit. Vol. II, p. 144: «Я всегда был уверен, что мы одержим победу»).

до них доживем»[33]. А в июле 1946 г. американский писатель Р. Шервуд говорил о тех же днях с генералом Исмеем, военным секретарем премьер-министра в годы войны. Исмей вспоминал о своей беседе с Черчиллем 12 июня 1940 г., после их предпоследнего совещания с деморализованным французским командованием в Бриаре. Согласно Шервуду, когда Черчилль приехал в аэропорт для возвращения в Англию, он сказал Исмею, что, кажется, «мы боремся в одиночку». Исмей сказал, что он этому рад и что «мы выиграем битву за Англию». Черчилль взглянул на него и заметил: «Мы-то с вами умрем через три месяца»[34].

Из сказанного ясно, что вопрос о заключении мира обсуждался в Уайтхолле и Вестминстере летом 1940 года. Ясно также, что некоторые приверженцы этой идеи, а именно Галифакс и Ллойд Джордж, были политиками, которых Черчилль должен был принимать всерьез. Мы видели, что Черчилль, возможно, разделял некоторые их сомнения относительно шансов Англии и что во многих частных беседах он говорил о возможности заключения мира. Однако было, видимо, очень важно публично демонстрировать самые обнадеживающие и вдохновляющие чувства, чтобы поддерживать в стране моральный дух в ожидании вторжения. Отсюда и серии произносимых с пафосом речей Черчилля. Но одной риторики было недостаточно. Помимо эмоций, помимо «твердой» решимости, нужно было найти неотразимые доводы для продолжения борьбы. И такие доводы последующая историография упустила из виду.

Одно из наиболее убедительных письменных заявлений в пользу раннего мира было сделано в сентябре 1940 г. Ллойд Джорджем. В пространном и вдумчивом меморандуме он раскрыл всю серьезность стратегического положения Англии по сравнению с ситуацией первой мировой войны. Тогда понадобилось четыре года кровопролитных сражений, проводимых большей частью на два фронта в сотрудничестве с сильными союзниками, прежде чем Германия окончательно пала. На этот раз Англия оторвана от континента, Россия нейтральна, а Франция завоевана. Чтобы разбить Германию, указывал Ллойд Джордж, Англия должна прежде всего восстановить свои позиции на континенте — что само по себе является нелегкой задачей,— а затем вести продолжительную войну на истощение, как в 1914—1918 годах. Все это займет от пяти до десяти лет, а тем временем Британские острова будут опустошены, оставлены людьми и разорены, причем большая часть империи и ее торговля попадут в руки США, России и Японии. Ллойд Джордж не возлагал также особых надежд и на вмешательство Америки. «Она, несомненно, поможет нам всеми средствами, кроме военных,— писал он.— Я не могу себе представить, что она пошлет еще одну огромную армию в Европу». И даже если она решится на это, то из горького опыта 1917—1918 гг. Ллойд Джордж делал вывод, что армия США «не будет эффективным военным инструментом по крайней мере еще года два. Затем она может занять место французской армии в последней войне — хотя это и сомнительно»[35].

Ллойд Джордж прямо указал на два центральных, самых жизненных момента. Можно ли было победить Германию, избежав еще одной кровавой бойни на континенте? И каковы были перспективы скорой и достаточно широкой помощи со стороны Америки? Ответами на эти два вопроса в большой степени определялась оценка шансов Англии. На оба вопроса ответ Ллойд Джорджа был отрицательным — отсюда и его пессимизм. Черчилль выражал более оптимистическую точку зрения, которую он постепенно утверждал в качестве официальной политики.

---

[33] Cambridge University Library, Stanley Baldwin Papers, Vol. 174, p. 264.

[34] «Исмей сказал: «Очень возможно, что мы чертовски хорошо проведем свою последнюю неделю». Черчилль, как видно, почувствовал, что его слова были поняты, как надо» (Harvard University, Houghton Library, Sherwood Papers, fol. 1891).

[35] Lloyd George Papers, G/81, Lloyd George, memo, 12.IX.1940.

Чтобы дать этому оценку, следует более внимательно рассмотреть позицию Англии по отношению к Германии, а затем к США.

Английские стратеги в 1940—1941 гг. (а также и раньше и позже) упорно не учитывали того, что было сформулировано Ллойд Джорджем как первый аргумент,— что Германия не могла быть побеждена без ведения войны на истощение на континенте. С их точки зрения (и особенно Черчилля), широкомасштабные действия английских экспедиционных сил во время первой мировой войны были ужасной ошибкой, отступлением от традиционной политики Англии XVIII и XIX столетий. Нынешняя война должна вестись старым методом, иными словами, путем соединения английских экономических, финансовых ресурсов и морских вооружений с живой силой союзников на континенте. (Или, как говорили во Франции, Англия будет воевать до последнего француза.) Таким образом, военные планы в 1939 г. предусматривали, что французская армия и упомянутые английские экспедиционные силы будут противостоять первому натиску Германии. А затем экономика и моральный дух последней будут подтачиваться блокадой и бомбардировками промышленных центров, а также интенсивной пропагандой, пока не пробьет час окончательного наступления[36].

Эта стратегия была в целом хороша для периода англо-французского союза. Но английские политики цеплялись за нее и после потери французской армии. Как считали начальники штабов в сентябре 1940 г., «наша стратегия должна основываться на том, чтобы сломить сопротивление Германии путем всевозрастающего экономического давления»[37]. К триаде «блокада, бомбардировки, пропаганда» добавлялось новое оружие — партизанское движение. Англия должна была участвовать в партизанском движении на территории оккупированной Европы, терроризируя там нацистское командование и подготавливая возможные восстания. (Именно в июле 1940 г. Черчилль создал Командование особыми операциями, целью которого было «повергнуть Европу в пламя».) Армия будет жизненно необходима для защиты Британских островов и империи, но ее оборонительная роль все еще рассматривалась как ограниченная. Как указывал Черчилль, «это не наша политика — пытаться поднять и ввести на континент армию, по размерам сравнимую с германской. Несмотря на это, мы будем стремиться... чтобы могли быть использованы с хорошими шансами на успех силы меньшей численности, восстановить на континенте ударные силы, с которыми мы могли бы войти в Германию и диктовать ей свои условия»[38].

Как могла эта стратегия ограничений ответственности заслуживать доверия после июня 1940 года? Частично ответ содержится в возрастающей вере в стратегические бомбардировки. В сентябрьском меморандуме начальники штабов все еще возлагали свои основные надежды на блокаду, но уже выделялись особые задачи военно-воздушного флота и ему постепенно придавалось официально все большее значение во многом благодаря поддержке Черчилля. Теперь, когда Германия контролировала Скандинавию и бо́льшую часть Европы, в июле 1940 г. премьер-министр отметил, что блокада не оправдала надежд как эффективное оружие. По его мнению, единственное средство, с помощью которого может быть повержен Гитлер,— это опустошающие, разрушительные бомбардировки Германии[39].

Свою мысль Черчилль выразил еще более полно в меморандуме кабинету от 3 сентября: «Морской флот может проиграть войну, и только

---

[36] См. CAB 16/183A, DP (P) 44, §§ 27—37, 267—268, Chiefs of Staff Sub-Committee, «European Appreciation», 20.II.1939.

[37] CAB 80/17, COS (40) 683, § 211, Paper on «Future Strategy», 4.IX.1940.

[38] Ibid., § 214.

[39] Beaverbrook Papers, D. 414/36, Churchill to Beaverbrook, 8.VII.1940.

авиация может ее выиграть. Поэтому наши основные усилия должны быть направлены на достижение подавляющего господства в воздухе. Истребители — это наше спасение (в защите Британских островов.— *Д. Р.*), но только бомбардировщики позволят одержать победу. Таким образом, мы должны наращивать мощь для нанесения Германии ударов всевозрастающей силы так, чтобы уничтожить промышленную и научную структуру, от которой зависят военные возможности и хозяйственная жизнь противника, хотя мы и будем держать его на расстоянии вытянутой руки от нашего острова. Ни на один другой способ в обозримом будущем мы не можем возлагать надежды, чтобы превзойти громадную военную мощь Германии»[40].

Черчилль продолжал делать упор на эту стратегию и в последующие месяцы. «Я считаю быстрое наращивание бомбардировочной авиации одной из крупнейших военных задач, стоящих сейчас перед нами»,— писал он в декабре 1940 года. А затем в июле 1941 г. он указывал, что к концу 1942 г. Англия должна добиться превосходства не менее чем вдвое над силами люфтваффе. Это было «самое меньшее, на что нужно рассчитывать, раз уж до сих пор не предложено никакого другого способа победить»[41]. Точка зрения руководства военно-воздушных сил, что сухопутные войска могут едва ли больше, чем «нанести завершающий удар»[42], была, естественно, непопулярна в военном министерстве, где в течение 1941 г. росла оппозиция этой стратегии военной победы[43]. Но официально на высшем уровне все три службы теперь склонялись к точке зрения Черчилля.

Обзор начальниками штабов «генеральной стратегии» от 31 июля 1941 г. оставлял армии лишь роль оккупационных сил на финальной стадии поражения Германии, если только не будет решено ускорить победу броском на континент на более раннем этапе. Однако даже тогда это были бы дивизии с современным вооружением, способные к высокой мобильности, а не пехотные линии образца первой мировой войны. И в противоположность этому о массированных бомбардировках начальники штабов говорили как о «новом оружии», на которое Англия должна в основном полагаться, чтобы разрушить экономику и подорвать моральный дух Германии. Производству этого «оружия» должен был отдаваться приоритет, и в его наращивании не должно было быть ограничений[44].

---

[40] CAB 66/11, WP (40) 352, «The Munitions Situation», 3.IX.1940. Из уважения к начальникам штабов Черчилль высказался при этом менее пессимистично о блокаде и говорил только, что ее «ослабили» победы немцев.

[41] PRO, Ministry of Aircraft Production Papers, AVIA 9/5, M 485, M 740/1, 30.XII.1940, 12.VII.1941.

[42] Так выразился сэр С. Ньюэлл, командующий штабом авиации, 31 августа 1940 г. (SA(J), CAB 122/59, pp. 5—6).

[43] См. Chief of Staff: The Diaries of Lieutenant-General Sir Henry Pownall, Vol. 1—2, Lnd., 1972—1974; Vol. II, pp. 38—39, 20.VIII.1941.

[44] CAB 99/18, COS (R) 14, §§ 28—29, 36—38. Эта преувеличенная вера в стратегические бомбардировщики ограничивалась 1940—1941 гг. (но не для командования ВВС). Впоследствии эта вера рассеялась в основном в связи с тем, что вступление в войну союзников коренным образом изменило в 1941 г. стратегическую ситуацию. Как отмечал Черчилль в июле 1942 г., «в те дни, когда мы боролись в одиночку, на вопрос, как мы победим Германию, мы отвечали: мы разобьем Гитлера бомбардировками. С тех пор немецкой армии был нанесен огромный урон русскими, а также войсками и снаряжением США, и это открыло новые возможности. Мы предвидим массовое вступление в Европу освободительных армий и всеобщее восстание народов против гитлеровской тирании» (A Review of the War Position, 21 July 1942, CAB 66/26, WP (42) 311). Далее Черчилль, однако, отметил, что бомбардировки могут подготовить почву для финального натиска, и именно эту «дополняющую» роль они призваны играть в стратегии союзников (см. W e b s t e r C., F r a n k l a n d N. The Strategic Air Offensive against Germany, 1939—1945. Vol. 1—4. Lnd. 1961. Vol. 1, pp. 184, 319, 342—343; O v e r y R. J. The Air War, 1939—1945. Lnd. 1980, ch. 5).

Но даже этой чрезмерной надежды на стратегические бомбардировщики в 1940—1941 гг. недостаточно для объяснения оптимизма Англии в отношении победы над Германией ценой ограниченных усилий. Основной причиной была серьезная и длительная недооценка мощи германской военной экономики[45]. 18 мая 1940 г. «Чипс» (Г. Ченнон), помощник министра иностранных дел, записал: «Сейчас все считают, что война закончится в сентябре — Германия или выиграет, или будет измотана этим потрясающим натиском»[46]. Подобный образ мыслей с очевидностью проявился в дебатах военного кабинета 26 мая: Эттли сказал, что Гитлер «должен победить к концу года», а Чемберлен — что «должен победить к началу зимы». Даже Галифакс разделял эту уверенность во «внутренней слабости Германии: он использовал ее, чтобы обосновать свое утверждение, что Гитлер, возможно, не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы настаивать на «оскорбительных условиях»[47]. Эти замечания были основаны на предположениях, что прекращение поставок в Германию продовольствия и сырья, особенно нефти, скоро даст о себе знать. 25 мая начальники штабов вынесли свое заключение по вопросу, может ли Англия надеяться на победу в одиночку. (Знаменательно, что дословно вопрос был поставлен так: «Сможем ли мы до конца оказывать на Германию достаточное экономическое давление, которое бы обеспечило ее поражение?».) Они отметили, что если блокада будет поддерживаться, то к зиме 1940/41 г. сокращение поставок нефти и продовольствия ослабит господство Германии в Европе, и к середине 1941 г. «Германия будет испытывать трудности в воспроизводстве военного снаряжения. Бо́льшая часть европейских заводов будет остановлена, поставив перед германской администрацией огромную проблему безработицы»[48]. В более взвешенном документе от 4 сентября начальники штабов предсказывали, что, «если только Германия не сумеет существенно улучшить свое положение», в 1941 г. дефицит жизненно важных продуктов — нефти, продовольствия и текстиля — «может оказаться катастрофическим». Далее они вынесли примечательное заключение, что хотя 1941 год будет изнурительным для Англии, ее целью «будет переход к генеральному наступлению во всех сферах и на всех театрах с наибольшей возможной силой весной 1942 года»[49].

Черчилль, по-видимому, разделял предположение, что германская экономика перенапряжена; еще в феврале 1939 г. он заявил: «Гитлер сейчас достиг пика своей военной мощи. С этого момента она будет ослабевать по отношению к Англии и Франции»[50]. В мае 1940 г. он настаивал, что, «если только мы сумеем продержаться еще три месяца, положение будет совершенно другим»[51]. И эта вера в то, что в своей основе Германия слаба, также проливает свет на часто забываемую сторону «звездной» речи премьер-министра в палате общин 18 июня 1940 года. В ней он ободрял своих соотечественников, потрясенных падением Франции, напоминая им, что «на протяжении первых четырех лет прошлой войны союзников преследовали сплошные неудачи и разочарования. В ту войну мы не раз задавали себе вопрос: «Как мы придем к победе?», и никто не мог дать на него точного ответа, пока в конце совершенно неожиданно и внезапно наш страшный враг не капитулировал перед

---

[45] См. H i n s l e y F. H. Op. cit. Vol. 1, pp. 63—73, 232—248, 500—504.

[46] «Chips». The Diaries of Sir Henry Channon. Lnd. 1967, p. 253.

[47] CAB 65/13, pp. 148—149. Ср. запись в секретном дневнике Галифакса от 16 марта 1941 г. A. 7. 8. 19: «Я помню, как в мае и июне прошлого года все говорили: если мы сумеем продержаться до осени, все будет в порядке».

[48] CAB 66/7, WP (40) 168, § 18.

[49] CAB 80/17, COS (40), 683, §§ 50, 47, 218.

[50] Franklin D. Roosevelt Library, New York, President's Secretary's File (PSF) 73, Agriculture Department. Wasserman W. S. Interview with Mr. Winston Churchill, 10.II.1939, p. 3.

[51] CAB 65/13, p. 147, WM 140 (40) CA.

нами, а мы так упивались победой, что в своем безумии отбросили прочь ее плоды»[52].

Как мы теперь знаем, представление о «перенапряженной» нацистской экономике, уязвимой для экономического давления и стратегических бомбардировок, было иллюзорным. Военное производство Германии достигло своего пика только в июле 1944 г., бомбардировки всего лишь ограничили общий объем продукции к концу года; и моральный дух, и производительность труда пусть немного, но повысились, когда войска союзников вошли в Германию[53]. Почему же английские политики так ошибались? Как считает Хинсли, ошибка была допущена в основном не из-за плохой информированности, а из-за ложных предположений. И таких предположений было несколько. Прежде всего существовало убеждение, что главной целью Гитлера было порабощение Англии, а не экспансия на Восток. Политики Уайтхолла склонились к этой точке зрения к концу 1938 г., и с января 1939 г. были все признаки того, что Германия может совершить молниеносный опустошительный воздушный налет на Лондон, возможно, минуя Францию[54].

4 мая 1940 г., менее чем за неделю до начала наступления на Западном фронте, начальники штабов высказывали мнение, что нападение на Англию более правдоподобно, чем на Францию[55], что подтвердилось, как они считали, во время Дюнкерка. Черчилль, вероятно, разделял убеждение, что настоящей целью Гитлера была Англия. 26 мая он заметил, что Франции «повезло, что Германия предложила ей приличные условия мира, каких нам не предложит... Нет пределов, до которых дошла бы Германия, навязывая нам свои условия, если дело дойдет до этого»[56]. Однако из всей историографии, посвященной военным целям Гитлера, ясно видно, что по крайней мере на ранних стадиях своей экспансионистской программы он добивался и ожидал молчаливого согласия Англии на то время, пока он укреплял свои позиции в завоеванных странах Европы. К этой мысли приводит осуществлявшееся перевооружение всех родов войск нацистской армии, за исключением флота, и когда в 1938—1939 гг. выяснилось, что надежды на такое согласие не оправдали ожиданий, германские вооруженные силы оказались плохо подготовленными к общеевропейской войне, разразившейся в сентябре 1939 года. Даже в течение лета 1940 г. Гитлер все еще питал надежды на соглашение с Англией[57].

Итак, в 1939 г. Англия ошибочно полагала, что Гитлер намерен воевать с нею. Англичане считали, что он только тогда начнет эту войну, когда его экономика будет полностью к ней готова. Под этим они подразумевали экономику, переведенную с мирных на военные рельсы, с соответствующим переоборудованием, контролем и организацией. В отношении Германии такое суждение казалось особенно разумным, ведь это было тоталитарное государство, по-видимому, подчиненное строжайшему режиму. Начальники штабов комментировали это положение в сентябре 1940 г.: «Экономическая система Великой Германии достигла выдающихся успехов, поскольку она основана на контролируемой сверху дисциплине, охватывающей все виды деятельности вплоть до сделок частных лиц»[58], хотя англичане знали, что в абсолютных цифрах уровень производства и запасов в Германии не был впечатляющим. Из этого они делали вывод, что гитлеровская экономика достигла пика в своем развитии, что этого уровня недостаточно для ведения длительной войны и что система так перенапряжена, что скоро взорвется под продолжающимся давлением Англии. Как отмечал в сентябре министр военной экономики, «нацистская экономика гораздо более хрупка, чем экономика Германии в 1914—1918 гг., которая не была столь высоко интегрированной. Нет ничего невозможного в том, что острый дефицит нефти или остановка транспортной системы могут стать причиной развала тесно взаимоувязанной нацистской системы с огромными последствиями для всей Германии и завоеванной ею Европы»[59].

Здесь налицо два коренных заблуждения. Первое состоит в том, что англичане мыслили категориями либо военной, либо мирной экономики: они не поняли промежуточной концепции блицкрига. А. Милуорд отмечал, что это был точно рассчитанный Гитлером ответ на требования, диктуемые экономическим и геополитическим положением Германии: короткие, стремительные войны против отдельного врага, для которых нет необходимости настраивать всю экономику на военное производство. Это делало возможным избежать второй войны на два фронта для Германии и иметь как пушки, так и масло. Недавно такие историки, как Р. Овари, В. Мюррей и В. Дайст, высказали предположение, что блицкриг был не глубоко продуманной стратегией, а спонтанным ответом на крупномасштабную войну, начавшуюся на несколько лет раньше, чем рассчитывали германские лидеры. Так или иначе, но для германской военной экономики 1940 года было характерно скорее перевооружение по горизонтали, чем по вертикали. Армии и вооруженным силам не хватало резервов, запчастей и особенно снабжения для продолжительной военной кампании, но они обладали исключительной силой краткосрочного удара, которую широко продемонстрировали в Польше и во Франции. Англичане это оценили (отсюда их соображения, что важно выдержать первые несколько месяцев после удара Германии), но они считали, что тогда был пик возможностей Гитлера.

Вторым заблуждением было то, что они не поняли природы некоординированной, малоэффективной нацистской военной экономики 1939—1940 годов. В то время Германии, далеко не являвшейся строго упорядоченной тоталитарной системой, не хватало крепкого экономического управления из центра. Промышленность Германии сильно отставала в переходе на выпуск военной продукции, а отсталая промышленная структура требовала введения автоматизации, других методов массового производства. Порядок был наведен только к 1942 г., при Шпеере, и это помогает понять, почему Германия не достигла пика в своем производстве раньше 1944 года. Другими словами, нацистская экономика, бывшая в 1940 г. далеко не «перенапряженной», сохраняла еще большие резервы для развития.

Как показано в труде Хинсли, «гвоздь» хорошей разведки зачастую не в специфической информации (собираемой шпионами, осведомителями и т. п., обыкновенно связываемой в воображении обывателей с разведдеятельностью), а в отыскании парадигм или создании схем предположений, в ячейки которых помещаются зерна информации. Английские оценки уровня производства и запасов Германии были неверными, но они не были и грубо ошибочными. Важнее всего были стоящие за ни-

[52] House of Commons, Debates, 5th Series, Vol. 362, Col. 59—60.
[53] Klein B. H. Germany's Economic Preparations for War. Cambridge (Mass.), 1959, pp. 225—235; см. также: Overy R. L. Op. cit., pp. 122—125.
[54] Ср. Hinsley F. H. Op. cit., p. 80.
[55] CAB 66/7, WP (40) 145.
[56] CAB 65/13, p. 148.
[57] См.: Hildebrand K. The Foreign Policy of the Third Reich. Berkeley, 1973; Hillgruber A. England's Place in Hitler's Plans for World Dominion.— Journal of Contemporary History, 1974, № 9; Deist W. The Wehrmacht and German Rearmament. Lnd. 1981.
[58] CAB 80/17, COS (40) 683, 4.IX.1940, § 44. Выдвигались подобные предложения и в более раннее время (Wark W. K. British Intelligence on the German Air Force and Aircraft Industry, 1933—1939.— The Historical Journal, 1982, № 25, pp. 644, 646—647).
[59] Ministry of Economic Warfare, note, app. to CAB 79/6 COS 295 (40) 2, 5.IX.1940. С конца 1940 г., однако, английские эксперты в области нефти постепенно стали давать менее радужные для англичан оценки положения в Германии.

ми уверенность в целях Гитлера, представление о природе военной экономики и режиме тоталитарного государства. Английские политики в 1942 г. считали, что эффективность германской военной машины приближается к максимуму и что традиционные методы экономического давления в сочетании с «новым оружием» — тяжелыми бомбардировщиками — приведут к удовлетворительному исходу борьбы, позволив избежать еще одной крупной войны на континенте. Эти иллюзии медленно рассеивались. Они помогают прежде всего понять, почему Англия противилась американской стратегии второго фронта в 1942—1943 годах[60]. И они частично объясняют решимость Англии продолжать борьбу в одиночку в 1940 году.

Другой вопрос — это, конечно, ожидание Англией помощи со стороны США. Оценивая шансы Англии победить в одиночку, начальники штабов отчетливо высказали свое твердое убеждение в том, что США «пожелают предоставить нам полную экономическую и финансовую поддержку, без которой, как мы думаем, мы не сможем продолжать войну с каким-либо шансом на успех»[61]. Они делали особый упор на широкое сотрудничество с Западным полушарием в усилении блокады Германии, на немедленные поставки США самолетов и кораблей и на помощь американского флота на Тихом океане против Японии. Но они все еще не думали о новых американских экспедиционных силах — и не только потому, что считали это утопией на той стадии перевооружения США. Военное планирование отмечало в конце июля, что, хотя американский технический персонал был бы очень ценен, «для нас нежелательна присылка войск», поскольку тогда Англия сама должна будет предоставить адекватные людские резервы[62]. Здесь снова проявляется распространенная уверенность в том, что Германия может быть побеждена прежде всего путем экономического давления.

Больше всего английские лидеры в середине 1940 г. надеялись на скорое объявление Америкой войны. У них были для этого две причины. В перспективе, как они считали, только это может расшевелить американцев и позволит им начать всеобщую экономическую мобилизацию. Но немедленное решение вопросов, с их точки зрения, оказало бы благотворное воздействие на моральный климат в Англии и других странах. Черчилль прямо отмечал, обращаясь к Рузвельту 15 июня: «Когда я говорю о вступлении Соединенных Штатов в войну, я, конечно, не думаю о посылке экспедиционных сил, о которой, как я знаю, вопрос не стоит. То, что я имею в виду,— это громадный моральный эффект, который произвело бы подобное решение Америки не только во Франции, но также во всех демократических странах мира, и в обратном смысле — среди народов Германии и Италии»[63].

И вновь озабоченность Черчилля психологическим эффектом вступления Америки в войну может быть до конца понята, если только мы вспомним о его уверенности в том, что это не будет война больших армий. Если целью Англии было приблизить общий крах Германии путем подрыва ее воли к победе, то соотношение морального духа воюющих сторон становилось решающим фактором. К этой теме Черчилль часто возвращался. В беседе с редакторами газет 22 августа 1941 г., пишет

[60] После обсуждения с Черчиллем стратегии наступления в континентальной Европе 22 мая 1943 г. Г. Уоллес, вице-президент США, отмечал: «Черчилль и Черуэлл (Ф. А. Линдеманн, советник премьер-министра по науке) до сих пор думают, что все можно решить в воздухе и на море, без помощи сухопутных сил» (The Price of Vision. The Diary of Henry A. Wallace, 1942—1946. Boston. 1973, p. 210).

[61] CAB 66/7, WP (40) 168, § 1. Chiefs of Staff, «British Strategy in a Certain Eventuality», 25.V.1940.

[62] CAB 80/13, COS (40) 496, § 29, Chiefs of Staff, Joint Planning Sub-Committee, draft Aide-Mémoire, 27.VI.1940.

[63] PREM 3/468, pp. 126—127.

Кинг, «он был сильно озабочен тем, чтобы Америка объявила войну Германии, и рассчитывал на психологический эффект этого акта. Он заявил, что предпочел бы, чтобы Америка вступила в войну и 6 месяцев не оказывала помощь, чем чтобы она удвоила эту помощь, но сохранила бы свой теперешний нейтралитет. Он пришел к выводу, что это — психологическая война и что многое зависит от того, смогут ли немцы заставить европейцев принять их новый порядок, прежде чем мы сможем их убедить в своей способности освободить их. В этой борьбе за выигрыш времени участие американцев в войне было бы большим психологическим аргументом в нашу пользу»[64].

На протяжении 1940 и большей части 1941 г. проблема для Черчилля заключалась в том, что американцы не выказывали явной готовности объявить войну. Наоборот, их немедленной реакцией на падение Франции была паническая забота о своей собственной обороне, даже в ущерб той ограниченной материальной помощи, которую они оказывали Англии. Но в течение лета 1940 г. Черчилль настойчиво повторял, что вопрос о вступлении США в войну будет решен самое большее через несколько месяцев, и выражал свою уверенность с такой решительностью и пылом, что она сделалась аксиомой английской политики.

Как и в случае с его верой в падение Германии, свои предсказания относительно США Черчилль ставил в зависимость от предполагаемого эффекта бомбардировок: налеты германской авиации на английские города разбудят американское общественное мнение и приведут к объявлению войны. Он долго был уверен в этом и выражал эту уверенность во многих частных беседах в течение 1939 года[65]. И повторял это в середине 1940 г., даже когда речь шла о поражении или капитуляции. Конкретные аргументы варьировались. Иногда он подчеркивал самый эффект бомбардировок. В своих мемуарах де Голль вспоминал: «Я помню, как в Чекерсе, однажды в августе, он воздел кулаки к небу и воскликнул: «Итак, они не придут!» Я спросил его: «Вы в таком ужасе при виде ваших разрушенных городов?» «Видите ли,— ответил он,— бомбардировки Оксфорда, Ковентри, Кентербери вызовут такую волну возмущения в Соединенных Штатах, что они вступят в войну!»[66]. В других случаях Черчилль делал акцент на возможности вторжения, говоря обеспокоенному министру по делам колоний 16 июня, что «зрелище бойни и кровавой бани на нашем острове вовлечет Соединенные Штаты в войну»[67].

Но после того как в июне ему не удалось убедить Рузвельта вступить в войну, Черчилль все больше признавал, что у президента связаны руки до выборов 5 ноября, и именно на эту дату он возлагал свои надежды. 20 июня, сразу после того, как французы запросили перемирия, он выступил на строго секретном заседании палаты общин. Сохранились только его заметки, но они ясно показывают смысл его выступления: «Отношение Соединенных Штатов. Ничто их не расшевелит так, как военные действия в Англии. Нельзя показывать им, что мы в нокауте. Героическая борьба Англии — лучший шанс их вовлечь... Все зависит от

[64] King C. H. Op. cit., p. 139.

[65] В феврале 1939 г. Черчилль сказал одному американскому гостю, что, если разразится война с Германией и Италией, основным театром ее будет Средиземноморье, а линия Мажино оградит Францию. «В то же время может быть много неприятностей с воздуха. Возможны бомбардировки Лондона. Зрелище 50 тысяч убитых английских женщин и детей действительно может вовлечь Соединенные Штаты в конфликт — особенно с учетом нынешнего отношения г-на Рузвельта» (Wasserman W. S. Interview, p. 5, note 54). В сентябре он сказал английскому послу в Вашингтоне, что Гитлер может воздержаться от решающей воздушной атаки на английские фабрики. «Если, однако, он сделает это и добьется успеха, Соединенные Штаты вступят в войну». Есть и другие подобные его высказывания (Bombs don't Scare Us Now.— Colliers, 17.VI.1939; News of the World, 18.VI.1939).

[66] Charles de Gaule. War Memoirs. Vol. 1. Lnd. 1955, p. 108.

[67] PREM 4/438/1, p. 278, Churchill to Dominions PMs, 16.VI.1940.

нашей решимости держаться до результата выборов. Если мы это сумеем, я не сомневаюсь, что весь англоязычный мир станет единым фронтом»[68]. В начале осени Черчилль усердно проводил эту мысль. В письме Бевину от 15 октября он критически замечает относительно США: «Я все еще надеюсь, что здесь произойдут большие события»[69]. А 1 ноября Черчилль заявил, что «он уверен в победе на выборах Рузвельта гораздо более значительным большинством голосов, чем предполагается, и он верит, что Америка вступит в войну»[70]. В это же время даже осторожные специалисты из американского отдела Форин оффис склонялись к этой точке зрения. Действительно, адмиралу Р. Шортли, «чрезвычайному морскому представителю» США в Лондоне, казалось, что «все в Великобритании ожидают, что США вступят в войну через несколько дней после переизбрания президента»[71].

Эти ожидания желаемого воздействия немецких бомбардировок на общественное мнение в США помогли Англии выстоять летом 1940 года. И можно найти свидетельство этому в комментариях такого выдающегося американского журналиста, как У. Липпман[72], и даже в частном замечании самого президента, которое было передано королем Георгом VI английским лидерам, среди которых, вероятно, был и Черчилль, летом 1939 года[73]. Однако, как и уверенность в скором крахе Германии, эти ожидания оказались совершенно неоправданными. Переизбрание Рузвельта не стало провозвестником вступления США в войну. Они сделали это только в декабре 1941 г., и то в ответ на действия Германии и Японии.

Чем же объяснить сверхдоверие Англии? Частично ответ лежит в их чересчур завышенных ожиданиях эффекта бомбардировок. Блицкриг не оказался таким разрушительным, как опасались англичане[74]. Человеческих жертв было неожиданно мало по сравнению с большим ущербом, причиненным недвижимости и основным службам, и хотя немецкие налеты способствовали усилению проанглийских настроений в США, они не стали таким катализатором, как предсказывал Черчилль. Другой причиной было то, что он постоянно преувеличивал степень единства того, что называл «англоязычным миром». Несмотря на свое полуамериканское происхождение и частые визиты в США, Черчилль имел слабое представление об этническом разнообразии этой страны и об англофобии, которую вывезли из Старого Света многие из ее европейских иммигрантов. Для него США были продолжением английской семьи народов, связанной родственными, культурными узами, и прежде всего языком,— поэтому, как он заявил французским лидерам 31 мая 1940 г., вторжение в Англию, если оно случится, будет иметь глубокий эффект, «особенно во множестве тех городов Нового Света, которые носят одинаковые названия с городами на Британских островах»[75].

[68] Churchill W. S. Secret Session Speeches. Lnd. 1946, p. 15.

[68] Churchill College, Cambridge, Ernest Bevin Papers, 3/1, p. 58.

[70] Colville J. Footprints in Time. Lnd. 1976, pp. 144—145.

[71] Naval Historical Division Archives, Washington Navy Yard, Washington, D. C., US Navy Strategic Plans Division, box 117.

[72] Lippmann W. Today and Tomorrow Column.— Washington Post, 23.III.1939. Это было принято всерьез в Форин оффис (FO 371/22829, A 2439/1292/45).

[73] После беседы с Рузвельтом 10—11 июня 1939 г. король записал в своем блокноте: «Если Лондон будут бомбить, США вмешаются». Возвратившись в Лондон, король, по словам его биографа, «сообщил о содержании своих бесед с президентом лидерам страны» (Wheeler-Bennett J. W. King George VI: His Life and Reign. Lnd. 1958, pp. 391—392). Черчиллю король, несомненно, рассказал о военно-морских аспектах своей беседы с Рузвельтом (Churchill to Pound, 7.IX.1939, Admiralty Papers, ADM 116/3922, p. 255, PD 07892/39) и, возможно, передал ему суть остальных замечаний президента. Если так, то это, вероятно, сильно укрепило убежденность Черчилля в эффекте бомбардировок.

[74] Особенно явно эти опасения выражены в письме А. Тойнби американскому правоведу-международнику вскоре после Мюнхена: «Вероятно, невозможно вообразить, что чувствуют люди, ожидающие неизбежных интенсивных бомбардировок в такой маленькой и густонаселенной стране, как наша. Я не мог бы этого себе представить, если бы сам не испытал в Лондоне на позапрошлой неделе (мы ожидали, что каждую ночь в Лондоне будут погибать 30 тыс. человек, а в среду утром мы считали, и, я думаю, правильно, что до часа «икс» нам осталось три часа). Это было похоже на конец света. Еще несколько минут — и часы бы остановились, и жизнь в ее привычном виде прекратилась бы. Эта перспектива ужасной гибели всего, что входит для нас в понятия «Англия» и «Европа», еще тяжелее, чем перспектива личной гибели человека и его семьи. И такие же чувства испытали 7—8 миллионов жителей Лондона» (Arnold Toynbee to Quincy Wright, 14.X.1938, in Roger S. Greene Papers, fol. 747, Houghton Library, Harvard University).

Черчилль также недооценивал политические факторы, все еще влиявшие на Рузвельта после 5 ноября. Как и большинство английских политиков, он с трудом осознавал, насколько далеко американские политические партии отстали от своих вестминстерских собратьев по уровню сплоченности и дисциплины. Даже получив огромное большинство на выборах 1940 г., президент все же должен был потрудиться, чтобы создать консенсус среди конгрессменов и публики в отношении любой внешнеполитической инициативы, как показали дебаты 1941 г. о ленд-лизе, конвоях и возобновлении призыва в армию. И, видимо, Черчилль слишком оптимистично оценивал готовность самого президента вступить в войну. В представлении английских лидеров Рузвельт всегда находился в состоянии высокой боевой готовности; по мнению публики, он мог бы вступить в конфликт завтра. А ведь Рузвельт был непревзойденным мастером сказать слушателям именно то, что они хотят услышать[76]. Истинные намерения этого глубоко скрытного человека было трудно угадать, но можно предположить, что он всегда надеялся избежать формального, тотального вовлечения США в войну, если удастся сохранить независимость страны силами союзников. Возможно также, что такую надежду укрепило гитлеровское наступление на Востоке и успешное сопротивление русских летом 1941 года.

Все это может подтвердить представление о Черчилле как о героической, но несложной, даже наивной личности, человеке, надеявшемся на американскую дружбу, которая была воодушевляющей, но несвоевременной; человеке, который 20 августа 1940 г. сравнил англо-американское сотрудничество с великой Миссисипи, катящей «полные воды, неостановимой, неудержимой, благодатной, стремящейся к новым берегам и лучшим дням»[77]. Однако чтобы правильно оценить подобные высказывания и вынести взвешенное суждение о публично демонстрируемом Черчиллем доверии к США, надо иметь в виду два других обстоятельства: выражаемое им в частных беседах тем летом глубокое разочарование отсутствием действительной американской помощи, а также очень твердую линию, проводимую им в отношении США в заокеанской дипломатии.

Черчилль полностью разделял общее чувство Уайтхолла по поводу изоляционистской паники в Вашингтоне, и 27 мая 1940 г. с горечью заметил, что США «практически не оказали нам помощи в войне, и теперь, когда они увидели, как велика опасность, их отношение таково, что они хотят сохранить все, что могло бы нас поддержать, для нужд своей соб-

[75] CAB 99/3, Supreme War Council (39/40). 13th mtg., p. 12. Ср. доклад посла США в Лондоне: «Черчилль заявил мне совершенно определенно: он ожидает, что в США после выборов все нормализуется; когда американский народ увидит разрушенные бомбардировками английские города, именами которых названы многие города в Америке, он захочет присоединиться к нам и вступить в войну» (National Archives, Washington, D. C., State Department, decimale file, 740. 0011 EW 1939/3487 6/10).

[76] Очень похоже, например, что так он вел себя с королем в июне 1939 года. Лица из Форин оффис, лучше знавшие Рузвельта, относились к его стилю с необходимой долей скепсиса.

[77] House of Commons, Debates, 5th Series, Vol. 364, Col. 1171; Barnett C. The Collapse of British Power. Lnd. 1972, pp. 588—589.

ственной обороны»[78]. Или, как он сформулировал это спустя месяц в телеграмме своему давнему американскому другу Б. Баруху, «уверен, с нами будет все в порядке, но ваш народ не сделал многого»[79]. В этих обстоятельствах Черчилль считал, что США нужно подтолкнуть, и поэтому в течение лета он настаивал, вопреки совету Форин оффис, чтобы любая уступка со стороны Англии Соединенным Штатам делалась бы только в том случае, если в ответ Рузвельтом будет предложена соразмерная выгода. Например, он был непреклонен, считая, что США нельзя давать право строить столь необходимые им военные базы на Британских островах, в Карибском море и Атлантике, за исключением условия, по которому Англия получит истребители и другое снаряжение. Точно так же он решительно отмел предложения, чтобы британское правительство выдало американцам свои военные секреты, вроде гидролокационных и радарных установок, и затем посмотрело бы, что они предложат в обмен. «В целом,— писал он 17 июля,— меня не приводит в ужас выдача наших секретов, если это приблизит США к войне»[80].

Черчилль прибег даже к дипломатическому шантажу в своих усилиях сдвинуть США с их позиции. В Вашингтоне тем летом были широко распространены опасения, что английский и французский флоты будут разбиты или капитулируют. Эти опасения разделял и Рузвельт, который получил искаженные, полные тревоги сообщения о дискуссиях, проходивших в английском кабинете в конце мая. В это время США имели флот только в одном океане, обычно он базировался в Пёрл-Харборе, за две тысячи миль от их Западного побережья, чтобы сдерживать Японию; и если бы Гитлер получил контроль над Атлантикой, Восточное побережье США могло оказаться крайне уязвимым. Черчилль настойчиво играл на этих опасениях во время падения Франции. 20 мая он заявил Рузвельту, что, хотя его правительство никогда не капитулирует, оно может не пережить успешного вторжения немцев и, «если другие придут к переговорам в окружении руин, вы не должны закрывать глаза на тот факт, что единственным предметом для торговли с Германией останется флот, и если Соединенные Штаты оставят эту страну (Англию.— *Д. Р.*) на произвол судьбы, никто не посмеет обвинить тех, кто будет добиваться наилучших возможных условий для выжившего населения»[81]. Таков был и смысл нескольких других телеграмм, направленных им президенту в мае и июне.

Настроение Черчилля в основном не изменилось ни после заключения соглашения об истребителях в сентябре 1940 г., ни после переизбрания Рузвельта два месяца спустя. Напротив, премьер-министр 2 декабря признался, что он «скорее разочарован» позицией США в предыдущие месяцы[82], а 20-го он сетовал: «Мы не получили от Соединенных Штатов ничего, за что бы мы не заплатили, а то, что мы получили, не сыграло большой роли в нашем сопротивлении»[83]. Решительный поворот наступил, по-видимому, в январе 1941 года. То, что Рузвельт представил конгрессу билль о ленд-лизе, а затем визит в Лондон его ближайшего друга Г. Гопкинса,— все это убедило Черчилля, что президент в самом деле «лучший друг» Англии и что он не имел в виду ничего другого, когда говорил об ограниченности своих возможностей. Но в середине 1940 г., как мы видели, Черчилль был гораздо менее оптимистичен.

Все вышесказанное подводит нас к первому из двух выводов — что Черчилль из легенды (и из военных мемуаров) — это не всегда тот

[78] Cabinet Minutes, WM 141 (40) 9, CAB 65/7.
[79] Prinston University, Seeley G. Mudd Library, Selected Correspondence, Vol. 47, Bernard M. Baruch Papers.
[80] PREM 3/475/1, Churchill to Ismay, 17.VII.1940.
[81] FO 371/24192. A3261/1/51, Churchill to Roosevelt, 20.V.1940.
[82] Cabinet Minutes, CAB 65/10. WM 299 (40) 4.
[83] PREM 4/25/8, p. 502, Churchill to Foreign Secretary, 20.XII.1940.

Черчилль, который был в истории. Ученые, занимающиеся 30-ми годами и второй мировой войной, давно догадывались об этом несоответствии, но его надо подчеркнуть в связи с поисками биографов и телепродюсеров. В противоположность легендам Черчилль не находился в полном и героическом противостоянии к своим малодушным, недалеким коллегам-политикам. Перед всеми английскими лидерами 30-х годов и второй мировой войны стояла одна и та же основная проблема: как защитить глобальные интересы своей страны имеющимися в ее распоряжении минимальными средствами. Разные политические линии, которые они проводили, не разводят их в различные лагеря, а скорее являются разными частями многообразного спектра, и никто из них не впадал в крайность, как это часто считается. Это относится и к эпохе Чемберлена, это также верно и в отношении 1940 года. В частных беседах Черчилль часто признавал, что шансы на выживание при политике невмешательства были зыбки. Он разделял идею возможного перемирия на условиях, гарантирующих независимость Британских островов, даже если пришлось бы пожертвовать частью империи и предоставить Германии господство в Центральной Европе. Отношение Черчилля к США в 1940 г. было часто демонстрацией недоверия и подозрительности, поскольку он использовал даже дипломатическое оружие, включая угрозу капитуляции Англии, чтобы подтолкнуть колеблющегося Рузвельта к оказанию ей реальной помощи. Но на публике по всем этим проблемам высказывания Черчилля были совершенно другими. На публике он держал себя как неутомимый оптимист, настаивая, что Англии нужна только полная победа, и отвечал скептикам дома и за границей, что США скоро вступят в войну. Это ни в коем случае не преуменьшает величия Черчилля. Напротив. Распространенный стереотип не соответствует сложности этого замечательного человека и помещает его на выдуманный пьедестал. Искусный политик, подающий одни и те же решения по-разному публике дома и за рубежом, наедине борющийся с собственными сомнениями и страхами, но скрывающий их, чтобы поддержать дух руководителей своей и других стран,— это, бесспорно, более впечатляющая, а также и более близкая к истине фигура, чем пузатый бульдог из народных легенд.

Столь же обманчиво и традиционное представление о «самом славном часе» Англии. Формального «решения» продолжать борьбу в июне 1940 г. не было, но от него вовсе не воздерживались, как это дает понять Черчилль. Во время Дюнкерка в британском кабинете и среди небольшой группы парламентариев и пэров шли серьезные дебаты о шансах Англии на будущее и о возможности удовлетворительных условий перемирия — немедленно или когда минует угроза вторжения. Среди тех, кого объединяли эти идеи, были Галифакс и Ллойд Джордж — бывший соперник Черчилля, претендовавший на премьерство, а впоследствии предполагаемый лидер будущего миротворческого правительства. В это время Черчилль был премьер-министром без партии, он живо помнил о своей недавней изоляции не только в кабинете, но и в консервативной партии. И поэтому он вынужден был принимать всерьез возможную угрозу со стороны этих коллег и их политики.

На выдвигаемые сторонниками раннего перемирия доводы о плачевном состоянии дел Черчилль и другие так же настроенные английские политики отвечали, что если Англия сможет выжить в 1940 г., то она сможет выиграть войну. Они считали, что экономика Германии уже достигла пика и уязвима для английских бомбардировок и что Гитлер должен победить Англию к зиме, если ему вообще суждено победить. Если до тех пор она сможет продержаться, то желательно, чтобы возможное германское вторжение, и особенно беспощадные бомбардировки английских городов, возмутили бы общественное мнение в США и вовлекли бы их в войну после ноябрьских выборов. Черчилль поставил рядом оба

этих соображения 20 июня в своей решающей речи на секретном заседании палаты общин. Вот его заметки: «Если Гитлер упустит момент вторгнуться или разрушить Англию, он проиграет войну. Я считаю, что Европу ждет испытание не только в виде суровой зимы. На будущее я собираюсь добиваться превосходства в авиации. Если [мы] продержимся три месяца, [мы] продержимся три года»[84].

Английские оценки в отношении Германии и США были почти полностью ошибочными. Надежды на выживание, на победу без вмешательства союзников также могли оказаться чересчур оптимистичными — для Гитлера. Действительно, весомая причина продолжать борьбу была им в это время неизвестна: а именно, что в июле 1940 г. Гитлер уже думал повернуть войска в 1941 г. на Россию. Об этом в докладах и стратегических оценках английской разведки в 1940 г. не найти ни слова. В течение этого и большей части следующего года англичане считали, что основной целью Гитлера были Британские острова. Поэтому балканская кампания Гитлера весной 1941 г. рассматривалась как часть периферийной стратегии, имевшей целью перерезать жизненно важные коммуникации Британской империи — в качестве прелюдии к возможному вторжению в конце года. И в апреле многие английские стратеги допускали, что Германия может проложить мост к Южному побережью в любой момент, когда она решится пойти на жертвы. Посетивший Англию американский генерал отмечал: «Дилл, Бивербрук, Фримэн и Синклер — все считают, что это может быть сделано и что попытка состоится». Их усилия были сосредоточены не на том, как предупредить вторжение, а на том, как остановить прорыв немецкого морского десанта[85].

Как показал Хинсли, Уайтхолл только в июне 1941 г. согласился с тем, что Гитлер действительно собирается напасть на Советский Союз. И даже тогда были такие сомнения в военной мощи русских, что, когда 22 июня началась операция «Барбаросса», большинство английских политиков полагали, что война будет окончена Германией в шесть недель без тяжелых потерь[86]. Неудивительно, что 25 июня Черчилль отдал приказ к 1 сентября завершить подготовку мер против вторжения на Британские острова[87]. Если бы Гитлер не повернул на Восток, если бы русские не устояли, если бы Гитлер затем не умножил безумие, бросив Японию против США, исход войны мог бы быть совершенно другим. В 1940 г. Черчилль и его коллеги приняли правильное решение, но сделали это, исходя из ложных причин.

---

[84] Churchill W. S. Secret Session Speeches, p. 14. Спустя несколько дней Черчилль вспоминал: «Палата общин на своем секретном заседании настойчиво добивалась, чтобы я гарантировал, что нынешнее правительство и все его члены будут вести борьбу до конца, и я сделал это, приняв на себя личную ответственность за все» (FO 800/322, p. 277, Churchill to Halifax, 26.VI.1940).

[85] Library of Congress, Washington, D. C., Arnold Papers, box 271. Бивербрук часто склонялся к пораженчеству, но этого нельзя сказать о других (Дж. Дилл — начальник имперского генштаба, В. Фримэн — заместитель начальника штаба ВВС и А. Синклер — госсекретарь ВВС). Подобные взгляды высказывались Арнольду несколькими днями раньше в числе прочих военно-морским министром А. В. Александером (ibid., p. 14).

[86] Hinsley F. H. Op. cit., pp. 248—249, 347, 355, 429, 470—483.

[87] Как он отмечал это в телеграмме Рузвельту 1 июля (PREM 3/469, p. 212).

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ПРЕДВОЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС

М. И. Семиряга

Обстоятельства, приведшие ко второй мировой войне в сентябре 1939 г., относятся к тем «вечным» темам, которыми еще долго будет заниматься историческая наука. Прежде всего это касается двух стержневых событий 1939 г. — провала советско-англо-французских («тройственных») переговоров и заключения советско-германского договора о ненападении.

На протяжении 50 лет продолжается дискуссия о том, какое место занимали и какую роль сыграли эти события в возникновении предвоенного политического кризиса. Если по поводу «тройственных» переговоров позиции исследователей постепенно сближаются и в настоящее время практически нет серьезных историков, которые рискнули бы оправдать кого-либо из участников этих переговоров, то иная ситуация сложилась вокруг трактовки советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 года. Основная причина этого заключалась в упорном нежелании советской стороны признать наличие важнейшей составной части договора — секретного протокола, предопределившего участь ряда стран Восточной Европы.

Еще на этапе советско-германских переговоров о заключении договора первым (и, пожалуй, тогда единственным) из влиятельных государственных деятелей СССР, кто возразил против сближения с гитлеровской Германией, был народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов. Впоследствии, когда договор стал фактом, неприятие его в разных слоях населения Советского Союза сохранялось. Подобные настроения побудили одного из архитекторов этого документа, председателя Совнаркома и наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, с трибуны Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г., во время ратификации договора, предупредить «некоторых близоруких людей, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией», проявляют «непонимание самых простых основ начавшегося улучшения политических отношений между Советским Союзом и Германией»[1]. Тема договора стала одной из «неудобных» для исследователей.

С началом агрессии Германии против Советского Союза договор был автоматически аннулирован. Проблема его происхождения и характера стала менее актуальной. Но наличие секретного протокола обе

СЕМИРЯГА Михаил Иванович — доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР, ведущий научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

[1] Международное положение и внешняя политика СССР. Сб. док. и м-лов. М. 1939, с. 12—13.

стороны по-прежнему замалчивали. Новая вспышка интереса широкой общественности к проблеме проявилась в связи с открывшимся в ноябре 1945 г. Нюрнбергским процессом над главными нацистскими военными преступниками. На нем впервые было упомянуто о существовании этого протокола, но по инициативе советской стороны и по договоренности между представителями стран антигитлеровской коалиции вопрос этот не поднимался [2]. В 1946 г. внимание общественности к этой теме привлекла американская печать, а в 1948 г. госдепартамент США издал сборник трофейных документов о советско-германских отношениях кануна войны, включив в него и тексты секретных протоколов. В ответ на эту «идеологическую диверсию» США по указанию министра иностранных дел СССР Молотова появилась брошюра «Фальсификаторы истории (историческая справка)», в которой была предпринята попытка опровергнуть факты.

Широкое обсуждение за рубежом этой проблемы на базе опубликованных документов не могло остаться не замеченным советскими историками. При жизни Сталина многие из них, придерживаясь официальной точки зрения, характеризовали договор как «мудрое решение вождя». С 1953 г. появилась возможность уточнить эту оценку и назвать договор «вынужденной» со стороны Советского Союза мерой. Одновременно в умы ряда наших историков закрадывалось сомнение в правомерности и этой дефиниции. Но свои взгляды они могли высказывать только на научных конференциях, а не в печати.

В настоящее время, постепенно и с большими усилиями освобождаясь от некоторых идеологизированных догм, советские историки предпринимают серьезные попытки анализировать не только советско-германский договор, но и весь комплекс событий предвоенного политического кризиса, место и роль действовавших тогда на международной арене политических сил. Эта работа принесла определенные результаты, особенно в связи с обнародованием некоторых советских документов, большей доступностью для наших исследователей трудов зарубежных специалистов, проведением ряда международных и национальных научных форумов. В журналах и газетах опубликован ряд интересных, хотя иногда и спорных, статей.

Принципиальное значение для оценки событий 1939 г. имеют сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., сделанное ее председателем А. Н. Яковлевым на Втором съезде народных депутатов СССР, соответствующее постановление съезда [3], а также статья первого заместителя министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалева [4], убедительно подтвердившие существование секретного протокола к советско-германскому договору от 23 августа 1939 года. В итоге более четко вырисовываются реальные события того сложного и противоречивого времени. Наименее изученным среди них остается советский фактор, что объясняется существующей еще недоступностью многих архивных документов в СССР, особенно относящихся к «тройственным» и советско-германским переговорам.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, используя имеющиеся возможности, высказать некоторые соображения относительно того, как вписывалась сталинская внешнеполитическая концепция в предвоенный политический кризис и как она соизмерялась с политикой Англии, Франции и Германии.

К середине 30-х годов Советское государство убедительно демонстрировало свою заинтересованность в мирном сосуществовании с капиталистическими странами. Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении сформулировала следующий важный тезис. «В дипломатической документации СССР за 1937—1938 годы не обнаружено свидетельств, которые говорили бы о советских намерениях добиваться взаимопонимания с Берлином» [5]. Но случаи зондажа, правда, неудачные, в то время имели место. Углубившиеся сталинские деформации во внутриполитической жизни СССР находили отражение и в его международной политике. Являясь Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), Сталин официально и непосредственно не занимался текущими внешнеполитическими делами: не участвовал в переговорах с другими государствами, не принимал послов, не подписывал дипломатических документов. Вместе с тем его внешнеполитическая концепция и «особый почерк» чувствовались во всех шагах Советского правительства в области внешней политики.

В принципиальном плане это проявлялось прежде всего в том, что советское руководство под давлением Сталина давало одностороннюю оценку расстановки и соотношения политических сил в мире. Утверждалось, например, что в центре мировой политики стояла борьба двух мировых систем — капиталистической и социалистической. Отсюда и тезис: СССР является крепостью, осажденной врагами, одиноким островком в бушующем океане империализма, который только и ждет случая, чтобы смыть этот островок с лица Земли. Из этого тезиса следовал вывод, который настойчиво навязывал советскому народу Сталин, чтобы оправдать свою внутреннюю политику: необходимо усиливать эту крепость (то есть сталинский террористический режим) и всячески поддерживать закрытый характер советского общества.

Важный гуманистический принцип приоритетности в международных отношениях общечеловеческих интересов над классовыми Сталин полностью игнорировал. Да и как он мог уважать этот принцип, если в 1937 г. выдвинул концепцию об обострении классовой борьбы в советском обществе, а в международных делах не учитывал классовой и политической разнородности сил, действовавших на мировой арене. Сталин и его окружение, прежде всего Молотов, придерживались своего, субъективного и дилетантского, подхода к советской внешнеполитической стратегии, заложенной В. И. Лениным и успешно проводившейся наркомами иностранных дел Г. В. Чичериным, а затем Литвиновым. Искусственно созданный Сталиным в сфере внешней политики дух конфронтации (которому пытался противодействовать Литвинов) пронизывал действия советского руководства, что мешало ему трезво оценить интересы СССР и реально определить, где враги, а где силы, могущие стать его союзниками. Этому препятствовал прежде всего франко-английский синдром Сталина. Сталинский режим в политическом и в моральном плане был больше подготовлен к сговору с Гитлером.

Командно-административные методы и примитивно идеологизированный подход Сталина ко многим внешнеполитическим проблемам довлели над советской дипломатией. Процесс принятия важных внешнеполитических решений имел узкоэлитарный характер и нередко проходил без опоры на выводы науки. Вследствие неверных идеологических концепций и авторитарной практики во внешней политике СССР сложные и противоречивые процессы, протекавшие в мире в период предвоенного политического кризиса, воспринимались неадекватно и объективно не соответствовали коренным интересам Советского государства.

Не подлежит сомнению, что главными виновниками предвоенного политического кризиса, а затем и поджигателями мировой войны были Германия, Италия и Япония, которым содействовали их сателлиты. Однако немалая доля ответственности ложится и на правящие круги

---

2 Подробнее об этом см.: Международная жизнь, 1989, № 9, с. 124—137.
3 Правда, 24, 28.XII.1989.
4 Известия, 27.XII.1989.
5 Правда, 24.XII.1989.

Англии и Франции, которые в Мюнхене пошли на преступное попустительство Гитлеру, открывшее «зеленый свет» войне. Трудно уйти и от мысли, что в тот сложный момент советских руководителей также покинуло чувство реализма и выдержки. Они не могли не знать о глобальных планах Гитлера, жертвами которых неизбежно должны были стать и западные державы, и поэтому мюнхенскую политику со всеми ее пороками нельзя было расценивать как последнее слово их правительств. Это позволяет сказать, что наряду с политикой Англии и Франции сталинизм стал одной из основных причин, помешавших Советскому Союзу достигнуть соглашения с ними о совместных действиях против фашизма.

Сталин испытывал недоверие к политике Англии и Франции, обострившееся после Мюнхена, когда эти страны небезуспешно стремились сделать все возможное, чтобы СССР оказался в международной изоляции, и свели практически на нет усилия советской дипломатии по созданию системы коллективной безопасности. Однако до мая 1939 г. он все же не терял надежды на сотрудничество с Лондоном и Парижем, не возражал против реанимации системы коллективной безопасности, одновременно давая понять, что не исключена возможность улучшения отношений с Германией. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г. Сталин заявил, что советская дипломатия будет проводить политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами, соблюдая при этом осторожность и не давая провокаторам войны втянуть СССР в конфликт [6]. Эти слова с озабоченностью были восприняты в столицах западных держав. В Берлине же их поняли как приглашение к диалогу.

Это было время, когда резко усилилась угроза возникновения войны в Европе. Германия захватила и расчленила Чехословакию. Эти агрессивные действия вызвали тревогу во многих странах, однако пути обеспечения своей безопасности они видели по-разному. Усиливавшаяся агрессивность Германии, которая уже непосредственно угрожала интересам Великобритании и Франции в Европе, и нараставшее недовольство общественности этих стран политикой умиротворения Гитлера оказали влияние на эволюцию внешнеполитической линии глав их правительств — Н. Чемберлена и Э. Даладье. Правда, менялась она непоследовательно, но все же это не было тактическим приемом, за которым скрывалось сознательное продолжение попустительства Гитлеру.

Перемены в политике Англии и Франции состояли в следующем: во-первых, со второй половины марта 1939 г., когда Англию и Францию постигло горькое разочарование, так как Гитлер, оккупировав Чехословакию, перешел тот рубеж, непосредственно за которым лежали интересы этих держав, Чемберлен и Даладье предприняли шаги к началу переговоров с Советским Союзом как по политическим, так и по военным вопросам. Подобное развитие событий свидетельствовало о том, что Англия и Франция перестали игнорировать, как делали это до Мюнхена, роль СССР в европейской политике и вынуждены были считаться с ним как с важным политическим фактором в Европе. Во-вторых, 31 марта 1939 г. Чемберлен заявил в парламенте, что в случае возникновения угрозы независимости Польши и если последняя окажет при этом сопротивление, английское правительство «будет считать себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю находящуюся в его силах помощь» [7]. Эти односторонние гарантии вскоре приобрели взаимный характер, что и было зафиксировано в англо-польском коммюнике от 6 апреля 1939 года [8]. Позже подобное заявление сделало и

[6] XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отч. М. 1939, с. 14—15.
[7] Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 345, col. 2415.
[8] The Times, 6.IV.1939.

французское правительство. Летом того же года эти документы были оформлены в международно-правовые обязательства о гарантиях.

Казалось, Сталину следовало бы в полном объеме использовать сложившуюся исключительно благоприятную ситуацию для углубления контактов с Лондоном и Парижем для внешнеполитической изоляции Берлина. В какой-то мере он так и поступал, хотя, по-прежнему не доверяя политике Англии и Франции, продолжал двойную игру. Он улучшал отношения с Германией, не учитывая того, что в диалоге с Советским Союзом Гитлер преследовал цель сорвать наметившиеся «тройственные» переговоры. Столкнувшись с первыми затруднениями на переговорах с западными державами, Советское правительство стало терять веру в возможность серьезного сотрудничества с ними. Задолго до начала военных переговоров секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов в статье «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР» утверждал, что затягивание переговоров вызывает сомнение в искренности их подлинных намерений [9].

11 августа 1939 г., когда еще не было ясно, как пойдут начавшиеся в Москве военные переговоры с Англией и Францией, Политбюро ЦК ВКП(б) приняло окончательное решение в пользу приоритета переговоров с Германией. Молотову было предложено вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов. 15 августа его встречей с послом Германии в СССР Ф. фон Шуленбургом начались официальные советско-германские переговоры. Поначалу обсуждались проблемы, решение которых привело бы к нормализации германо-советских отношений: о совместных гарантиях независимости прибалтийских республик, о посредничестве Берлина в нормализации отношений между СССР и Японией, в частности о прекращении боев на Халхин-Голе, о развитии советско-германских торговых отношений и некоторые другие. Вопросы, связанные с территориальными изменениями в других странах, не поднимались. Как докладывал в Берлин Шуленбург, Молотов с интересом выслушал предложение о краткосрочном приезде в Москву министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, а также спросил относительно идеи заключения договора о ненападении [10].

Таким образом, судьба «тройственных» переговоров была предрешена. По предложению Сталина советская делегация во главе с К. Е. Ворошиловым прервала переговоры, отметив при этом, что заключение советско-германского договора вполне совместимо с подписанием тройственного пакта между СССР, Англией и Францией. Французскому послу П. Наджиару Молотов заявил, что переговоры с англо-французской делегацией могли бы быть продолжены через неделю после заключения советско-германского договора [11]. Эти заявления, во-первых, были сделаны, чтобы успокоить мировое общественное мнение: народам трудно было поверить, что руководитель социалистического государства может пойти на переговоры с фашистским диктатором (о существовании секретного протокола они вообще не знали); во-вторых, они представляли собой элементарный блеф, ибо нельзя одновременно быть союзником агрессора и его жертв.

Конечно, западные партнеры не проявляли активности и должной заинтересованности в заключении военного соглашения с Советским Союзом и поэтому несут свою долю ответственности за срыв «тройственных» переговоров. Но советское руководство также не все сделало, чтобы добиться такого соглашения. Следовательно, всем участникам пере-

[9] Правда, 26.VI.1939.
[10] СССР — Германия. 1939—1941. Док. и м-лы о советско-германских отношениях. Т. 1. Вильнюс. 1989, с. 30—37.
[11] Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза. 1936—1939. М. 1987, с. 328.

говоров недоставало ответственности перед своими народами и государственной мудрости, чтобы совместными усилиями преградить путь войне или хотя бы отсрочить ее, чтобы изменить соотношение сил в свою пользу.

Утверждение, что Сталин пошел на сближение с Германией лишь за несколько дней до 23 августа, находясь в безвыходной и опасной ситуации, не соответствует действительности. Советско-германский договор не был экспромтом. Он стал итогом эволюции, которую советская внешнеполитическая линия претерпела за несколько предшествующих месяцев при пассивности западных держав и энергичном подталкивании с немецкой стороны, действовавшей весьма инициативно. 22 августа, выступая перед высшим командным составом вермахта, Гитлер заявил, что решение «идти со Сталиным» он принял с осени 1938 года. Интересное признание сделал 27 августа и немецкий военный атташе генерал Э. Кестринг, приехавший в отдел внешних сношений Наркомата обороны с поздравлением по случаю подписания советско-германского договора. В ходе беседы он сказал, что еще пять лет тому назад предлагал подписать подобный договор, а после доклада Сталина на XVIII партсъезде напомнил своему руководству об этом предложении, однако тогда Германия еще не была готова сделать такой шаг[12].

На этом завершился важный этап предвоенного политического кризиса. Подписание советско-германского договора о ненападении 23 августа 1939 г. и секретного протокола к нему стало решающим событием накануне второй мировой войны и одним из самых крупных политических просчетов Сталина, хотя сам он считал это «победой» (удалось обмануть Гитлера!). В свою очередь, гитлеровская верхушка с бóльшим основанием рассматривала договор как свою великую победу: Гитлер заявил, что отныне весь мир в его кармане[13].

Почему Сталин предпринял столь рискованный шаг и пошел на договор с гитлеровской Германией? По-видимому, он опасался, что Англия и Франция совместно с Германией образуют единый антисоветский фронт. Однако реалистическая оценка международной ситуации того периода, которую, в частности, давал Литвинов, показывает, что в центре европейской и в конечном счете мировой политики были противоречия между англо-французским блоком и Германией. В то же время опасность нападения Германии на СССР в 1939 г. Сталиным сильно преувеличивалась. К такой войне Германия не была готова. Впоследствии заместитель начальника оперативного управления ОКВ генерал В. Варлимонт подтвердил, что германская армия никогда не была так плохо подготовлена к войне, как в 1939 г.: не хватало боеприпасов, тяжелых танков, автомашин, средств связи и железнодорожных войск, плохо обстояло дело с подготовкой резерва, особенно офицерского состава[14]. В 1938—1939 гг. Гитлеру удавалось добиваться успеха в своих внешнеполитических авантюрах преимущественно путем шантажа, что признавали и его генералы.

Япония также не была готова к большой войне, что показали события на Халхин-Голе[15]. Ее правящие круги не рискнули напасть на СССР даже в гораздо более благоприятный для них период — в 1941 и 1942 годах. Нельзя не согласиться с выводом, сделанным В. И. Дашичевым в одном из его выступлений: в 1939 г. военно-стратегические планы Японии были связаны прежде всего с экспансией в Юго-Восточной Азии, Китае и южной части Тихого океана.

В литературе встречаются утверждения, что и при отсутствии советско-германского договора Германия напала бы на Польшу и разгромила ее, и тогда вермахт оказался бы непосредственно у границ Советского Союза, который находился бы к тому же в международной изоляции; что в подготовке агрессии Гитлер зашел слишком далеко, чтобы отказаться от своих планов[16]. Но такое развитие событий было маловероятным. Не исключено, что в то время Германия не рискнула бы прибегнуть к военной авантюре против Польши. Необеспеченность стратегического тыла на востоке, чреватая борьбой на два фронта, могла бы вызвать опасную для Гитлера оппозицию в немецких военных кругах: он, как подтверждают последующие события, неоднократно откладывал свои агрессивные акции, если для их осуществления не было подходящих условий.

Итак, сговор двух диктаторов совершился. Сталин дал согласие на заключение договора, а Молотов и Риббентроп подписали его в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве. Решение Сталина и Молотова означало, что они опирались не на глубокий анализ стратегических последствий этого шага, а на сиюминутную, тактическую выгоду. А. Н. Яковлев на Втором съезде народных депутатов СССР отметил, что всесторонний анализ этой проблемы пока отсутствует, но «все же документы говорят, что советская политика строилась тогда чаще на оперативных сообщениях, нежели на глубоких стратегических выкладках»[17].

Обосновывая неизбежность советско-германского договора о ненападении, иногда ссылаются на то, что Англия и Франция еще раньше заключили с Германией аналогичные договоры о ненападении: англо-германская декларация была подписана Чемберленом 30 сентября 1938 г., перед его отъездом из Мюнхена, германо-французская — 6 декабря того же года[18]. Однако сравнение этих документов неправомерно по ряду причин. Во-первых, общая военно-политическая обстановка осени 1939 г. несопоставима с тем же периодом предыдущего года — тогда война не стояла у порога. Во-вторых, в 1938 г. стороны договорились о развитии добрососедских отношений, признали отсутствие каких-либо территориальных споров и установили, что существующая граница между ними является окончательной. Можно ли такую договоренность считать предосудительной и почему она должна была вести к дестабилизации обстановки? В-третьих, и это особенно важно, обе эти декларации имели открытый характер и не сопровождались секретными протоколами, направленными против интересов третьих стран. В-четвертых, это были декларации, отличавшиеся от других договорных документов тем, что представляли собой заявления государств, устанавливающие их взгляды на определенные проблемы и излагающие общие принципы отношений между этими странами. Такие декларации соответствовали принципам международного права и не могли быть источником международной напряженности.

Было ли неизбежным подписание советско-германского договора? В. М. Фалин считает, «что в момент принятия решения — заключать или нет договор о ненападении с Германией (19—20 августа 1939 г.) — у Сталина выбора не существовало. Все шансы на достижение соглашений с Англией и Францией были полностью исчерпаны, что лишало альтернативы». Сторонники этой точки зрения А. С. Орлов и С. А. Тюшкевич так и назвали свою статью: «Пакт 1939 года: альтернативы не было»[19]. Однако на вопрос, был ли советско-германский договор следствием сложившейся в то время международной обстановки, вряд ли мож-

---

[12] Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), ф. 33987, оп. 3, д. 1237, л. 413.
[13] Там же.
[14] Цит. по: Görlitz W. Der Deutsche Generalstab. Frankfurt a. M. 1950, S. 494.
[15] См. Военно-исторический журнал, 1966, № 12, с. 100.
[16] См., напр., Ковалев Ф., Ржешевский О. Так начиналась война.— Правда, 1.IX.1988.
[17] Правда, 24.XII.1989.
[18] Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939 гг. Т. 1. М. 1981, с. 241, 257.
[19] Известия ЦК КПСС, 1989, № 7, с. 28; Литературная газета, 26.X.1988.

но дать положительный ответ. Подписание договора не было неизбежным, ибо альтернатива все-таки существовала. Да, альтернатива была, но отсутствовало желание ею воспользоваться.

Заключение договора оказалось неизбежным по другой причине: имея в руках неограниченную власть и считая свои решения безошибочными, Сталин воспользовался случаем для демонстрации своего политического «гения». «Сталин и Молотов заключали соглашение о сотрудничестве с фашистской Германией не потому, что в сложившейся международной обстановке иного выхода не было, а потому, что это был тот выход из сложившейся ситуации, которого они давно желали» [20]. Таково обоснованное мнение Е. А. Гнедина, бывшего в те годы ответственным работником Наркоминдела и имевшего прямое отношение к упомянутым событиям. К такому же выводу пришли В. М. Кулиш и А. О. Чубарьян: «Альтернатива была, но осталась нереализованной» [21]. При анализе вопроса о «вынужденной необходимости» заключения советско-германского договора о ненападении неизбежно возникает контрвопрос: кто же мог загнать Сталина в угол, из которого не было выхода? Сделать это мог только сам Сталин, и только в этом смысле можно трактовать договор как «вынужденную меру».

Некоторые исследователи справедливо утверждают, что договор 23 августа 1939 г. нельзя вычленять из предыдущей истории переговоров, в частности отрезать его от Мюнхенского сговора, упомянутых англо-германской и германо-французской деклараций и некоторых других документов. Но с еще большим основанием его нельзя рассматривать изолированно от последовавших за ним (вплоть до июня 1941 г.) советско-германских договоренностей. Особой одиозностью, о чем свидетельствует само его название, выделяется в этом отношении германо-советский Договор о дружбе и границе между СССР и Германией, подписанный в Москве 28 сентября 1939 года. При отлете из Москвы 24 августа Риббентроп дал интервью корреспондентам Германского информационного агентства, в котором заявил, что «фюрер и Сталин решили установить дружественные отношения» между обеими странами [22]. Это означает, что такая «дружба» началась отнюдь не 28 сентября; принципиальная договоренность о ней была достигнута уже 23 августа [23].

В духе советско-германского договора от 28 сентября было составлено и «Заявление советского и германского правительств», в котором содержался призыв к Англии и Франции прекратить войну с Германией, что отвечало бы «интересам всех народов». Далее следовало предупреждение, что, если западные демократии откажутся от данного предложения, они будут нести «ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах» [24]. Внешнее обрамление этого призыва могло ввести в заблуждение. Но, во-первых, этот документ не отвечал «интересам всех народов», ибо его реализация означала бы возврат к Мюнхену и новому «умиротворению» Гитлера (теперь за счет Польши). Во-вторых, попытка возложить ответственность за продолжение войны на Англию и Францию не имела под собой основания, ибо эти страны, их правительства и народы вели оборонительную войну, защищали свою свободу и национальную независимость. В-третьих, предупреждение, что СССР и Германия будут кон-

[20] Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Нью-Йорк. 1977, с. 45.
[21] Комсомольская правда, 24.VIII.1988; Молодежь Эстонии, 19.VIII.1989.
[22] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918—1945 (далее — ADAP). Serie D. (1937—1945). Bd. VII. Baden-Baden. 1956, S. 210.
[23] Подробнее см.: Советское государство и право, 1989, № 9, с. 32—110; Мировая экономика и международные отношения, 1989, № 12, с. 118—124.
[24] Внешняя политика СССР. Т. 4. М. 1946, с. 452—453.

сультироваться о принятии «необходимых мер», означало, что советское руководство в обстановке продолжающейся войны совместно с одной из воюющих сторон шло на прямую конфронтацию с другой, подвергая свою страну реальной угрозе быть вовлеченной в войну. Тем самым СССР приблизился к черте, за которой кончался его нейтралитет и начинался фактический военно-политический союз с Германией.

Кроме нормализации политических отношений, Сталин был весьма заинтересован в углублении торгово-экономических связей с Германией. С этой целью в развитие договора о ненападении в 1939—1941 гг. между Советским Союзом и Германией был заключен ряд соглашений экономического и торгово-кредитного характера [25]. СССР экспортировал промышленное сырье, нефтяные продукты и продукты питания, особенно зерновые; Германия поставляла промышленное оборудование. Советское правительство разрешило ей транзит стратегического сырья из Японии, Китая, Афганистана, Ирана и Румынии. Более того, цинк и каучук, закупленные СССР в Англии, и хлопок — в США, по некоторым данным, также частично переправлялись в Германию [26]. Вряд ли подобные акции соответствовали нейтральному статусу. Экономические и торговые отношения с Германией имели, конечно, определенное значение для Советского Союза, но бо́льшую выгоду от них получила Германия, ибо СССР имел возможность торговать с любой страной мира, тогда как Германия из-за англо-французской экономической блокады располагала крайне ограниченными внешнеторговыми возможностями.

Сталин сыграл решающую роль и в том, что Исполком Коминтерна, советские средства массовой информации и официальные органы извращенно толковали политический характер начавшейся 1 сентября войны и позиции участвовавших в ней сторон, что привело к крайне негативным последствиям. Утверждалось, например, что обе воюющие коалиции ведут империалистическую агрессивную войну и что ее зачинщиками являются Англия и Франция, а не Германия. Даже в наше время некоторые исследователи продолжают утверждать, что вторая мировая война началась как империалистическая и несправедливая с обеих сторон и лишь позже стала перерастать в справедливую и освободительную [27]. В действительности вторая мировая война с самого начала и до победоносного завершения со стороны всех противников фашистской Германии была войной справедливой и освободительной, ибо позиция правительств этих стран в основном и главном совпадала с жизненными интересами их народов.

Проблема определения политического характера второй мировой войны была отнюдь не академической. Она явилась для Сталина теоретической базой для формирования собственной тактики и стратегии. Он не хотел видеть различий между двумя противоборствующими группировками, рассматривая каждую из них как потенциального антисоветского агрессора. Комиссия Второго съезда народных депутатов СССР сделала вполне обоснованный вывод: эта концепция в роковые дни августа 1939 г. сыграла негативную роль. Попытка Сталина поставить текущую политику и цели стран буржуазной демократии и фашистских государств на одну доску неизбежно приводила к недооценке опасности со стороны последних. Такая позиция советского руководства и Исполкома Коминтерна в первый период войны мешала разоблачению фашизма и задержала развертывание борьбы против него народных масс.

Позиция Сталина особенно четко проявилась в ходе германо-польской кампании в сентябре 1939 г., когда СССР осуществлял фактическое военное сотрудничество с Германией и не придерживался своего

[25] ADAP. Bd. VII, S. 118, 122.
[26] Irving D. Hitlers Krieg. 1939—1942. München-Brl. 1983, S. 108.
[27] Тюшкевич С. А. Об оценке характера второй мировой войны.— Новая и новейшая история, 1988, № 4.

официально объявленного нейтралитета. В частности, в соответствии с нормами международного права нейтральные государства могут предоставлять убежище войскам, военным кораблям и самолетам воюющих стран, но обязательно с последующим их интернированием, если их срок пребывания превышает одни сутки. Эти важные условия советскими властями не соблюдались. Осуществлялось обслуживание немецких военных кораблей в советских портах в бассейне Баренцева моря; предоставлялся транзит с Дальнего Востока в Германию офицерам из потопленного в Тихом океане германского карманного линкора «Адмирал граф Шпее»; многочисленные группы немецких разведчиков получали разрешение беспрепятственно объезжать западные районы Советского Союза под предлогом организации переселения этнических немцев из прибалтийских республик, западных областей Украины и Белоруссии в Германию и поисков могил немецких солдат, погибших в годы первой мировой войны; лично Сталиным было запрещено пресекать провокационные полеты немецких самолетов над советской территорией. Это благодушие дорого обошлось советскому народу.

Без каких-либо трудностей осуществлялось и военное сотрудничество Германии и СССР во время боевых действий на территории Польши, для чего заблаговременно была установлена демаркационная линия разделения войск. В зависимости от темпов их продвижения эта линия корректировалась. Вступление советских войск в пределы Польши в принципе было предопределено секретным протоколом. Германская сторона была, естественно, заинтересована в совместных действиях с советскими войсками с самого начала войны против Польши. Но Сталин затягивал оговоренный в принципе срок вмешательства СССР в войну между Германией и Польшей. Он хотел психологически подготовить советский народ к восприятию этого неожиданного акта в нужном духе, ввести в заблуждение о намерениях в отношении Польши. Как справедливо утверждает Комиссия Второго съезда народных депутатов СССР, Гитлер готовил почву для того, чтобы столкнуть Советский Союз не только с Польшей, но и с Англией и Францией, и «порой наша страна была на волоске от подобного разворота событий, особенно после вступления частей Красной Армии в Западную Белоруссию и Западную Украину» [28].

Вступление советских войск в пределы Польши, начавшееся ранним утром 17 сентября, привело к тому, что отношения Англии и Франции с Советским Союзом резко обострились и были на грани разрыва. 19 сентября в Москве была получена англо-французская нота, в которой содержалось требование прекратить продвижение советских войск, а затем и вывести их из Польши. В противном случае, говорилось в ноте, в соответствии с польско-французским союзническим договором объявление войны Советскому Союзу может произойти автоматически [29]. Можно утверждать, что в то время, когда между Германией и западными странами шла «горячая» война, Советский Союз находился с ними в состоянии «психологической» войны. Правда, уже на следующий день всем британским дипломатическим представительствам было дано разъяснение, что Англия не только не собирается объявлять войну Советскому Союзу, но, наоборот, должна оставаться в возможно лучших отношениях с ним. Было также предложено прекратить всякую антисоветскую пропаганду [30].

Используя задержку с вступлением в пределы Польши советских войск, германское командование с 1 по 16 сентября продвинуло свои войска восточнее согласованной линии соприкосновения, проходившей

[28] Правда, 24.XII.1989.
[29] Piekalkiewicz J. Polenfeldzug. Bergisch Gladbach. 1982, S. 192.
[30] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1235, л. 91.

по Нареву — Висле и Сану, на расстояние до 200 километров. Это продвижение войск к дважды менявшейся «линии государственных интересов» Германии и СССР на территории Польши было прекращено лишь 14 октября [31].

Утром 17 сентября Советское правительство сообщило, что по его приказу войска Красной Армии предпринимают поход в Польшу с целью освобождения единокровных братьев — украинцев и белорусов, проживающих в ее восточных районах. Сталинское руководство, пойдя на такой шаг, нарушило Рижский мирный договор 1921 г. и советско-польский договор о ненападении 1932 г., а тем самым — и принцип международного права: «договоры должны соблюдаться», что квалифицируется как неправомерное деяние. Правда, по международному праву допускается аннулирование договора, если государство-контрагент прекращает существование, но вместе с тем не признается прекращение существования государства, если его высшие органы продолжают олицетворять его суверенитет в эмиграции, как это было с польским правительством. В совместном германо-советском коммюнике, принятом 18, но опубликованном лишь 20 сентября, по предложению германской стороны было сказано, что целью германских и советских войск является «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом Польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования» [32].

Состояние войны СССР с Польшей не было объявлено, но, по существу, имели место военные действия Красной Армии против польских воинских частей. Этот факт был признан Молотовым в докладе на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 года. Он говорил о «боевом продвижении Красной Армии» и о захвате «боевых трофеев», которые составляли «значительную часть вооружения и боевой техники польской армии» [33]. Кстати, Молотов воспользовался случаем, чтобы еще раз обвинить Англию и Францию в агрессии против Германии, которая, мол, жаждет мира. Сотрудники возглавлявшегося Геббельсом пропагандистского аппарата Германии подхватили эту версию, отпечатали доклад Молотова на английском и французском языках в виде листовок и разбрасывали их с самолетов над позициями англо-французских войск [34].

В том же докладе глава Советского правительства заявил, что Польша развалилась вследствие совместного удара сначала германской армии, а затем и Красной Армии. Молотов указал также, что в ходе этих боев погибло 737 и было ранено 1862 советских воина [35]. В ответе Гитлеру на поздравление по случаю 60-летия Сталина отмечалось, что советско-германская дружба скреплена совместно пролитой кровью [36]. Части Красной Армии взяли более 180 тыс. польских военнопленных [37]. Это были именно военнопленные, так они тогда именовались в служебных документах и в печати, только с июня 1941 г. их стали называть «интернированными».

В советско-германском договоре от 28 сентября 1939 г. не было ни слова о праве польского народа на государственное существование, а «переустройство» Польши рассматривалось только с точки зрения «дальнейшего развития дружественных отношений» между СССР и Германией. В Берлине еще в ходе боевых действий возникла идея о возможности создания в качестве буфера где-то в зоне между линиями го-

[31] Irving D. Op. cit., S. 64; Piekalkiewicz J. Op. cit., S. 233.
[32] Внешняя политика СССР. Т. 4, с. 449.
[33] Большевик, 1939, № 20, с. 5.
[34] Görlitz W. Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Stuttgart. 1951, S. 7, 75.
[35] Большевик, 1939, № 20, с. 5.
[36] Известия, 26.XII.1939.
[37] Красная Звезда, 17.IX.1940.

сударственных интересов Германии и СССР «остаточного польского государства». Но во время встречи с Шуленбургом 25 сентября Сталин и Молотов отвергли эту идею (по их мнению, такое государство могло бы в будущем помешать отношениям между СССР и Германией) [38], Гитлер официально отказался от нее 6 октября (речь в рейхстаге) [39]. Этот факт опровергает утверждение, будто советское руководство, «будучи глубоко заинтересовано в том, чтобы Польша не была уничтожена Германией, по-прежнему было готово оказать ей помощь» [40].

Положение поляков усугублялось еще и тем, что существовала советско-германская договоренность о сотрудничестве «в борьбе против польской агитации». Такое сотрудничество военных властей Германии и СССР, как заявил Кестринг, было реальностью и протекало на всех уровнях безукоризненно [41]. Для обсуждения вопроса об установлении линии разграничения германских и советских войск 19 сентября в Москву прибыла германская военная делегация. С советской стороны в переговорах участвовали К. Е. Ворошилов и Б. М. Шапошников. 21 сентября был подписан секретный протокол, которым, в частности, был установлен порядок и график отхода немецких войск на запад до установленной ранее линии по рекам Нарев — Висла и Сан. Была также достигнута договоренность о том, что «для уничтожения польских банд по пути следования советские и германские войска будут действовать совместно» [42]. Сохранив за собой нефтеносный район Львов — Дрогобыч, занятый в первой половине сентября германскими войсками, позже отступившими к Сану, Сталин обязался ежегодно поставлять Германии из этого района 300 тыс. т нефти [43].

Для совместной борьбы против польского подполья было налажено сотрудничество между гестапо и органами НКВД. В декабре 1939 г. в Закопане (на польской территории, оккупированной Германией) был создан совместный учебный центр [44]. В ходе военных действий командиры передовых частей германской и советской армий обменивались специальными офицерами связи, но отдельных стычек между двигавшимися навстречу друг другу войсками избежать не удалось. В ряде городов западных районов Украины и Белоруссии еще до капитуляции Варшавы состоялись парады (немцы их называли «парадами победы») с участием войск обеих стран. Например, в Гродно совместно с германским генералом парад принимал комкор В. И. Чуйков, а в Бресте — Г. Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин.

После подписания советско-германских договоров практиковалась взаимная информация о предстоящих шагах сторон. Так, Шуленбург по поручению Риббентропа весной 1940 г. проинформировал Молотова о предстоящем вторжении вермахта в страны Северной Европы, а позже в Бельгию и Нидерланды, на что глава Советского правительства ответил, что он с пониманием относится к усилиям Германии защищаться от Англии и Франции. 17 мая 1940 г. Сталин через Молотова передал германскому послу «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск во Франции» [45]. Германское командование высоко оценило советский нейтралитет во время вторжения войск вермахта во Францию. Об этом свидетельствует письмо германского военно-воздушного атташе в Москве, направленное 21 мая 1940 г. начальнику отдела внешних сношений Наркомата обороны Осетрову: «Успех германских

[38] Piekałkiewicz J. Op. cit., S. 21.
[39] Irving D. Op. cit., S. 83.
[40] Сиполс В. Я. Ук. соч., с. 333.
[41] Krummacher F. A., Lange H. Krieg und Frieden. München. 1970, S. 394.
[42] Piekalkiewicz J. Op. cit., S. 199.
[43] Irving D. Op. cit., S. 75.
[44] Piekalkiewicz J. Op. cit., S. 274.
[45] Hilger G. Wir und der Kreml. Brl. 1956, S. 298.

войск на западе обеспечен нашей дружбой с вами. Этого мы никогда не забудем. Перед отъездом в вашу страну я был у Гитлера, который мне сказал: «Помни, что Сталин для нас сделал великое дело, о чем мы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны забывать» [46].

В свете этого иначе выглядит и советско-финляндская война, начавшаяся по инициативе СССР. Без предварительного согласия Германии соблюдать свою незаинтересованность в этом регионе Балтики, зафиксированного в секретном протоколе к договору 23 августа 1939 г., этой войны могло не быть, хотя некоторые предпосылки для конфликта между СССР и Финляндией и складывались в более ранний период. Сталин и Молотов изъяснялись языком ультиматумов и с другими соседями СССР, в великодержавной манере осуществив акцию в республиках Прибалтики.

Возрастание опасности нападения на СССР и активные военные акции самого советского руководства в отношении ряда соседних стран, в том числе Финляндии, потребовали изменения и уточнения мобилизационных и стратегических планов. До августа 1940 г. их разработкой занималась группа, возглавляемая начальником Генерального штаба Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым, затем — генералом К. А. Мерецковым, а с февраля 1941 г. — генералом Г. К. Жуковым.

В документе, который именовался «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией», Генштаб отмечал, что армии и флоту СССР необходимо быть готовыми воевать на два фронта — на западе и на востоке. Наиболее опасным противником считалась Германия, на стороне которой могут выступить Финляндия, Румыния, Италия и, возможно, Венгрия. Наиболее опасным стратегическим направлением считалось западное. Именно здесь намечалось использовать около двух третей дивизий сухопутных войск и три четверти авиации. Всего в западных пограничных округах предполагалось иметь (фактически так и было) 170 дивизий, в том числе стрелковых, горнострелковых и мотострелковых — 103, танковых — 40, моторизованных — 20 и кавалерийских — 7 дивизий [47]. Выступая на приеме выпускников военных академий в Кремле 5 мая 1941 г., Сталин с тревогой констатировал, что наиболее вероятным противником станет германская армия и необходимо готовиться к борьбе с ней основательно.

При оценке стратегических планов и конкретных мер советского командования по развертыванию вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны неизбежно возникает вопрос, который и поныне дискутируется в некоторых странах: имело ли советское руководство намерение осуществить превентивное нападение на Германию? Указывается даже, что это должно было произойти 6 июля 1941 г., но было сорвано упреждающим ударом вермахта. Утверждается, что такое намерение логически вытекало из концепции мировой революции, от которой Сталин не освободился и накануне войны.

Эту концепцию подтвердил начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии Л. З. Мехлис. На XVIII съезде партии (март 1939 г.), ссылаясь на высказывание вождя, он заявил: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то нужно перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик» [48]. Ту же мысль высказал и А. А. Жданов, заявивший на заседании Главного военного совета в июне 1941 г.: «Мы стали сильнее, можем ставить бо-

[46] ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 1305, л. 375.
[47] Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО) СССР, ф. 16а, оп. 2951, д. 236, лл. 63—69.
[48] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), с. 273.

лее активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики» [49].

Подобные высказывания, однако, не означают, что речь шла о немедленном решении этой задачи. Сталин знал, что Красная Армия в середине 1941 г. была не в состоянии сражаться с вермахтом, в интересах которого работала промышленность всей Западной Европы. Сталину, как он сам заявлял, нужно было время до середины 1942 г., чтобы осуществить намеченный план коренного перевооружения и реорганизации Красной Армии. Он не подталкивал, а, наоборот, оттягивал начало войны. Советский Генеральный штаб к июню 1941 г. даже не имел полностью отработанного плана войны. Поэтому утверждения о якобы превентивном характере действий советского руководства в июне 1941 г. не имеют ни документального подтверждения, ни фактической почвы.

Внешняя политика, которую проводило советское руководство в 1940 — первой половине 1941 г., имела крайне противоречивый характер. С одной стороны, Сталин и его окружение клялись в верности ленинским принципам внешней политики, и прежде всего принципу миролюбия и мирного сосуществования стран с различным социальным строем, с другой — после совместного с Германией расчленения Польши и агрессии против Финляндии сталинское руководство своими действиями (особенно в Прибалтике) провоцировало западные страны на военное противоборство с Советским Союзом.

С лета 1940 г. становилось совершенно очевидным, что после военных успехов в Европе Германия не нуждалась более в нейтралитете СССР. В беседе с английским послом С. Криппсом в сентябре 1940 г. Сталин недвусмысленно заявил, что СССР заинтересован в том, чтобы не быть вовлеченным в войну с Германией, и что единственная реальная угроза Советскому Союзу исходит именно от Германии. И тем не менее советское руководство в то время действовало так, что это усугубляло внешнеполитическую изоляцию страны, начало которой было положено заключением советско-германского договора о ненападении в августе 1939 года. Именно в то время СССР прервал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами ряда оккупированных Германией стран, нанеся тем самым еще один удар по своему международному престижу.

Позорной страницей в истории внешней политики сталинского руководства являются переговоры советской делегации, возглавлявшейся Молотовым, с Гитлером и Риббентропом в Берлине в ноябре 1940 года. В ходе переговоров и после них советское руководство высказалось в принципе за присоединение СССР к агрессивному тройственному пакту, возглавлявшемуся Германией. Обсуждались также имперские претензии Сталина и Молотова на руководящую роль на Балканах. Они дошли даже до того, что выразили Гитлеру понимание в связи с германской агрессией против Дании и Норвегии, а также поздравили его с разгромом Франции [50].

Правда, советское руководство предпринимало и некоторые меры, чтобы как-то ограничить аппетиты Гитлера. Ему было заявлено о заинтересованности СССР в поддержании нейтрального статуса Швеции. Было также выражено недовольство германскими происками в Болгарии, которую Сталин и Молотов рассматривали как «сферу своих интересов». Без консультации с Берлином СССР заключил пакт о нейтралитете с Японией. Наконец, в начале апреля 1941 г. был подписан советско-югославский пакт о ненападении.

[49] ЦАМО СССР, ф. 32, оп. 11302, д. 20, л. 84.
[50] Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie. D, B. IX. Frankfurt a. M. 1962, S. 87.

В рассматриваемый период советское руководство не считало полностью решенной и «финляндскую проблему». Как следует из официальной записи, в беседе с Гитлером 12 ноября 1940 г. Молотов заявил, что «германо-русское соглашение от прошлого года можно... считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии... Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным. И он просит фюрера сказать ему, остаются ли в силе пункты германо-русского соглашения относительно Финляндии. С точки зрения Советского правительства, никаких изменений здесь не произошло» [51]. В ответ Гитлер подтвердил, что политически Финляндия находится в зоне влияния СССР. Но пока идет война с Англией и Германия получает из Финляндии никель и лес, Гитлер не желает каких-либо конфликтов в бассейне Балтийского моря.

Однако Молотов продолжал настаивать на том, чтобы в отношении Финляндии не откладывать реализацию планов на шесть месяцев или на год, и предложил урегулировать финский вопрос «в тех же рамках, что и в Бессарабии и в соседних странах» (т. е. в Прибалтике) [52]. Высказывания Молотова полностью, как он сам заявил, согласованные со Сталиным, свидетельствовали о том, что они упорно стремились разместить советские войска на всей территории Финляндии с последующим ее включением в состав СССР. Эти претензии вызвали у Гитлера раздражение, и он прекратил дискуссию на эту тему словами: «Все стратегические требования России были удовлетворены ее мирным договором с Финляндией» [53].

Десять дней спустя, по возвращении в Москву, Молотов сообщил Шуленбургу, что СССР готов присоединиться к Пакту четырех, если германские войска немедленно покинут Финляндию. Тогда же «Советский Союз гарантирует мирные отношения с Финляндией», для чего необходимо согласовать «третий секретный протокол между Германией и Советским Союзом относительно Финляндии» [54]. Более полугода после этого ни в Берлине, ни в Москве проблема Финляндии открыто не упоминалась. А 21 июня 1941 г., накануне агрессии против СССР, в телеграмме Шуленбургу Риббентроп подчеркнул: «Оккупация и большевизация Советским Союзом представленных ему сфер влияния является прямым нарушением московских соглашений, хотя имперское правительство в течение какого-то времени и смотрело на это сквозь пальцы» [55].

Сталин и его окружение до 22 июня 1941 г. слепо верили в силу советско-германского договора и убаюкивали свой народ. М. И. Калинин, выступая 5 мая 1941 г. перед выпускниками Военно-политической академии им. В. И. Ленина, говорил: «В момент, когда, казалось, что рука агрессора, как думали чемберленовцы, была занесена над Советским Союзом, в это время мы заключили пакт с Германией. Занесенная над нами рука агрессора была отведена рукой товарища Сталина... Договор, заключенный между Советским Союзом и Германией, выбил оружие из их рук» [56].

В подобном духе было составлено и пресловутое заявление ТАСС, опубликованное 14 июня 1941 года. В нем, в частности, утверждалось, что слухи о близости войны между СССР и Германией являются «неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил» и что Германия не имеет намерения напасть на Советский Союз. Позднее выяснилось, что цель этого заявления якобы состояла в том, чтобы

[51] СССР — Германия. 1939—1941. Т. 2. Вильнюс. 1989, с. 108.
[52] Там же, с. 111.
[53] Там же, с. 117.
[54] Там же, с. 133.
[55] Там же, с. 168.
[56] Цит. по: Артамошин Ю. Просчет руководства.— Аргументы и факты, 1989, № 23.

прощупать подлинные намерения Гитлера, однако в действительности оно создало ложное представление о международной ситуации, дезориентировало советских людей и сыграло негативную роль в деле мобилизации страны накануне великого испытания. Вследствие недальновидной политики советского руководства, и прежде всего Сталина, и в результате подписания советско-германских договоров международная изоляция СССР усугубилась.

Отрицательную роль во внешнеполитической деятельности советского руководства сыграло негативное отношение Сталина и его окружения к международной социал-демократии, которую он, а вслед за ним и Исполком Коминтерна считали даже более опасным врагом, чем фашизм. Этой концепции они продолжали придерживаться и после VII Конгресса Коминтерна, вплоть до июня 1941 года.

Проблема советского фактора в предвоенном политическом кризисе сложна и неоднозначна. В состоявшихся в последнее время дискуссиях по отдельным ее аспектам выявилась тенденция к сближению точек зрения советских историков на события того времени. Препятствием на пути поиска истины служат попытки во что бы то ни стало обосновать «поразительный эффект», якобы полученный Советским Союзом от заключения в августе 1939 г. договора с Германией, который совершенно безосновательно оценивается как «величайшая дипломатическая победа первой половины XX века» [57].

Опыт реализации Сталиным своей внешнеполитической концепции в период острого предвоенного политического кризиса еще раз убеждает в бесплодности любых попыток обеспечить безопасность своей страны за счет безопасности других стран. Последствия советско-германских договоренностей 1939 г. и поныне остаются, как говорил А. Н. Яковлев на Втором съезде народных депутатов СССР, «одной из наиболее опасных мин замедленного действия из доставшегося нам в наследство минного поля, которое мы сейчас с таким трудом и сложностями хотим очистить. Мы не можем не сделать этого во имя перестройки, ради утверждения нового политического мышления, для восстановления чести социализма, попранного сталинизмом» [58].

Нарушение принципов международного права со стороны как Гитлера, так и Сталина в один из самых напряженных периодов новейшей истории Европы не было случайным. Если агрессивная политика Германии вытекала из теории и практики фашизма, то решающую роль в принятии Советским Союзом мер, противоречащих ленинским принципам его внешней политики, сыграли те деформации, которые определяли тогда обстановку в стране и сделали возможным сговор тогдашнего ее руководства с фашизмом [59].

В результате были утеряны многие из тех важных достижений во внешнеполитической области, которых Советский Союз добился в предшествующие годы.

---

[57] Рыбкин Е. И. Мировоззрение и военная история.— Военно-исторический журнал, 1989, № 3, с. 51.
[58] Правда, 24.XII.1989.
[59] Кулиш В. М. У порога войны.— Общественные науки, 1989, № 4, с. 124—136.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

С. В. Безбережьев

57 лет жизни Спиридоновой были насыщены событиями удивительными, трагичными, полными революционного пафоса. Террористка в 1906 г.; каторжанка в 1906—1917 гг.; влиятельный политический деятель, лидер партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в 1917—1918 гг.; с 1918 по 1941 г. (с небольшими перерывами) — в советских тюрьмах и ссылке. Судьба ее была типичной для многих русских социалистов, проигравших политическую борьбу в 1917—1920 гг., а затем уничтоженных в ходе репрессий 20—30-х годов.

Весьма солидная по объему политическая биография Спиридоновой появилась на Западе еще при ее жизни. Время от времени там выходили и другие, посвященные ей публикации [1]. В советской печати небольшие материалы о ней стали появляться совсем недавно [2].

Спиридонова родилась 16 октября 1884 г. в Тамбове. Ее отец, Александр Алексеевич, имел чин коллежского секретаря и относился к тому слою дворян со скромным достатком, которые добывали средства к существованию службой в губернских учреждениях. Мать, Александра Яковлевна, занималась домашним хозяйством и детьми, которых в семье было четверо: Евгения, Мария, Юлия и Николай. Благодаря хорошему домашнему образованию Марию в 1895 г. приняли сразу во 2-й класс Тамбовской женской гимназии. 2 июня 1901 г. ей был выдан аттестат, в котором было записано, что она «удостоена звания ученицы, окончившей полный курс обучения». После этого Мария поступила в 8-й, дополнительный, класс. Но уже 14 февраля 1902 г. педагогический совет гимназии рассмотрел заявление; Спиридонова писала: «По расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам я желаю прекратить занятия в VIII классе гимназии, почему покорнейше прошу Педагогический Совет возвратить мои документы» [3]. Она стала работать конторщицей в Тамбовском губернском дворянском собрании [4].

Первые шаги в революцию Мария сделала в 1900—1901 годах. Еще в 6-м классе гимназии примкнула к тамбовской эсеровской организации, а затем стала членом боевой дружины [5]. Одним из организаторов эсеров-

---

БЕЗБЕРЕЖЬЕВ Сергей Викторович — кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского университета.

[1] См., напр., Steinberg I. Maria Spiridonova. Lnd. 1935; Acker Sh. The Role of Maria Spiridonova in the Russian Revolution, 1917—1918.—American Association for Advancement of the Slavic Studies, 20th National Convention (November 18—21, 1988). Honolulu. 1988; etc.
[2] Илешин Б. Судьба Марии Спиридоновой.— Неделя, 1989, № 27; М. А. Спиридонова (библиографическая справка).— Известия ЦК КПСС, 1989, № 9.
[3] Государственный архив Тамбовской области (далее — ГАТО), ф. 1049, оп. 5, д. 485, л. 37об.; ф. 117, оп. 23, д. 47, лл. 1, 2; оп. 29, д. 48, л. 1.
[4] Владимиров В. Мария Спиридонова. М. Б. г., с. 34.
[5] Советская историческая энциклопедия. Т. 13, стб. 751; Спирин Л. М. Крах одной авантюры. М. 1971, с. 26.

ского движения в Тамбовской губернии был В. М. Чернов, будущий теоретик и лидер партии социалистов-революционеров (ПСР), отбывавший в Тамбове ссылку в 1895—1898 годах. Но тогда пути его и Спиридоновой еще не пересеклись. С эсерами Мария познакомилась лишь через два года после его отъезда в эмиграцию. Поэтому он, перечисляя наиболее запомнившихся ему молодых тамбовских неонародников, Спиридонову не упоминает [6].

Первый раз Мария была арестована за участие в демонстрации молодежи в Тамбове 24 марта 1905 года. После непродолжительного разбирательства в полиции ее отпустили [7]. Второй арест, 16 января 1906 г., был связан с террористическим актом против тамбовского губернского советника Г. Н. Луженовского, приговоренного местной организацией эсеров еще в октябре 1905 г. к смертной казни за жестокое усмирение крестьянских выступлений и за организацию в Тамбове «черной сотни» [8].

Спиридонова сама вызвалась осуществить эту акцию. Она выслеживала Луженовского на железнодорожных станциях и в поездах несколько дней и 16 января 1906 г. на ст. Борисоглебск увидела его из окна вагона. Вокруг не было, как обычно, кольца из казаков-охранников. Мария начала стрелять с вагонной площадки из револьвера, который держала в муфте, обернутой платком, потом спрыгнула на перрон и продолжала вести огонь, меняя позицию. Когда Луженовский упал [9], она в нервном припадке закричала: «Расстреляйте меня!» Сбежавшиеся охранники увидели девушку с револьвером, который она подносила к виску. Стоявший рядом казак удврил ее прикладом по голове. Она упала...

Допрос сопровождался избиениями и гнусными издевательствами над раздетой донага Спиридоновой. Заключительным актом стало надругательство над девушкой в вагоне по пути в Тамбов. Врач, освидетельствовавший Спиридонову в тюрьме, нашел у нее многочисленные синяки и кровоподтеки, полосы от ударов нагайками на коленях и бедрах, гноящуюся полосу на лбу, распухшие от ударов губы, сильно поврежденный левый глаз [10]. До самой смерти давали знать о себе отбитые легкие, а нервное потрясение наложило отпечаток на характер, позднее позволявший некоторым лицам называть ее «истеричкой», «кликушей» и т. п. Доставленная в тюрьму в сильном бреду, она полтора месяца не поднималась с койки. Но к жизни в заключении подготовилась заранее: при обыске у нее нашли порошок, которым она собиралась травить тюремных мышей.

Актом большого общественного значения стало открытое письмо Спиридоновой, опубликованное в газете «Русь» (1906, № 27). В нем она описала обстоятельства покушения на Луженовского и достаточно откровенно поведала об истязаниях, которым подверглась. На всю Россию, еще не остывшую от бурного 1905 года, прозвучали ее слова: «В полном согласии с этим приговором (эсеров Луженовскому.— С. Б.) и в полном сознании своего поступка я взялась за исполнение этого приговора... Если убьют, умру спокойно и с хорошим чувством в душе». Полиция считала, что письмо переправила на волю Юлия, сестра Марии. После очередного ее свидания с Марией 19 февраля 1906 г. у нее было найдено еще одно письмо. Юлию арестовали. Была схвачена также третья сестра,

[6] Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. Кн.1. Берлин — Пг.— М. 1922, с. 277.
[7] ГАТО, ф. 272, оп. 1, д. 399, л. 4об.
[8] Владимиров В. Ук. соч., с. 19.
[9] Он получил пять пуль, умер через 24 дня и был похоронен в с. Березовка. В 1917 г. местные крестьяне вырыли из могилы его останки, сожгли их и развеяли по ветру (Тамбовские губернские ведомости, 14.II.1906; Чернов В. М. Ук. соч., с. 310).
[10] Владимиров В. Ук. соч., с. 32, 37, 85. Два истязателя Спиридоновой вскоре были застрелены эсеровскими боевиками.

Евгения, потом оправданная военным судом. Правая печать пыталась скомпрометировать письмо и его автора. Тогда редакция «Руси» отправила в Тамбов для проверки фактов своего сотрудника Владимирова, сыгравшего немалую роль в судьбе Спиридоновой и ставшего позднее автором книги о ней. Уже тогда она производила сильное впечатление на окружающих. Ее адвокат, видный деятель партии кадетов Н. В. Тесленко, при первом же свидании увидел в подзащитной личность «психического типа высокой пробы» [11].

Истинному следствию по делу Спиридоновой мешали сверху. Делалось все, чтобы скрыть правду об истязаниях. Военное ведомство не желало подробного разбирательства, так как в деле были замешаны армейские офицеры. Выездная сессия Московского окружного военного суда рассмотрела его за три часа при закрытых дверях 12 марта 1906 г. в Тамбове. Вторым адвокатом был назначенный судом военюрист А. П. Филимонов. Обвинение выставило двух свидетелей: борисоглебского исправника и врача, оказавшего помощь Луженовскому. После того, как был прочитан обвинительный акт, Спиридонова дала подробные объяснения. В этой, пожалуй, первой в ее жизни политической речи Мария говорила о значении манифеста 17 октября 1905 г., жестоком усмирении выступлений крестьян в Тамбовской губернии, зверствах Луженовского, задачах партии эсеров, издевательствах жандармов. Яркую речь произнес Тесленко. Всей стране стали известны его слова: «Перед вами не только униженная, больная Спиридонова. Перед вами больная и поруганная Россия». Мария была приговорена к смертной казни через повешение. Решение подлежало утверждению и. о. командующего войсками Московского военного округа В. Г. Глазова.

16 дней провела Мария в ожидании утверждения приговора и впоследствии описывала ощущения, которые испытала в камере смертников: «Ни для кого в течение ряда последующих месяцев этот приговор не обходился незаметно. Для готовых на него и слишком знающих, за что умирают, зачастую состояние под смертной казнью полно нездешнего обаяния, о нем они всегда вспоминают, как о самой яркой и счастливой полосе жизни, полосе, когда времени не было, когда испытывалось глубокое одиночество и в то же время небывалое, немыслимое до того любовное единение с каждым человеком и со всем миром вне каких-либо преград. И, конечно, это уже самой необыкновенностью своей, пребыванием между жизнью и могилой, не может считаться нормальным, и возврат к жизни зачастую встряхивал всю нервную систему» [12].

Из камеры она отправила несколько писем товарищам на волю. Не лишенные некоторой рисовки, они все же дают определенное представление о ее мировоззренческих идеалах. «Моя смерть,— писала она,— представляется мне настолько общественно-ценною, что милость самодержавия приму как смерть, как новое издевательство. Если будет возможно и убьют не скоро, то постараюсь быть вам полезной, хотя бы вербованием союзников». Из другого письма: «Принадлежность к партии социалистов-революционеров понимается мною не только как безусловное признание ее программы и тактики, а гораздо полнее. По-моему, это значит отдать свою жизнь, все помыслы и чувства на осуществление идей партии в жизни; это значит каждой минутой своей жизни распоряжаться так, чтобы дело от этого выигрывало» [13].

Готовность к самопожертвованию, вера в партийные идеалы, основанная скорее на чувствах и эмоциях, чем на основательном знании теории, революционный фанатизм — вот черты, которые выделяли Спиридонову в эсеровской среде и давали повод не только для восхищения, но и

[11] Владимиров В. Ук. соч., с. 26, 88, 93.
[12] Спиридонова М. Из воспоминаний о Нерчинской каторге. М. 1926, с. 13.
[13] Владимиров В. Ук. соч., с. 117, 118.

подозрений в возвеличивании собственной персоны. В те 16 дней Мария, как всякий человек, испытывала страх перед смертью и боязнь революционера недостойно повести себя на эшафоте. К этому она готовилась и однажды соорудила на тюремном столике из шпилек что-то наподобие виселицы. Подвесила на нее тонким волоском фигурку из хлебного мякиша и, задумавшись, подолгу сидела напротив, время от времени раскачивая «человечка» [14]. 28 марта ей сообщили о замене смертной казни бессрочной каторгой. Если верить письмам Спиридоновой, это сообщение ее разочаровало: милостей от самодержавия она не хотела.

Перед отправкой на каторгу Спиридонову привезли 25 мая в Москву и поместили в Пугачевскую башню Бутырской тюрьмы. Уважение к юной террористке засвидетельствовали в своем письме находившиеся там в то время знаменитые шлиссельбуржцы Е. С. Созонов, П. В. Карпович, Ш. В. Сикорский: «Вас уже сравнили с истерзанной Россией, и вы, товарищ, несомненно — ее символ. Но символ не только измученной страны, истекающей кровью под каблуком пьяного, измученного казака, вы — символ еще юной, восставшей, борющейся, самоотверженной России. И в этом — все величие, вся красота дорогого вашего образа» [15]. В июне 1906 г. Мария, а вместе с ней ее будущие подруги по каторге Л. Езерская, М. Школьник, А. А. Измайлович, Р. Фиалка и А. А. Биценко в специальном вагоне были отправлены на далекую, печально знаменитую Нерчинскую каторгу. Этот «переезд» происходил в обстановке, весьма далекой от обычного этапирования государственных преступников. Революция в Сибири еще не была усмирена. Каторжный вагон на многих станциях встречали с красными флагами и цветами. Популярность Спиридоновой была огромной [16].

Режим Акатуевской тюрьмы, одной из семи тюрем Нерчинской каторги, оставался до 1907 г. весьма либеральным. Настроение у политзаключенных (25—30 эсеров, 3—4 социал-демократа, несколько анархистов) было бодрое. В пределах каменных стен тюрьмы они пользовались автономией. Обычным явлением были диспуты, лекции, кружки, газеты, книги. Попав на каторге в среду профессиональных революционеров, Спиридонова именно там начала по-настоящему проходить свои университеты. Наибольший авторитет у нее завоевал Г. А. Гершуни, легендарный руководитель Боевой организации ПСР [17]. На его лекции по истории русского революционного движения собиралась вся тюрьма, из-за ворот приходил надзор, и даже начальство позволяло себе выяснять у лектора какие-то интересные детали. Большое влияние на развитие теоретических взглядов и морально-этических представлений Спиридоновой оказал один из самых популярных деятелей ПСР, Егор Созонов. Их встречи, а затем дружеская переписка продолжались вплоть до его трагической кончины 27 ноября 1910 года.

В январе 1907 г. администрация приняла решение переселить заключенных женщин в Мальцевскую каторжную тюрьму. Там Мария содержалась до 1911 года. Бывший начальник конвойной команды Г. Чемоданов вспоминал, как «всякое начальство по приезде на каторгу непременно хотело увидеть ее достопримечательности, к числу которых оно относило и Спиридонову» [18]. Мальцевская тюрьма, в которой в 1906—1911 гг. содержались 36 эсерок, 13 анархисток, 5 большевичек, 2 меньшевички и

[14] Там же, с. 131—132.
[15] Это письмо шлиссельбуржцев и ответ им Спиридоновой были напечатаны в Петербурге в газете «Мысль» (5.VII.1906).
[16] Измайлович А. Из прошлого.— Каторга и ссылка, 1924, № 1, с. 163—165; Школьник М. Жизнь бывшей террористки. М. 1930, с. 92.
[17] Спиридонова М. Ук. соч., с. 16, 32, 33. И. З. Штейнберг, выступая 3 марта 1928 г. на собрании «Еврейского рабочего союза им. Г. А. Гершуни» (США), говорил о тесной духовной связи Спиридоновой и Гершуни, о праве левых эсеров вести от Гершуни свою родословную (Знамя борьбы, Берлин, 1929, № 24—26, с. 7).
[18] Чемоданов Г. Нерчинская каторга. М. 1930, с. 73.

др., представляла собой одноэтажные деревянные постройки за каменной оградой. В камерах было сыро и холодно. Питались заключенные скверно. Зато они «и подобия каторжного режима не видали в ту пору (до 1911 года, когда их перевели в Акатуй на исправление)» [19].

Каторжницы много занимались самообразованием. Подруга Спиридоновой И. К. Каховская вспоминала: «Книги, конечно, были главным содержанием жизни, ее оправданием, смыслом, целью. Мы получали их в достаточном количестве с воли, главным образом научные, и подобрали небольшую, но ценную библиотеку по разным отраслям знания» [20]. Занятия, в том числе по естествознанию и иностранным языкам, продолжались иногда до 12 часов ночи. То был заметный этап подготовки Спиридоновой к будущей политической деятельности.

Но сказывалось и пережитое. Мария очень часто болела, порой «впадала в бредовое состояние и целыми сутками лежала в забытьи без сознания» [21]. Требовалось серьезное лечение. Заключенные Горно-Зерентуйской тюрьмы, где имелась больница, объявили голодовку и добились перевода больной к ним. «День ее приезда остался одним из ярких моментов в жизни Горного Зерентуя» [22]. Осенью 1907 г. эсеровская эмиграция получила письмо Спиридоновой с просьбой организовать ее побег. Для этого В. Н. Фигнер было поручено достать 4 тыс. руб., доктору А. Ю. Фейту — подыскать исполнителя, способного вывезти Марию. Вызвался один из эмигрантов, А. Сперанский. Однако обе попытки, предпринятые им в 1909—1910 гг., оказались неудачными, а отважный юноша поплатился 5-летней ссылкой в Якутскую губернию [23].

Освобождение пришло лишь с Февральской революцией. 3 марта 1917 г. начальник Акатуевской тюрьмы сообщил политзаключенным, что по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского освобождаются в первую очередь эсерки А. А. Биценко, А. А. Измайлович, Ф. Е. Ройблат (Каплан), М. А. Спиридонова, Н. А. Терентьева, А. Я. Тебенькова (Пирогова), А. Шенбург и В. В. Штальтерфот. Потом к ним добавили анархисток А. Шумилову и П. И. Шакерман [24].

Оказавшись уже 8 марта в Чите, Спиридонова сразу же приступила к активной политической работе: в контакте с местной эсеровской группой, выпускавшей с 17 марта газету «Народное дело», повела пропаганду, подписывала воззвания к населению об оказании помощи политкаторжанам, выступала с докладами на заседаниях исполкома Читинского Совета рабочих и солдатских депутатов. После ее речи 13 мая исполком принял решение о ликвидации Нерчинской каторги [25]. С левым крылом эсеров, появившимся еще в 1915 г., а в 1917 г. активно заявившим о себе на II Петроградской конференции ПСР, Спиридонова установила контакты еще в Чите, твердо став на интернационалистские позиции. Вспоминая о своей встрече там с товарищем по каторге С. Фарашьянцем, она отмечала, что «его изрядно напугал мой интернационализм» и «ставка на социалистическую революцию» [26].

Во второй половине мая Спиридонова выехала в Москву. Вместе с А. М. Флегонтом, Каховской и Биценко она должна была представлять эсеров Забайкальской области на III съезде ПСР. 31 мая они появились

[19] Биценко А. В Мальцевской женской тюрьме.— Каторга и ссылка, 1923, № 7, с. 192.
[20] Каховская И. Дни и годы. В кн.: Учеба и культработа в тюрьме и на каторге. М. 1932, с. 164.
[21] Радзиловская Ф. Н., Орестова Л. П. Мальцевская женская тюрьма. В кн.: На женской каторге. М. 1932, с. 27, 47.
[22] Соболь А. Записки каторжанина. М.— Л. 1925, с. 94.
[23] Фигнер В. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. М. 1932, с. 228—231.
[24] Пирогова А. Я. На женской каторге. В кн.: На женской каторге, с. 201, 203.
[25] Забайкальский рабочий, Чита, 30.III; 17.V.1917.
[26] Спиридонова М. Ук. соч., с. 29.

на заседании съезда. Председательствующий Н. С. Русанов объявил, что среди делегатов находятся Спиридонова, Биценко, Терентьева, Каховская и Л. П. Орестова, имена которых «принадлежат к самым светлым и благородным явлениям русской революции», и пригласил их в почетный президиум. В памяти делегатов съезда был еще жив образ девушки, не побоявшейся открыто выступить против зла и несправедливости. Но как политического деятеля Спиридонову пока не признавали. Она не была избрана в состав ЦК ПСР, хотя такое предложение было внесено. Сразу после съезда при выборах исполкома на I Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов из 1115 делегатов (в том числе 537 эсеров) за нее было подано лишь 7 голосов.

Вместе с М. А. Натансоном, П. П. Прошьяном и Б. Д. Камковым Спиридонова играет одну из главных ролей в левоэсеровской оппозиции [27]. В состав Оргбюро левого крыла ПСР она вошла еще в ходе ее III съезда и вскоре активно включилась в работу Петроградской организации. Контактировала с редакцией петроградской «Земли и воли», где еще весной 1917 г. сосредоточилась часть левоэсеровского ядра. Часто выступала на предприятиях и в воинских частях. Ее эмоциональные речи с призывами к прекращению войны и немедленной передаче земли крестьянским комитетам, а власти — Советам имели большой успех. В июльские дни В. И. Ленин уже выделял Спиридонову как наиболее яркого лидера левого крыла эсеров. «Колебания у эсеров и меньшевиков выражаются в том, что Спиридонова и ряд других эсеров высказываются за переход власти к Советам»,— писал он в статье «Три кризиса» [28].

К концу лета 1917 г. влияние левых в ПСР возросло. ЦК партии был вынужден 11 августа опубликовать в своем печатном органе «Дело народа» резолюцию левоэсеровского меньшинства, предложенную VII Совету ПСР, с осуждением политики коалиционного правительства и требованием, чтобы партия сняла с себя ответственность за деятельность в нем ее представителей. 16 и 17 августа к левоэсеровской резолюции присоединился Петроградский губернский съезд партии. Там Спиридонова выступила с речью «О современном моменте». В сентябре такое же решение приняла VII Петроградская губернская конференция ПСР, тоже при активном участии Спиридоновой [29]. В те дни из 45 тыс. эсеров Петрограда 40 тыс. перешли на левые позиции [30]. В левоэсеровском по составу Петроградском горкоме ПСР в числе его 12 членов оказалась и Спиридонова. Вместе с Камковым она стала заместителем председателя комитета. Одновременно ее избрали в редколлегию левоэсеровской газеты «Знамя труда», а 15 сентября 1917 г.— депутатом Петросовета [31].

К тому времени она приобрела уже известность и как публицист. Ее печатные материалы, часто появлявшиеся в редактируемом ею журнале «Наш путь», не претендовали на глубокую теоретическую разработку программы и тактики эсеров. Они отличались политическим прагматизмом и резкой критикой любых отступлений от революционной «чистоты былых эсеровских догм». Недаром Ленин называл левых эсеров «верными хранителями учения, программы и требований социалистов-революционеров» [32]. Но борьба Спиридоновой против правоцентристской части

[27] Протоколы III съезда партии социалистов-революционеров (Москва, 25 мая — 4 июня 1917). Стеногр. отч. М. 1917. с. 212, 270; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975. с. 147.

[28] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32, с. 430. Впервые он упомянул Спиридонову в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (написана 28 марта 1906 г.), где при объяснении понятий «диктатура революционного народа» и «военно-полицейская диктатура» привел в качестве примера факт истязаний Спиридоновой (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, с. 319—322).

[29] Дело народа, 12.IX.1917.

[30] Пролетарская революция, 1927, № 4, с. 106.

[31] Дело народа, 17.IX.1917.

[32] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 152.

руководства ПСР не была направлена на раскол ПСР. Спиридонова и ее товарищи стремились лишь к укреплению своих позиций внутри партии, к привлечению на свою сторону большинства ее членов. В одной из статей Спиридонова писала: «Мы, меньшинство, оставаясь в партии,.. объявляем идейную борьбу за преобладание в партии» [33]. Создать отдельную партию левые эсеры решились только в ноябре 1917 года.

На Демократическом совещании, созванном Временным правительством в сентябре с целью стабилизации политического положения, Спиридонова выступала как делегат от ЦИК Советов крестьянских депутатов. 18 сентября она произнесла речь, встреченную бурными аплодисментами. Ее отношение к главному тогда вопросу — о власти — было однозначно выражено призывом: «Долой коалицию, и да здравствует власть народа и революции!» [34]. В рамках Демократического совещания Спиридонова еще не призывала к передаче власти Советам, она считала возможным образование антибуржуазного правительства под контролем Демократического совещания и вошла в Предпарламент как одна из 38 представителей от ЦИК Советов крестьянских депутатов [35]. Но когда стало ясно, что Демократическое совещание не оправдывает ожиданий трудящихся, Спиридонова и все левые эсеры покинули Предпарламент и начали ориентироваться исключительно на Советы. Левоэсеровская газета «Знамя труда», в редколлегию которой входила Спиридонова, резко выступила против правых эсеров и стала публиковать требования о созыве II Всероссийского съезда Советов для решения вопроса об «организации жизни страны», причем Советы назывались единственной организацией, выражающей «политическую волю демократии».

В условиях общенационального кризиса большевики, как известно, взяли курс на вооруженное восстание. Важное значение при этом имела позиция левых эсеров. Ленин, прогнозируя новую ситуацию в сентябре 1917 г., полагал, что сторонники Спиридоновой (как и меньшевики-интернационалисты, сторонники Ю. О. Мартова) поддержат восстание [36]. Действительно, в октябре левые эсеры вошли в Петроградский ВРК и активно участвовали в Октябрьском вооруженном восстании. Они в отличие от меньшевиков и правых эсеров остались на II Всероссийском съезде Советов, голосовали за декреты о мире и о земле, вошли в состав ВЦИК (23 человека, в том числе Спиридонова) [37]. Но их позиция была непоследовательной и колеблющейся. Это проявилось и в отказе левых эсеров войти в состав Советского правительства. Переговоры большевиков 26 октября с Б. Д. Камковым, В. А. Карелиным и В. Б. Спиро, которым было предложено совместно создать исполнительную власть, оказались безрезультатными.

Очевидно, те же вопросы затрагивались и в беседе Ленина со Спиридоновой, состоявшейся в тот же день, за два часа до открытия второго заседания II Всероссийского съезда Советов. Крупская вспоминала: «В памяти осталась обстановка этого совещания. Какая-то комната в Смольном, с мягкими темно-красными диванчиками. На одном из диванчиков сидит Спиридонова, около нее сидит Ильич и мягко как-то и страстно в чем-то ее убеждает» [38]. Левые эсеры выступили тогда за создание «однородного революционного правительства» из представителей всех социалистических партий — от большевиков до народных социалистов. Спиридонова, по всей видимости, разделяла эту идею. Во всяком

[33] Наш путь, 1917, № 2, с. 34.

[34] Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 19, 23.IX.1917.

[35] Знаменский О. В. Всероссийское Учредительное собрание. Л. 1976, с. 174.

[36] См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 138.

[37] Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М. 1977, с. 98.

[38] Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М. 1957, с. 319.

случае, когда в ходе переговоров со Всероссийским исполкомом профсоюза железнодорожников всплыл вариант образования «Народного Совета», то в выделяемый для него «кабинет министров» предлагалось ввести и Спиридонову как министра государственного призрения [39].

Спиридонова, хотя и не принимала тактики большевиков, осознавала необходимость сотрудничества с ними. «Как нам ни чужды их грубые шаги,— говорила она на I съезде партии левых эсеров 21 ноября 1917 г.,— но мы с ними в тесном контакте, потому что за ними идет масса, выведенная из состояния застоя». Она считала, что влияние большевиков на массы носит временный характер, поскольку у большевиков «нет воодушевления, религиозного энтузиазма,.. все дышит ненавистью, озлоблением. Эти чувства... хороши во время ожесточенной борьбы и баррикад. Но во второй стадии борьбы, когда нужна органическая работа, когда нужно создавать новую жизнь на основе любви и альтруизма, тогда большевики и обанкротятся. Мы же, храня заветы наших борцов, всегда должны помнить о второй стадии борьбы» [40].

Такой стадией, по мнению Спиридоновой, станет «социальная революция», которая «зреет и скоро вспыхнет», но получит шансы на успех лишь в случае, если превратится в мировую. Октябрьская революция как «политическая» есть лишь начало революции мировой. «Капитализму у нас нанесен сильный удар,— говорила Спиридонова, — расчищены пути для проведения социализма. В Западной Европе наступили все материальные условия, но нет вдохновляющей идеологии, чего у нас так много... Победа будет обеспечена, если она будет идти под знаменем Интернационала» [41]. Спиридоновские оценки характера и перспектив Октябрьской революции мало чем отличались от традиционных левоэсеровских представлений. Некоторым диссонансом, пожалуй, прозвучало признание ею «социалистического характера» Октябрьской революции в речи 14 декабря 1917 г. на Всероссийском съезде железнодорожников [42].

Советы она характеризовала как «самое полное выражение народной воли». Сопоставляя их с западноевропейскими парламентами, сравнивая «советскую» и «буржуазную» демократии, она выбирала Советы: «Путем парламентской борьбы мы не можем прийти к социализму» [43]. В то же время Спиридонова скептически относилась к возможностям Совнаркома: «Демократия напрасно надеется, что правительство может спасти революцию и страну. Никакое правительство не может этого сделать, только сам народ собственными силами в состоянии спасти себя. Если народ сам не сорганизуется, то сверху «декретами» помочь нельзя. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны брать власть в свои руки и проводить в жизнь новые, народные законы» [44].

Вплоть до провозглашения 18 ноября 1917 г. левоэсеровским совещанием себя Первым съездом ПЛСР Спиридонова питала надежду на завоевание левыми большинства в ПСР. В речи на I съезде ПЛСР Спиридонова 21 ноября призвала вспомнить старые традиции, резко критиковала официальное партийное руководство за то, что партия перестала иметь «идеальный, интимный характер чистоты и святости первых организаций» и стала «государственной партией», в которую входят лица, «чуждые социализму». Выборы ЦК ПЛСР показали, что Спиридонова, Натансон и Камков — признанные лидеры этой партии.

В те ноябрьские дни Спиридонова выполняла важнейшую для левых эсеров задачу по завоеванию на их сторону крестьянского большинства

[39] Разгон А. И. Ук. соч., с. 130.
[40] Протоколы I съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Б. м. 1918, с. 35сл.
[41] Там же, с. 35—37.
[42] Известия Петроградского Совета, 17.XII.1917.
[43] Протоколы I съезда ПЛСР, с. 34.
[44] Знамя труда, 11.XI.1917.

на Чрезвычайном и II Всероссийском съездах крестьянских депутатов. «Нам необходимо как молодой партии,— говорила Спиридонова I съезду ПЛСР,— завоевать крестьянство. Первым пробным камнем является этот съезд» (II Всероссийский съезд крестьянских депутатов.—С. Б.) [45]. Ставка на Спиридонову была сделана левоэсеровским ЦК не случайно. К ореолу великомученицы она к тому времени сумела прибавить, во многом благодаря характерному для ее политической практики популизму, известность эмоционального оратора, публициста и политического деятеля, отстаивающего крестьянские интересы. Дж. Рид называл ее в тот момент «самой популярной и влиятельной женщиной в России» [46]. Показательно, что Спиридонова была избрана председателем обоих крестьянских съездов. Чрезвычайный и II Всероссийский крестьянские съезды, а затем ЦИК и крестьянская секция ВЦИК были главной ареной политической деятельности Спиридоновой в конце 1917 — начале 1918 года.

Блок большевиков и левых эсеров, сложившийся в ноябре — декабре 1917 г., имел важное значение для укрепления Советской власти. В Совнарком от левых эсеров вошли соратники Спиридоновой П. П. Прошьян, И. З. Штейнберг, А. Л. Колегаев, В. Е. Трутовский, В. А. Карелин, В. А. Алгасов. Сама она не стала народным комиссаром, так как ЦК ПЛСР посчитал ее работу в ЦИК более важной. После становления блока с большевиками Спиридонова относится более лояльно к Октябрьской революции, которая произошла, по ее словам, «быть может не в тех принципиальных рамках, о которых мечтали интернационалисты», и «многое, быть может, подлежит критике», но в отношении этой революции «нет места ни одному слову осуждения» [47].

Правые эсеры называли Спиридонову «сектанткой до корня волос», обвиняли в пренебрежении к Учредительному собранию; в том, что интересы крестьянства для нее менее важны, чем интересы международной революции; что она проводит линию подчинения народных масс большевикам: «Побратавшись с «Советами народных комиссаров», вы из всех сил стараетесь притянуть крестьян к Смольному и тем самым поставить крестьянскую печать на декреты гг. большевистских комиссаров» [48]. Отношение правых социалистов к Спиридоновой проявилось и в первый день работы Учредительного собрания, когда при выборах его председателя за Спиридонову проголосовали 153 (в том числе большевики), а за Чернова — 244 депутата [49]. 6 января Учредительное собрание было распущено, а в Петрограде разогнана с применением оружия демонстрация его защитников, имелись жертвы. Чернов в «Открытом письме бывшему товарищу Марии Спиридоновой» возлагал на нее часть вины за это «насилие над демократией», называя левых эсеров «политическими убийцами» [50].

Одним из важнейших вопросов, стоявших перед революцией, являлся выход из империалистической войны. Спиридонова поддерживала усилия делегации Советской России по заключению мирного договора с Германией, полагая, что это пойдет на пользу мировой революции: «После поступков правительств Англии и Франции,— говорила она,— заключение сепаратного мира будет только тем толчком, который заставит массы прозреть» [51]. Ленин неоднократно беседовал со Спиридоновой о переговорах в Брест-Литовске [52], и у нее сложилось твердое мнение, что, каким бы позорным для России и грабительским со стороны Германии ни был этот договор, подписать его необходимо. На III съезде ПЛСР (28

[45] Протоколы I съезда ПЛСР, с. 34—35.
[46] Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М. 1957, с. 247.
[47] Известия Петроградского Совета, 17.XII.1917.
[48] Всероссийский Совет крестьянских депутатов, Пг., 17.XII.1917.
[49] Всероссийское Учредительное собрание. М.-Л. 1930, с. 9.
[50] Дело народа, 12.I.1918.
[51] Известия Петроградского Совета, 17.XII.1917.
[52] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5, с. 195.

июня — 1 июля 1918 г.) Спиридонова говорила: «На III съезде Советов... при своих частых разговорах с Лениным я ставила ему категорический вопрос, в какой степени он мыслит уступки по отношению к германскому империализму и можно ли допустить хотя бы какие-либо отступления в нашем внутреннем процессе социалистических реформ. Тогда он обозвал всю партию и товарища Камкова, в частности, дураками за то, что мы допускаем, что Россия будет исполнять так или иначе договор, что мы будем осуществлять его только внешне, что все существо его глубоко реакционное, направленное против Советской власти, против русской революции, не может быть выполнено» [53].

Большинство ЦК ПЛСР поддерживали заключение договора с Германией вплоть до 23 февраля 1918 года. В те дни германская делегация поставила новые, гораздо более тяжелые условия мира, и ЦК ПЛСР сначала на своем совещании, а затем на объединенном заседании с ЦК РСДРП (б) высказался против заключения договора [54]. Спиридонова, оставшись в меньшинстве, продолжала поддерживать позицию Ленина и его сторонников. Даже в апреле 1918 г., после драматического IV Всероссийского съезда Советов, она не изменила своей точки зрения. В докладе 19 апреля 1918 г. на II съезде ПЛСР, который можно считать наиболее впечатляющим ее политическим выступлением, Спиридонова, полемизируя с Камковым, призвала левых эсеров разделить с большевиками ответственность за Брестский мир: «Мир был подписан не нами и не большевиками: он был подписан нуждой, голодом, нежеланием всего народа — измученного, усталого — воевать. И кто из нас скажет, что партия левых социалистов-революционеров, представляй она одна власть, поступила бы иначе, чем поступила партия большевиков?» [55]. Спиридонова резко отвергла призывы некоторых делегатов съезда спровоцировать разрыв Брестского договора и развязать «революционную войну» против германского империализма.

Однако в то же самое время Спиридонова и Камков вели переговоры с членами Исполнительного комитета «Революционной интернационально-социалистической организации иностранных рабочих и крестьян» Т. Томаном, Р. Райтером и Ф. Янчиком. Предметом переговоров была организация с помощью военнопленных террористического акта против генерала Г. фон Эйхгорна, возглавлявшего немецкую оккупационную группу армий «Киев». Ленин, узнав об этой беседе, пригласил Томана, Райтера и Янчика в Кремль, где провел с ними «контрбеседу», в ходе которой подробно рассказал им о значении Брестского мира, о политике левых эсеров и других партий [56].

В период апреля — июня 1918 г. Спиридонова круто изменила свою политическую позицию. От сотрудничества с большевиками она, одна из немногих резко осуждавшая выход левых эсеров из Совнаркома, переходит в лагерь политических противников большевиков. По ее собственным словам, она была после выхода левых эсеров из Советского правительства единственным связующим звеном с большевиками и ушла от них «позже других» [57]. В это время резко меняется отношение Спиридоновой и к Брестскому миру. В июне 1918 г. она открыто выступала против «похабного» договора, с надрывом говорила на митингах о помощи народам,

[53] Владимирова В. Левые эсеры в 1917—1918 гг.— Пролетарская революция, 1927, № 1, с. 112.
[54] Минц И. И. Год 1918-й. М. 1982, с. 94.
[55] Знамя борьбы, Пг., 24.IV.1918.
[56] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5, с. 419. Покушение на Эйхгорна все-таки состоялось. В его организации принимала участие близкая подруга Спиридоновой Каховская (см. Каховская И. К. Дело Эйхгорна и Деникина. В деникинской оккупации 1919—1920 гг. В кн.: Пути революции. Берлин. 1923, с. 191сл.).
[57] Письмо М. Спиридоновой Центральному комитету партии большевиков. Пг. 1918, с. 24.

восставшим против немцев на оккупированных ими территориях, хорошо понимая, что ценой этому должен стать разрыв мирного договора. Мелкобуржуазная революционность взяла верх над ответственным государственным отношением к делу.

Кроме Бреста серьезным и едва ли не главным пунктом противоречий Спиридоновой с большевиками становится их политика по отношению к крестьянству. В июне — июле 1918 г. Спиридонова обрушила на большевистский ЦК шквал обвинений в предательстве интересов крестьянства. Конкретно они выражались в том, что большевики свертывают «социализацию» земли, заменяя ее «национализацией»; препятствуют нормальной деятельности Крестьянской секции ВЦИК. Спиридонова обвиняла большевиков в продовольственной диктатуре, в организации продотрядов, насильно реквизирующих хлеб у крестьян, в насаждении комитетов бедноты.

Накануне левоэсеровского мятежа Спиридонова заявила, что если многие разногласия большевиков и левых эсеров имеют хотя и серьезный, но все же временный характер, то «в вопросе о политике по отношению к крестьянам мы будем давать бой при всяком декрете», «мы будем бороться на местах, и комитеты деревенской бедноты места себе иметь не будут» [58]. 2 июля 1918 г. по газете «Голос трудового крестьянства» Ленин ознакомился с речью Спиридоновой 30 июня 1918 г. на Крестьянской секции ВЦИК. Накануне мятежа (не позднее 5 июля 1918 г.) он беседовал со Спиридоновой. Речь шла о поисках компромисса между большевиками и левыми эсерами: обсуждался вопрос о передаче в уравнительное распределение уже национализированных земель [59].

24 июня 1918 г. ЦК ПЛСР принял решение о разрыве Брестского мира путем организации террористических актов против виднейших представителей германского империализма. Кроме того, надлежало мобилизовать надежные военные силы и «приложить все меры к тому, чтобы трудовое крестьянство и рабочий класс примкнули к восстанию и активно поддержали партию в этом выступлении». Для проведения в жизнь подобных «решительных действий против настоящей политики СНК» ЦК ПЛСР организовал бюро из трех человек с диктаторскими полномочиями: Спиридонова, Голубовский, Майоров. Спиридонова явилась главным организатором покушения на германского посла в Москве В. Мирбаха, лично инструктировала одного из его убийц, Я. Г. Блюмкина, и принимала участие в инсценировке покушения. Следственной комиссии она заявила: «Я организовала дело убийства Мирбаха от начала до конца» [60].

В то же время в своих достаточно откровенных показаниях Спиридонова заявляла, что «во всех постановлениях ЦК партии свержение большевистского правительства ни разу не намечалось». Левоэсеровский мятеж, говорила она, объяснялся лишь тем, что ЦК ПЛСР был вынужден противодействовать «защите русским правительством убитых агентов германского империализма» [61]. Одна из главных ролей Спиридоновой в левоэсеровском мятеже, помимо подготовки покушения на Мирбаха, заключалась в попытке завоевать на свою сторону крестьян-депутатов V Всероссийского съезда Советов. Но ее речи 4—6 июля, насыщенные до предела эмоциями, не достигли цели. Съезд за левыми эсерами не пошел.

В событиях 6—7 июля 1918 г. Спиридонова проявила максимум активности. 6 июля около 6 час. вечера при ее непосредственном участии в штабе отряда при ВЧК под командованием Д. И. Попова в Трехсвяти-

[58] Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, Москва, 4—10 июля 1918 г. Стеногр. отч. М 1918, с. 58—59.
[59] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5, с. 594, 596, 603.
[60] Красная книга ВЧК. Т. 1. М. 1989, с. 268.
[61] Там же, с. 269.

тельском переулке был арестован Ф. Э. Дзержинский. Затем Спиридонова произнесла зажигательную речь перед собравшимися во дворе «поповцами» и отправилась на автомобиле под охраной матросов на V Всероссийский съезд Советов. В Большом театре, где проходил съезд, она проводила совещания и перевыборы бюро фракции левых эсеров, произносила речи, пыталась поддерживать у изолированных левых эсеров боевой дух. 7 июля мятеж был подавлен.

В ночь на 8 июля в Большом театре регистрировали и разоружали членов левоэсеровской фракции. Более 100 человек сдали оружие добровольно. Спиридонова отказалась, и при обыске у нее отобрали револьвер. Основная масса левых эсеров, переведенная 8 июля из Большого в Малый театр, 9 июля была отпущена на свободу, а 13 человек вместе со Спиридоновой отправили на Кремлевскую гауптвахту. 9 июля 10 человек освободили, остались Спиридонова, Мстиславский и Измайлович. Помощник коменданта Кремля рассказывал, что Ленин приказал устроить Спиридонову как можно лучше. Ей отдали две хорошие комнаты во дворце, пищу приносили с кухни СНК, доставляли папиросы, разную литературу, письма. Но сама она была недовольна «квартирой» и говорила по этому поводу: «Я двенадцать лет боролась с царем, а теперь меня большевики посадили в царский дворец» [62].

По Москве ходили слухи о расстреле Спиридоновой. Один из руководителей ВЧК, Я. Х. Петерс, по этому поводу дал 22 августа 1918 г. интервью газете «Вечерние известия Московского Совета», в котором сообщал, что слухи эти провокационны [63]. О некоторых обстоятельствах содержания Спиридоновой в Кремле рассказывал и комендант Кремля П. В. Мальков. В частности, о том, как по разрешению Я. М. Свердлова на свидание со Спиридоновой в сентябре 1918 г. допустили ее товарищей А. М. Устинова и А. Л. Колегаева, не принимавших участия в мятеже. Их попытка «переубедить Спиридонову» закончилась неудачей [64].

Пока Спиридонова сидела в Кремле, ее партия переживала тяжелые времена. О своем осуждении действий ЦК ПЛСР заявил ряд местных левоэсеровских организаций. Однако I Совет ПЛСР (август 1918 г.) одобрил действия ЦК ПЛСР, избрал в качестве Временного исполнительного органа партии Центральное бюро и санкционировал уход ПЛСР в подполье [65]. В августе — сентябре 1918 г. из числа левых эсеров, осуждавших мятеж, сформировались две самостоятельные партии: революционные коммунисты и народники-коммунисты.

Находясь под арестом в Кремле, Спиридонова знала о процессах, происходивших в ПЛСР. Анализируя причины кризиса в партии, она признала, что руководство ПЛСР допустило ряд серьезных тактических ошибок. В письме IV съезду ПЛСР 2—7 октября 1918 г. она отмечала: «Вина ЦК, в частности моя (я бы себя четвертовать дала сейчас за свою вину), в непредусмотрительности, отсутствии дальновидности, которая должна была бы предугадать возможные последствия акта и заранее нейтрализовать их». Спиридонова писала, что взялась за организацию акта, чувствуя свою вину за поддержку Брестского мира. В то же время она высказалась против террора по отношению к большевикам, не выступала за немедленное восстание, а призвала партию принять «защитный цвет» с тем, чтобы избежать ударов большевиков, вернуть доверие масс и «выработать мудрую тактику, которая дала бы русской революции возможность разорвать Брестский мир» [66].

В ноябре 1918 г. Спиридонова, написав в Кремле, переправила на волю «Открытое письмо ЦК партии большевиков», в котором, оправдывая действия ЦК ПЛСР, обрушила на головы большевиков массу обвинений в отходе от революции. Один из тезисов письма заключался в том, что разгром партии левых эсеров означал разгром Советской власти и установление власти партии большевиков. Осуждая насилие вообще и красный террор в частности, она, обращаясь к Ленину, писала: «И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с Вашим огромным умом и личной безэгоистичностью и добротой не могли догадаться не убивать Каплан. Как это было бы не только красиво и благородно, не по царскому шаблону, как это было бы нужно нашей революции». Резко выступая против деятельности ВЧК, она предупреждала ЦК РКП(б): «Вы скоро окажетесь в руках вашей чрезвычайки, вы, пожалуй, уже в ее руках. Туда вам и дорога» [67]. Ответом на письмо Спиридоновой стала брошюра Ем. Ярославского «Трехсвятительская богородица Мария» (М. 1919), явно уступавшая «спиридоновскому манифесту» в эмоционально-пропагандистском накале и едва ли превосходившая его по силе аргументации.

Ревтрибунал по делу о левоэсеровском мятеже заседал 27 ноября 1918 года. Из обвиняемых присутствовали только Спиридонова и Ю. В. Саблин, остальные либо были уже расстреляны, либо находились «в бегах». Спиридонова, сделав краткое заявление о том, что она отказывается принимать участие в суде одной партии над другой, покинула зал. Саблин присоединился к ней. После 10-минутного перерыва трибунал решил продолжить слушание дела в отсутствие обвиняемых. Заслушав письменные свидетельские показания Дзержинского и обвинительную речь Н. В. Крыленко, ревтрибунал приговорил Спиридонову и Саблина, «принимая во внимание их особые заслуги перед революцией», к тюремному заключению сроком на 1 год. Но уже 29 ноября 1918 г. Президиум ВЦИК постановил применить к ним амнистию и освободить из заключения [68].

Спиридонова была выпущена из тюрьмы в начале декабря 1918 года. Перед нею предстала картина глубокого разложения ее партии: уход от левых эсеров революционных коммунистов и народников-коммунистов, создавших свои партии; прекращение функционирования ряда печатных органов; участившиеся случаи выхода из партии; рост противоречий между «верхами» и «низами» левых эсеров. Она сразу же попала на II Совет ПЛСР и произнесла там бурную речь. Итоговая резолюция отразила содержание этого выступления. Там говорилось, что «крестьянство смело объявило святой бунт, крестьянство дерзко восстало по всей республике». Выдвигались требования упразднить СНК и передать его функции ВЦИК; упразднить ВЧК; прекратить хлебные и иные реквизиции у крестьян. Резолюция заканчивалась характерным призывом: «Долой олигархию большевиков!» [69].

С появлением Спиридоновой в партии левых эсеров развернулась, как вспоминал Штейнберг, широкая работа. ЦК ПЛСР, размещавшийся в отдаленном районе Москвы, начал налаживать старые связи. Спиридонова работала без устали: принимала посетителей, слушала отчеты, составляла инструкции. Вся ее деятельность была направлена прежде всего на консолидацию партии [70]. В публичных выступлениях она по-преж-

---

[62] Цит. по: Спирин Л. М. Крах одной авантюры, с. 35, 52, 81, 54, 55.

[63] МЧК. Из истории Московской чрезвычайной комиссии, 1918—1921. М. 1978, с. 79.

[64] Мальков П. Записки коменданта Московского Кремля. М. 1963, с. 228—237. Спиридонова в Открытом письме ЦК РКП(б) сообщала, что «подосланный», по ее выражению, Устинов пытался уговорить ее отказаться от политической деятельности.

[65] Гусев К. В. Партия эсеров, с. 272.

[66] Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России. М. 1968, с. 202—203.

[67] Письмо М. Спиридоновой ЦК партии большевиков, с. 20, 21.

[68] Красная книга ВЧК. Т. 1, с. 294—295.

[69] Владимирова В. Левые эсеры в 1917—1918 гг., с. 137—138.

[70] Steinberg I. Op. cit., p. 239.

нему обрушивалась на большевиков, их политику по отношению к крестьянству. Одним из главных ее тезисов было то, что Советской власти не существует, а имеет место единодержавие большевиков. Спиридонова призывала к свержению большевиков, но была вынуждена признавать, что левые эсеры не обладают достаточными для этого силами. На московской конференции левых эсеров в декабре 1918 г. она говорила: «Аппарат нашей партии весьма несовершенен, и мы сами организовать это не сможем. Наше дело бросить лозунг. Волна пойдет снизу» [71]. 6 февраля 1919 г., выступая на заводе «Дукс», она говорила, что большевики правят безответственно и бесконтрольно [72].

Второй раз Спиридонова была арестована органами ВЧК 18 февраля 1919 года. Ее опять поместили в Кремле, а остальных левых эсеров (более 50), арестованных одновременно с нею, отправили в Бутырскую тюрьму [73]. В письмах, переданных на волю, Спиридонова сообщала о своих моральных и физических мучениях, ругала Н. И. Бухарина, считая его «доносчиком», искажавшим ее высказывания на митингах: «Я действительно была «эмоциональна», я кричала «сплошным криком». Ведь это хулиганство, грабеж народа и его святых революционных прав делается не в Красновской деспотии, а в Ленинско-Бухаринской, что для меня до сих пор составляет разницу, поэтому и «кричу». В Красновской деспотии я бы только действовала. Немудрено быть «эмоциональным», говоря о тысячах расстрелянных крестьян» [74].

24 февраля Московский ревтрибунал, признав действительным обвинение Спиридоновой в контрреволюционной клевете на Советскую власть и принимая во внимание ее «болезненно-истерическое» состояние, постановил изолировать ее от политической и общественной деятельности на один год «посредством заключения ее в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда» [75]. Состояние Спиридоновой к тому времени ухудшилось, у нее возобновилось кровохарканье, и 9 марта ее перевели в Кремлевскую больницу, а через неделю поместили в комнату на третьем этаже того же здания. 27 марта ЦК ПЛСР принял решение об организации ее побега, и уже 3 апреля левые эсеры заявили об успешном его осуществлении. Делу помог 22-летний чекист Н. С. Малахов. ЦК ПЛСР сообщал, что «тов. Спиридонова, несмотря на свое сильно расшатавшееся после «санатория» здоровье, сразу приступила к партийной работе» [76].

Между тем партия левых эсеров по-прежнему пребывала в кризисном состоянии, местные и центральные ее органы находились на полулегальном положении. За теми, кто вел подпольную работу, закрепилось название «спиридоновцев», хотя Спиридонова не во всем их поддерживала. Сама она под чужой фамилией (Ануфриева) нелегально жила в 1919—1920 гг. в Москве, порою находя возможность выезжать на встречи с крестьянами, в том числе в родной Тамбов. Много писала для нелегальной левоэсеровской печати [77]. Летом 1919 г., вопреки возражениям группы во главе со Спиридоновой, ЦК левых эсеров принял «Тезисы ЦК ПЛСР», в которых отвергались «методы вооруженной борьбы с существующей властью большевиков» и всякие действия, «клонящиеся к дезорганизации Красной Армии» [78].

[71] Шестак Ю. И. Банкротство партии левых эсеров.— Вестник Московского университета, серия 9, История, 1973, № 2, с. 41.
[72] Правда, 13.II.1919.
[73] Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1. М. 1980, с. 242.
[74] Кремль за решеткой (подпольная Россия). Берлин. 1922, с. 26.
[75] Правда, 25.II.1919.
[76] Бюллетень ЦК ПЛСР, 1919, № 3.
[77] Steinberg I. Op. cit., p. 254.
[78] Гусев К. В., Ерицян Х. А. От соглашательства к контрреволюции. М. 1968, с. 313.

Однако, занимая в ЦК ПЛСР левые позиции, Спиридонова все же не примкнула к ультралевым «активистам», создавшим совместно с «анархистами подполья» террористическую организацию «Всероссийский штаб революционных партизан». Спиридонова, активно занимаясь антибольшевистской пропагандой среди рабочих и крестьян, так и не склонилась к участию в террористических действиях против деятелей РКП (б) и Советского государства. Показательно в этой связи письмо, найденное чекистами у одного из «активистов». Описывая положение дел в ПЛСР, некто «Николай» сообщал: «Теперешний состав ЦК: Камков, Карелин, Штейнберг, Трутовский и Маруся, да Самохвалов. Из них большинство соглашателей, а лишь Самохвалов, вероятно, будет с нами. Маруся занимает позицию среднюю — активность на словах» [79].

Весной 1920 г. ЦК ПЛСР сделал еще одну попытку объединить местные организации на платформе отказа от вооруженной борьбы с Советской властью и снова потерпел неудачу. В результате возникших разногласий из ЦК выделился самостоятельный центр — «Комитет Центральной области», стоявший на старых тактических позициях. ЦК ПЛСР фактически перестал существовать как единый орган. В июле 1920 г. ЦК РКП(б) отказал группе членов ЦК ПЛСР во главе со Штейнбергом в легализации. В октябре 1920 г. группа левых эсеров, ранее входившая в большинство ЦК ПЛСР, И. Д. Баккал, С. Ф. Рыбин, Я. М. Фишман, О. Л. Чижиков и И. З. Штейнберг, объявила о создании Центрального организационного бюро и обратилась ко всем левым эсерам с призывом объединиться на платформе отказа от вооруженной борьбы с Советской властью [80]. Спиридонова, придерживаясь по-прежнему непримиримой по отношению к большевикам позиции, входила в «активное» меньшинство ЦК ПЛСР и оставалась на нелегальном положении.

В ночь на 26 октября 1920 г. Спиридонова была арестована чекистами в третий раз. Взяли ее, больную тифом, у нее в квартире (Тверская ул., д. 75). Арестовали и Камкова, который в тот вечер дежурил у постели больной. Учитывая ее болезненное состояние, Спиридонову около месяца продержали под домашним арестом, а затем перевели в лазарет для чекистов в Варсонофьевском переулке. В начале 1921 г. начались переговоры левоэсеровских лидеров с ВЧК об освобождении Спиридоновой, но тут вспыхнул Кронштадтский мятеж, и дело было отложено. Возле больной безотлучно находилась ее подруга Измайлович. Полгода протекли в «абсолютной замкнутости». 4 июля им предложили переехать в Пречистенскую психиатрическую лечебницу. Спиридоновой дали снотворное и на автомобиле перевезли на новое место. В лечебнице она отказалась принимать пищу и голодала 14 дней, в том числе 10 — без глотка воды. К. Цеткин, приехавшая в Москву на Международный женский конгресс, говорила с Л. Д. Троцким насчет освобождения Спиридоновой и выезда ее за границу. Однако он сказал, что это невозможно, ибо Спиридонова представляет опасность для Советской власти [81].

Спиридонову выпустили на свободу согласно решению Политбюро ЦК РКП(б) от 13 сентября и постановлению Президиума ВЧК от 15 сентября 1921 года [82]. Условием освобождения стало поручительство председателя Центрального оргбюро (ЦОБ) левых эсеров Штейнберга и секретаря ЦОБ Баккала, что она никогда не будет заниматься политической деятельностью. Выйдя на свободу, она вместе с Измайлович отправилась в подмосковную деревню. Обстановка, в которой им пришлось в течение

[79] Из истории ВЧК (1917—1921). Сб. док. М. 1958, с. 358.
[80] Шестак Ю. И. Банкротство партии левых эсеров, с. 43—44.
[81] Steinberg I. Op. cit., p. 275.
[82] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11, с. 501. Это упоминание о Спиридоновой, датированное не позднее 17 сентября 1921 г., последнее в Биохронике. Ленин, ознакомившись со справкой секретного отдела ВЧК, сделал на ней надпись — «В архив».

двух лет жить в частном доме в Малаховке под контролем ВЧК, была далека от «санаторной». Измайлович обратилась даже 11 июня 1922 г. в Красный Крест с письмом, в котором просила перевести Спиридонову в Таганскую тюрьму на казенное содержание.

В 1923 г. Спиридонова попыталась бежать за границу[83] и за это была осуждена на три года ссылки, которую вместе с Измайлович и Майоровым отбывала до февраля 1925 г. в калужском совхозе-колонии. После совместной голодовки с 9 по 21 января 1925 г. всех троих отправили в Самарканд[84]. Там Спиридонова работала в одном из сельскохозяйственных учреждений, трудясь по 13—14 часов в сутки за скромный оклад, прибавлявшийся к пособию от ОГПУ (6 руб. 25 коп.), выдаваемому политссыльным. В письмах к друзьям она описывала местную природу и условия жизни, проявляла большой интерес к деятельности зарубежных социалистов, в свободные часы читала в оригинале французских классиков. В конце 1925 г. ОГПУ предложило ей поменять место ссылки, срок которой заканчивался в 1926 г., однако Спиридонова отказалась и оставалась в Самарканде до 1928 года.

Ситуация осложнилась после того, как ее уволили с работы, а вскоре вместе с Каховской и Измайлович перевели в Ташкент. Осенью 1929 г. болезнь Спиридоновой опять обострилась, врачи советовали ей поменять климат. Бывшие левые эсеры, знавшие о ее судьбе, потребовали перевода ее в Москву. Такое разрешение было получено, и в начале 1930 г. Спиридонова и ее верная подруга Измайлович появились в столице. Московские доктора посоветовали ей ехать в Крым. В Ялтинском туберкулезном институте она пробыла до конца 1930 г., живя там как частное лицо и выплачивая за содержание большую сумму денег. Когда их стало не хватать, в целях экономии средств Измайлович решила вернуться в Ташкент, Спиридонова же осталась в Ялте, ведя скудное существование[85].

Новая волна гонений на бывших социалистов в начале 30-х годов обрушилась в основном на меньшевиков. Но досталось и эсерам. Спиридонову отозвали в Москву, арестовали и посадили в тюрьму[86]. 3 января 1931 г. Особое совещание коллегии ОГПУ приговорило ее по ст. 58 п. 11 УК РСФСР к 3 годам ссылки. Этот срок, продленный потом еще на 5 лет, Спиридоновой пришлось отбывать в Уфе. Здесь же оказались и ее подруги Измайлович и Каховская. Спиридонова пользовалась относительной свободой, работала экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы Госбанка. Она не представляла уже никакой политической угрозы. Опасным было лишь ее имя, основательно забытое в стране, но часто упоминаемое в социалистических кругах за рубежом.

На митинге берлинской федерации анархистов 24 апреля 1924 г. известная анархистка Э. Гольдман, посещавшая Спиридонову в Москве в 1919 г., назвала ее «одной из самых мужественных и благородных женщин, которых знает революционное движение»[87]. В Париже в 1924 г. появился «комитет Спиридоновой — Каховской», поставивший своей целью добиться вывоза подруг за границу[88]. В 1925 г. анархо-синдикалисты выпустили в Германии открытки с их изображением[89]. «Комитеты (имени Спиридоновой) для помощи заключенным революционерам в России» были созданы во второй половине 20-х годов в Нью-Йорке, Берлине, Париже и других городах зарубежья[90].

Последний, роковой в жизни Спиридоновой арест был произведен в ходе своеобразной кампании «последнего удара» по бывшим социалистам, организованной органами НКВД в 1936—1937 годах. В канун кровавой чистки в большевистской партии вспомнили и всех оставшихся в живых политических ее противников. Приказом наркома внутренних дел Н. И. Ежова «Об оперативной работе по социалистам-революционерам» от 13 ноября 1936 г. начальники управлений НКВД краев, областей и республик подробно информировались об «активизации» подрывной деятельности бывших эсеров (как правых, так и левых), направленной на воссоздание их партии и организацию широкого повстанческого движения. Упоминалась в этом приказе и Спиридонова, руководившая якобы из Уфы вместе с Майоровым и Каховской левоэсеровским подпольем в стране. Ежов ставил задачу выявления всех эсеровских групп и одиночек-террористов, внедрения в эсеровскую среду опытных агентов. Особое внимание следовало уделить ссыльным эсерам как наиболее опасным организаторам антисоветских акций.

Начались аресты бывших эсеров по всей стране. В феврале 1937 г. была взята под стражу и Спиридонова. В уфимской тюрьме с нею обращались жестоко и цинично. Она вела себя очень стойко и одному из следователей якобы заявила: «Молокосос! Когда ты только родился, я уже была в Революции»[91]. В ходе предварительного следствия органами НКВД Башкирии, которые в 1937 г. возглавляли А. А. Медведев и В. С. Карпович, Спиридоновой предъявлялись обвинения в подготовке покушения на членов правительства Башкирии и К. Е. Ворошилова, собиравшегося приехать в Уфу.

Вскоре Спиридонову этапировали в Москву. Военной коллегией Верховного суда СССР 7 января 1938 г. она была приговорена по статье 58 (пп. 7, 8, 11) УК РСФСР к 25 годам тюремного заключения. Отбывать свой последний в жизни срок ей предстояло в Орловской тюрьме. Но через три с половиной года, незадолго до того, как в Орел ворвались немецкие танки, Военная коллегия Верховного суда СССР изменила свой приговор, назначив Спиридоновой высшую меру наказания. Произошло это 8 сентября 1941 года. А 11 сентября приговор был приведен в исполнение[92].

Итогом политической биографии Марии Спиридоновой могли бы стать слова о ней из энциклопедии, которые тогда, в 20-е годы, служили своеобразной эпитафией еще живому человеку, но уже «умершему» политическому деятелю: «Ее крайняя экспансивность, нервность, склонность к преувеличениям сильно вредили ей и ее политической деятельности. Но имя замученной царскими палачами «Маруси» навсегда останется в летописях русского революционного движения; с ним связан образ девушки, самоотверженно вставшей мстительницей за поруганное крестьянство»[93].

---

[83] Голинков Д. Л. Ук. соч. Т. 2, с. 105. В этом факте биографии Спиридоновой много неясного. Известно, что в ВЧК поступила информация о подготовке побега, и 11 января 1922 г. у нее в Малаховке был произведен обыск. Перед этим в качестве предупредительной меры был арестован ее поручитель И. З. Штейнберг (Кремль за решеткой, с. 16—17).

[84] Знамя борьбы, Берлин, 1925, № 9—10, с. 19.

[85] Steinberg I. Op. cit., pp. 284—288.

[86] Ibid., pp. 289—295.

[87] Знамя борьбы, 1924, № 3, с. 11.

[88] Там же, № 2, с. 14.

[89] Там же, 1925—1926, № 14/15, с. 26.

[90] Там же, 1929, № 24—26, с. 12, 26—28.

[91] Азнабаев К. К. Все выдержал... и в народ свой верю.— Урал, 1989, № 1, с. 167.

[92] Вместе со Спиридоновой были расстреляны Х. Г. Раковский, Д. Д. Плетнев, Ф. И. Голощекин и другие советские и партийные работники, которых администрация Орловской тюрьмы и НКВД не нашли возможности в отличие от уголовных лиц эвакуировать в глубь страны (Возвращенные имена. Т. 1. М. 1989, с. 96).

[93] Энциклопедический словарь Гранат. Т. 41, ч. IV, с. 156.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Тяжелое лето 1941 года

Итак, мы приблизились вплотную к войне. То есть не мы шли к ней, а она на нас надвигалась. Мы говорили об этом и делали все для того, чтобы враг нас не застал врасплох; чтобы наша армия была на надлежащем высоком уровне по организации, вооружению и боеспособности; чтобы наша промышленность имела соответствующий уровень развития, который обеспечивал бы удовлетворение всех нужд армии по ее вооружению и боевой технике, если будет начата война, если на нас нападут враги. И вот война неумолимо надвинулась на нас. Что делалось в армии, конкретно сказать сейчас не могу, потому что не знаю. Не знаю, кто из членов Политбюро знал конкретную обстановку, знал о состоянии нашей армии, ее вооружения и военной промышленности. Думаю, что этого, видимо, никто не знал, кроме Сталина. Или знал очень ограниченный круг людей, да и то не все вопросы, а те, которые касались их ведомства или ведомства, подшефного тому либо другому члену Политбюро. Перемещение кадров, которое имело большое значение для подготовки к войне, тоже осуществлялось Сталиным.

На кадрах «сидел» Щаденко, человек, известный своим характером. Злобный у него был характер в отношении к людям. Потом на кадрах «сидел» Голиков, оттуда он перешел в разведку. Сейчас точно не могу припомнить, но он тоже был приближен к Сталину и занимался этими вопросами. Очень сильное влияние на Сталина имел Мехлис, но главным образом в вопросах политработы. Он был начальником Главного Политуправления РККА, однако часто выходил за рамки своих функций, потому что со своим пробивным характером очень нравился Сталину. Он много давал советов Сталину, и Сталин считался с ним. Видимо, это было не на пользу армии.

Незадолго до Великой Отечественной войны наркомом обороны стал Тимошенко. Не знаю, как развернул свою новую работу Тимошенко, но думаю, что она была организована лучше, чем до него. Я не говорю о том, насколько глубоко Ворошилов знал военную работу и военное дело. Но шла слава о нем, как о человеке, который больше позировал перед фотообъективами, киноаппаратами и в мастерской художника Герасимова, чем занимался вопросами войны. Зато он много занимался оперным театром и работниками театрального искусства, особенно оперного, завоевал славу знатока оперы и давал безапелляционные характеристики той или другой певице. Об этом говорила даже его жена. Как-то в моем присутствии зашла речь о какой-то артистке. Она так вот, не поднимая глаз, и говорит: «Климент Ефремович не особенно высокого мнения об этой певице». Это считалось уже исчерпывающим заключением. Какие к тому имелись у него данные и почему появились такие претензии, трудно объяснить. Правда, Климент Ефремович любил петь и до последних своих дней, когда я с ним еще встречался, всегда пел, хотя уже плохо слышал. Пел он хорошо. Он рассказывал мне, что прошел школу певчего: как и Сталин, в свое время пел в церковном хоре.

У нас на Украине в 1940 г. командовал войсками Киевского Особого военного округа (КОВО) Жуков. В начале 1941 г. Жукова переместили, а к нам назначили Кирпоноса. По-моему, до Жукова и до Мерецкова начальником Генерального штаба был Борис Михайлович Шапошников. Это — безусловный авторитет для военных, высокообразованный военный человек, который очень ценился на своем посту. В то время в Генеральном штабе работали также Соколовский и Василевский, два способных специалиста. Но тогда среди военных шла молва, что это — бывшие офицеры старой армии, и к ним относились с некоторым недоверием. В то время я лично еще не знал ни Соколовского, ни Василевского и поэтому своего мнения о них не имел, но прислушивался к доброму о них голосу старых бойцов Красной Армии, участников гражданской войны и относился к ним с доверием. Когда же сам узнал их во время войны, то никакого политического недоверия к этим людям у меня, конечно, уже не было, да и никогда не возникало. Я относился к ним очень хорошо — и к Василевскому, и к Соколовскому.

С Василевским у меня произошел, однако, случай в 1942 г., который не может изгладиться из моей памяти. Это было в связи с операцией, которую мы проводили в начале 1942 г. под Харьковом, у Барвенково. Я, видимо, дальше отдельно буду говорить об этой операции и там, безусловно, не смогу обойти своего разговора с Василевским. Он произвел на меня тогда очень тяжелое впечатление. Я считал, что катастрофы, которая разыгралась под Барвенково, можно было бы избежать, если бы Василевский занял позицию, какую ему надлежало занять. Он мог занять другую позицию. Но не занял ее и тем самым, считаю, приложил руку к гибели тысяч бойцов Красной Армии в Харьковской операции.

Командующего войсками КОВО генерала Кирпоноса я совершенно не знал до его назначения к нам. Когда он прибыл и принял дела, я с ним, конечно, познакомился, потому что был членом Военного совета КОВО. Но я ничего не мог тогда сказать о нем, ни хорошего, ни плохого. Одно лишь меня беспокоило — чтобы с уходом Тимошенко не ослабла военная работа. Я очень высоко оценивал деятельность Тимошенко как командующего войсками КОВО. Он человек волевой и пользовался авторитетом среди военных, имел твердый характер, который необходим каждому руководителю, особенно военному. Авторитет у него был большой: герой гражданской войны, командир одной из дивизий Первой Конной армии,— и прочная слава, и заслуженная.

Итак, после Тимошенко пришел Жуков. Я был доволен, даже очень доволен Жуковым. Он радовал меня своей распорядительностью и своим умением решать вопросы. Это меня успокаивало: хороший командующий, как мне казалось. Война подтвердила, что он действительно хороший командующий. Я так и считаю, несмотря на резкие расхождения с ним в последующий период, когда он стал министром обороны СССР, к каковому его назначению я приложил все усилия и старания. Но он неправильно понял свою роль, и мы вынуждены были освободить его с поста министра и осудили его замыслы, которые он, безусловно, имел и которые мы пресекли. Однако как военного руководителя во время войны я его очень высоко оценивал и сейчас ни в коей степени не отказываюсь от этих оценок. Я говорил об этом Сталину и во время войны, и после войны, когда Сталин уже изменил свое отношение к Жукову и Жуков был в опале.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—8.

Перед самой Великой Отечественной войной я находился в Москве, очень долго задержался там, буквально томился, но ничего не мог поделать. Сталин все время предлагал мне: «Да останьтесь еще, что вы рветесь? Побудьте здесь». Но я не видел смысла в пребывании в Москве: ничего нового я от Сталина уже не слышал. А потом опять обеды и ужины питейные... Они просто были мне уже противны. Однако я ничего не мог поделать. Наблюдал я за Сталиным, и на меня он производил плохое впечатление. Он находился в таком состоянии, которое не вносило бодрости и уверенности в то, что наша армия достойно встретит врага. Он как-то опустил руки после разгрома Гитлером французских войск и оккупации Франции. Я был как раз у него во время капитуляции Франции. Тогда он выругался сочно, по-русски, узнав об этом, говорил: видите, столкнули нас лбами, Гитлер развязал себе руки на Западе. Пусть он не говорил это столь прямо, но мы все это понимали.

Понимали мы и его нервозность. Сталин лучше нас знал состояние Красной Армии и, видимо, сделал тогда вывод, что мы не подготовлены к «большой» войне. Об этом свидетельствовала наша «малая» война с Финляндией. Она была очень кровавой, очень тяжелой для нас. Мы с трудом разбили Финляндию и понесли огромные жертвы. Я говорю — «с трудом». Это, конечно, условно. Ведь наши резервы ни в какой степени не могут равняться с финскими. Но я даю такую оценку потому, что если взять Советскую страну и Финляндию и сравнить те жертвы, которые мы понесли в той войне, то это, конечно, могло произойти только в результате нашего неумения и неподготовленности к организации военных действий. Мы с трудом разбили Финляндию, положив огромное количество людей. А мы должны были бы, если уж воевать, с ходу разбить финнов и таким образом продемонстрировать боеспособность нашей армии. А мы продемонстрировали как раз обратное: малые способности и слабость наших ударных сил...

Я настойчиво добивался разрешения выехать в Киев и в конце концов прямо сказал Сталину: «Чего я сижу здесь, товарищ Сталин? Ведь война может разразиться в любой час и будет очень плохо, если я буду находиться в Москве или даже в дороге. Мне надо ехать, мне надо быть в Киеве». И он согласился: «Да, верно, езжайте». Такой ответ тоже свидетельствовал о том, что он и сам не знал, зачем меня задерживал. Понимал, что мне тут делать нечего и что мое место в Киеве, что я там нужнее, чем здесь. Вроде бы охотно согласился. Но, спрашивается, кто же меня задерживал? Это говорит о том, что он нуждался в присутствии как можно большего числа людей из своего окружения, с тем чтобы не оставаться одному, один на один с самим собой. Такая у него была тогда человеческая потребность.

Я сейчас же воспользовался согласием Сталина и выехал в Киев. Обстановка была очень нервная, предвоенная. Стояло жаркое лето; парило, как парит перед грозой. Приехал я в Киев утром, как всегда. Это была суббота. Сразу же пошел в ЦК КП(б)У, проинформировал работников о положении дел и вечером ушел домой. Вдруг мне в 10 или 11 часов вечера позвонили из штаба КОВО, чтобы я приехал в ЦК, так как есть документ, полученный из Москвы. В сопроводительной к нему сказано, чтобы с этим документом был ознакомлен секретарь ЦК КП(б)У Хрущев. Приехал я опять в ЦК. Туда же пришел не помню точно кто: или начальник штаба КОВО Пуркаев, или его заместитель. Мне кажется, что Пуркаев был в то время в Киеве, потому что командующий войсками несколькими днями раньше выехал на командный пункт под Тарнополем. Там начали строить командный пункт, и, хотя он был не закончен, пришлось выехать, потому что чувствовалось, что война вот-вот разразится. Там уже находились оперативный отдел штаба, начальник оперотдела Баграмян и командующий войсками Кирпонос.

Пуркаев (или его заместитель) прочитал документ. В нем говорилось о том, что надо ожидать начала войны буквально днями, а может быть, и часами. Сейчас точно не помню содержания этого документа, помню только одно — тревожность его содержания и предупреждение. Тогда считалось: все, что нужно сделать, чтобы подготовить войска, уже сделано. Вплоть до того, что командующий выехал с оперативным отделом на командный пункт. Следовательно, мы к войне готовы. Потом позвонили с командного пункта из Тарнополя и сообщили, что на нашем направлении перебежал немецкий солдат. Он заявил, что он был коммунистом, да и сейчас считает себя коммунистом; что он антифашист; что он против военной авантюры, которая затевается Гитлером, и предупредил, что завтра в три часа утра начнется наступление немецких войск. Это совпадало со сведениями, которые только что были сообщены нам из Москвы в упомянутом документе. Я не помню только, назывался ли в нем день и час. Видимо, назывался. Одним словом, это была для нас уже не новость, а более реальное, конкретное ее подтверждение.

Солдат перебежал с переднего края. Его допрашивали, и все называвшиеся им признаки, на которых он основывался, когда говорил, что завтра в три часа начнется наступление, описывались логично и заслуживали доверия. Во-первых, почему именно завтра? Солдат сказал, что они получили трехдневный сухой паек. А почему именно в три часа? Потому что немцы всегда избирали в таких случаях ранний час. Не помню, говорил ли он, что было сказано солдатам именно о трех часах утра или они узнали это по «солдатскому радио», которое всегда очень точно определяло начало наступления. Что нам оставалось делать? Командующий был в Тарнополе, штаб тоже находился там. Войска были на месте, готовые встретить врага. Из этого мы и исходили. Я не возвращался домой и остался в ЦК ожидать упомянутого часа.

И действительно, с рассветом около трех часов утра мы получили сообщение, что немецкие войска открыли артиллерийский огонь и предпринимают наступательные действия с тем, чтобы форсировать пограничную водную преграду и сломить наше сопротивление. Наши войска вступили в бой и дают им отпор. Не помню, в какое время, но было уже светло, когда вдруг из штаба КОВО сообщили, что немецкие самолеты приближаются к Киеву. В скором времени они были уже над Киевом и сбросили бомбы на городской аэродром. Бомбы попали в ангар, начался пожар. В этом ангаре оказалось только несколько самолетов У-2. Потом во время войны они использовались как связные, а тогда — как сельскохозяйственные. Боевой авиации на аэродроме не имелось, она вся была подтянута к границе, рассредоточена и замаскирована.

Немцы не достигли первым налетом намеченной цели, не смогли вывести из строя наши аэродромы и самолеты, уничтожить их. Наши самолеты и танки целиком нигде не были уничтожены с первого удара. В КОВО (хотя, может быть, от меня что-нибудь и скрывали; но так докладывали мне тогда, а я верил и сейчас верю, что это была правдивая информация) немцы нигде не смогли использовать полностью внезапность для нанесения удара по авиации, танкам, артиллерии, складам, другой военной технике. Позже нам сообщили, что немецкая авиация бомбила Одессу, Севастополь, еще какие-то южные города.

Когда мы получили сведения, что немцы открыли огонь, из Москвы было дано указание не отвечать огнем. Это было странное указание, а объяснялось оно так: возможно, там какая-то диверсия местного командования немецких войск или какая-то провокация, а не выполнение директивы Гитлера. Это говорит о том, что Сталин настолько боялся войны, что сдерживал наши войска, чтобы они не отвечали врагу огнем. Он не верил, что Гитлер начнет войну, хотя сам не раз говорил,

что Гитлер, конечно, использует ситуацию, которая у него сложилась на Западе, и может напасть на нас. Это свидетельствует и о том, что Сталин не хотел войны и поэтому уверял себя, что Гитлер сдержит свое слово и не нападет на Советский Союз. Когда мы сообщили Сталину, что враг уже бомбил Киев, Севастополь и Одессу, что не может быть и речи о локальной провокации немецких военных на каком-то участке, а что это действительно начало войны, то только тогда было сказано: «Да, это война, и военным надо принять соответствующие меры». Да ведь так или иначе, но раз в них стреляют, они вынуждены отвечать.

Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями по газетам того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин,— почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про.....». Буквально так и выразился. «Я,— говорит,— отказываюсь от руководства»,— и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу. «Мы,— рассказывал Берия,— остались. Что же делать дальше? После того, как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны. Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, Сталин подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию? Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего».

Я не сомневаюсь, что вышесказанное — правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока.

А на участке КОВО в первые дни войны сложилось тяжелое, но отнюдь не катастрофическое положение. У нас в резерве имелись два танковых корпуса, а армия Конева должна была вот-вот начать разгружаться. По указанию Ставки мы решили нанести контрудар по наступающим немецким войскам, бросили туда наши механизированные корпуса. Мне неизвестно, знали ли мы, кто командует немецкими танковыми соединениями, но мы считали, что наши два механизированных корпуса справятся с ними и мы восстановим положение. В это время Конев как раз начал разгружаться. Я позвонил Сталину, чтобы он разрешил нам привлечь войска Конева к атаке на этом участке. Сначала он согласился, но потом позвонил и приказал: «Немедленно вновь грузите армию Конева и отправляйте в Белоруссию».

Наши механизированные корпуса были разбиты, были разбиты и другие наши войска. Немцы получили возможность шествовать на Киев, а наш штаб все еще сидел под Тарнополем. Позвонил нам Сталин и сказал, чтобы штаб снимался с места и отступал. Где-то в тылу был оборудован железобетонный бункер для командующего войсками, уже за линией старой нашей границы. Этот бункер еще, наверное, Якир строил. Приехали мы в это селение около Каменец-Подольского на рассвете и тут же получили указание: не разворачивать штаба, а отступать до Киева, а уж в Киеве развернуть штаб и организовать оборону. Мы были удивлены: как это так, сразу к Киеву? Но поехали. Да мы и не могли тогда сказать, что быстро разобьем немцев, войск-то у нас нужных не было.

Когда отошли мы к Киеву, то немцы сожрали остатки наших войск. Мы потеряли артиллерию и танки, у нас не было пулеметов. Основные наши силы — два механизированных корпуса — были разбиты, главным образом с воздуха. Немцы летали безнаказанно, и у нас не было ничего, чем можно было бы защищаться. Войска 6-й и 12-й армий, когда противник вплотную взялся за них, стали отступать неорганизованно. Он все время держал их в полукольце, и они не имели маневренности. А это — самое главное для войск. Но эти армии, конечно, не распались. Они защищались и даже нанесли удар противнику в направлении на Броды. Они отступали южнее Киева, в район южнее Умани. Там их окружили. Сошлись два штаба: Понеделина и командующего 6-й армией. Командующий 12-й армией был ранен. Когда подъехали немцы, Понеделин вышел из помещения и сказал, что он сдается в плен. В то время мы еще не знали фашистов и зачастую пытались вести войну «по всем правилам».

Это была, конечно, глупость, что фронт лишили инициативы в использовании войск по своему усмотрению. Вмешательство Генерального штаба получилось таким же, как у бравого солдата Швейка: все было хорошо, пока не вмешался Генеральный штаб. Вот так и погибли наши войска. По-одному стали выходить из окружения генералы. Пришел Попель. Пришел небезызвестный Власов, с кнутом, без войск. Попель вернулся недели через две или через три. Он прошел лесами Полесья, там немцев еще не было, они шли большими дорогами. Попель даже вывез раненого полковника и вывел из окружения небольшое количество войск.

Где-то в июле или в августе (наверное, в августе) меня вызвали в Москву. У нас было на фронте тяжелое положение. Я ничего не смог добавить к тому, что уже было известно Сталину, правительству и Генеральному штабу. Когда я приехал, мне сказали, что Сталин — на командном пункте Ставки. Командный пункт находился тогда на станции метрополитена возле Кировских ворот. Пришел я туда. Там стояла кушетка. Сталин сидел один на кушетке. Я подошел, поздоровался. Он был совершенно неузнаваем. Таким выглядел апатичным, вялым. А глаза у него были, я бы сказал, жалкие какие-то, просящие. Я обрисовал ему обстановку, которая у нас сложилась. Как народ переживает случившееся, какие у нас недостатки. Не хватает оружия, нет даже винтовок, а немцы бьют нас. Под Киевом мы на время немцев задержали. Уверенности, что выдержим, однако, не было, потому что у нас не было оружия, да не было еще и войск. Мы собрали, как говорится, с бору по сосенке, наскребли людей, винтовок и организовали очень слабенькую

обороиу. Но и немцы, когда они подошли к Киеву, тоже были слабы, и это нас выручало. Немцы как бы предоставили нам время, мы использовали его и с каждым днем наращивали оборону города. Немцы уже не могли взять Киев с ходу, хотя и предпринимали довольно энергичные попытки к его захвату.

Помню, тогда на меня очень сильное и неприятное впечатление произвело поведение Сталина. Я стою, а он смотрит на меня и говорит: «Ну, где же русская смекалка? Вот говорили о русской смекалке. А где же она сейчас в этой войне?» Не помню, что̀ ответил, да и ответил ли я ему. Что̀ можно ответить на такой вопрос в такой ситуации? Ведь когда началась война, к нам пришли рабочие «Ленинской кузницы» и других заводов, просили дать им оружие. Они хотели выступить на фронт, в поддержку Красной Армии. Мы им ничего не могли дать. Позвонил я в Москву. Единственный человек, с кем я смог тогда поговорить, был Маленков. Звоню ему: «Скажи нам, где получить винтовки? Рабочие требуют винтовок и хотят идти в ряды Красной Армии, сражаться против немецких войск». Он отвечает: «Ничего я не могу тебе сказать. Здесь такой хаос, что ничего нельзя разобрать. Я только одно могу тебе сказать, что винтовки, которые были в Москве у Осоавиахима (а это винтовки с просверленными патронниками, испорченные), мы приказали переделать в боевые, велели заделать отверстия, и все эти винтовки отправили в Ленинград. Вы ничего не сможете получить».

Вот и оказалось: винтовок нет, пулеметов нет, авиации совсем не осталось. Мы оказались и без артиллерии. Маленков говорит: «Дается указание самим ковать оружие, делать пики, делать ножи. С танками бороться бутылками, бензиновыми бутылками, бросать их и жечь танки». И такая обстановка создалась буквально через несколько недель! Мы оказались без оружия. Если это сказать тогда народу, то не знаю, как отреагировал бы он на это. Но народ не узнал, конечно, от нас о такой ситуации, хотя по фактическому положению вещей догадывался. Красная Армия осталась без должного пулеметного и артиллерийского прикрытия, даже без винтовок. Вот, собственно говоря, какая обстановка сложилась буквально в первые недели войны.

Не помню сейчас, на какой день войны позвонил мне Сталин. Он сказал: «К вам прилетит Жуков, и вам следует вместе с Жуковым выехать к войскам, в штаб». Я ответил: «Хорошо, жду Жукова». Жуков прилетел в тот же или на следующий день. Я, конечно, очень обрадовался. Я знал Жукова и с большим доверием относился к его военному таланту. Я познакомился с ним, когда он был командующим войсками КОВО, и мне импонировало, что он приедет. Когда он прилетел в Киев, мы с ним решали, как нам получше добраться в штаб? Лететь ли на самолете? (о поезде не могло быть и речи, потому что свирепствовала немецкая авиация). Или же ехать автомашинами? И тот, и другой вид транспорта был небезопасен, потому что самолетами мы подлетали буквально к сфере фронтового огня и активного действия авиации противника. Железной дорогой — очень медленно, к тому же противник бомбит и разрушает ее. Этот путь вообще отпадал. Автомашинами? Тогда очень много говорили, что вокруг действуют парашютные десанты противника, что он высыпает их, как горох, и перерезает все коммуникации. Была опасность, что мы можем стать жертвой какого-нибудь военного десанта.

А путь был далеким. Из Киева нужно было добираться до Тарнополя несколько часов. В это время года пшеница и рожь стоят высокие, противнику на полях легко можно укрыться, поэтому диверсанты и террористы могли, сколько им угодно, использовать заросли. Тем более, что нам нужно было от старой границы ехать до Тарнополя по районам, которые отошли к нам в 1939 г., после разгрома Польши. Местное население было сильно засорено украинскими националистами, которые сотрудничали с немцами. Мы это уже тогда знали. Но иного выбора не было, поэтому решили ехать автомашиной. Поехали. Много было тревоги, когда мы, проезжая, останавливались, чтобы получить информацию о положении дел. В конце концов к вечеру приехали на командный пункт. Он находился северо-западнее Тарнополя, но близко от него, в какой-то деревушке. Посмотрел я, что же это за командный пункт? Была выкопана огромная яма и насыпана по ее краям вынутая земля. Больше почти ничего не было сделано. Работники штаба и канцелярия размещались в крестьянских хатах. Командующий войсками КОВО ютился в маленькой крестьянской халупе. Там же стояли средства связи, туда приходили люди и докладывали.

Положение тогда на нашем участке фронта было следующим: пока что никакой катастрофы! Если взять направление на Перемышль и южнее, то положение было даже хорошим. Южнее Перемышля противник ничего не предпринимал. Там у нас тянулась граница с венграми, а те пока себя никак не проявляли. На самый Перемышль противник предпринимал довольно упорные атаки, но наши войска (там располагалась 99-я дивизия) дали отпор, выбили противника из тех районов, которые были им заняты в результате начальной атаки, и заняли прочное положение в городе. Об этой дивизии много потом писали, и заслуженно. Она первой из дивизий в войну за свои боевые действия получила орден Красного Знамени, буквально в первые же дни войны. Не могу умолчать о том, что этой дивизией командовал до самой войны Власов, тот, кто потом стал предателем, изменником Родины. Он оказался очень способным командиром. В боевых соревнованиях соединений Красной Армии его дивизия занимала первое место, а уже перед самой войной Власов получил корпус, командовал корпусом, а дивизию сдал своему начальнику штаба. Под его командованием она и проявила свой героизм и вошла в историю войны как самая боевая дивизия.

Развернулись упорные бои вдоль шоссе в направлении на Броды. Как теперь известно из документации гитлеровского командования, это было направление главного удара немецких армий группы «Юг». На этом направлении она пробивалась к Киеву. Никак нельзя сказать, что гитлеровцы при первом же соприкосновении разбили там наши войска и обратили их в бегство. Вовсе нет! Наши войска упорно сражались и отбивали многочисленные атаки. Мне очень понравилось, что, когда мы туда приехали, Жуков сразу же принял «на себя» информацию из войск и доклады руководства, стал давать указания. Было приятно смотреть, как умело и со знанием дела все это он осуществлял. Наше положение мы расценивали тогда даже как хорошее, считали, что можем дать должный отпор немцам.

Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три. Потом был получен звонок из Москвы. Жуков сказал мне, что его вызывает Сталин: «Приказал все оставить и срочно прибыть в Москву». Правильные он нам давал тогда советы. Должен сказать, что в те дни у него вид был бодрый, уверенный. Еще он сказал мне тогда, что командующий войсками у нас слабоват. «Но что делать? Лучших нет. Надо его поддерживать». Я ему тоже откровенно сказал: «Очень жалею, что ты уезжаешь (мы с ним были на «ты»). Сейчас я не знаю, как у нас пойдет дело при таком положении и с таким командованием. Но другого выхода нет». Распрощались, и он уехал.

Вскоре у нас развернулись очень тяжелые события, опять же в районе Броды. Там наступали гитлеровские танковые войска. На этом направлении мы выдвинули помимо тех войск, которые там стояли еще перед войною, механизированный корпус, которым командовал Рябышев. Не помню его номера. Хороший корпус, он имел уже и новые танки КВ,

несколько штук, и имел также несколько штук танков Т-34. И еще один мехкорпус, забыл фамилию командира этого корпуса. В тех боях он был контужен, и я не знаю, какое потом участие он принимал в войне. Это был тоже хорошо себя показавший командир корпуса. Вот эти два мехкорпуса мы выдвинули туда, считая, что их достаточно для того, чтобы сломить наступление противника и преградить путь его дальнейшему продвижению. Мы не знали об истинной концентрации войск противника, не знали, что тут у него было главное направление удара на юге, хотя он наступал здесь несколько меньшими силами, чем в центре фронта, на Москву. Это естественно. В Белорусском Особом военном округе и наших войск было больше, чем в Киевском. Правильно было определено, что главное направление, главная опасность — по дороге через Минск на Москву, хотя Сталин думал иначе.

Но и в направлении Киева все-таки немцы сосредоточили много войск. Основное, что инициатива была у них. На этом направлении мы получили резервную армию. Командовал ею Конев. Я его лично не знал, но перед войной однажды встретился с ним в Москве. Конев служил ранее где-то в Сибири. У него сложились плохие отношения с тамошним секретарем обкома партии. Отношения настолько обострились, что Сталин вызвал к себе руководство обкома и Конева и сам разбирался в этом конфликте, возникшем по каким-то бытовым вопросам. Тогда-то я и увидел Конева первый раз в жизни.

Прибыл Конев в КОВО, его армия разгрузилась, мы были очень обрадованы, что получили резерв. Эту армию мы сейчас же нацелили в направлении на Броды. Но, как только его армия вошла в соприкосновение с противником, последовал звонок от Сталина: «Немедленно погрузить армию Конева и содействовать скорейшей отправке этих эшелонов в распоряжение Москвы». Тут я стал упрашивать оставить армию Конева нам — у нас было тяжелое положение — и сказал: «Если армия Конева останется, то у нас есть уверенность, что мы стабилизируем положение на направлении Броды и тем самым заставим противника перейти к обороне. А может быть, нам удастся его и разбить». Да, мы думали тогда вскоре разбить немцев. Это было не просто желание, мы верили в это, хотя соотношение сил на нашем участке было бы и при наличии армии Конева, видимо, все-таки в пользу противника. Сталин выслушал меня и ответил: «Хорошо, оставляем резервную армию, но оставляем именно для нанесения удара». А спустя некоторое время — опять звонок от Сталина: «Немедленно погрузите армию Конева». Она уже вела боевую операцию, но дан приказ, и она убыла.

Мы, таким образом, остались с тем, что́ имели у себя к началу войны. А перевес уже наметился в пользу противника, возникла тяжкая угроза в направлении на Броды и Ровно. А это значит, в направлении Киева. Наш левый фланг оставался таким образом в тылу врага. Стало видно, что немцы рвутся клином на юг, на Киев, оставляя нашу Карпатскую группировку за собой и не ведя против нее боев. Там стояла 6-я армия, а Карпаты занимала, кажется, 12-я армия. Нависала угроза (уже виден был замысел) окружения врагом этих войск. Но я сейчас по этому вопросу специально высказываться не буду, а хочу осветить неприятный для нас эпизод, который произошел с членом Военного совета КОВО.

Когда у нас сложились тяжелые условия в районе Броды, мы с командующим войсками приняли меры для перегруппировки войск и уточнения направления нашего удара против войск противника, который наступал на Броды. Чтобы этот приказ был вовремя получен командиром мехкорпуса Рябышевым и командиром другого корпуса, фамилию которого я забыл, мы решили послать члена Военного совета КОВО, чтобы он сам вручил приказы, в которых было изложено направление

удара. Этот член Военного совета выехал в корпуса. Я знал этого человека мало. Он прибыл к нам из Ленинграда перед самой войной и производил хорошее впечатление, да и внешность у него была такая, знаете ли: молодой еще человек, очень подтянутый, элегантный, одевался со вкусом и приковывал к себе внимание. Ну, и характер у него тоже имелся. Мне говорили военные, что он человек с претензиями. Рассказывали, что он низко оценивал командующего войсками КОВО и считал, что сам он выше него и мог бы с большей пользой, чем тот, выполнять функции командующего. Конечно, вряд ли он кому-нибудь про это говорил. Это было умозаключение людей, работавших в штабе. Ну, мало ли что бывает и какие у кого появляются желания. Это было его личное мнение. А пока он занимался своим делом. Я присматривался к нему: он был неглупый человек, поэтому ничего плохого я против него не имел да и не мог иметь.

Перед отъездом в мехкорпуса он зашел вечером ко мне. Так как у нас очень плохо обстояло дело с помещением, то наши с командующим войсками рабочие и бытовые места были в одной комнате вместе с местами дежурных офицеров. Мы спали на ходу или сидя. Никакого дневного распорядка времени у нас еще не выработалось, мы еще не втянулись в военную обстановку. И когда член Военного совета зашел ко мне, то попросил меня выйти из комнаты, так как иначе нельзя было вести доверительный разговор. Я вышел. Он говорит мне: «Считаю, что вам надо немедленно написать товарищу Сталину, что следует заменить командующего войсками Киевского округа. Кирпонос совершенно непригоден для выполнения функций командующего». Я был поражен и удивлен. Только началась война, а член Военного совета, военнослужащий-профессионал, ставит вопрос о замене командующего. Отвечаю: «Не вижу оснований для замены, тем более что война только началась». «Он слаб». Говорю: «Слабость и сила проверяются у людей на деле. Поэтому полагаю, что надо проверить, слаб ли он».

Командующего я тоже знал не лучше, чем члена Военного совета. Знал по фамилии и в лицо, но о деловых качествах не имел представления. Прибыл новый человек и занял такой большой пост. Но я не хотел сразу же при первых выстрелах заниматься чехардой, сменой командного состава. Говорю далее: «Это произведет очень плохое впечатление, да я и не вижу оснований, я против». Потом спросил: «Кого же вы считаете тогда лучшим? Кого можно было бы назначить вместо Кирпоноса?». Он отвечает: «Начальника штаба генерала Пуркаева». Я был очень хорошего мнения о Пуркаеве, однако говорю: «Я Пуркаева уважаю и высоко ценю, но не вижу, что изменится, если мы Кирпоноса заменим на Пуркаева. К умению принимать решения относительно ведения войны чего-либо не добавится, потому что Пуркаев — начальник штаба и тоже принимает участие в разработке тех решений, которые принимаются (напомню, что начальник штаба входил в состав Военного совета КОВО). Знания и опыт генерала Пуркаева мы уже полностью используем и будем использовать далее. Я против».

Член Военного совета уехал в войска, а вернулся рано утром и опять пришел ко мне. Вид у него был страшно возбужденный, что-то его неимоверно взволновало. Он пришел в момент, когда в комнате никого не было, все вышли, и сказал мне, что решил застрелиться. Говорю: «Ну, что вы? К чему вы говорите такие глупости?» «Я виноват в том, что дал неправильное указание командирам механизированных корпусов. Я не хочу жить». Продолжаю: «Позвольте, как же это? Вы приказы вручили?» «Да, вручил». «Так ведь в приказах сказано, как им действовать и использовать мехкорпуса. А вы здесь при чем?» «Нет, я дал им потом устные указания, которые противоречат этим приказам». Говорю: «Вы не имели права делать это. Но если вы и дали такие ука-

зания, то все равно командиры корпусов не имели права руководствоваться ими, а должны выполнять указания, которые изложены в приказах и подписаны командующим войсками фронта и всеми членами Военного совета. Другие указания не являются действительными для командиров корпусов». «Нет, я там...»

Одним словом, вижу, что он затевает со мной спор, ничем не аргументированный, а сам — в каком-то шоковом состоянии. Я думал, что если этого человека не уговаривать, а поступить с ним более строго, то это выведет его из состояния шока, он обретет внутренние силы и вернется к нормальному состоянию. Поэтому говорю: «Что вы глупости говорите? Если решили стреляться, так что же медлите?» Я хотел как раз удержать его некоторой резкостью слов, чтобы он почувствовал, что поступает преступно в отношении себя. А он вдруг вытаскивает пистолет (мы с ним вдвоем стояли друг перед другом), подносит его к своему виску, стреляет и падает. Я выбежал. Охрана ходила по тропинке около дома. Позвал я охрану, приказал срочно взять машину и отправить его в госпиталь. Он еще подавал признаки жизни. Его погрузили в машину и отправили в госпиталь, но там он вскоре умер.

Потом мне рассказывали его адъютант и люди, вместе с которыми он ездил в корпуса: когда вернулся с линии фронта, то был очень взволнован, не отдыхал, часто бегал в туалет. Полагаю, что он делал это не в результате жизненной потребности, а, видимо, хотел там покончить жизнь самоубийством. Бог его знает Не могу сейчас определить его умонастроение. Ясно, что он нервничал. Потом пришел ко мне и застрелился. Однако перед этим разговаривал с людьми, которые непосредственно с ним соприкасались, и они слышали его слова. Он считал, что все погибло, мы отступаем, все идет, как случилось во Франции. «Мы погибли!» — вот его подлинные слова. Полагаю, что это и завело его в тупик, и единственный выход, который он увидел, покончить жизнь самоубийством. Так он и поступил.

Потом я написал шифровку Сталину, описал наш разговор. Существует документ, который я сейчас воспроизвожу по памяти. Думаю, что говорю точно, за исключением, возможно, порядка изложения. Саму же суть описываю, как это и было тогда в жизни. Вот, даже член Военного совета, который занимал столь высокое положение, дрогнул. Не физически струсил, нет, он морально дрогнул, потерял уверенность в возможности отразить гитлеровское нашествие. К сожалению, это был тогда не единственный случай. Происходили такие случаи и с другими командирами. Вот какая была обстановка. А мы ведь еще и десяти дней не находились в состоянии войны.

Возвращаюсь к ситуации, о которой говорил перед описанием случая с членом Военного совета. Итак, мы увидели, что против 6-й армии Музыченко и 12-й армии Понеделина почти никаких активных действий со стороны противника не ведется. Было явное игнорирование нашего левого фланга со стороны немцев. Но они надеялись после вклинения танковыми войсками повернуть направо, окружить наши войска и уничтожить эти две армии. Поэтому мы с командующим решили вывести 6-ю армию, штаб которой находился во Львове, а сама она располагалась на границе, севернее Перемышля. Ее войска стали отходить. Не помню, на сколько километров они отошли, но противник их даже не преследовал. И вдруг мы получаем резкое указание из Москвы — нахлобучку за то, что отвели войска. Поступил приказ — вернуть войска, чтобы они заняли линию границы, как занимали ее раньше. Мы ответили: «Зачем же ее защищать? Ведь не ведется военных действий против этих двух армий. Противник сосредоточил главные силы на направлении Броды, уже виден его замысел. Он может окружить наши войска, и они потом не смогут выйти из-под флангового удара». Но нам приказали вернуть армии, и мы это сделали. Мне было очень обидно и горько так поступать. У меня сложилось впечатление, что эти две армии могут погибнуть. Они будут драться в окружении, но уже не будут использованы с тем эффектом, как если бы мы расположили их на направлении главного удара врага. Однако ничего не поделаешь, приказ есть приказ, и мы его выполнили.

Я полагал тогда (сейчас не помню, не сам ли Жуков звонил из Москвы по этому вопросу?), что Жуков тут неправ. Я носил при себе свою мысль все годы, и когда Жукова освобождали от должности в 1957 г., а я выступал с критикой его деятельности, то вернулся к этому моменту первых дней войны, к запрещению отвести армии из района Перемышля и Львова. В результате 6-я армия погибла потом в окружении, как погибла и 12-я армия. Я сказал: «Вот такой способный военачальник, как Жуков, а тоже совершил ошибку». Он ответил: «Это не моя инициатива, это было указание Сталина». Сейчас я не могу вступить с ним в спор, было ли это указание Сталина. Возможно, конечно, что так и было, но на основе доклада Жукова, потому что Жуков только что прибыл в Москву с нашего фронта и, думаю, был в этом вопросе главным советчиком. Если бы он сказал, что приказ Военного совета КОВО верен, то Сталин, во избежание окружения этих армий, может быть, и не дал бы своего указания возвратить армии назад. А сейчас я не знаю конкретного инициатора того приказа и, следовательно, реального виновника гибели этих двух армий, попавших затем в окружение.

Можете ли вы представить себе то тяжелое для нас время, когда Гитлер двинул против нас полнокровные высокомеханизированные соединения, а мы лишились такой солидной силы, как две армии, 6-я и 12-я? Они потом отступали, немцы на них наседали и в конце концов в районе Умани окружили их. Обе они со штабами и командующими попали в плен. Если бы 6-ю армию мы могли раньше использовать, то могли бы взять часть ее дивизий, чтобы организовать удар во фланг врагу в районе Броды. Неизвестно, что произошло бы. Если бы даже мы не задержали его полностью и не разбили эту группировку, то во всяком случае мы бы значительно ее обескровили и задержали на какое-то время. Сложилась бы совершенно другая обстановка на нашем направлении. Но мы были лишены такой возможности. Почему тут я это говорю? Мало к нам было доверия. Частым оказывалось вмешательство сверху, и не всегда оно было разумным. Вмешательство, которое стоило многих жизней и большой крови. Тут — первый случай, но дальше я приведу еще много таких случаев, которые тоже стоили тысяч и тысяч жертв, совершенно ненужных, которых можно было бы избежать, если бы больше было доверия к командующим фронтами и их Военным советам.

Через несколько дней, опять не по своей инициативе, а по указанию из Москвы, мы снялись со своего командного пункта. Нам приказали перенести штаб в Проскуров, то есть мы отходили на большую глубину. Мы были удивлены, так как на нашем направлении обстановка была еще не такая плохая, которая вынуждала бы принимать такие меры: отойти и расположить штаб в большой глубине за нашими войсками. Но это было указание из Москвы. Не помню, ссылались ли на имя, но все считали, что раз звонят из Москвы, значит — указание Сталина. Снялись мы с места и стали перемещаться. Это была ужасная картина. Сотни машин двигались от линии фронта в тыл с семьями офицеров. Имелось много семей офицеров во Львове, Дрогобыче, Перемышле. Вместе с ними двигались беженцы. Но крестьян среди них не было. Западноукраинские крестьяне не уходили от немцев. Видимо, тут сказался результат агитации украинских националистов, которые ожидали

немцев с другими чувствами, чем мы. Крестьяне были обмануты обещанием того, что Гитлер несет освобождение Украине. Так морочили голову крестьянам Западной Украины националисты, бандеровцы.

Как только мы прибыли в Проскуров и развернули штаб, тут же позвонил Сталин. Я разговаривал с ним. Сталин говорит: «Вы сейчас же переезжайте в Киев и в Киеве немедленно организовывайте его оборону». Мы так и сделали, хотя не знали, что́ делается у нас на правом фланге фронта в целом. Каково положение на Западном фронте, нам было неизвестно. Прибыли мы в Киев, а противник двигался за нами буквально следом, только по другому шоссе: мы — по Тарнопольскому, а он, разбив наши силы на направлении Броды — Ровно — Коростень, продвигался севернее на большой скорости. И под Киевом сложилось буквально безнадежное положение.

Сейчас не могу сказать, какой тогда был день войны. Войск у нас фактически не имелось, фронт был прорван. Противник вырвался вперед подвижными войсками, а наши войска остались далеко в его тылу и там вели бои. Противник подошел вплотную к Киеву, вышел на Ирпень. Река Ирпень — небольшая, но заболоченная. Перед этой рекой еще в 1928—1930 гг. был сооружен Киевский укрепленный район. Там имелись железобетонные доты с артиллерией, но я уже говорил, что они были разрушены по предложению Мехлиса. Сталин приказал разоружить их с тем, чтобы наше командование не оглядывалось назад, а устремило свои взоры на укрепление новой границы, которую мы получили в результате разгрома немцами Польского государства. А теперь, когда нам так был бы нужен этот укрепленный район, он разоружен. Железобетонные сооружения сохранились, но оружия в них не было: ни артиллерии, ни пулеметов и не было войск. Поэтому мы начали собирать буквально все, что только могли: винтовки, пушки и прочее с тем, чтобы как-то построить оборону.

Назначили командовать этим участком генерала Парусинова. Сейчас я о нем ничего не знаю. Он уже тогда был в летах. У меня сложилось о нем хорошее впечатление. Но он занимался в тот момент тылами. Я не помню, как называлась тогда его должность. По-моему, начальник тыла фронта, но не уверен. Но у нас другого человека не было, и мы назначили его. Он как-то распределял то, что мы имели и что собирали, и строил оборону города. А немцы расположились на западном берегу реки Ирпень. Никаких попыток перейти Ирпень они не предпринимали. Мост там был такой паршивенький, деревянный. Мы его взорвали, конечно. Думаю, что немцы прорвались все же небольшими передовыми танковыми частями, но пехоты у них не имелось, и форсировать эту преграду (я бы сказал, не реку, а болото) они не стали. Отложили на более позднее время.

Обстановка у нас была тяжелейшая. Шутка ли сказать, противник подошел к Киеву, вышел на Ирпень! В городе началась паника. Это естественно. Помню, как ночью (я сидел на лавочке) ко мне подошел командующий воздушными силами КОВО генерал Астахов. Очень порядочный, добросовестный человек, внешне степенный и тучный. Он своей внешностью как бы олицетворял само спокойствие. Говорит: «Лишились мы в этих боях почти всей авиации. А сейчас противник не дает нам и носа показать». И разрыдался. Мимо проходили военные, и я его начал успокаивать, а потом прикрикнул на него: «Успокойтесь, товарищ Астахов! Посмотрите, ходят люди, увидят, что генерал в таком состоянии. Нам воевать надо и, следовательно, надо владеть собой». На него это как-то подействовало, но он долго еще не мог прийти в себя. Астахов вел себя так вовсе не из-за трусости. Нет, это был кадровый военный и очень знающий свое дело человек. Но прежде он был уверен, как и все другие, что мы неприступны, что наша граница «на замке», как в песнях пели, и что воевать мы будем на чужой территории. И вдруг мы оказались через несколько дней с начала войны под Киевом. Оказались в таком положении, что Киев и держать нечем, нет сил: ни вооружения, ни солдат.

Все, что могли, мы направили на организацию обороны Киева. Не сдать Киев! Дать отпор врагу! Строили оборону с запада по течению Днепра левее Киева, то есть на левом фланге, выше города. А к югу от Киева было довольно большое пространство, которое занимали наши войска. Прежде всего, в этом направлении отступали 6-я и 12-я армии. Они уже попали в окружение, но вели бои и наносили противнику довольно большой урон. Мы стали организовывать дело так, чтобы с востока разорвать кольцо и помочь этим армиям выйти из окружения. Уже в ходе отступления штабы этих двух армий объединились.

Для защиты Киева мы решили создать новую армию и назвали ее 37-й. Стали искать командующего. Нам с Кирпоносом предложили ряд генералов, которые уже потеряли свои войска и находились в нашем распоряжении. Среди них очень хорошее впечатление производил Власов. И мы с командующим решили назначить именно Власовв. Отдел кадров КОВО тоже его рекомендовал и дал преимущественную перед другими характеристику. Я лично не знал ни Власова, ни других «свободных» генералов, даже не помню сейчас их фамилий. Если обратиться к свидетелю, то у меня есть свидетель, который сейчас жив, здоров и желаю, чтобы он жил еще тысячу лет,— Иван Христофорович Баграмян. Он был тогда в звании полковника начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта. Очень порядочный человек, хороший военный и хороший оперативный работник, сыгравший большую роль в организации отпора гитлеровскому нашествию на тех участках, где ему поручали заниматься этим делом.

И все-таки я решил спросить Москву. Мы находились тогда под впечатлением того, что везде сидят враги народа, а особенно в Красной Армии. И я решил спросить Москву, какие имеются документы о Власове, как характеризуется он, можно ли доверять ему и назначить на пост командующего армией, которая должна защищать Киев. Войск-то нет, их еще надо собрать, и все это должен делать новый командарм. Позвонил Маленкову, больше звонить было некому. Но так как Маленков занимался в ЦК кадрами, то это был вопрос и к нему тоже. Правда, он сам ничего о Власове не знал, но люди, которые в Генеральном штабе занимались кадрами, должны были сказать ему свое мнение. Я спросил его: «Какую характеристику можно получить на Власова?» Маленков ответил: «Ты просто не представляешь, что здесь делается. Нет никого и ничего. Ни от кого и ничего нельзя узнать. Поэтому бери на себя полную ответственность и делай, как сам считаешь нужным».

При таком положении дел, хотя у нас никаких данных на Власова не имелось, мы знали, что военные рекомендовали именно его. Поэтому мы с Кирпоносом решили назначить его командовать 37-й армией. Он начал принимать бойцов из отступающих частей или выходящих из окружения. Потом пополнение получили кое-какое. Вскоре прибыл целый пехотный корпус под командованием генерала Кулешова. Этот корпус пришел с Северного Кавказа. Хороший корпус, но неподготовленный. Морально он не был подготовлен, не обстреляи, что естественно, ведь война только началась. Мы вывели его в Киевский укрепленный район и поставили на самый угрожаемый участок — защиту Голосеевского леса, непосредственных подступов к Киеву с юга. Мы ожидали удара не с севера. Там трудные природные условия, мы прикрывались Ирпенем. Потом тут была 5-я армия в довольно хорошем состоянии. Ею командовал генерал Потапов.

Его соседом по фронту был командарм-6 Музыченко. На Музычен-

ко лежала перед войной тень: не является ли он предателем в рядах Красной Армии? В результате чего так думали? Перед войной он выехал в войска, то ли проводить учения, то ли просто проинспектировать свои части на границе. Штаб 6-й армии стоял во Львове. Дома осталась у него одна жена. И еще у него была домработница. Какой-то молодой человек ухаживал за ней, и тут ничего такого противоестественного не было. Видимо, так же относились к этому Музыченко и его жена. Но, как оказалось, это ухаживание было не простым увлечением. Здесь преследовались политические, разведывательные цели. Этот «ухажер» выбрал момент, когда Музыченко выехал в войска (а к тому времени он уже завоевал себе право приходить в дом и приучил домашних положительно относиться к его появлению), и появился ночью. Жена Музыченко спала. Вдруг открывается дверь, заходит он в спальню и требует ключи от сейфа. Она испугалась. Потом она так вспоминала: «Я спала. Раздетая была. Он подошел, бесцеремонно сел на постель и в довольно вежливом тоне, как бы играючи, начал вести разговор. Никаких поползновений на мою честь он не проявлял и разговаривал любезно, но требовал ключи. Я сказала ему, что ключей у меня нет. Командующий никогда ключей не оставляет, тем более у меня, он берет их всегда с собой или же сдает. Куда, мне неизвестно. Я же никакого отношения к ключам не имею и никак не могу выполнить ваше требование. Он долго и настойчиво требовал ключи, хотя пересыпал разговор шутками и игривой беседой, чтобы не запугать, а может быть, расположить к себе с тем, чтобы я отдала ключи. Кончилось тем, что он ушел».

Подробно это описано, видимо, в архивах органов госбезопасности: жена Музыченко давала показания. Сбежала и девушка-домработница. Тогда стало ясно, что домработница была подослана украинскими националистами. Она-то и привела этого агента немецкой разведки, который хотел завладеть ключами, но не получил их. Когда Сталин узнал об этом случае, то спрашивал меня насчет Музыченко. Я ответил, что у нас нет абсолютно никаких данных для недоверия к генералу. Я опрашивал многих военных, и все дают ему очень положительную характеристику и как военному, и как человеку, и как члену партии. Здесь, видимо, налицо просто наглость чужой разведки. Жена его тоже не может быть агентом. Никаких данных к этому нет. Люди, знающие ее, тоже говорят, что она женщина порядочная. Это просто имела место доверчивость. Вопрос о Музыченко стоял на острие ножа: оставить его или освободить от командования армией? Долго обдумывали и все-таки решили оставить его на месте. Музыченко продолжал командовать 6-й армией. Ему было оказано полное доверие, и хотя этот инцидент, безусловно, оставил свой след, но на службе, я думаю, это не отразилось. Я, например, к нему относился после этого по-прежнему с доверием.

Теперь его армия сражалась южнее Киева. Главная опасность для Киева была как раз с юга, со стороны Белой Церкви. Развернулось и тут строительство обороны. Через какое-то время немцы подтянули свои войска и приступили непосредственно к операции по захвату Киева. Помню, что, когда сложилась тяжелая обстановка в направлении Белой Церкви, мы с Кирпоносом решили выехать в войска, оценить обстановку и принять меры к тому, чтобы наши войска не бежали. В это время командный пункт фронта находился в Броварах, то есть на восточном берегу Днепра, километрах в 25 от Киева в направлении Чернигова. Железобетонный командный пункт, который был фундаментально сделан в мирное время для штаба КОВО в Святошино, занимал теперь штаб 37-й армии. Я сейчас не помню имени начальника штаба армии, но он на меня тоже произвел хорошее впечатление.

Приехали мы в штаб армии вместе с Кирпоносом и встретились сперва с начальником штаба. Почему-то отсутствовал командующий армией. Потом и он приехал. Власов доложил обстановку, говорил довольно спокойно, и мне это понравилось. Тон у него был, вселявший уверенность, и говорил он со знанием дела. Мы предложили сейчас же поехать в Голосеевский лес, где был расположен прибывший к нам стрелковый корпус из трех дивизий. Мы и раньше выезжали в корпус Кулешова. При первой встрече с войсками противника солдаты этого корпуса показали себя очень плохо. Началась паника, корпус отступил. Возникла опасность, что люди разбегутся. Тогда мы выехали туда, чтобы восстановить порядок. Был поставлен на ноги военный трибунал. Развернуты заградительные отряды. Приняты все меры, которые принимались в таких случаях для восстановления порядка и дисциплины. Строгие меры! Имели место суды на поле боя. Тут же приводились в исполнение суровые приговоры, которые необходимы только в такой тяжелой обстановке. Мы увидели, что Кулешов плохо управляет войсками. Может быть, тогда мы погорячились, потому что у него не было опыта, как и у его солдат. Он был тоже необстрелянный человек. Но, так или иначе, мы его освободили и назначили нового командира корпуса. Сейчас не помню его фамилию, по национальности он был еврей.

Когда мы приехали туда во второй раз, то командовал корпусом уже этот, новый командир. Приехали мы с Власовым. Обстановка была такой: немцы вели артиллерийско-минометный огонь и бомбили этот район с воздуха. Когда мы подошли к командиру, он сидел на каком-то полевом стуле, а стол перед ним был накрыт кумачом. Стоял телефон. Тут же была отрыта щель-убежище. С ним были какие-то люди. Он стал докладывать нам обстановку. В это время немцы обстреливали нас из минометов и строчили их пулеметы, но их самих не было видно, только шел гул по лесу. Бомбили и с самолетов. Потом усилился орудийный огонь. Власов держался довольно спокойно (я поглядывал на него). У него была вырезана трость из орешника. Он этой тростью похлопывал себя по голенищу. Потом он предложил, во избежание неприятностей, залезть в щель. Нас мог поразить какой-нибудь осколок. Мы послушались его совета, залезли в щель. Там заслушали комкора. Командир корпуса произвел на меня очень хорошее впечатление своим спокойствием, уверенностью и знанием обстановки. Мы уехали, пожелав ему успеха.

Буденный приехал к нам еще в ходе упорных боев за Киев. Я спросил: «Что делается на других фронтах? Я ничего не знаю, никакой информации мы не получаем. Вы, Семен Михайлович, из Москвы. Ведь вы знаете?» «Да,— говорит,— знаю и расскажу вам». И он, один на один, рассказал мне, что Западный фронт буквально рухнул под первыми же выстрелами и расчленился. Там не сумели организовать должного отпора противнику. Противник воспользовался нашим ротозейством и уничтожил авиацию фронта на аэродромах, а также нанес сильный урон нашим наземным войскам уже 22 июня, при первом же ударе. Фронт развалился. Сталин послал туда Кулика, чтобы помочь комплектованию. Но от маршала Кулика нет пока никаких сведений. Что с ним, неизвестно. Я выразил сожаление: «Жалко, погиб Кулик». Буденный же сказал: «А вы не жалейте его». И это было сказано таким тоном, который давал понять, что Кулика считают в Москве изменником; что он, видимо, передался противнику. Я знал Кулика, считал его честным человеком и поэтому сказал, что мне его жалко. «Ну, вы не жалейте его, не жалейте»,— повторил Буденный. Я понял, что, видимо, он имел какой-то разговор об этом со Сталиным.

Зачем Буденный приехал, трудно сказать. Пробыл у нас недолго. А вечером спросил: «Где мы будем отдыхать? Давайте вместе ляжем спать». Я согласился. «А где? У вас? Где вы отдыхаете?» Говорю: «Вот

тут я и отдыхаю». Вышли из дома. Снаружи была разбита палатка и в ней набросано сено. «Вот здесь, в палатке я и сплю». «Да вы что?» Я объяснил ему: здесь, где наш штаб,— болото, нельзя рыть щели, появится вода. Поэтому я спасаюсь при авиабомбежке в палатке. Буденный: «Ну, ладно. Раз вы здесь, то я тоже с вами». И мы легли, поспали несколько часов, отдохнули. Рано утром нас разбудила немецкая авиация. Самолеты на бреющем полете летали над поселком и бомбили его. Наши зенитки вели огонь. Никакого попадания в самолеты в поле зрения не было видно. А наши самолеты не появлялись. Я рассердился и возмутился этим. Обращаюсь к Астахову: «Ну, что же это такое? Почему они безнаказанно летают и бомбят, а мы не можем ничего сделать?» Немцы уже отбомбились и улетели. Астахов докладывает: «Столько-то самолетов было сбито». Я спросил: «А где сбитые? Я не видел, чтобы они падали». «А они упали за Днепром». «Ну, если они упали за Днепром, то можно докладывать, что сбито их даже больше». Думаю, что Астаховым был взят грех на душу. Может быть, и сбили что-то, но меня очень обескуражило его заявление, и я сказал: «Бойцы видят, как безнаказанно летают немцы, а мы не наносим противнику урона».

Буденный вскоре уехал от нас. В войска он не ездил, вернулся в Москву. С какими заданиями приезжал (а иначе и быть не могло — это же не экскурсия), мне было неизвестно, он мне этого не сказал. Просто поговорили с ним, он заслушал обстановку, заслушал командующего войсками и начальника оперотдела штаба Баграмяна. Его беседа с Баграмяном произвела на меня тяжелое впечатление. Я ее хорошо запомнил и до сих пор не могу забыть. Дело было после обеда. Буденный слушал Баграмяна, который докладывал об обстановке. Баграмян — очень четкий человек, доложил все, как есть, о всех войсках, которые у нас тогда были: их расположение, обстановку. Тут Буденный насел на Баграмяна. Отчего, не знаю конкретно. Я особенно не придавал тогда значения этой беседе. На военном языке это означает: разбираться в обстановке. Начальник оперативного отдела штаба докладывал обстановку Маршалу Советского Союза, присланному из Москвы.

Помню только, что закончился разбор обстановки такими словами: «Что же у вас такое? Вы не знаете своих войск». «Как не знаю, я же вам доложил, товарищ маршал»,— отвечает Баграмян. «Вот я слушаю вас, смотрю на вас и считаю — расстрелять вас надо. Расстрелять за такое дело»,— этаким писклявым голосом говорит Семен Михайлович. Баграмян: «Зачем же, Семен Михайлович, меня расстреливать? Если я не гожусь начальником оперативного отдела, вы дайте мне дивизию. Я полковник, могу командовать дивизией. А какая польза от того, что меня расстреляют?» Буденный же в грубой форме уговаривал Баграмяна, чтобы тот согласился на расстрел. Ну, конечно, Баграмян никак не мог согласиться. Я был даже удивлен, почему Семен Михайлович так упорно добивался «согласия» Баграмяна. Конечно, надо учитывать, что такой «любезный» разговор происходил между Маршалом Советского Союза и полковником после очень обильного обеда с коньяком. И все-таки, несмотря на это обстоятельство, форма разговора была недопустимой. Он велся представителем Ставки Верховного Главнокомандования и, конечно, никак не отвечал задачам, которые тогда стояли, и не мог помочь делу и нашим войскам. Это тоже свидетельствует о том, какое было состояние у людей. Семен Михайлович совершенно вышел тогда за рамки дозволенного. Но мы просто посмотрели тогда на этот разговор несерьезно. Хотя он и касался жизни человека, однако обошелся без последствий. Семен Михайлович уехал, а мы остались в прежнем тяжелом положении, которое после его приезда не улучшилось и не ухудшилось.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль — сентябрь 1917

ТОМ ПЕРВЫЙ. ВЫПУСК ВТОРОЙ

Глава XXIV. *Печать и пропаганда извнутри*

С первых же дней революции, естественно, произошла резкая перемена в направлении русской печати. Выразилась она, с одной стороны, в известной дифференциации всех буржуазных органов, принявших направление либерально-охранительное, к тактике которого примкнула и небольшая часть социалистической печати типа плехановского «Единства»[1]; с другой стороны — нарождением огромного числа социалистических органов.

Правые органы претерпели значительную эволюцию, характерным показателем которой может служить неожиданное заявление известного сотрудника «Нового Времени» Меньшикова: «Мы должны быть благодарными судьбе, что тысячелетие изменявшая народу монархия наконец изменила себе и сама над собой поставила крест. Откапывать ее из-под креста и заводить великий раздор о кандидатах на рухнувший престол было бы, по-моему, роковой ошибкой». В течение первых месяцев правая печать частью закрылась — не без давления и насилия со стороны Советов,— частью же усвоила мирно-либеральное направление. Только с сентября 1917 года тон ее становится крайне приподнятым в связи с окончательно выяснившимся бессилием правительства, потерей надежды на легальный выход из создавшегося тупика и отголосками корниловского выступления. Нападки на правительство крайних органов превращаются в сплошное поношение его.

Расходясь в большей или меньшей степени в понимании социальных задач, поставленных к разрешению революцией, повинная, быть может, вместе с русским обществом во многих ошибках, русская либеральная печать проявила, однако, исключительное единодушие в важнейших вопросах государственно-правового и национального характера: полная власть Временному правительству; демократические реформы в духе программы 2 марта *; война до победы в согласии с союзниками; Всероссийское учредительное собрание как источник верховной власти и конституции страны. Либеральная печать еще в одном отношении оставила о себе добрую память в истории: в дни высокого народного подъема, как и в дни сомнений, колебаний и всеобщей деморализации,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—8.

* См. главу IV. Конечно, 7 и 8 статьи вызывали к себе в обществе отрицательное отношение.

знаменующих собою революционный период 1917 года, в ней, как равно и в правой печати, не нашлось почвы для размещения немецкого золота...

Широкое возникновение новой социалистической прессы сопровождалось рядом неблагоприятных обстоятельств. У нее не было нормального прошлого, не хватало традиции. Долгая жизнь подполья, усвоенный им исключительно разрушительный метод действий, подозрительное и враждебное отношение ко всякой власти наложили известный отпечаток на все направление этой печати, оставляя слишком мало места и внимания для творческой, созидательной работы. Полный разброд мысли, противоречия, колебания, проявленные как в недрах Совета, так и между партийными группировками и внутри партий, находили в печати соответственное отражение, точно так же, как и стихийный напор снизу безудержных, узкоэгоистичных, классовых требований; ибо невнимание к этим требованиям создавало угрозу, высказанную однажды «красой и гордостью революции», кронштадтскими матросами, министру Чернову: «Если ничего не дадите вы, то нам даст... Михаил Александрович!».

Наконец, не осталось без влияния появление в печати множества таких лиц, которые внесли в нее атмосферу грязи и предательства. Газеты пестрят именами, которые вышли из уголовной хроники охранного отделения и международного шпионажа. Все эти господа Черномазовы (провокатор-охранник — руководитель дореволюционной «Правды»), Бертхольды (то же; редактор «Коммуниста»), Деконские, Малиновские, Мстиславские, соратники Ленина и Горького — Нахамкес, Стучка [2], Урицкий [3], Гиммер (Суханов) [4] и многое множество других лиц, не менее известных, довели русскую печать до морального падения еще не бывалого.

Разница была лишь в размахе. Одни органы, близкие к советскому официозу «Известия рабочих и солдатских депутатов», расшатывали, в то время как другие, типа «Правды» (орган соц.-демократ. большев.), разрушали страну и армию.

В то время, когда «Известия» призывают к поддержке Временного правительства, держа, однако, камень за пазухой, «Правда» заявляет, что «правительство контрреволюционно, и потому с ним не может быть никаких сношений. Задача революционной демократии — диктатура пролетариата». А социал-революционный орган Чернова «Дело народа» находит нейтральную формулу: всемерная поддержка коалиционному правительству, но «нет и не может быть в этом вопросе единодушия, скажем более, и не должно быть — в интересах двуединой обороны»...

В то время, как «Известия» начали проповедовать наступление, только без окончательной победы, не оставляя, впрочем, намерения «через головы правительства и господствующих классов установить условия, на которых может быть прекращена война», «Правда» требует повсеместного братания; социал-революционная «Земля и Воля» то сокрушается, что Германия желает по-прежнему завоеваний, то требует сепаратного мира. Черновская газета, в марте считавшая, что, «если бы враг победил, тогда конец русской свободы», в мае в проповеди наступления видит «предел беззастенчивой игры на судьбе отечества, предел безответственности и демагогии». Газета Горького «Новая жизнь» устами Гиммера (Суханова) договаривается до такого цинизма: «Когда Керенский призывает очистить русскую землю от неприятельских войск, его призывы далеко выходят за пределы военной техники. Он призывает к политическому акту, при этом совершенно не предусмотренному программой коалиционного правительства. Ибо очищение пределов страны силою наступления означает «полную победу»... Вообще «Новая жизнь» особенно горячо отстаивала немецкие интересы, повышая голос во всех тех случаях, когда, со стороны союзников или нашей, немецким интересам угрожала опасность.

А когда наступление разложившейся армии окончилось неудачей — Тарнополем, Калушем, когда пала Рига, левая пресса повела жесткую кампанию против Ставки и командного состава, и черновская газета, в связи с предполагавшимися преобразованиями в армии, истерически взывала: «Пусть пролетарии знают, что их снова хотят отдать в железные объятия нищеты, рабского труда и голода... Пусть солдаты знают, что их снова хотят закабалить в «дисциплине» господ командиров и заставить лить кровь без конца, лишь бы восстановилась вера союзников в «доблесть России»... Прямее всех, однако, поступила впоследствии «Искра» — орган меньшевиков-интернационалистов (Мартов-Цедербаум), которая в день занятия немецким десантом острова Эзеля напечатала статью «Привет германскому флоту!».

Даже по вопросу об разгорающейся в стране анархии левые газеты не отличались единомыслием и постоянством. Наряду с демагогическими призывами к немедленному и насильственному разрешению экономического, рабочего, земельного вопросов мы на страницах тех же газет встречаем нередко призывы «не торопиться, ибо провинция отстает»; рабочим умерить свои несдержанные требования и употребить все усилия, чтобы не было оснований обвинять их в небрежном отношении к фронту; крестьянам воздержаться от самовольных захватов земли и т. д. Только «Правда» оставалась верной себе, раз навсегда определив: «То, что намечается в «самочинных» захватах рабочих, крестьян и беднейшего городского населения, это не «анархия», а «дальнейшее развитие революции».

Вопрос о русской печати в годы революции большой и важный, требующий специального изучения. Здесь я хотел лишь приведением нескольких характерных цитат отметить, какой сумбур должен был получиться в умах полуобразованных или темных читателей социалистической литературы, в особенности в армии.

Россия пользовалась свободой печати — ничем не ограниченной. Собственно, печати социалистической. Ибо правые и либеральные газеты попали под жестокий гнет петроградского и местных Советов, которые проявляли свою власть, закрывая газеты, не допуская выхода новых и применяя при этом грубую вооруженную силу, захват типографий или терроризирование типографских рабочих. Одновременно крайняя левая печать пользовалась неизменной защитой Советов во имя «свободы слова», хотя официально подвергалась иногда критике и осуждению. Так, в воззвании «к солдатам» (после событий 3—5 июля) [5] Всероссийский съезд Советов осудил «необдуманные статьи и воззвания» этой прессы: «Знайте, товарищи, что эти газеты, как бы они ни назывались — «Правда» ли, «Солдатская правда» ли, идут вразрез с ясно выраженной волей рабочих, крестьян и солдат, собравшихся на съезде»...

Военная цензура, в сущности, никогда не отмененная, просто игнорировалась. Только 14 июля правительство сочло себя вынужденным напомнить существование закона о военной тайне, а перед этим, 12 июля, предоставило в виде временной меры министрам военному и внутренних дел право закрывать повременные издания, «призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и к гражданской войне», с одновременным привлечением к суду редакторов. Керенский действительно закрыл несколько газет и в столице и на фронте. Закон тем не менее имел лишь теоретический характер. Ибо в силу сложившихся взаимоотношений между правительством и органами революционной демократии суд и военная власть были парализованы, ответст-

венность фактически отсутствовала, а крайние органы, меняя названия («Правда» — «Рабочий и солдат» — «Пролетарий» и т. д.), продолжали свое разрушительное дело.

Так или иначе, вся эта социалистическая, и в частности большевистская, литература на основании пункта 6-го декларации хлынула беспрепятственно в армию. Частью—стараниями всевозможных партийных «военных бюро» и «секций» Петрограда и Москвы, частью — при посредстве «культурно-просветительных комиссий» войсковых комитетов. Средства были разнообразные: одни исходили из темных источников, другие взяты полупринудительно из войсковых экономических сумм, третьи легально отпущены старшими военными начальниками из числа оппортунистов. Так, один из моих предшественников по командованию Юго-западным фронтом, генерал Гутор[6], открыл фронтовому комитету на эту цель кредит в 100 000 рублей, который я, по ознакомлении с характером распространяемой комитетом литературы, немедленно же закрыл. Главнокомандующий Северным фронтом генерал Черемисов[7] субсидировал из казенных средств ярко-большевистскую газету «Наш Путь», объясняя так свой поступок: «Если она (газета) и делает ошибки, повторяя большевистские лозунги, то ведь мы знаем, что матросы — самые ярые большевики, а сколько они обнаружили героизма в последних боях(?). Мы видим, что и большевики умеют драться. При этом — у нас свобода печати» *... Впрочем, этот факт имел место уже в начале октября, и «перелеты» — явление чрезвычайно характерное еще для Смутного времени 1613 г.— начинали уже седлать коней и готовиться в путь... к новому режиму.

* * *

В армии существовала и военная печать. Возникавшие и раньше, до революции органы фронтовых и армейских штабов имели характер чисто военных бюллетеней. Со времени революции газеты эти своими слабыми литературными силами начали добросовестно, честно, но талантливо вести борьбу за сохранение армии. Встречая равнодушие или озлобление со стороны солдат, уже отвернувшихся от офицерства, и особенно со стороны параллельно существовавших комитетских органов «революционной» мысли, они начали мало-помалу хиреть и замирать, пока наконец в начале августа приказом Керенского не были закрыты вовсе; исключительное право издания армейской печати было передано фронтовым и армейским комитетам. Такая же участь постигла и «Известия действующей армии» — орган Ставки, затеянный генералом Марковым и не поддержанный солидными силами столичной прессы. Комитетская печать, широко распространяемая в войсках на казенный счет, отражала те же настроения, о которых я говорил ранее в главе о комитетах, с амплитудой колебания от государственности до анархии, от полной победы до немедленного, явочным порядком, заключения мира. Отражала — только в худшей, более убогой, в смысле литературного изложения и содержания, форме — тот разброд мысли и влечения к крайним теориям, которые характеризуют столичную социалистическую печать. При этом в зависимости от состава комитетов, отчасти от близости Петрограда фронты несколько отличались друг от друга. Умереннее был Юго-западный, хуже Западный и сильно большевистским — Северный. Кроме местных произведений, страницы комитетской печати были во многих случаях широко открыты для постановлений и резолюций не только крайних политических партий отечественных, но даже и немецких.

* Разговор Черемисова с военным корреспондентом Купчинским («Общее Дело» 1917 года).

Ко времени принятия мною должности главнокомандующего Западным фронтом (июнь) фронтовым комитетом издавалась газета «Фронт» в количестве 20 тысяч экземпляров. Чтобы дать представление о характере того нездорового воздействия, которое оказывала газета на войска, приведу краткий перечень некоторых статей, извлеченный из 29 номеров, выпущенных комитетом до оставления мною фронта.

1) 15 статей, доказывающих, что продолжение войны выгодно только для врагов демократии — «буржуев, помещиков, фабрикантов».

2) Призывы прекратить войну. В том числе резолюция фронтового комитета против наступления (№ 15).

3) Развитие идей интернационала, с призывом к немедленному заключению мира и ко всемирному господству пролетариата (№ 25, меморандум германских «независимых с. д.»).

4) Ряд резолюций комитета и статей, выражающих недоверие начальникам и штабам и требующих замены последних комиссиями из состава комитетов (в пяти номерах).

5) 5 статей и протоколов комитета, требующих для солдатских организаций права отвода, назначений начальников и суда над ними.

6) Протест против признания министром внутр. дел незаконным постановления харьковского Совета о захвате частных земель (№ 24).

7) Резолюция одного из комитетов о «контрреволюционности» командира корпуса, осудившего в приказе большевиков: в ней говорилось, что расхождение идей большевизма со взглядами военного министра и большинства Совета не может служить основанием для воспрещения пропаганды и ареста агитаторов. Репрессивные меры против большевиков являются грубым и противозаконным нарушением прав свободных граждан и т. д. (№ 27).

Такой липкой паутиной идей и мыслей — глубоко противогосударственных и антинациональных — опутывала комитетская печать темную солдатскую массу; в такой удушливой атмосфере недоверия, непонимания, извращения всех начал военной традиции и этики жило несчастное офицерство. В такой же атмосфере приходилось жить, работать и готовить большое наступление главнокомандующему... Я сообщил Керенскому о деятельности комитета и о направлении его печати, но безрезультатно. Тогда, на 29 номере, нарушив приказ Керенского, я приказал прекратить отпуск денег на газету, которую, впрочем, после моего ухода возобновил новый главнокомандующий, генерал Балуев[8].

Балуев относился совершенно иначе, чем я, к войсковым организациям, в такой степени питая к ним доверие, что сделал однажды представление военному министру: «Литература должна быть допущена в войска только та, которую признает возможным допустить Совет р. и с. депутатов и комитеты фронтов и армий». Такое разномыслие, вернее, коренное различие в тактике на верхах командования, еще более запутывало отношения.

Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственном влиянии печати на солдатскую массу. Его не было, как не было вовсе и популярных газет, доступных ее пониманию. Печать оказывала влияние главным образом на полуинтеллигентскую часть армейского состава. Эта среда оказалась ближе к солдату, и к ней перешла известная доля того авторитета, которым пользовался раньше офицерский корпус. Идеи, воспринятые из газет и преломленные сквозь призму понимания этой среды, поступали уже в упрощенном виде в солдатскую массу, состоявшую, к сожалению, в огромной части своей из людей невежественных и безграмотных. А в массе все эти понятия, обнаженные от хитросплетенных аргументаций, предпосылок, обоснований, претворялись в простые до удивления и логичные до ужаса выводы. В них преобладало прямолинейное отрицание: «Долой!».

Долой буржуазное правительство, долой контрреволюционное начальство, долой «кровавую бойню», вообще все опостылевшее, надоевшее, мешающее так или иначе утробным инстинктам и стесняющее «свободную волю» — все долой! Так элементарно разрешала армия на бесчисленных солдатских митингах все волнующие человечество политические и социальные вопросы.

Занавес опущен. Версальский мир остановил на время вооруженную борьбу в средней Европе. Для того, очевидно, чтобы, собравшись с силами, народы взялись за оружие вновь, с целью разорвать цепи, наложенные на них поражением. Идея «мира всего мира», которую 20 веков проповедуют христианские церкви, похоронена надолго.

Какими детски наивными кажутся нам теперь усилия гуманистов XIX века, долгой, горячей проповедью добивавшихся смягчения ужасов войны и введения ограничивающих норм международного права. Теперь, когда мы знаем, что можно не только нарушать нейтралитет мирной культурной страны, но и отдать ее на поток и разграбление; когда мы умеем подводными лодками топить мирные корабли с женщинами и детьми, отравлять людей удушливыми газами, бороздить тело их осколками разрывных пуль; когда целую страну, нацию холодный политический расчет котирует только как «барьер» против вторжения вооруженной силы и вредных идей и периодически то выручает, то предает...

Но ужаснейшее из всех орудий, когда-либо изобретенных человеческим умом, постыднейшее из всех средств, допускавшихся в последнюю мировую войну,— это отравление души народа. Германия отдает приоритет в этом изобретении Англии. Предоставим им разрешить этот спор полюбовно. Но я вижу родную страну раздавленной, умирающей среди темной ночи ужаса и безумия. И я знаю ее палачей.

Перед человечеством во всей своей грозной силе, во всей бесстыдной наготе встали два положения: Все дозволено для пользы отечества! Все дозволено для торжества партии, класса! Даже моральная и физическая гибель страны противника, даже предательство своей Родины и производство над живым телом ее социальных опытов, неудача которых грозит параличом и смертью. Германия и Ленин без колебания разрешили эти вопросы положительно. Мир их осудил. Но полно, так ли единодушны и искренни в своем осуждении все те, кто об этом говорит? Не слишком ли глубокий след оставили эти идеи в сознании, быть может, не столько народных масс, сколько их вождей? По крайней мере к такому выводу приводит меня вся современная бездушная мировая политика правительств, в особенности в отношении России, вся современная беспросветно эгоистическая тактика классовых организаций. Это страшно.

Я верю, что каждый народ имеет право с оружием в руках защищать свое бытие; знаю, что долго еще война будет обычным средством разрешения спорных международных вопросов; что приемы борьбы будут и честные, и, к сожалению, бесчестные. Но существует известная грань, за которою и низость перестает быть просто низостью, а переходит в безумие. До такой грани мы уже дошли. И если религия, наука, литература, философы, гуманисты, учителя человечества не подымут широкого идейного движения против привитой нам готтентотской морали, то мир увидит закат своей культуры.

Глава XXV. *Состояние армии ко времени июльского наступления*

Очертив целый ряд внешних факторов, оказывавших влияние на жизнь, взаимоотношения и боевую службу некогда славной русской армии, перейду к скорбным страницам ее падения.

Я родился в семье армейского офицера, прослужил до европейской войны 22 года в строю скромных армейских частей и малых войсковых штабов, в том числе 2 года русско-японской войны; жил одной жизнью, одними радостями и печалями с офицером и солдатом, посвятив родному мне быту их много страниц в военной печати; почти непрерывно с 1914 по 1920 год стоял во главе войск и водил их в бой на полях Белоруссии, Волыни, Галиции, в горах Венгрии, в Румынии, потом... потом в жестокой междоусобной войне, бороздившей кровавым плугом родную землю.

Я имею более оснований и права говорить об армии и от армии, чем все те чуждые ей люди из социалистического лагеря, которые в высокомерном самомнении, едва коснувшись армии, ломали устои ее существования, судили вождей и воинов, определяли диагноз ее тяжелой болезни, которые и теперь еще, после тяжелых опытов и испытаний, не оставляют надежду на превращение этого могущественного и страшного орудия государственного самосохранения в средство для разрешения партийных и социальных вожделений. Для меня армия не только историческое, социальное, бытовое явление, но почти вся моя жизнь, где много воспоминаний, дорогих и незабываемых; где все связано и переплетено в один общий клубок быстро протекших тяжелых и радостных дней; где сотни дорогих могил, похороненные мечты и... неугасшая вера.

К армии нужно подходить осторожно, не забывая, что не только исторические устои, но даже кажущиеся, быть может, странными и смешными мелочи ее быта имеют смысл и значение. Когда началась революция, старый ветеран, любимец офицеров и солдат, генерал Павел Иванович Мищенко, не будучи в состоянии примириться с новым режимом, ушел на покой. Жил в Темирханшуре, не выходил из-за ограды своего сада и носил всегда генеральскую форму и георгиевские кресты, даже в дни большевистской власти. Как-то раз пришли к нему большевики с обыском и, между прочим, пожелали снять с него погоны и кресты. Старый генерал вышел в соседнюю комнату и... застрелился. Пусть, кто может, посмеется над «отжившими предрассудками». Мы же почтим его светлую память.

Итак, грянула революция. Не было никакого сомнения, что подобный катаклизм в жизни народа не пройдет даром. Революция должна была сильно встряхнуть армию, ослабив и нарушив все ее исторические скрепы. Такой результат являлся закономерным, естественным и непредотвратимым, независимо от того состояния, в котором находилась тогда армия, независимо от взаимоотношений командного и служебного начал. Мы можем говорить лишь об обстоятельствах, сдерживавших или толкавших армию к распаду.

Явилась власть. Источником ее могли быть три элемента: верховное командование (военная диктатура), буржуазная Государственная Дума (Временное правительство) и революционная демократия (Совет). Властью признано Временное правительство. Но два других элемента отнеслись к нему различно: Совет фактически отнял власть у правительства, тогда как верховное командование подчинилось ему безоговорочно и, следовательно, вынуждено было исполнять его предначертания. Власть могла поступить двояко: бороться с отрицательными явлениями, начавшимися в армии, мерами суровыми и беспощадными или потворствовать им. В силу давления Совета, отчасти же по недостатку твердости и понимания законов существования вооруженной силы власть пошла по второму пути. Этим обстоятельством была предрешена конечная судьба армии. Все остальные факты, события, явления, воздействия могли только повлиять на продолжительность процесса разложения и глубину его.

Праздничные дни трогательного, радостного единения между офицерством и солдатами быстро отлетели, заменившись тяжелыми, нудными буднями. Но ведь они были, эти радостные дни, и, следовательно, не существовало вовсе непроходимой пропасти между двумя берегами, меж которыми неумолимая логика жизни давно уже перебрасывала мост. Сразу отпали как-то сами собой все наносные, устарелые приемы, вносившие элемент раздражения в солдатскую среду; офицерство как-то подтянулось, сделалось серьезнее и трудолюбивее.

Но вот хлынули потоком газеты, воззвания, резолюции, приказы какого-то неведомого начальства, а вместе с ними целый ряд новых идей, которые солдатская масса не в состоянии была переварить и усвоить. Приехали новые люди, с новыми речами — такими соблазнительными и многообещающими, освобождающими солдата от повиновения и дающими надежду на немедленное устранение смертельной опасности. Когда один полковой командир наивно запросил, нельзя ли этих людей предать полевому суду и расстрелять, телеграмма, прошедшая все инстанции, вызвала ответ из Петрограда, что эти люди неприкосновенны и посланы Советом в войска именно затем, чтобы разъяснить им истинный смысл происходящих событий...

Когда теперь руководители революционной демократии, еще не утратившие чувства ответственности за распятую Россию, говорят, что движение, обусловленное глубоким классовым расхождением офицерского и солдатского составов и «рабским закрепощением» последнего, имело стихийный характер, которому они не в состоянии были противостоять,— это глубокая неправда. Все основные лозунги, все программы, тактика, инструкции, руководства, положенные в основу «демократизации» армии, были разработаны военными секциями подпольных социалистических партий задолго до войны, вне давления «стихии», исходя из ясного и холодного расчета, как продукт «социалистического разума и совести». Правда, офицеры убеждали не верить «новым словам» и исполнять свой долг. Но ведь Советы с первого же дня объявили офицеров врагами революции, во многих городах их подвергли уже жестоким истязаниям и смерти; при этом — безнаказанно... Очевидно, основание есть, когда даже из недр «буржуазной» Государственной Думы вышло такое странное и неожиданное «объявление»: «Сего 1 марта среди солдат Петроградского гарнизона распространился слух, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат. Слухи эти были проверены в двух полках и оказались ложными. Как председатель военной комиссии Временного Комитета Государственной Думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных. Полковник Энгельгардт». Потом получены были приказ № 1, декларация и пр., и пр.

Быть может, однако, со всем этим словесным морем лжи и лицемерия, которые текли из Петрограда и из местных Советов и находили отклик среди своих местных демагогов, можно было бы еще бороться, если бы не одно явление, парализовавшее все усилия командного состава: охватившее всецело солдатскую массу животное чувство самосохранения. Оно было всегда. Но таилось под спудом и сдерживалось примером исполнения долга, проблесками национального самосознания, стыдом, страхом и принуждением. Когда все эти элементы отпали, когда для успокоения засыпающей совести явился целый арсенал новых понятий, оправдывающих шкурничество и дающих ему идейное обоснование, армия жить долее не могла. Это чувство опрокинуло все усилия командного состава, все нравственные начала и весь военный строй. И вот началось *.

* Я облек картину армейского быта в форму рассказа. Но всякий малейший эпизод, в нем приведенный, есть реальный факт, взятый из жизни.

* * *

...На широком поле, насколько видно глазу, тянутся бесконечные линии окопов, то подходящие друг к другу вплотную, переплетаясь своими проволочными заграждениями, то отходя далеко и исчезая за зеленым гребнем. Солнце поднялось уже давно, но в поле мертвая тишина. Первыми встали немцы. То там, то тут из-за окопов выглядывают их фигуры, кое-кто выходит на бруствер развесить на солнце свою отсыревшую за ночь одежду... Часовой в нашем передовом окопе раскрыл сонные глаза, лениво потянулся, безучастно поглядев на неприятельские окопы... Какой-то солдат, в грязной рубахе, босой, в накинутой на плечи шинели, ежась от утреннего холода, вышел из окопа и побрел в сторону немецкой позиции, где между линиями стоял «почтовый ящик»; в нем — свежий номер немецкой газеты «Русский Вестник» и предложение товарообмена.

Тишина. Ни одного артиллерийского выстрела. На прошлой неделе вышло постановление полкового комитета против стрельбы и даже против пристрелки артиллерийских целей; пусть исчисляют необходимые данные по карте. Артиллерийский полковник — член комитета вполне одобрил такое постановление... Когда вчера командир полевой батареи начал пристрелку нового неприятельского окопа, наша пехота обстреляла наблюдательный пункт ружейным огнем; ранили телеграфиста. А ночью, на строящемся пункте вновь прибывшей тяжелой батареи, пехотные солдаты развели костер *.

9 часов утра. 1-я рота начинает понемногу вставать. Окопы загажены до невозможности; в узких ходах сообщения и во второй линии, более густо населенной, стоит тяжелый, спертый воздух. Бруствер осыпается. Никто не чинит — не хочется, да и мало людей в роте. Много дезертиров; более полусотни ушло легально: уволены старшие сроки, разъехались отпускные с самочинного разрешения комитета; кто попал в члены многочисленных комитетов или уехал в делегации (недавно, например, от дивизии послана была большая делегация к товарищу Керенскому проверить, действительно ли он приказал наступать); наконец, угрозами и насилием солдаты навели такой страх на полковых врачей, что те дают увольнительные свидетельства даже «тяжелоздоровым»..

В окопах тянутся нудные, томительные часы. Скука, безделье. В одном углу играют в карты, в другом — лениво, вяло рассказывает что-то вернувшийся из отпуска солдат; в воздухе висит скверная брань. Кто-то читает вслух «Русский Вестник»: «Англичане хотят, чтобы русские пролили последнюю каплю крови для вящей славы Англии, которая ищет во всем барыша... Милые солдатики, вы должны знать, что Россия давно бы заключила мир, если бы этому не помешала Англия... Мы должны отшатнуться от нее — этого требует русский народ — такова его святая воля»... Кто-то густо выругался: «Как же, помирятся... и... м..., подохнешь тут, не видавши воли». По окопам прошел поручик Альбов, командующий ротой. Он как-то неуверенно, просительно обращался к группам солдат: «Товарищи, выходите скорей на работу. В три дня мы не вывели ни одного хода сообщений в передовую линию».

Игравшие в карты даже не повернулись; кто-то вполголоса сказал: «Ладно». Читавший газету привстал и развязно доложил: «Рота не хочет рыть, потому что это подготовка к наступлению, а комитет постановил...» — «Послушайте, вы ни черта не понимаете, да и почему вы говорите за всю роту? Если даже ограничиться одной обороной, то ведь в случае тревоги мы пропадем: вся рота по одному ходу не успеет вый-

* Вообще специальные роды оружия, и в особенности артиллерия, сохранили гораздо дольше пехоты человеческий облик и известную дисциплину.

ти в первую линию». Сказал и, махнув рукой, прошел дальше. Безнадежно. Каждый раз, когда он пытается говорить с ними подолгу и задушевно, они слушают внимательно, любят с ним беседовать и вообще своя рота относится к нему по-своему хорошо. Но он чувствует, что между ним и ими стала какая-то глухая стена, о которую разбиваются его добрые порывы. Он потерял дорогу к их душе, запутавшись в невылазных дебрях темноты, грубости и той волны недоверия и подозрительности, которая влилась в солдатскую среду. Не те слова, может быть, не умеет сказать? Как будто бы нет. Еще задолго до войны, будучи студентом и увлекаясь народничеством, он бывал и в деревне, и на заводе и находил «настоящие» слова, всем доступные и понятные. А главное, какими словами заставишь людей идти на смерть, когда у них все чувства заслонило одно чувство — самосохранения.

Мысли его прервало внезапное появление командира полка. «Черт знает, что такое! Дежурный не встречает. Люди не одеты. Грязь, вонь. За чем вы смотрите, поручик?» Седой полковник суровым взглядом, невольно импонирующим, окинул солдат. Все повскакали. Он поглядел в бойницу и, отшатнувшись, нервно спросил: «Это что такое?» На зеленом поле, между проволочными заграждениями шел настоящий базар. Группа немецких и наших солдат обменивали друг у друга водку, табак, сало, хлеб. Поодаль на траве полулежал немецкий офицер — красный, плотный, с надменным выражением лица и вел беседу с солдатом Соловейчиком. И странно: фамильярный и дерзкий Соловейчик стоял перед лейтенантом прилично и почтительно.

Полковник оттолкнул наблюдателя и, взяв у него ружье, просунул в бойницу. Среди солдат послышался ропот. Стали просить не стрелять. Один вполголоса, как бы про себя, промолвил: «Это провокация». Полковник, красный от бешенства, повернулся на секунду к нему и крикнул: «Молчать!» Все притихли и прильнули к бойницам. Раздался выстрел, и немецкий офицер как-то судорожно вытянулся и замер; из головы его потекла кровь. Торговавшие солдаты разбежались. Полковник бросил ружье и, процедив сквозь зубы — «мерзавцы», пошел дальше по окопам. «Перемирие» было нарушено.

Поручик ушел к себе в землянку. Тоскливо и пусто на душе. Сознание своей ненужности и бесполезности в этой нелепой обстановке, извращавшей весь смысл служения Родине, которое одно только оправдывало и все тяжелые невзгоды, и, может быть, близкую смерть, давило его. Он бросился на постель; лежал час, два, стараясь не думать ни о чем, забыться... А из-за земляной стены, где было убежище, полз чей-то заглушенный голос и словно обволакивал мозг грязной мутью: «Им хорошо, с. с-ам, получает как стеклышко, сто сорок целковеньких в месяц, а нам — расщедрились — семь с полтиной отпустили. Погоди, будет еще наша воля...» Молчание. «Слышно, землицу делят у нас в Харьковской. Домой бы...»

Стук в дверь. Пришел фельдфебель. «Ваше благородие (он всегда звал так своего ротного командира без свидетелей), рота сердится, грозят уйти с позиции, если сейчас не сменят. 2-й батальон должен был сменить нас в 5 часов, а его доселе нет. Нельзя ли спросить по телефону?» «Не уйдут, Иван Петрович... Хорошо, спрошу, да только теперь уже все равно поздно — после утреннего происшествия немцы сменить-ся днем нам не позволят». «Позволят. Комитетчики уже знают. Я так думаю,— он понизил голос,— Соловейчик успел сбегать объяснить. Слышно, что немцы обещали помириться, только чтобы следующий раз, когда придет в окопы командир, им дали знать — бросят бомбу. Вы бы доложили, а то неровен час...» «Хорошо».

Фельдфебель хотел уйти. Поручик остановил его. «Плохо, Петрович, не верят нам...» «Да уж Бог его знает, кому они верят; вот на прошлой неделе в 6-й роте сами фельдфебеля выбрали, а теперь над ним же измываются, слова сказать не дают...» «Что же будет дальше?» Фельдфебель покраснел и тихо ответил: «А будет то, что Соловейчики над нами царствовать будут, а мы у них на положении, значит, скота бессловесного,— вот что будет, ваше благородие!..»

Пришла, наконец, смена. Зашел в землянку командир 5-й роты капитан Буравин. Альбов предложил ознакомить его с участком и объяснить расположение противника. «Пожалуй, хоть это не имеет значения, ибо я по существу ротой не командую — нахожусь под бойкотом». «Как?» «Так. Выбрали ротным прапорщика моего субалтерна, а меня сместили за приверженность к старому режиму — два раза в день, видите ли, занятия назначал — ведь маршевые роты приходят абсолютно необученные. Прапорщик первый и голосовал за мое удаление. «Довольно,— говорит,— нами помыкали. Теперь наша воля. Надо почистить всех, начиная с головы. С полком сумеет справиться и молодой, лишь бы был истинный демократ и стоял за солдатскую волю». Я бы ушел, но командир полка категорически воспротивился и не велел сдавать роты. Теперь у нас два командира, значит. Пять дней терплю это положение. Послушайте, Альбов, вы не торопитесь? Ну, прекрасно, поболтаем немного. Что-то тяжело на душе... Альбов, вам не приходила еще мысль о самоубийстве?» «Пока нет».

Буравин вскочил. «Поймите, душу всю проплевали, над человеческим достоинством надругались — и так каждый день, каждый час, в каждом слове, взгляде, жесте видишь какое-то сплошное надругательство. Что я им сделал? Восемь лет служу, нет ни семьи, ни кола, ни двора. Все — в полку, в родном полку. Два раза искалечили, не долечился, прилетел в полк — на тебе! И солдата любил — мне стыдно самому говорить об этом, но ведь они помнят, как я не раз ползком из-под проволочных заграждений раненых вытаскивал... И вот теперь... Ну да, я чту полковое знамя и ненавижу их красные тряпки. Я приемлю революцию. Но для меня Россия бесконечно дороже революции. Все эти комитеты, митинги, всю ту наносную дрянь, которую развели в армии, я органически не могу воспринять и переварить. Но ведь я никому не мешаю, никому не говорю об этом, никого не стараюсь разубедить. Лишь бы окончить честно войну, а потом хоть камни бить на дороге, только не в демократизированной таким манером армии. Вот мой прапорщик, он с ними обо всем рассуждает: национализация, социализация, рабочий контроль... А я не умею — некогда было этим заниматься, да, признаться, и не интересовался никогда. Помните, приезжал командующий армией и в толпе солдат говорит: «Какой там «господин генерал» — зовите меня просто товарищ Егор»... А я этого не могу, да и все равно мне не поверят. Вот и молчу. А они понимают и мстят. И ведь при всей своей серости какие тонкие психологи! Умеют найти такое место, чтобы плевок был побольнее. Вот, вчера, например...»

Он наклонился над ухом Альбова и шепотом продолжал: «Возвращаюсь из собрания. У меня в палатке у изголовья карточка стоит — ну там одно дорогое воспоминание. Так нарисовали похабщину!..» Буравин встал и вытер платком лоб. «Ну, пойдем посмотреть позицию... Даст Бог, недолго уже терпеть. Никто из роты не хочет идти на разведку. Хожу сам каждую ночь; иногда вольноопределяющийся один со мной,— охотничья жилка у него. Если что-нибудь случится, пожалуйста, Альбов, присмотрите, чтобы пакетик один — он у меня в чемодане — отправили по назначению».

Рота, не дождавшись окончания смены, ушла вразброд. Альбов побрел вслед. Ход сообщения кончался в широкой лощине, где стоял полковой резерв. Словно большой муравейник раскинулся бивак полка рядом землянок, палаток, дымящихся походных кухонь и коновязей.

Когда-то их тщательно маскировали искусственными посадками, которые теперь засохли, облетели и торчали безлистыми жердями. На поляне кое-где учились солдаты — вяло, лениво, как будто затем, чтобы создать какую-нибудь видимость занятий: все-таки совестно было абсолютно ничего не делать. Офицеров мало: хорошим опостылела та пошлая комедия, в которую превратилось теперь настоящее дело; у плохих есть нравственное оправдание их лени и безделья. Вдали, по дороге, в направлении к полковому штабу, шла не то толпа, не то колонна, над которой развевались красные флаги. Впереди огромный транспарант, на котором белыми буквами красовалась видная издалека надпись: «Долой войну!»

Это подходило пополнение. Тотчас же все занимавшиеся на поляне солдаты, словно по сигналу, оставили ряды и побежали к колонне. «Эй, земляки, какой губернии?» Начался оживленный разговор на обычные, животрепещущие, волнующие темы: как с землицей, скоро ли замирение. Интересовались, впрочем, и вопросом, нет ли ханжи, так как «своя, полковая» самогонка, выгоняемая в довольно большом количестве «на заводе» 3-го батальона, была уж очень противна и вызывала болезненные явления.

Альбов направился в собрание. Офицеры собирались к обеду. Где былое оживление, задушевная беседа, здоровый смех и целый поток воспоминаний из бурной, тяжкой, славной боевой жизни! Воспоминания поблекли, мечты отлетели, и суровая действительность придавила всех своей тяжестью. Говорили вполголоса, иногда прерывая разговор или выражаясь иносказательно: собранская прислуга могла донести, да и между своими появились новые люди... Еще недавно полковой комитет, по докладу служителя, разбирал дело кадрового офицера, георгиевского кавалера, которому полк обязан одним из самых славных своих дел. Подполковник этот говорил что-то о «взбунтовавшихся рабах». И хотя было доказано, что говорил он не свое, а цитировал лишь речь товарища Керенского, комитет «выразил ему негодование»; пришлось уйти из полка.

И состав офицерский сильно переменился. Кадровых офицеров осталось 2—3 человека. Одни погибли, другие — калеки, третьи, получив «недоверие», скитаются по фронту, обивают пороги штабов, поступают в ударные батальоны, в тыловые учреждения, а иные, слабее духом, просто разъезжаются по домам. Не нужны стали армии носители традиции части, былой славы ее, этих старых буржуазных предрассудков, сметенных в прах революционным творчеством.

В полку уже все знают об утреннем событии в роте Альбова. Расспрашивают подробности. Подполковник, сидевший рядом, покачал головой. «Молодчина наш старик. Вот и с 5-й ротой тоже... Боюсь только, что плохо кончит. Вы слышали, что сделали с командиром Дубовского полка за то, что тот не утвердил выбранного ротного командира и посадил под арест трех агитаторов? Распяли. Да-с, батенька! Прибили гвоздями к дереву и начали поочередно колоть штыками, обрубать уши, нос, пальцы...» Он схватился за голову. «Боже мой, и откуда в людях столько зверства, столько низости этой берется»...

На другом конце среди прапорщиков идет разговор на вечную больную тему — куда бы уйти... «Ты записался в революционный батальон?» «Нет, не стоит: оказывается, формируется под верховным наблюдением исполкома, с комитетами, выборами и «революционной» дисциплиной. Не подходит». «Говорят, у Корнилова ударные войска формируются и в Минске тоже. Хорошо бы...» «А я подал рапорт о переводе в нашу стрелковую бригаду во Францию. Вот только с языком не знаю, как быть». «Увы, батенька, опоздали,— отозвался с другого конца подполковник.— Уже давно правительство послало туда «товарищей-эмигрантов» для просвещения умов. И теперь бригады где-то на юге Франции на положении не то военнопленных, не то дисциплинарных батальонов».

Впрочем, эти разговоры в сознании всех имели чисто платонический характер ввиду безнадежности и безвыходности положения. Так, помечтать немного, как некогда мечтали чеховские три сестры о Москве. Помечтать о таком необычайном месте, где не ежедневно топчут в грязь человеческое достоинство, где можно спокойно жить и честно умереть — без насилия и без надругательства над твоим подвигом. Так ведь немного...

«Митька, хлеба!»,— прогудел могучий бас прапорщика Ясного. Он большой оригинал, этот Ясный. Высокий, плотный, с большой копной волос и медно-красной бородой, он весь — олицетворение черноземной силы и мужества. Имеет четыре георгиевских креста и произведен из унтер-офицеров за боевые отличия. Он нисколько не подлаживается под новую среду, говорит «леворюция» и «метинк» и не может примириться с новыми порядками. Несомненная «демократичность» Ясного, его прямота и искренность создали ему исключительную привилегию в полку: он, не пользуясь особым влиянием, может, однако, грубо, резко, иногда с ругательством осуждать и людей, и понятия, находящиеся под ревнивой охраной и поклонением полковой «революционной демократии». Сердятся, но терпят.

«Хлеба, говорю, нет». Офицеры, занятые своими мыслями и разговорами, не обратили даже внимания, что суп съеден без хлеба. «Не будет сегодня хлеба»,— ответил служитель. «Это еще что? Сбегай за хозяином собрания — духом». Пришел хозяин собрания и растерянно стал оправдываться: послал сегодня утром требование на 2 пуда; начальник хозяйственной части сделал пометку «выдать», а писарь Федотов — член хозяйственной комиссии комитета написал «не выдавать». В цейхгаузе и не отпустили. Никто не стал возражать. До того мучительно стыдно было и за хозяина собрания, и за ту непроходимую пошлость, которая вдруг ворвалась в жизнь и залила ее всю какой-то серою, грязною мутью. Только бас Ясного прогудел отчетливо под сводом барака: «Экие свиньи».

Альбов только что собирался заснуть после обеда, как приподнялась пола палатки, и в щель просунулась лысая голова начальника хозяйственной части — старенького, тихого полковника, поступившего вновь на службу из отставки. «Можно?» «Виноват, господин полковник...» «Ничего, голубчик, не вставайте. Я к вам на одну секунду. Сегодня, видите ли, в 6 часов состоится полковой митинг. Назначен доклад хозяйственной поверочной комиссии и меня, по-видимому, распинать будут. Я не умею говорить всякие там речи, а вы мастер. В случае надобности заступитесь». «Слушаю. Не собирался идти, но раз надо, пойду». «Ну вот, спасибо, голубчик».

...К 6 часам площадка возле штаба полка была сплошь усеяна людьми. Собралось не менее двух тысяч. Толпа двигалась, шумела, смеялась — такая же русская толпа, как где-нибудь на Ходынке или на Марсовом поле в дни гулянья. Революция не могла преобразить ее сразу ни умственно, ни духовно. Но, оглушив потоком новых слов, открыв пред ней неограниченные возможности, вывела ее из состояния равновесия, сделала нервно-восприимчивой и бурно реагирующей на все способы внешнего воздействия. Бездна слов — морально высоких и низменно-преступных — проходила сквозь их самосознание, как через сито, отсеивая в сторону всю идеологию новых понятий и задерживая лишь те крупицы, которые имели реальное прикладное значение в их повседневной жизни, в солдатском, крестьянском, рабочем обиходе. И притом непременно значение положительное, выгодное. Отсюда — полная безре-

зультатность потоков красноречия, наводнивших армию с легкой руки военного министра, нелепые явления горячего сочувствия двум ораторам явно противоположного направления и совершенно неожиданные — приводившие в недоумение и ужас говорившего — выводы, которые толпа извлекала из его слов.

Какое же прикладное значение могли иметь для толпы при этих условиях такие идеи, как долг, честь, государственные интересы, по одной терминологии, аннексии, контрибуции, самоопределение народов, сознательная дисциплина и прочие темные понятия — по другой?

Вышел весь полк — митинг привлекал солдат, как привлекает всякое зрелище. Прислал делегатов и 2-й батальон, стоявший на позиции,— чуть не треть своего состава. Посреди площадки стоял помост для ораторов, украшенный красными флагами, полинявшими от времени и дождя,— с тех пор, как помост был выстроен для смотра командующего армией. Теперь уже смотры делаются не в строю, а с трибуны. Сегодня в отлитографированной повестке митинга поставлены были два вопроса: «1) отчет хозяйственной комиссии о неправильной постановке офицерского довольствия, 2) доклад специально выписанного из московского совдепа оратора — товарища Склянки о политическом моменте (образование коалиционного министерства)».

На прошлой неделе был бурный митинг, едва не окончившийся большими беспорядками, по поводу заявления одной из рот, что солдаты едят ненавистную чечевицу и постные щи, потому что вся крупа и масло поступают в офицерское собрание. Это был явный вздор. Тем не менее постановили тогда расследовать дело комиссией и доложить общему собранию полка. Докладывал член комитета, подполковник Петров, смещенный в прошлом году с должности начальника хозяйственной части и теперь сводящий счеты. Мелко, придирчиво, с какой-то пошлой иронией перечислял он не относящиеся к делу небольшие формальные недочеты полкового хозяйства — крупных не было — и тянул без конца своим скрипучим, монотонным голосом. Притихшая было толпа опять загудела, перестав слушать; с разных сторон послышались крики: «Довольна-а-а! Буде!»

Председатель комитета остановил чтение и предложил «желающим товарищам» высказаться. На трибуну взошел солдат — рослый, толстый и громким истерическим голосом начал: «Товарищи, вы слышали? Вот куда идет солдатское добро! Мы страдаем, мы обносились, обовшивели, мы голодаем, а они последний кусок изо рта у нас тащут...» По мере того как он говорил, в толпе нарастало нервное возбуждение, перекатывался глухой ропот и вырывались отдельные возгласы одобрения. «Когда же все это кончится? Мы измызгались, устали до смерти...» Вдруг из далеких рядов раздался раскатистый бас прапорщика Ясного, заглушивший и оратора, и толпу: «Ка-кой-ты-ро-ты?» Произошло замешательство. Оратор замолк. По адресу Ясного послышались негодующие крики. «Ро-ты-ка-кой, те-бя-спра-ши-ваю?» «Седьмой!» Из рядов раздались голоса: «Нет у нас такого в седьмой...» «Постой-ка, приятель,— гудел Ясный,— это не ты сегодня с маршевой ротой пришел — еще плакат большой нес? Когда же ты успел умаяться, болезный?»

Настроение толпы мгновенно изменилось. Начался свист, смех, крики, остроты, и неудачный оратор скрылся в толпе. Кто-то крикнул: «Резолюцию!» На подмостки взошел опять подполковник Петров и стал читать заготовленную резолюцию о переводе офицерского собрания на солдатский паек. Но его уже никто больше не слушал. Два-три голоса крикнули «Правильно». Петров помялся, спрятал в карман бумажку и сошел с подмостков. Пункт второй о смещении начальника хозяйственной части и о немедленном выборе нового (предполагалось — автора доклада) так и остался непрочитанным.

Председатель комитета огласил: «Слово принадлежит члену исполнительного комитета московского Совета рабочих и солдатских депутатов, товарищу Склянке». Свои надоели, всегда одно и то же; приезд нового лица, сопровожденный некоторой рекламой комитета, возбудил общий интерес. Толпа пододвинулась к помосту и затихла. На трибуну не взошел, а быстро вбежал маленький, черненький человек, нервный и близорукий, ежесекундно поправлявший сползавшее с носа пенсне. Он стал говорить быстро, с большим подъемом и сильной жестикуляцией. «Товарищи солдаты! Вот уже прошло более трех месяцев, как петроградские рабочие и революционные солдаты сбросили с себя иго царя и всех его генералов. Буржуазия в лице Терещенко — известного киевского сахарозаводчика, фабриканта Коновалова, помещиков Гучковых, Родзянко, Милюковых и других предателей народных интересов, захватив власть, вздумала обмануть народные массы. Требование всего народа немедленно приступить к переговорам о мире, который нам предлагают наши немецкие братья — рабочие и солдаты, такие же обездоленные, как и мы, кончилось обманом — телеграммой Милюкова к Англии и Франции, что-де, мол, русский народ готов воевать до победного конца. Обездоленный народ понял, что власть попала в еще худшие руки, т. е. к заклятым врагам рабочего и крестьянина. Поэтому народ крикнул мощно: «Долой, руки прочь!» Содрогнулась проклятая буржуазия от мощного крика трудящихся и лицемерно приманила к власти так называемую демократию — эсеров и меньшевиков, которые всегда якшались с буржуазией для продажи интересов трудового народа...»

Очертив таким образом процесс образования коалиционного министерства, товарищ Склянка перешел более подробно к соблазнительным перспективам деревенской и фабричной анархии, где «народный гнев сметает иго капитала» и где «буржуазное добро постепенно переходит в руки настоящих хозяев — рабочих и беднейших крестьян». «У солдат и рабочих есть еще враги,— продолжал он.— Это друзья свергнутого царского правительства, закоренелые поклонники расстрелов, кнута и зуботычины. Злейшие враги свободы, они сейчас нацепили красные бантики, зовут вас «товарищами» и прикидываются вашими друзьями, но таят в сердце черные замыслы, готовясь вернуть господство Романовых. Солдаты, не верьте волкам в овечьей шкуре! Они зовут вас на новую бойню. Ну что же — идите, если хотите! Пусть вашими трупами устилают дорогу к возвращению кровавого царя! Пусть ваши сироты — вдовы и дети, брошенные всеми, попадут снова в кабалу к голоду, нищете и болезням!»

Речь имела большой и несомненный успех. Накаливалась атмосфера, росло возбуждение — то возбуждение «расплавленной массы», при котором невозможно предвидеть ни границ, ни силы напряжения, ни путей, по которым хлынет поток. Толпа шумела и волновалась, сопровождая криками одобрения или бранью по адресу «врагов народа» те моменты речи, которые особенно задевали ее инстинкты, ее обнаженный, жестокий эгоизм.

На помосте появился бледный, с горящими глазами Альбов. Он о чем-то возбужденно говорил с председателем, который обратился потом к толпе. Слов председателя не слышно было среди шума; он долго махал руками и сорванным флагом, пока, наконец, не стало несколько тише. «Товарищи, просит слова поручик Альбов!» Раздались крики, свист. «Долой, не надо!» Но Альбов стоял уже на трибуне, крепко стиснув руками перила, наклонившись вниз, к морю голов. И говорил: «Нет, я буду говорить, и вы не смеете не слушать одного из тех офицеров, которых здесь при вас бесчестил и позорил этот господин. Кто он, откуда, кто платит за его полезные немцам речи, никто из вас не знает. Он пришел, отуманил вас и уйдет дальше сеять зло и измену. И вы по-

верили ему. А мы, которые вместе с вами вот уже четвертый год тяжелой войны несем тяжелый крест,— мы стали вашими врагами. Почему? Потому ли что мы не посылали вас в бой, а вели за собою, усеяв офицерскими телами весь путь, пройденный полком? Потому ли, что из старых офицеров не осталось в полку ни одного не искалеченного?»

Он говорил с глубокой искренностью и болью. Были минуты, когда казалось, что слово его пробивает черствую кору одеревеневших сердец, что в настроении опять произойдет перелом... «Он — ваш «новый друг» — зовет вас к бунту, к насилиям, захватам. Вы понимаете, для кого это нужно, чтобы в России встал брат на брата, чтобы в погромах и пожарах испепелить последнее добро не только «капиталистов», но и рабочей и крестьянской бедноты? Нет, не насилием, а законом и правом вы добьетесь и земли, и воли, и сносного существования. Не здесь враги ваши, среди офицеров, а там — за проволокой. И не дождемся мы ни свободы, ни мира от постыдного, трусливого стояния на месте, пока в общем могучем порыве наступления...»

Слишком ли живо еще осталось впечатление от речи Склянки, обиделся ли полк за эпитет «трусливый» — самый отъявленный трус никогда не прощает подобного напоминания,— или же, наконец, виною было произнесенное сакраментальное слово «наступление», которое с некоторых пор стало нетерпимым в армии, но больше говорить Альбову не позволили. Толпа ревела, изрыгая ругательства, напирала все сильнее и сильнее, подвигаясь к помосту, сломала перила. Зловещий гул, искаженные злобой лица и тянувшиеся к помосту угрожающие руки. Положение становилось критическим. Прапорщик Ясный протиснулся к Альбову, взял его под руку и насильно повел к выходу. Туда же со всех сторон сбегались уже солдаты 1-й роты, и при их помощи, с большим трудом Альбов вышел из толпы, осыпаемый отборной бранью. Кто-то крикнул вслед ему: «Погоди, с. с.— мы с тобой сосчитаемся!»

Ночь. Бивак затих. Небо заволокло тучами. Тьма. Альбов, сидя на постели в тесной палатке, освещаемой огарком, писал рапорт командиру полка: «Звание офицера — бессильного, оплеванного, встречающего со стороны подчиненных недоверие и неповиновение, делает бессмысленным и бесполезным дальнейшее прохождение в нем службы. Прошу ходатайствовать о разжаловании меня в солдаты, дабы в этой роли я мог исполнить честно и до конца свой долг».

Он лег в постель. Сжал голову руками. Какая-то жуткая и непонятная пустота охватила, словно чья-то невидимая рука вынула из головы мысль, из сердца боль... Что это? Послышался какой-то шум, повалилось древко палатки, потухла свеча. На палатку навалилось много людей. Посыпались сильные, жестокие удары по всему телу. Острая невыносимая боль отозвалась в голове, в груди. Потом все лицо заволокло теплой, липкой пеленой, и скоро стало опять тихо, покойно, как будто все страшное, тяжелое оторвалось, осталось здесь, на земле, а душа куда-то летит, и ей легко и радостно.

...Очнулся Альбов от чьего-то холодного прикосновения: рядовой его роты, пожилой уже человек Гулькин сидит в ногах на кровати и мокрым полотенцем смывает у него с лица кровь. Заметил, что Альбов очнулся. «Ишь, как разделали человека, сволочи. Это не иначе, как пятая рота — я одного приметил. Очень больно вам? Доктора, может, позвать?» «Нет, голубчик, ничего. Спасибо!» Альбов пожал ему руку. «Вот и с ихним командиром, капитаном Буравиным несчастье случилось. Ночью пронесли мимо нас на носилках, в живот ранен; говорил санитар, что не выживет. Возвращался с разведки, и у самой проволоки пуля угодила. Немецкая ли, свои ли не признали,— кто его знает». Помолчал. «Что с народом сделалось, прямо не понять. И все это напускное у нас. Все это неправда, что против офицеров говорят — сами понимаем. Всякие, конечно, и промеж вас бывают. Но мы-то их знаем хорошо. Разве мы сами не видим, что вы вот к нам всей душой. Или, скажем, прапорщик Ясный. Разве может такой продаться? А вот поди ж ты, попробуй сказать слово, заступиться — самому житья не будет. Озорство пошло большое. Только озорников и слушают... Я так думаю, что все это самое происходит потому, что люди Бога забыли. Нет на людей никакого страху...»

Альбов от слабости закрыл глаза. Гулькин торопливо поправил сползшее на пол одеяло, перекрестил его и потихоньку вышел из палатки. Но сна не было. На душе неизбывная тоска и гнетущее чувство одиночества. Так захотелось, чтобы около было живое существо, чтобы можно было молча, без слов только чувствовать его близость и не оставаться наедине со своими страшными мыслями. Пожалел, что не задержал Гулькина. Тишина. Весь лагерь спит. Альбов сорвался с постели, зажег снова свечу. Овладело тупое, безнадежное отчаяние. Нет уже больше веры ни во что. Впереди беспросветная тьма. Уйти из жизни? Нет, это была бы сдача... Нужно идти в нее, стиснув зубы и скрепя сердце, пока какая-нибудь шальная пуля — своих или чужих — не прервет нить опостылевших дней. Занималась заря. Начинался новый день, новые армейские будни, до ужаса похожие на прожитые...

Потом? Потом «расплавленная стихия» вышла из берегов окончательно. Офицеров убивали, жгли, топили, разрывали, медленно с невыразимой жестокостью молотками пробивали им головы. Потом — миллионы дезертиров. Как лавина, двигалась солдатская масса по железным, водным, грунтовым путям, топча, ломая, разрушая последние нервы бедной бездорожной Руси. Потом — Тарнополь, Калуш, Казань... Как смерч пронеслись грабежи, убийства, насилия, пожары по Галиции, Волынской, Подольской и другим губерниям, оставляя за собой повсюду кровавый след и вызывая у обезумевших от горя, слабых духом русских людей чудовищную мысль: «Господи, хоть бы немцы поскорее пришли...»

Это сделал солдат. Тот солдат, о котором большой русский писатель, с чуткой совестью и смелым сердцем говорил: * «...Ты скольких убил в эти дни солдат? Скольких оставил сирот? Скольких оставил матерей безутешных? И ты слышишь, что шепчут их уста, с которых ты навеки согнал улыбку радости? «Убийца! Убийца!» Но что матери, что осиротевшие дети. Настал еще более страшный миг, которого не ожидал никто,— и ты предал Россию, ты всю Россию свою, тебя вскормившую, бросил под ноги врага! Ты, солдат, которого мы так любили и... все еще любим».

Глава XXVI. *Офицерские организации*

В первых числах апреля среди офицеров Ставки возникла мысль об организации «Союза офицеров армии и флота» [8]. Инициаторы союза ** исходили из того взгляда, что необходимо «едино мыслить, чтобы одинаково понимать происходящие события, чтобы работать в одном направлении», ибо до настоящего времени «голоса офицеров — всех офицеров, никто не слышал. Мы еще ничего не сказали по поводу переживаемых великих событий. За нас говорит всякий, кто хочет и что хочет. За нас решает военные вопросы и даже вопросы нашего быта и внутреннего уклада всякий, кто желает и как желает».

Принципиальных возражений было два: первое — нежелание вносить самим в офицерский корпус те начала коллективного самоуправ-

---

* Леонид Андреев. Статья «К тебе, солдат!».

** Наибольшее участие проявляли подполковники ген. штаба Лебедев (впоследствии начальник штаба адмирала Колчака) и Пронин.

ления, которые были привиты армии извне, в виде советов, комитетов и съездов, и внесли разложение. Второе — опасение, чтобы появление самостоятельной офицерской организации не углубило еще более ту рознь, которая возникла между солдатами и офицерами. Исходя из этих взглядов, мы с Верховным главнокомандующим вначале отнеслись совершенно отрицательно к возникшему предположению. Но жизнь вырвалась уже из обычных рамок и смеялась над нашими побуждениями. Появился проект декларации, которая давала армии полную свободу союзов, собраний, и потому представлялось уже несправедливым лишать офицеров права профессиональной организации, хотя бы как средства самосохранения. Фактически офицерские общества возникли во многих армиях, а в Киеве, Москве, Петрограде и других городах — с первых дней революции. Все они шли вразброд, ощупью, а некоторые союзы крупных центров, под влиянием разлагающей обстановки тыла, проявляли уже сильный уклон к политике советов.

Тыловое офицерство зачастую жило совершенно иною духовною жизнью, чем фронт. Так, например, московский совет офицерских депутатов в начале апреля вынес резолюцию, чтобы «работа Временного правительства протекала... в духе социалистических (?) и политических требований демократии, представляемой Советом р. и с. депутатов», и выражал пожелание, чтобы в составе Временного правительства было более представителей социалистических партий. Назревала фальсификация офицерского голоса и в более крупном масштабе: петроградский офицерский совет * созывал «Всероссийский съезд офицерских депутатов, военных врачей и чиновников» в Петроград на 8 мая. Это обстоятельство являлось тем более нежелательным, что инициатор съезда — исполнительный комитет, возглавляемый подполковником ген. штаба Гущиным **, проявил уже в полной мере свое отрицательное направление: участием в составлении декларации прав солдата (соединенное заседание 13 марта ***), деятельным сотрудничеством в Поливановской комиссии, лестью и угодничеством перед Советом р. и с. депутатов и неудержимым стремлением к слиянию с ним. На сделанное в этом смысле предложение Совет, однако, признал такое слияние «по техническим условиям пока неосуществимым».

Учтя все эти обстоятельства, Верховный главнокомандующий одобрил созыв офицерского съезда, с тем чтобы не было произведено никакого давления ни его именем, ни именем начальника штаба. Эта корректность несколько осложнила дело: часть штабов, не сочувствуя идее, задержала распространение воззвания, а некоторые старшие начальники, как, например, командующий войсками Омского округа, запретили вовсе командирование офицеров. И на местах вопрос этот вызвал кое-где подозрительность солдат и некоторые осложнения, вследствие чего инициаторы съезда предложили частям, совместно с офицерами, командировать и солдат для присутствия в зале заседаний...

Невзирая на все препятствия, офицеров-представителей съехалось в Могилев более 300; из них 76% от фронта, 17% от тыловых строевых частей и 7% от тыла. 7 мая съезд открылся речью Верховного главнокомандующего. В этот день впервые не в секретных заседаниях, не в доверительном письме, а открыто, на всю страну верховное командование сказало: «Россия погибает».

Генерал Алексеев говорил: «...В воззваниях, в приказах, на столбцах повседневной печати мы часто встречаем короткую фразу: «отечество в опасности». Мы слишком привыкли к этой фразе. Мы как будто

* Более точно: «Совет офицерских депутатов города Петрограда, его окрестностей, Балтийского флота и отдельного корпуса пограничной стражи».
** Товарищи председателя: полковник А. Свечин и штабс-капитан Бржозек.
*** См. главу XXII.

читаем старую летопись о днях, давно минувших, и не вдумываемся в грозный смысл этой короткой фразы. Но, господа, это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед, и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть. Враг занял восьмую часть ее территории. Его не подкупишь утопической фразой: «мир без аннексий и контрибуций». Он откровенно говорит, что не оставит нашу землю. Он протягивает свою жадную лапу туда, где еще никогда не был неприятельский солдат,— на богатую Волынь, Подолию, Киевскую землю, т. е. на весь правый берег нашего Днепра. А мы-то что? Разве допустит до этого русская армия? Разве мы не вышвырнем этого дерзкого врага из нашей страны, а потом уже предоставим дипломатии заключать мир с аннексией или без аннексии?

Будем откровенны: упал воинский дух русской армии; еще вчера грозная и могучая, она стоит сейчас в каком-то роковом бессилии перед врагом. Прежняя традиционная верность Родине сменилась стремлением к миру и покою. Вместо деятельности в ней заговорили низменные инстинкты и жажда сохранения жизни. Внутри — где та сильная власть, о которой горюет все государство? Где та мощная власть, которая заставила бы каждого гражданина нести честно долг перед Родиной? Нам говорят, что скоро будет; но пока ее нет. Где любовь к Родине, где патриотизм? Написали на нашем знамени великое слово «братство», но не начертали его в сердцах и умах. Классовая рознь бушует среди нас. Целые классы, честно выполнявшие свой долг перед Родиной, взяты под подозрение, и на этой почве возникла глубокая пропасть между двумя частями русской армии — офицерами и солдатами.

И вот в такие минуты собрался первый съезд офицеров русской армии. Думаю, что нельзя выбрать более удобного и неотложного момента для того, чтобы единение водворилось в нашей семье; чтобы общая дружная семья образовалась из корпуса русских офицеров, чтобы подумать, как вдохнуть порыв в наши сердца, ибо без порыва нет победы, без победы нет спасения, нет России... Согрейте же ваш труд любовью к Родине и сердечным расположением к солдату; наметьте пути, как приподнять нравственный и умственный склад солдат, для того чтобы они сделались искренними и сердечными вашими товарищами. Устраните ту рознь, какая искусственно посеяна в нашей семье.

В настоящее время — это общая болезнь — хотели бы всех граждан России поставить на платформы и платформочки, чтобы инспекторским оком посмотреть, сколько стоит на каждой из них. Что за дело, что масса армии искренно, честно и с восторгом приняла новый порядок и новый строй. Мы все должны объединиться на одной великой платформе: Россия в опасности. Нам надо как членам великой армии спасать ее. Пусть эта платформа объединит вас и даст силы к работе».

Эта речь, в которой вылилась «тревога сердца» вождя армии, послужила прологом к его уходу. Революционная демократия уже на памятном заседании с главнокомандующими, 4 мая, вынесла свой приговор генералу Алексееву; теперь же, после 7-го, в левой печати началась жестокая кампания против него, в которой советский официоз «Известия» соперничал с ленинскими газетами в пошлости и неприличии выходок. Эта кампания имела тем большее значение, что в данном вопросе военный министр Керенский был явно на стороне Совета.

Как бы в дополнение слов Верховного главнокомандующего, я в своей речи, касаясь внутреннего положения страны, говорил: «...В силу неизбежных исторических законов пало самодержавие, и страна наша перешла к народовластию. Мы стоим на грани новой жизни, страстно и долго жданной, за которую несли голову на плаху, томились в рудниках, чахли в тундрах многие тысячи идеалистов. Но глядим в будущее с тревогой и недоумением. Ибо нет свободы в революционном застенке!

Нет правды в подделке народного голоса! Нет равенства в травле классов! И нет силы в той безумной вакханалии, где кругом стремятся урвать все, что возможно, за счет истерзанной Родины, где тысячи жадных рук тянутся к власти, расшатывая ее устои...»

Начались заседания съезда. Кто присутствовал на них, тот унес, вероятно, на всю жизнь неизгладимое впечатление от живой повести офицерской скорби. Так не напишешь никогда, как говорили эти «капитаны Буравины», «поручики Альбовы», с каким-то леденящим душу спокойствием касаясь самых интимных, самых тяжких своих переживаний. Уже все переболело: в сердце не было ни слез, ни жалоб.

Я смотрел на ложи, где сидели «младшие товарищи», присланные для наблюдения за «контрреволюцией». Мне хотелось прочесть на их лицах то впечатление, какое они вынесли от всего слышанного. И мне показалось, что я вижу краску стыда. Вероятно, только показалось, потому что скоро они выразили бурный протест, потребовали права голоса на съезде и... пяти рублей суточных «по офицерскому положению».

На 13 общих заседаниях съезд принял ряд резолюций. Я не буду останавливаться подробно на всех военно-общественных и технических вопросах, поставивших диагноз армейской болезни и указавших способы ее излечения. Отмечу лишь характерные особенности этих резолюций в сравнении с множеством армейских, фронтовых, областных и профессиональных съездов.

Союз, «исключая всякие политические цели», ставил своей задачей «поднятие боевой мощи армии во имя спасения Родины». Указывая на состояние армии, близкое к развалу, съезд оговаривал, что явление это «относится в равной мере как к несознательным группам солдат, так и к несознательной и недобросовестной части офицерства». Такую же объективность съезд проявил в определении причин разъединения между солдатами и офицерами, видя их, между прочим: 1) в низком культурном и образовательном уровне части офицеров и большинства солдат; 2) в полной разобщенности тех и других вне службы; 3) в растерянности начальников, не исключая и старших, а также в искании ими популярности в солдатской массе; 4) в недобросовестном отношении к воинским обязанностям и проявлении злой воли отдельных лиц в той и другой среде.

Офицерство, гонимое и бесправное, добросовестно разбиралось в своих грехах и перед лицом смертельной опасности, угрожавшей стране, забыв и простив все, искало нравственного очищения своей среды от «элементов вредных и не понимающих положения переживаемого момента». Единственная корпорация среди всех классов, сословий, профессий, проявивших общее стихийное стремление рвать от государства, выпустившего из рук вожжи, все, что возможно, в своих частных интересах,— офицерство никогда ничего не просило лично для себя.

Что же могли предложить они для поднятия боеспособности армии, кроме восстановления тех начал, на которых зиждилось существование всех армий мира, а в известном отношении и всех ранее подпольных, ныне вышедших на дневную поверхность революционных организаций? Восстановить дисциплину и авторитет начальника; пресечь безответственные выступления, «расширяющие искусственно созданную между двумя составными частями армии пропасть»; объявить, кроме выпущенной декларации прав солдата, еще и декларацию обязанностей солдата, а также прав и обязанностей начальника; «заменить меры увещевания и нравственного воздействия против преступно нарушающих свой долг... самыми высшими уголовными наказаниями» и т. д.

Но самое главное — офицерство просило и требовало власти — над собой и над армией. Твердой, единой, национальной — «приказывающей, а не взывающей». Власти правительства, опирающегося на доверие страны, а не безответственных организаций. Такой власти офицерство приносило тогда полное и неограниченное повиновение, не считаясь совершенно с расхождением в области социальной. Мало того, я утверждаю, что вся та внутренняя социальная, классовая борьба, которая разгоралась в стране все более и более, проходила мимо фронтового офицерства, погруженного в свою работу и в свое горе, не задевая его глубоко, не привлекая к непосредственному участию; эта борьба вызывала внимание офицерства лишь тогда, когда результаты ее явно потрясали бытие страны и в частности армии. Я говорю, конечно, о массе офицерства; отдельные уклонения в сторону реакции, несомненно, были, но они вовсе не характерны для офицерского корпуса 1917 года.

Один из лучших представителей офицерской среды, человек вполне интеллигентный, генерал Марков, писал Керенскому, осуждая его систему обезличения начальников: «Солдат по натуре, рождению и образованию, я могу судить и говорить лишь о своем военном деле. Все остальные реформы и переделки нашего государственного строя меня интересуют лишь как обыкновенного гражданина. Но армию я знаю, отдал ей свои лучшие дни, кровью близких мне людей заплатил за ее успехи, сам окровавленный уходил из боя»... Этого не поняла и не учла революционная демократия.

Совершенно иначе протекал офицерский съезд в Петрограде, на который собралось около 700 делегатов (18—26 мая). В нем ярко раскололись два лагеря: политиканствовавших офицеров и чиновников тыла и меньшей части — настоящего армейского офицерства, попавшего на съезд по недоразумению. Исполнительный комитет составил программу, строго следуя установившемуся обычаю советских съездов: 1) отношение к Временному правительству и к Совету, 2) о войне, 3) об Учредительном собрании, 4) рабочий вопрос, 5) земельный вопрос, 6) реорганизация армии на демократических началах.

Съезду придали в Петрограде преувеличенное значение, и открытие его сопровождалось торжественными речами многих членов правительства и иностранных представителей; даже от имени Совета приветствовал собравшихся Нахамкес. С первого же дня выяснилось непримиримое расхождение двух групп. Оно являлось неизбежным хотя бы потому, что даже по такому кардинальному вопросу, как «приказ № 1», товарищ председателя съезда, штабс-капитан Бржозек высказал взгляд: «Издание его диктовалось исторической необходимостью: солдат был подавлен и настоятельно нужно было освободить его». Это заявление встречено было продолжительными аплодисментами части собрания!

После ряда бурных заседаний большинством 265 голосов против 246 была принята резолюция, в которой говорилось, что «революционная сила страны — в руках организованных крестьян, рабочих и солдат, составляющих преобладающую массу населения», а потому правительство должно быть ответственно перед Всероссийским советом! Даже резолюция о необходимости наступления прошла не многим более двух третей голосовавших.

Направление, взятое петроградским съездом, объясняется заявлением (26 мая) той группы его, которая, отражая действительное мнение фронта, стояла на точке зрения «всемерной поддержки Временному правительству»: «Исполнительный комитет петроградского совета офицерских депутатов, созывая съезд, не преследовал разрешения насущнейшей задачи момента — возрождения армии, так как вопрос о боеспособности армии и мерах к ее поднятию даже не был поставлен в предложенной нам программе, а внесен лишь по нашему настоянию. Если верить весьма странному, чтобы не сказать более, заявлению председателя, подполковника Гущина — целью созыва съезда было желание исполнительного комитета пройти под нашим флагом в Совет рабочих и

солдатских депутатов». Заявление вызвало ряд крупных инцидентов, три четверти состава ушло, и съезд распался.

Я коснулся вопроса о петроградском офицерском совете и съезде для того лишь, чтобы охарактеризовать настроения известной части тылового офицерства, имевшего частое общение с официальными и неофициальными правителями и в глазах последних изображавшего «голос армии». Точно так же совершенно ничтожна была роль и других офицерских и военно-общественных организаций *; о существовании многих из них я узнал только теперь, перебирая бумаги.

Могилевский съезд, вызывавший неослабное внимание и большое расположение Верховного главнокомандующего, закрылся 22 мая. В это время генерал Алексеев был уже уволен от командования русской армией и, глубоко переживая этот эпизод своей жизни, не мог присутствовать на закрытии. Я простился со съездом следующими словами: «Верховный главнокомандующий, покидающий свой пост, поручил мне передать вам, господа, свой искренний привет и сказал, что его старое солдатское сердце бьется в унисон с вашими, что оно болеет той же болью и живет той же надеждой на возрождение истерзанной, но великой русской армии.

Позвольте и мне от себя сказать несколько слов. С далеких рубежей земли нашей, забрызганных кровью, собрались вы сюда и принесли нам свою скорбь безысходную, свою душевную печаль. Как живая, развернулась перед нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученного армейского моря. Вы — бессчетное число раз стоявшие перед лицом смерти! Вы — бестрепетно шедшие впереди своих солдат на густые ряды неприятельской проволоки, под редкий гул родной артиллерии, изменнически лишенной снарядов! Вы — скрепя сердце, но не падая духом, бросавшие последнюю горсть земли в могилу павшего сына, брата, друга! Вы ли теперь дрогнете? Нет!

Слабые — поднимите головы. Сильные — передайте вашу решимость, ваш порыв, ваше желание работать для счастья Родины, перелейте их в поредевшие ряды наших товарищей на фронте. Вы не одни: с вами все, что есть честного, мыслящего, все, что остановилось на грани упраздняемого ныне здравого смысла. С вами пойдет и солдат, поняв ясно, что вы ведете его не назад — к бесправию и нищете духовной, а вперед — к свободе и свету. И тогда над врагом разразится такой громовой удар, который покончит и с ним и с войной.

Проживши с вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, деливши с вами и яркую радость победы и жгучую боль отступления, я имею право бросить тем господам, которые плюнули нам в душу, которые с первых же дней революции свершили свое Каиново дело над офицерским корпусом... я имею право бросить им: «Вы лжете! Русский офицер никогда не был ни наемником, ни опричником». Забитый, загнанный, обездоленный не менее чем вы условиями старого режима, влача полунищенское существование, наш армейский офицер сквозь бедную трудовую жизнь свою донес, однако, до отечественной войны — как яркий светильник — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины. Пусть же сквозь эти стены услышат мой призыв и строители новой государственной жизни: «Берегите офицера! Ибо от века и до ныне он стоит верно и бессменно на страже русской государственности. Сменить его может только смерть».

Отпечатанный комитетом текст моей речи распространился по фронту, и я был счастлив узнать из многих полученных мною тогда телеграмм и писем, что слово, сказанное в защиту офицера, дошло до его наболевшего сердца.

* «Союз воинского долга», «Союз чести Родины», «Союз спасения Родины», «Союз добровольцев народной обороны» и много других.

Съезд оставил при Ставке постоянное учреждение — Главный комитет офицерского союза *. За первые три месяца своего существования комитет не успел пустить глубоких корней в армии. Роль его ограничивалась организацией отделений союза в армиях и в военных кругах, разбором доходивших до него жалоб, гласным осуждением в исключительных случаях негодных офицеров («черная доска»), некоторой весьма ограниченной помощью изгнанным солдатами офицерам и декларативными заявлениями правительству и печати по поводу важнейших событий государственной и военной жизни. После июньского наступления тон этих деклараций стал резким, осуждающим и вызывающим, что крайне обеспокоило министра-председателя, который упорно добивался перевода Главного комитета из Могилева в Москву, придавая его настроению самодовлеющее значение, опасное для Ставки.

Комитет, довольно пассивный во время командования генерала Брусилова, действительно принял впоследствии участие в выступлении генерала Корнилова. Но не это обстоятельство повлияло на перемену его направления. Комитет, несомненно, отражал общее настроение, охватившее тогда командный состав и русское офицерство, настроение, ставшее враждебным Временному правительству. При этом в офицерской среде не отдавали себе ясного отчета о политических группировках внутри самого правительства, о глухой борьбе между ними, о государственно-охранительной роли в нем многих представителей либеральной демократии, и потому враждебное отношение создалось ко всему правительству в целом.

Бывшие доселе совершенно лояльными, а в большинстве и глубоко доброжелательными, терпевшие скрепя сердце все эксперименты, которые Временное правительство вольно и невольно производило над страной и армией, эти элементы жили одной надеждой на возможность возрождения армии, наступления и победы. Когда же все надежды рухнули, то, не связанное идейно с составом 2-го коалиционного правительства, наоборот, питая к нему полное недоверие, офицерство отшатнулось от Временного правительства, которое, таким образом, потеряло последнюю верную опору.

Этот момент имеет большое историческое значение, дающее ключ к уразумению многих последующих явлений. Русское офицерство — в массе своей глубоко демократичное по своему составу, мировоззрениям и условиям жизни, с невероятной грубостью и цинизмом оттолкнутое революционной демократией и не нашедшее фактической опоры и поддержки в либеральных кругах, близких к правительству, очутилось в трагическом одиночестве. Это одиночество и растерянность служили впоследствии не раз благодарной почвой для сторонних влияний, чуждых традициям офицерского корпуса и его прежнему политическому облику,— влияний, вызвавших расслоение и как финал — братоубийство. Ибо не может быть никаких сомнений в том, что вся сила, вся организация и красных и белых армий покоилась исключительно на личности старого русского офицера.

И если затем, в течение трехлетней борьбы, мы были свидетелями расслоения и отчуждения двух сил русской общественности в противобольшевистском лагере, то первопричину их надо искать не только в политическом расхождении, но и в том каиновом деле в отношении офицерства, которое было совершено революционной демократией с первых же дней революции.

* Председателем был полковник Новосильцев, член 4-й Государственной Думы, к.-д.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Группа меньшевиков-оборонцев «Единство» возникла в 1914 г., оформилась в марте 1917 года. Имела организации в Петрограде, Москве, Баку; издавала газету «Единство» («Наше единство»). Поддерживала Временное правительство в проведении войны «до победного конца». Распалась летом 1918 года. Руководителем группы был Г. В. Плеханов.

[2] Стучка Петр Иванович (1865—1932) — юрист, советский государственный и партийный деятель. В революционном движении с 1880-х годов, один из руководителей борьбы за Советскую власть в Латвии и организаторов ее коммунистической партии. После Февральской революции — член Петербургского комитета РСДРП(б), исполкома и большевистской фракции Петросовета. В ноябре 1917 г.— заместитель наркома, в марте — августе 1918 г. нарком юстиции РСФСР, затем член коллегии Наркоминдела. Участвовал в разработке первых советских законов. В декабре 1918 — январе 1920 г.— глава Советского правительства Латвии. Неоднократно избирался членом ВЦИК и его Президиума, членом ЦИК СССР. С 1919 г.— член Исполкома Коминтерна, с 1924 г. председатель Интернациональной контрольной комиссии.

[3] Урицкий Моисей Соломонович (1873—1918) — юрист, член РСДРП с 1898 г., меньшевик. После Февральской революции вошел в группу «межрайонцев», в ее составе принят в РСДРП(б) на VI съезде, избран в ЦК партии. Комиссар МИД, комиссар Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания. С 16 (29) октября 1917 г.— член Военно-революционного партийного центра по руководству восстанием и Петроградского ВРК. На II Всероссийском съезде Советов избран членом ВЦИК. С марта 1918 г. председатель Петроградской ЧК. Убит правым эсером 30 августа 1918 года.

[4] Суханов (Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940) — экономист, публицист. С 1903 г. эсер, с 1917 г. меньшевик, один из лидеров и теоретиков меньшевизма и редакторов газеты «Новая жизнь», член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, активно поддерживал Временное правительство. Член ВЦИК. После Октябрьской революции работал в советских учреждениях. Автор «Записок о революции». В 1931 г. осужден как «участник меньшевистской контрреволюционной организации».

[5] В июльские дни 1917 г., после провала наступления на фронте и расформирования революционных воинских частей, возник очередной политический кризис в России. 2 (15) июля кадеты вышли из Временного правительства, угрожая меньшевикам и эсерам разорвать коалицию. 3 (16) июля начались стихийные демонстрации солдат, рабочих и матросов в Петрограде под лозунгом «Вся власть Советам!». ЦК и Петербургский комитет большевиков решили возглавить выступления, придав им мирный характер. 4 (17) июля с согласия эсеро-меньшевистского руководства ВЦИК Советов против мирной демонстрации были направлены контрреволюционные войска. 5 (18) июля начались аресты, разоружение рабочих и революционных солдат. Премьер-министр Г. Е. Львов ушел в отставку, министром-председателем стал А. Ф. Керенский. Июльские дни знаменовали конец двоевластия и мирного развития революции.

[6] Гутор Алексей Евгеньевич (1868—1938) — генерал-лейтенант (1914 г.). Во время первой мировой войны командовал дивизией, корпусом, 11-й армией, с мая 1917 г. был главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта, с июля состоял при Ставке Верховного главнокомандующего. Один из первых военачальников русской армии, перешедших на сторону Советской власти. В дальнейшем преподаватель Военной академии РККА. С 1931 г. в отставке.

[7] Черемисов В. А.— в годы первой мировой войны, будучи главнокомандующим Северного фронта, 25 октября (7 ноября) 1917 г. отменил приказ Керенского об отправке войск с фронта на Петроград, так как армейские комитеты его не приняли.

[8] Балуев П. С.— генерал от инфантерии в августе — ноябре 1917 г., главнокомандующий армиями Западного фронта. За отказ подчиниться ВРК фронта отстранен от должности и арестован. К началу 1920 г. на службе в Красной Армии, входил в комиссию по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг., переименованную вскоре в Военно-историческую.

[9] «Союз офицеров армии и флота» — организация, созданная 1-м Всероссийским офицерским съездом (май 1917 г., Могилев), который потребовал от Временного правительства «заменить увещевания» солдат «самыми высшими уголовными наказаниями». Формально являлся профессиональной организацией, объединявшей около 100 тыс. офицеров «на почве любви к армии». В уставе подчеркивалось, что Союз «не имеет никакой политической платформы и не преследует никаких политических целей». В действительности он стал центром военной контрреволюции. В его Главный комитет вошли полковник Л. Н. Новосильцев (председатель, кадет), полковник Генерального штаба Д. А. Лебедев, В. М. Пронин и другие. Союз создал на всех фронтах и флотах, в армиях и крупных городах свои отделения, направлял усилия на объединение всех военных и полувоенных контрреволюционных организаций, на создание групп в частях и военных училищах, подготовку их для предстоящих открытых выступлений, «изъятие из армии» большевиков. Сыграл ведущую роль в подготовке и проведении «корниловщины», после поражения которой по требованию фронтовых частей и тыловых гарнизонов в сентябре 1917 г. был распущен; члены Главного комитета были арестованы.

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

Глава VII. *Происхождение и начало войны*

Год молчания

Мировая война, которая вызревала в сердце Европы в течение нескольких лет, обрушилась на Россию подобно урагану. Ни одна великая держава в Европе так не нуждалась в мире, так не жаждала его, как Россия после своей войны с Японией. Объективно — в 1914 г. Россия не была готова к войне с Германией, субъективно — русский народ и не помышлял о войне. Он целиком и полностью был занят разрешением внутренних политических, культурных и экономических проблем. Стоявшая в 1914 г. на пороге нового и решающего внутреннего кризиса Россия едва ли замечала, как вокруг нее стремительно нарастала внешняя угроза.

Трагическое положение России накануне первой мировой войны получило очень отчетливое отражение в двух письмах из частной переписки между премьером П. А. Столыпиным и А. П. Извольским, покинувшим пост министра иностранных дел, чтобы стать послом в Париже. Две краткие нижеприведенные выдержки в полной мере подкрепляют мое убеждение в том, что Великая война абсолютно не соответствовала национальным интересам и целям России в 1914 году.

21 июля 1911 г. Извольский писал Столыпину: «Вы знаете, что все пять лет, которые я провел на посту министра, меня беспрерывно мучил кошмар внезапной войны. Какой-либо возможности изменить сложившуюся систему союзов не существовало; ее ослабление неминуемо вызвало бы либо общеевропейскую войну, либо безусловное и полное порабощение России Германией. В любом случае это означало бы finis Rossiae [конец России] как великой и независимой державы».

На это П. А. Столыпин отвечал: «Колноберже, 28 июля. Я в высшей степени благодарен Вам за Ваше интересное письмо. Не могу не признать, что тоже был весьма обеспокоен происходившим. Мою точку зрения Вы знаете. Нам необходим мир; война в следующем году, особенно во имя целей, непонятных народу, стала бы фатальной для России и династии. И напротив, каждый мирный год укрепляет Россию не только с военной и военно-морской, но и с экономической и финансовой точек зрения. Кроме того, и это еще важнее, Россия растет год от года, развивается самосознание народа и общественное мнение. Нельзя сбрасывать со счетов и наши парламентские установления. Как бы они ни были несовершенны, их влияние тем не менее вызвало радикальные изменения в России, и когда придет время, страна встретит врага с полным осознанием своей ответственности. Россия выстоит и одержит победу только в народной войне. Я делюсь с Вами этими мыслями, потому что понять Россию только по газетам невозможно».

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—8.

Извольского мучили кошмары внезапной войны отнюдь не из-за игры воображения или потому, что он был нерешительным государственным деятелем, как отозвался о нем лорд Грей. Если он и был осторожным, возможно, чрезмерно осторожным дипломатом, то лишь потому, что России становилось все труднее следовать тропой мира в Европе, балансировавшей на грани войны. Сам лорд Грей в своих мемуарах пишет, что Европа, неуклонно и стремительно вооружаясь, с фатальной неизбежностью приближалась к войне, что все правительства не доверяли друг другу и видели ловушку в любом, даже самом невинном дипломатическом шаге.

Не будучи способной создать новый международный баланс сил, а также сдержать мирными средствами чудовищный динамизм германской экономической и военной машины, Антанта все больше концентрировала свои усилия на производстве и совершенствовании вооружений. Увеличение же армий и военных флотов неизбежно подталкивало Европу все ближе к вооруженному столкновению, ибо в ходе всякой гонки вооружений в конце концов наступает психологический момент, когда война кажется единственным средством освобождения от невыносимого ожидания катастрофы. После 1909 г. война стала лишь вопросом времени. Начала исчезать разграничительная линия между работой дипломата и штабного офицера.

В канун первой мировой войны в Европе существовали три основные проблемы. Это, во-первых, англо-германское военно-морское соперничество; во-вторых, австро-германо-российские разногласия в отношении Балкан и Турции; и, в-третьих, борьба между Францией и Германией из-за Эльзаса и Лотарингии и африканских колоний. Разрешение этих проблем было предоставлено дипломатам. Как известно из опубликованных ныне документов, большинство из них отнеслось к этому делу вполне добросовестно. Однако, несмотря на добрые намерения тех, кто осуществлял «секретную дипломатию», эти три проблемы становились все более запутанными и трудноразрешимыми. Приближалось время, когда задача распутать эти узлы должна была перейти от дипломатов к военным. Нет сомнений в том, что международную обстановку определяло англо-германское соперничество. Когда же германское правительство окончательно решило ускорить начало войны в Европе? Еще в России, да и некоторое время после отъезда оттуда, я придерживался общепринятой точки зрения, что Германия приняла решение о превентивной войне сразу же после того, как в 1914 г. на тайной конференции лидеров большинства Думы (Прогрессивного блока) в самом конце весенней сессии была одобрена широкая военная программа, предусматривавшая радикальную реорганизацию оборонительной системы России вдоль западной границы. Теперь же, заново проанализировав германскую политику в период Балканских войн, я пришел к выводу,— и это мое глубокое убеждение,— что германское командование утвердило план превентивной войны еще летом 1912 года. Подготовка к ней последовательно и спешно велась как во время, так и после Балканской конференции.

В феврале 1912 г. британское правительство предприняло последнюю попытку достичь соглашения с Германией о прекращении строительства военных кораблей в обеих странах. Для переговоров по этому вопросу в Берлин был направлен влиятельный член кабинета министров и сторонник дружественных отношений с Германией лорд Холдейн, который провел там ряд важных встреч с представителями политических и официальных кругов. Как и следовало ожидать, миссия лорда Холдейна завершилась полным провалом и он вернулся в Лондон с пустыми руками. Берлинское правительство не было склонно заключать какое-либо соглашение о военно-морских силах до тех пор, пока не

произойдет определенных изменений во внешней политике Англии, на которых настаивала Германия. Великобритания, со своей стороны, вообще никогда не была склонна идти на уступки в своей внешней политике, тем более она не могла себе этого позволить в 1912 году. За отъездом лорда Холдейна из Берлина почти немедленно последовало решение о дополнительных ассигнованиях на усиление германских военно-морских сил. 8 марта рейхстаг утвердил второй законопроект о развитии военно-морских сил, внесенный адмиралом Тирпицем.

Миссия Холдейна была последней попыткой Англии предотвратить вооруженное столкновение с Германией. Когда она потерпела провал, то, как мне рассказывал в Лондоне в 1918 г. сам Холдейн, неизбежность войны стала очевидной. И с лета 1912 г. к ней стали лихорадочно готовиться все европейские державы. По инициативе британского адмиралтейства между правительствами Англии и Франции было достигнуто сверхсекретное соглашение, о котором не было никаких упоминаний в официальных документах, касавшееся дислокации их военно-морских сил. Весь британский военный флот предполагалось сконцентрировать в проливе Ла-Манш и в Северном море — Великобритания тем самым брала на себя защиту северного побережья Франции; французский же флот предполагалось сосредоточить в районе Средиземного моря.

Приняв на себя обязанность на случай войны с Германией охранять северное побережье Франции, кабинет Асквита и Грея признал, что Великобритания обязательно будет участвовать в войне, в которую в силу союза с Францией неизбежно оказалась бы вовлеченной и Россия. Это англо-французское соглашение о сферах действий флотов двух стран стало известно германской разведке; оно положило конец последним надеждам Германии на подрыв по дипломатическим каналам англо-франко-русского согласия. Французский кабинет, в свою очередь, уверенный в поддержке Великобритании, полностью пересмотрел свои отношения с Россией по вопросу о положении на Балканах. 25 октября 1912 г. русский посол в Париже А. П. Извольский информировал министра иностранных дел С. Д. Сазонова о следующем политическом заявлении французского кабинета: «Отныне Франция считает, что территориальные притязания Австрии нарушают общий баланс сил в Европе и, соответственно, интересы самой Франции». Иными словами, Франция поощряла Россию занять более жесткую позицию на Балканах. Одновременно она стала оказывать давление на Россию с целью заставить ее как можно скорее реорганизовать и укрепить вооруженные силы и без промедления закончить строительство важных в стратегическом отношении железных дорог.

Сама же Франция осуществила, начиная с 1911 г., ряд мер по усовершенствованию своей артиллерии и теперь располагала достаточным числом тяжелых полевых орудий. В августе 1913 г. была завершена модернизация армии и введен трехлетний срок воинской службы, хотя закон об этом был принят после долгого и упорного сопротивления со стороны профсоюзов, Социалистической партии и левых радикалов. Все законы об ассигнованиях на перевооружение и увеличение вооруженных сил вызывали сильнейшее противодействие в парламенте, но тем не менее в конечном счете утверждались.

Общественное мнение в странах Антанты — Англии, Франции и России — в целом не было подвержено тем милитаристским и шовинистическим настроениям, которые господствовали во всех слоях германской общественности. Все европейские социалистические партии (включая германскую) на своих съездах, как и организации рабочих, голосовали против войны и за всеобщую забастовку, если «капиталисты» ее развяжут. Против любой войны была настроена в основном

и вся общественность России. Страна в эти предвоенные годы была чрезмерно занята борьбой с «режимом Распутина».

Изучив информацию о военном, политическом и психологическом положении в странах своих потенциальных противников, немцы посчитали, что она говорит в пользу более чем вероятной победы Австрии и Германии. Но эта вероятность будет уменьшаться с каждым годом затягивания конфликта, поскольку время работает на укрепление военной и психологической готовности держав Антанты.

К концу 1913 г. все было готово для нанесения первого удара. Требовалось лишь выбрать удобный момент. Он наступил 15(28) июня 1914 года. В этот день прибывший с визитом в Боснию эрцгерцог Франц-Фердинанд ехал в открытой карете вместе со своей морганатической супругой без всякой полицейской охраны по улицам Сараева. Когда на одной из улиц карета завернула за угол, к ней подбежал молодой человек и несколькими выстрелами из револьвера убил обоих. Убийца, Гаврила Принцип, принадлежал к сербской ультранационалистической террористической организации «Черная рука» *.

Это трагическое событие потрясло всю Европу, вызвав волну возмущения. В правительственных и политических кругах возникла серьезная тревога в связи с тем, что пожар на Балканах, только что потушенный объединенными усилиями великих держав в ходе Лондонской конференции, может легко возгореться снова и снова возобновится напряженность между ними. Тревога вскоре улеглась. Австрийское правительство поспешило заверить Санкт-Петербург в том, что не намерено предпринимать каких-либо акций военного характера. А через неделю после убийства эрцгерцога кайзер Вильгельм II отправился на летний «отдых» в норвежские фиорды. Отъезд германского императора окончательно убедил Европу в том, что мир будет сохранен.

Наступило политическое затишье, обычное для летнего сезона. Уезжали в отпуск министры, члены парламента, высокопоставленные правительственные и военные чиновники. Трагедия в Сараеве никого особенно не встревожила и в России; большинство политических деятелей с головой ушли в проблемы внутренней жизни. Даже в свете того, что известно нам сегодня, трудно представить, как случилось, что никто из европейских правителей, за исключением германских и австрийских заговорщиков, не чувствовал, что покой благословенного лета — всего лишь затишье перед надвигающейся ужасной бурей.

В июле, воспользовавшись парламентскими каникулами, президент Французской республики Раймон Пуанкаре и премьер-министр и министр иностранных дел Рене Вивиани нанесли официальный визит Николаю II, прибыв на борту французского линейного корабля. На обратном пути из России они намеревались совершить визит в Скандинавские страны. Встреча состоялась 7—10(20—23) июля в летней резиденции царя, Петергофе. Ранним утром 7(20) июля французские гости перешли с линкора, ставшего на якорь в Кронштадте, на царскую яхту, которая доставила их в Петергоф. После трех дней переговоров, банкетов и приемов, перемежавшихся посещением традиционных летних маневров гвардейских полков и частей Санкт-Петербургского военного округа, французские визитеры возвратились на свой линкор и отбыли в Скандинавию.

Несколько позднее, в один и тот же день — 10(23) июля, в Париже, Санкт-Петербурге и Лондоне были получены сообщения о том, что правительство Австрии вручило правительству Сербии ультиматум, ус-

* Босния была славянской провинцией Австрии, которую она официально аннексировала только в 1908 г., хотя была оккупирована и управлялась Австрией еще с 1878 г. в соответствии с секретным договором, подписанным на Берлинской конференции императорами Австро-Венгрии, Германии и России.

ловия которого подлежали исполнению в течение 48 часов. Очевидно, что предъявление ультиматума в день отплытия Пуанкаре из России не было случайностью. В течение нескольких дней Франция оставалась без президента, главы кабинета и министра иностранных дел; всеми делами занимался один из заместителей министра, мало сведущий в международной политике. В столь ответственный момент Франция и Россия оказались лишенными возможности безотлагательно принять совместные меры.

Требования, содержащиеся в ультиматуме, были несомненно неприемлемы для любого правительства. Ни одна уважающая себя страна не могла согласиться уволить своих должностных лиц в отставку по требованию иностранной державы; ни одно правительство не могло разрешить иностранцам вмешиваться в свои административные и юридические функции под угрозой применения военной силы; никакое правительство не согласится приносить извинения за преступления, которых оно не совершало: в противном случае оно бы признало справедливость лживых обвинений в своем соучастии и покровительстве. Даже австрийский барон фон Визнер, направленный в Сараево для расследования обстоятельств убийства, информировал 2(15) июля австрийское правительство, что не обнаружил никаких данных, свидетельствующих о причастности правительства Сербии к убийству.

Как только правительство России узнало об ультиматуме, оно предложило, чтобы Сербия приняла все требования, кроме тех, которые нарушали основные права суверенного государства. Именно такую позицию и заняло правительство Сербии, изложив ее в ноте от 10(23) июля. Венское правительство расценило ноту Белграда как неудовлетворительную, и с этого момента Австрия и Сербия оказались в состоянии войны. 15(28) июля австрийцы подвергли Белград артиллерийскому обстрелу.

В тот же день лорд Грей предложил немедленно созвать конференцию великих держав, однако австрийцы отклонили предложение Грея обсудить вопрос об австро-сербских отношениях, как затрагивавший их национальное достоинство. Берлин поддержал Вену. Все попытки русского правительства посредством прямых переговоров с австрийцами убедить их в необходимости найти мирное решение и внести изменения в условия ультиматума были категорически отвергнуты. А тем временем германские агенты в Западной Европе всеми силами пытались убедить общественность, будто правительство Сербии отклонило справедливые требования Австрии под давлением агрессивного Санкт-Петербурга. Эти утверждения были с готовностью подхвачены пацифистскими и прогерманскими кругами в Англии и Франции, которые считали, что именно Россия является главным виновником всех международных интриг, ставящих под угрозу мир в Европе.

Сегодня нет смысла опровергать эти абсурдные утверждения или доказывать, что не «преждевременная мобилизация» в русской армии стала причиной первой мировой войны. Даже летом 1917 г., в разгар боев на русском фронте, независимый левый социал-демократ Гаазе сделал в рейхстаге официальное заявление, за которое, окажись оно ложным, его бы судили по обвинению в измене. Гаазе сказал, что через неделю после убийства эрцгерцога, 22 июня (5 июля) 1914 г., кайзер Вильгельм созвал секретное совещание высокопоставленных лиц из австрийского и германского правительств, а также из вооруженных сил. На этой встрече было решено использовать сараевскую трагедию как предлог для начала превентивной войны против стран Тройственного согласия и в соответствии с этим был разработан генеральный план действий. По понятным соображениям, чтобы не вызывать подозрений у Англии или России, первую часть плана следовало осуществить одной

лишь Австрии без какого-либо участия Германии. Следует добавить, что такая стратегическая уловка — отъезд кайзера «на отдых» — сработала великолепно. Развеяв подозрения своих будущих противников, Германия получила трехнедельную фору для подготовки неожиданного нападения.

Зная о том, что общеевропейская война между двумя группировками держав неизбежна; что Великобритания, имея флот, не располагает — на тот момент — сухопутной армией; что континентальные союзники Великобритании ведут ускоренную реорганизацию и перевооружение своих армий, но пока еще не готовы к войне; что Россия 1914 г.— это не Россия 1904 г., что она стала страной с высокоразвитой промышленностью, включая военную; и что через два или три года Франция и Россия завершат подготовку к войне и тогда их военный потенциал превысит военную мощь Германии, немцы считали, что избрали единственно возможный путь — застать врасплох плохо подготовленного врага.

Могла ли Россия, которая была абсолютно не готова к столкновению с Германией и которая по опыту 1908 г. знала, что Германия поддерживает Австрию, действительно спровоцировать кайзера начать войну? Конечно, нет. Документы о причинах войны, опубликованные в Белой книге санкт-петербургского правительства от 1915 г., полностью исключают такую возможность. На первом военном совете по вопросу об австро-сербском конфликте, который царь провел за день до артиллерийского обстрела Белграда, было решено объявить на следующий день, а именно 13(26) июля, о принятии мер предосторожности, а если положение ухудшится, провести частичную мобилизацию; она должна была охватить 13 корпусов в четырех военных округах, не граничащих с Германией. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов немедленно сообщил об этом решении германскому послу в Санкт-Петербурге графу Пурталесу, указав, что эти меры никоим образом не направлены против Германии и что не будет предпринято никаких действий против Австрии.

Кризис в Европе развивался с такой головокружительной быстротой, что проводить лишь частичную мобилизацию как меру, направленную против Австрии, было бессмысленно и по техническим, и по политическим соображениям. Частичная мобилизация не являлась стадией программы всеобщей мобилизации в России на случай войны. Поэтому проведение частичной мобилизации могло бы лишь осложнить положение России в случае критических обстоятельств. Спешно прибывший с Кавказа в Санкт-Петербург генеральный квартирмейстер Генерального штаба генерал В. Н. Данилов предложил генералу Янушкевичу, только что назначенному на пост начальника Генерального штаба и не располагавшему временем для того, чтобы ознакомиться с мобилизационными планами, пересмотреть отданный приказ. Царю для окончательного решения были направлены проекты двух отдельных приказов — один о частичной, другой о всеобщей мобилизации.

Утром 16(29) июля из Царского Села поступил приказ о всеобщей мобилизации, уже подписанный царем; он должен был вступить в силу в полночь. К этому времени военные власти располагали надежной и точной информацией о концентрации германских вооруженных сил на границах с Францией и Россией. Тем же утром 16 июля граф Пурталес посетил С. Д. Сазонова и в резких выражениях заявил ему, что продолжение мобилизации, угрожающей Австрии, вынудит Германию принять соответствующие меры. Тем не менее в течение того дня, 16 июля, Николай II поддерживал постоянную связь по телеграфу с кайзером, который к тому времени возвратился из «туристической поездки» к норвежским фиордам. Ошибочно полагая — после получения одного из посланий кайзера,— что тот искренне заинтересован в мире, царь в тот же вечер направил ему ответную телеграмму, в которой выражал благодарность за полученное послание и отмечал, что оно резко отличается от тона, в котором этот вопрос обсуждал германский посол 16 июля на встрече с С. Д. Сазоновым. Вечером того же дня царь отменил свой приказ о всеобщей мобилизации и вместо него отдал приказ о частичной мобилизации, который вступал в силу в тот же срок — 17(30) июля.

На следующий день, когда уже стало известно, что 18 июля Австрия собирается объявить состояние боевой готовности и что Германия абсолютно открыто проводит военные приготовления, царь получил от кайзера еще одну телеграмму, составленную на этот раз в более резких выражениях. Германский император дал ясно понять, что Пурталес сделал заявление в полном соответствии с его инструкциями и что, если Россия не отменит мобилизации, на царя ляжет вся ответственность за последствия. В ответ на это царь после мучительных колебаний в конце концов отменил во второй раз частичную мобилизацию и отдал приказ о всеобщей мобилизации, установив срок его вступления в силу ровно в полночь 18(31) июля.

Более того, стремясь не раздражать Германию, царь запретил военным кораблям без его предварительного разрешения минировать воды Балтийского моря. 17 июля Адмиралтейство получило донесение, что германский флот покинул Киль и направился в сторону Данцига. В ожидании распоряжения царя командующий Балтийским флотом адмирал А. М. Эссен направил начальнику штаба военно-морских сил адмиралу А. И. Русину телеграмму с просьбой, чтобы царь разрешил немедленное минирование. Телеграмма была получена около полуночи 17 июля. Несмотря на поздний час, начальник штаба в сопровождении ближайших помощников отправился к военно-морскому министру и попросил разбудить царя, чтобы получить его разрешение на минирование. Военно-морской министр решительно отказался выполнить эту просьбу. Попытки прибегнуть к помощи великого князя Николая Николаевича также потерпели неудачу. Лишь в 4 часа утра, когда офицеры, посланные Русиным к однополчанину царя генералу Янушкевичу, не вернулись обратно, адмирал принял решение нарушить императорское распоряжение и отдал приказ о начале минирования. Через несколько минут после этого было получено согласие от генерала Янушкевича. Утром 18 июля в 11.30 Эссен по радиотелеграфу сообщил начальникам штабов о том, что минные заграждения поставлены.

Вечером того же дня граф Пурталес посетил министра иностранных дел С. Д. Сазонова и со слезами на глазах сообщил ему, что начиная с полуночи 18 июля Германия находится в состоянии войны с Россией.

Глава VIII. *Монархия на пути к краху*

28 мая 1914 г. завершилась весенняя сессия IV Думы. Заседания происходили крайне остро, приобретая порой даже бурный характер. Члены всех фракций, от социал-демократов до октябристов, подвергли резкой критике гибельную политику Горемыкина, настаивая на отставке трех министров, проявивших наиболее фанатическое неприятие народного представительства — Маклакова (министра внутренних дел), Щегловитова (министра юстиции) и Сухомлинова (военного министра). Что касается наиболее умеренных депутатов, то их стремление устранить кабинет Горемыкина было продиктовано не столько отношением к внутренней политике правительства, сколько крайне тревожным положением в Европе.

Русская армия находилась в тот период в критической стадии: пол-

ным ходом претворялась в жизнь широкая военная программа, разработанная французским и русским генеральными штабами в ответ на наращивание военного потенциала в Германии и Австрии. В самом конце весенней сессии правительство решило кратко информировать наиболее влиятельных членов комиссии Думы по военным делам о прогрессе, достигнутом в оборонительных мероприятиях. Для этого Родзянко провел совершенно секретное заседание, на котором, как и предполагалось, военный министр изложил цели и задачи коренной реорганизации оборонительной системы вдоль западных границ России.

Я, как представитель левого крыла оппозиции, на это крайне важное заседание не был приглашен, поэтому я могу лишь процитировать выдержку из показаний лидера кадетской партии П. Н. Милюкова, данных им в ходе специального расследования деятельности бывших царских министров и чиновников, проведенного в августе 1917 г.: «На закрытом заседании по вопросам, связанным с военной программой, Сухомлинов проявил полное невежество в военных делах. Мы и сами были не большими знатоками, но могли понять, что он не имел ни малейшего представления о проводимых в армии мероприятиях и о «реформе», суть которой должен был нам изложить, он знал не больше человека, свалившегося с Луны. Но так или иначе, мы поняли, что план предусматривал не «реформу» вооруженных сил, а лишь перегруппировку и реорганизацию на случай большой войны, которая, как ожидалось, разразится в 1916 году».

Какие меры следовало принять? У меня на это не было ответа, но одно я знал: война с Германией не будет каким-либо побочным конфликтом вроде русско-японской войны, но будет схваткой, в которую, как в 1812 г., будет вовлечена вся нация. Конечно, далеко не все, что обсуждалось и совершалось за непроницаемыми стенами правительственных учреждений, доходило до сведения даже наиболее сведущих в политике представителей общественности. Но теперь, когда я понял, что всякие теоретические дискуссии и обсуждения, будет или не будет войны, абсолютно беспредметны и что схватка неизбежна, я в полной мере осознал, что не могу — не имею права — скрыть то, что знаю, от некоторых видных представителей левых и радикальных группировок. Я также считал важным уяснить для себя мнение этих людей перед тем, как отправиться в ежегодную поездку по стране.

Мне даже удалось организовать встречу, в которой, к сожалению, приняло участие не так уж много людей, поскольку большинство успело разъехаться в летние отпуска. На ней разгорелись жаркие споры — отнюдь не все верили, что война не за горами, однако в одном были согласны все до единого: если война все же разразится, каждый из нас выполнит свой долг по защите страны.

В конце концов после многодневных утомительных дискуссий мне удалось покинуть Санкт-Петербург и вдохнуть свежий воздух бесхитростной русской провинции. Я взял себе за правило во время летних каникул совершать поездки по стране, рассказывая о работе Думы и помогая в организации политической работы на местах. На этот раз путь мой пролегал через Урал к Волге. Обращаясь сегодня в прошлое, осознаешь, что политические свободы в России того времени напоминали волшебную сказку. Россия стала совсем другой страной, чем была до русско-японской войны. К лету 1914 г. Россия уже превратилась в политически организованную страну и потребовалось бы от силы еще два или три года, чтобы вытравить все следы самодержавия и распутинщины и создать новую, демократическую Россию.

В начале июля я покинул Екатеринбург *, где участвовал в работе съезда учителей начальных школ, и приехал на несколько дней в Самару. Город проявлял огромный интерес к политическим событиям. Во время моего выступления городской театр был переполнен, и толпы людей вынуждены были стоять на площади перед зданием. Вечер прошел весьма оживленно, хотя, как и обычно, не было задано ни одного вопроса о международных делах; все были поглощены лишь текущими проблемами внутренней жизни. После выступления был устроен прием, на котором присутствовали, помимо меня, товарищ председателя Думы Н. В. Некрасов и небольшая группа местных политических деятелей. Но тут главной темой разговора была напряженность международной обстановки.

* Переименованный в 1924 г. в Свердловск.

На следующий день, 10(23) июля, мы в сопровождении друзей отправились на пристань. Некрасов ехал к Черному морю навестить семью, я отправлялся в Саратов, где у меня было назначено очередное выступление. Когда мы стояли на пристани, неожиданно появился мальчишка-газетчик, который истошно выкрикивал: «Последние новости! Австрия направила ультиматум Сербии!» Было чудесное летнее утро, в лучах солнца ослепительно сверкала гладь Волги, на палубах огромного парохода, стоявшего у пристани, толпились радостные, возбужденные люди. Мало кто из них обратил внимание на мальчишку-газетчика, но в нашей маленькой компании все разговоры сразу же оборвались. Радужного настроения, порожденного столь успешным пребыванием в Самаре, как не бывало. Мы слишком хорошо понимали, что этот ультиматум означал общеевропейскую войну. После краткого обмена мнениями было решено, что я немедленно возвращаюсь в Санкт-Петербург, а Некрасов до предела сократит поездку к Черному морю.

В жизни человека случаются мгновения, когда всякие размышления и раздумья становятся бессмысленными: взамен им приходит внезапное осознание важности происходящих событий. В тот момент я ясно понял, что в грядущую войну будет вовлечен весь русский народ и что он выполнит свой долг.

В конце июня 1914 г. в столице начались беспорядки среди рабочих (в которых приняло участие около 200 тыс. человек), а в рабочих кварталах на Выборгской стороне появились баррикады. За несколько дней до начала войны Пурталес направил в Берлин донесение, в котором говорилось, что внутренние раздоры в России создали благоприятные психологические предпосылки для объявления ей войны. Его превосходительство в своих суждениях допустил фатальную ошибку. В день объявления войны тысячи рабочих, которые еще накануне вечером участвовали в революционных забастовках, направились в знак солидарности к посольствам союзных стран. И на площади перед Зимним дворцом, той самой площади, которая была свидетелем трагедии января 1905 г., огромные толпы людей из всех слоев общества с воодушевлением приветствовали самодержца и пели «Боже, царя храни».

Вся нация, жители больших и малых городов, как и сельской местности, инстинктивно почувствовали, что война с Германией на многие годы вперед определит политическую судьбу России. Доказательством тому было отношение людей к мобилизации. Учитывая огромные просторы страны, ее результаты произвели внушительное впечатление: лишь 4% военнообязанных не прибыли в срок к месту приписки. Другим доказательством явилась внезапная перемена в умонастроениях промышленного пролетариата. К удивлению и возмущению марксистов и других книжных социалистов, русский рабочий, так же, как французский и германский, проявил себя в той же степени патриотом, как и его «классовые враги». «В начальный период войны,— писал впоследствии один из коммунистических историков,— численно малые силы партии, очутившись в атмосфере равнодушия и даже враждебности, встали на единственно возможный для них путь — путь медленного, но неуклон-

ного привлечения на свою сторону союзников. Эта болезненная работа привела к постепенному преодолению и устранению этого субъективного заблуждения *, проявившегося в партийных рядах в начале войны. По мере возрождения и идеологического укрепления это партийное ядро повело неустанную борьбу против патриотических настроений революционных масс» **.

Я понимал, что борьбу, которую мы вели с остатками абсолютизма, можно теперь на время отложить. Мы вступили в сражение с могущественным врагом, который в техническом отношении значительно превосходил нас. В этих условиях надо было сконцентрировать все наши усилия, всю волю народа ради достижения одной цели. Единство страны определялось не только патриотизмом народа; оно также в большой степени определялось внутренней политикой правительства. Массы были готовы проявить добрую волю и не вспоминать о старом. Такое же желание оставалось проявить и монархии.

По пути в Санкт-Петербург я работал над планом действий на период войны, основанным на примирении царя и народа. Быть может, это была безнадежная мечта, но бывают времена, как в истории страны, так и в жизни отдельных людей, когда их спасение определяется вовсе не логикой и не разумом. Эта вторая война за национальное выживание (первая была в 1812 г.) предоставила царю уникальную возможность протянуть руку дружбы народу, обеспечив тем самым победу и упрочение монархии на многие годы. В манифесте царя по случаю войны с Германией не было недостатка в благородных, патриотических и гуманных эмоциях, но мы нуждались в примирении не на словах, а на деле.

Открытие чрезвычайной сессии Думы было назначено на 26 июля (8 августа). В период, непосредственно предшествовавший этой исторической сессии, в служебном кабинете Родзянко ежедневно проводились заседания Совета старейшин, куда входили представители различных партий. Никто не сомневался, что Дума единодушно подтвердит решимость всех классов и национальных групп защитить отечество и обеспечить победу в войне. Решающим был вопрос: пойдет или не пойдет на уступки народу царь. Предполагалось, что в канун открытия Думы, 26 июля, Родзянко отправится с докладом к царю.

На одном из заседаний я обратился к Родзянко с настоятельной просьбой от имени Совета старейшин сообщить царю, что, по мнению Думы, ради успешного исхода войны ему совершенно необходимо предпринять следующие шаги: 1) изменить внутреннюю политику; 2) провозгласить всеобщую амнистию для политических заключенных; 3) восстановить конституцию Финляндии; 4) объявить автономию Польши; 5) предоставить нерусским меньшинствам самостоятельность в области культуры; 6) отменить ограничения в отношении евреев; 7) покончить с религиозной нетерпимостью и 8) прекратить преследования законных организаций рабочего класса и профессиональных союзов. Все эти пункты содержались в конституционном манифесте от 17 октября 1905 г., однако власти упорно не желали осуществлять ни одного из них. Я посоветовал старейшинам не настаивать на том, чтобы царь провел какие-либо реформы, а лишь подтвердить свое требование об осуществлении ранее обещанных. Мою просьбу поддержали прогрессисты, меньшевики и левые кадеты.

Затем предстояло переговорить с Милюковым. Он был компетентным историком и считался специалистом в области международных отношений. Ссылаясь на пример Англии, он считал, что Дума должна, не ставя никаких условий, проявить полное доверие к правительству независимо от совершенных им ошибок. Ссылки на пример Англии казались мне абсолютно беспочвенными, поскольку любое британское правительство находится под жестким контролем общественного мнения и, более того, выражает волю партии, одержавшей победу на выборах. В России же никогда не существовало подлинно демократической парламентской системы. Фактически кабинет Горемыкина просто-напросто подчинялся диктату Распутина и его клики и не обращал абсолютно никакого внимания на общественное мнение. Кроме того, неуместность примера Англии особенно ярко проявлялась в том, что английская консервативная оппозиция отказывала в поддержке либералам до тех пор, пока руководители обеих партий не достигли личного соглашения относительно политики на период войны.

И тем не менее мое предложение забаллотировали. Да и будь все мои пункты приняты, я сильно сомневаюсь, что требования Совета старейшин оказали бы на умонастроения царя воздействие большее, чем энтузиазм народа. Перед самым отъездом Родзянко в Царское Село у нас с ним состоялся продолжительный разговор. Он записал мои соображения на листке бумаги и обещал упомянуть о них при встрече с царем. По возвращении он сказал мне, что выполнил мою просьбу, но царь, мельком проглядев листок, положил его на стол без каких-либо замечаний.

В последнем докладе царю, датированном 10(23) февраля 1917 г., Родзянко напомнил ему о тех первых месяцах войны, когда все еще было возможно, но ничего не было сделано. В докладе говорилось: «Мы были свидетелями того, как в соответствии с требованиями момента действовали правительства наших союзников и каких замечательных результатов они достигли. А что делали мы в то время? Вся нация стремилась к единению, а наше правительство не осуществляло никакой политики, более всего боясь единения народа. Правительство не только отказывается внести какие-либо изменения в методы управления, но даже пытается всячески оправдать их ссылками на когда-то почитаемый, но давно отброшенный опыт. Волна арестов, ссылок, преследований печати достигла наивысшей точки. И даже те люди, на поддержку которых одно время могло рассчитывать правительство, ныне вызывают подозрения. Вся страна находится под подозрением».

Но время уже ушло, и какой теперь был толк в напоминаниях Родзянко о том, что следовало бы сделать в начале войны? Ему бы поддержать меня тогда, в 1914 г., в моих попытках убедить Совет старейшин выполнить свой долг представителей народа, доказав царю, что единственный путь объединения страны — объединение верховной власти с народом во имя совместной борьбы за Россию. Можно возразить, что наказ этот все равно не был бы услышан. Вероятно, так. Но тогда большинство Думы по крайней мере не подверглось бы всенародному осуждению за молчаливое послушание в первый год войны и согласие с жестокими и неконтролируемыми действиями министров царя.

Возможность победы теперь зависела только от непреклонной решимости народа защищать свою страну до последнего человека. На это я и возлагал свои надежды: я был уверен, что все преграды, созданные монархией на пути к победе, будут преодолены. Именно об этом я и сказал в своей речи на историческом заседании Думы 26 июля. Перед открытием заседания мне довелось пережить несколько неприятных минут. Дело в том, что трудовики и социал-демократы договорились выступить с заявлением, в котором обе партии выражали решимость народа, несмотря на антинародную и обструкционистскую политику правительства, защищать страну (что было согласовано на конференции).

Совместное заявление было в общих чертах сформулировано нака-

* То есть патриотизма.

** Очерки по истории Октябрьской революции. Под ред. М. Н. Покровского (М. 1927), с. 203.

нуне вечером, и мне поручили написать окончательный текст и привезти его на следующий день в Думу. Однако, когда я приехал, меня ждало горькое разочарование. В Екатерининском зале ко мне подошел председатель социал-демократов Чхеидзе и весьма смущенно заявил о невозможности выступления с совместным заявлением. Я потерял дар речи. На мой вопрос о причине, он ответил, что накануне ночью из какого-то агентства была получена телеграмма, в которой сообщалось о состоявшейся в Германии антивоенной демонстрации социал-демократов, а раз так, он обязан их поддержать. Я выразил сомнение в достоверности сообщения, отметив, что германские социал-демократы — прежде всего немцы, а немцы не настолько тупы, чтобы пойти на такой шаг. Чхеидзе лишь развел руками. Я попросил разрешения ознакомиться с текстом заявления его партии, а прочитав его, возвратил со словами: «Поступайте, как знаете, но вот этот абзац надо выкинуть при любых условиях, иначе вы потом тяжко за него поплатитесь...» *.

Зачитать заявление от имени всей фракции социал-демократов на вскоре открывшемся заседании Думы было поручено большевику по фамилии Хаустов **. Составленное в типичном стиле марксистского жаргона, оно просто-напросто утверждало, что «пролетариат, неизменно стоящий на страже свободы и интересов народа, всегда будет защищать культурное богатство народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили», и выражало надежду, что нынешняя волна варварства*** будет последней. Вечером того же дня поступило официальное сообщение, что никаких акций со стороны германских социал-демократов предпринято не было. Опасных последствий такого трюка частично удалось избежать, поскольку самый рискованный пассаж из заявления Чхеидзе все же был выброшен.

После выступления министров, изложивших политику правительства, председатель Думы предоставил слово мне. В заключительных словах сделанного мною от имени трудовиков короткого заявления я сказал: «Мы абсолютно уверены, что внутренняя изначальная сила русской демократии вкупе с другими движущими силами русского народа дадут отпор агрессорам и защитят отечество и культурное наследие, созданное пóтом и кровью предшествующих поколений. Мы верим, что страдания на полях сражений укрепят братство русского народа и приведут к общей цели — освобождению страны от чудовищных оков. Однако даже в этот трудный час власти не желают положить конец внутренним разногласиям; они не хотят даровать амнистию тем, кто боролся за свободу и счастье нашей страны, как не хотят пойти навстречу нерусским меньшинствам, которые, забыв о прошлых обидах, сражаются бок о бок с нами за Россию. Вместо того чтобы облегчить тяготы трудящихся, власти вынуждают их нести главное бремя военных расходов, увеличив размеры косвенного налогообложения. Крестьяне, рабочие и все, кто желает счастья и процветания родины, будьте готовы к тяжким испытаниям, которые нас ожидают впереди, соберитесь с силами, ибо, защитив свою страну, вы освободите ее». Эти несколько строк выражали суть политической программы на время войны той группы, с которой я был связан, чьей воле я подчинялся и чьи цели я стремился выразить. Целиком и полностью поддерживая консервативные и правые партии, составлявшие большинство в Думе, Милюков выразил их чувства, вполне определенно заявив: «Мы не выдвигаем никаких требований и не ставим никаких условий; мы лишь выражаем несокрушимую решимость сделать все ради победы на полях сражений». Тем самым большинство Думы отдавало Россию на весь период войны на милость деспотичного и эгоистичного правительства, обрекая себя на бездействие и молчание в то особо критическое для судеб страны время.

Как же истолковали монархия и реакционные министры этот неожиданный взрыв патриотизма и еще более неожиданный вотум доверия, который вынесла правительству Дума? Именно так, как и следовало ожидать от людей, мечтавших о возвращении России к системе абсолютной власти. Они сочли, что претендующие на роль политиков члены Думы, которые занимаются играми, изображая себя представителями народа, и пытаются вмешиваться в государственные дела, оказались вынуждены пойти на капитуляцию под натиском могучей волны чувств, охвативших преданных трону людей, объединившихся вокруг царя и помогавших ему, как не раз в прошлом, спасти страну от вражеского нашествия. И теперь, когда народ взял сторону царя, министрам, верным защитникам традиционного абсолютизма, Дума больше не нужна и нечего больше бояться ее критики. Приблизительно такие выводы сделали они из сложившейся ситуации!

Хотела ли в действительности Дума ликвидации монархии? Нет. В России, как и во всех других странах Европы, за исключением Франции, правила монархия. И в момент, когда на карту была поставлена судьба России, даже сторонники республиканского строя, к коим относился и я, готовы были предать забвению прошлое во имя единения нации. И разве в конце концов не объявил царь в своем манифесте от 17 октября 1905 г., что отныне и во веки веков ни один закон не будет приниматься без утверждения Думой? И разве уже это не свидетельствует о провозглашении конституционной монархии, хотя бы такой неполной и несовершенной?

А тем временем по двум направлениям шло разрушение патриотических чувств рабочих, которые всеми силами стремились защитить родину. С одной стороны, правительственные власти всячески подрывали деятельность больничных касс и других социальных организаций, отправляя на фронт наиболее опытных и влиятельных рабочих и профсоюзных деятелей. И хотя большинство их составляли социал-демократы и меньшевики *, им была абсолютно чужда пораженческая пропаганда Ленина. Оказавшись в полном меньшинстве, сторонники Ленина использовали создавшееся положение в своих собственных целях. Вместе с тем с началом войны среди рабочих окрепла надежда на объединение многочисленных партий и прекращение межфракционной грызни. Осуществись эта надежда, и патриотические настроения рабочих получили бы дальнейшее развитие. Ленин со всей очевидностью понимал это и всеми силами поэтому противился любому сближению с меньшевиками.

16 декабря 1914 г. директор Департамента полиции направил всем отделениям тайной полиции следующий циркуляр (за № 190791): «В связи с чрезвычайной опасностью настоящего плана (объединения партий) и крайней желательностью сорвать его, Департамент полиции считает необходимым просить всех руководителей отделений тайной полиции внушить находящимся в их распоряжении агентам, что они должны настойчиво проводить в жизнь во время посещения партийных собраний и всячески отстаивать идею о полной невозможности какого-либо организационного слияния существующих течений, особенно большевиков и меньшевиков». Чем глубже будут разногласия среди рабочих, чем безжалостнее будут подавлять власти деятельность общественных организаций рабочих, тем легче будет большевистскому меньшинству охладить патриотические настроения пролетариата.

* В абзаце содержался призыв саботировать отправку эшелонов с военными грузами.

** Так у автора. Хаустов не был большевиком (*прим. ред.*).

*** То есть война.

* Так у автора (*прим. ред.*).

В начале декабря из Швейцарии до России дошли ленинские тезисы, позднее получившие известность как «пораженческие». На тайном заседании Центрального Комитета большевистской партии, которое было проведено на окраине Петрограда *, для обсуждения этих тезисов, естественно, присутствовала «пятерка» — полный состав большевистской фракции в Думе. В заседании принял также участие известный деятель партии Каменев (Розенфельд), который, незадолго перед тем вернувшись из эмиграции, жил на легальном положении. Через своих агентов, один из которых был редактором «Правды», охранка получила точную информацию о месте и времени заседания и о числе его участников. Едва заседание открылось, как явилась полиция, арестовала и отправила в тюрьму «пятерку», а с ними и Каменева. Их немедленно судили и 14 (27) февраля сослали в Сибирь.

Немногие из рабочих знали содержание ленинских тезисов. Они знали только одно — их представителей изъяли из Думы. Большевикам же заполучить пять мучеников было только на руку, и судьба «пятерки» стала для сторонников Ленина главной темой в их подрывной деятельности среди рабочих. Как ни странно, но это ничуть не обеспокоило Маклакова и Щегловитова.

Мучительно было наблюдать, как люди, стоявшие у власти, стремились подавить в народе любое проявление патриотических чувств, сорвать всякую попытку помочь правительству и русским солдатам, которые в необычайно трудных условиях героически сражались с хорошо вооруженным врагом. Все одиночные попытки, включая и мои, помешать процессу распада были безрезультатны. Некогда свободная пресса, ныне поставленная под жесткий контроль цензуры и использовавшаяся Горемыкиным как орудие в борьбе с общественным мнением, не могла быть источником правды. А Дума, которая могла и должна была им стать, по своей собственной воле обрекла себя на долгое молчание. В феврале 1915 г. была созвана сессия Думы для рассмотрения бюджета. Она длилась всего два дня. Оба дня Прогрессивный блок сохранял верность своему обещанию и хранил молчание; не прозвучало ни одного критического слова по поводу деятельности министров. Последствия этого «патриотического» молчания были фатальными.

Глава IX. *Разрыв с троном*

Заговоры и контрзаговоры

Тяжкие испытания, выпавшие на долю русских армий во время великого отступления весной и летом 1915 г., наконец-то пробудили от спячки либеральных и консервативных лидеров Думы. Потребовался целый год бесконтрольного правления реакционных министров для того, чтобы наиболее видные представители разных сфер общественной жизни осознали свою непростительную ошибку. В конце концов поддержанные общественным мнением всей страны, они потребовали реорганизации правительства и немедленного созыва Думы; кроме того, они высказались за то, чтобы независимые организации были допущены к работе по снабжению армии.

В мае без заблаговременного уведомления правительства по инициативе крупных московских промышленников и предпринимателей был созван Всероссийский съезд представителей промышленности и торговли. Его главная задача заключалась в создании Центрального военно-промышленного комитета и многочисленных его подразделений. Отныне вся промышленность была мобилизована на немедленную отправку на фронт обмундирования, снаряжения и боевой техники. Каждый, кто

* В августе 1914 г. Санкт-Петербург был переименован в Петроград.

имел хоть какой-нибудь вес в экономике, принял активное участие в решении этой задачи. В комитет вошла также группа рабочих-«оборонцев» *, которые с конца 1916 г. вплоть до революции решительно противодействовали пораженческой пропаганде, распространяемой агентами Протопопова, Ленина и Людендорфа.

Комитет работал рука об руку с двумя могущественными общественными организациями — Союзом земств и Союзом городов. Его возглавил председатель Союза земств князь Г. Е. Львов, впоследствии первый председатель Временного правительства. Сотрудничал с комитетом и Союз кооперативов. Все эти организации пользовались полной поддержкой как всех политических партий (за исключением большевиков и крайне правых), так и верховного командования на фронте, Думы и всех подлинно патриотически настроенных министров.

Позднее, живя в эмиграции, князь Львов писал: «Пожалуй, ни одна страна, кроме России, не столкнулась во время войны со столь важной проблемой. Она была вынуждена не только вести борьбу с противником, который значительно превосходил ее в области вооружений и военной подготовки, но и создать новые мощные оборонные организации. Они возникли вопреки противодействию правительства и опирались на поддержку сил, потенциал которых доселе был неведом. Только природный талант и врожденные организаторские способности, в основе которых лежала предприимчивость русского народа, спасли в то время Россию» **.

В июне из правительства были выведены наиболее ненавистные в стране министры — В. А. Сухомлинов, И. Г. Щегловитов, Н. А. Маклаков и В. К. Саблер,— и их посты заняли генерал А. А. Поливанов, А. Д. Самарин (предводитель московского дворянства), князь Н. Б. Щербатов и сенатор А. Н. Хвостов. Это были честные люди, пользовавшиеся доверием Думы.

Первым вопросом, который встал перед «новым» правительством (все еще возглавлявшимся дряхлеющим дворцовым угодником Горемыкиным), была проблема крайне напряженных отношений между правительством и Верховным главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем. Сложность заключалась в том, что статут прав и обязанностей Верховного главнокомандующего, утвержденный буквально накануне войны, наделял его неограниченными полномочиями как на фронте, так и в тылу, а также во всех делах, связанных с непосредственным ведением войны. Произошло это потому, что царь намеревался в случае войны с Германией принять на себя функции Верховного главнокомандующего. И лишь в последнюю минуту, уступив просьбе Горемыкина, изменил свои намерения.

Вместо царя на этот пост был назначен великий князь Николай Николаевич, пользовавшийся, никогда не мог понять — почему, большим авторитетом как в светских, так и в военных кругах. Однако сами права, которыми официально наделялся Верховный командующий, изменений не претерпели. Возникла парадоксальная ситуация. Верховный главнокомандующий, не являясь правителем страны, приобрел, по сути дела, неограниченную полноту власти, за которую не нес никакой ответственности даже перед правительством.

В самом начале войны Горемыкин заявил председателю Думы: «Правительство будет заниматься только внутренними вопросами. Проблемы войны меня не касаются»***. Таким образом, реально в стране в то время действовали две власти. Ни чрезмерно деятельный вели-

* Тех, кто выступал в противовес «пораженцам» за защиту страны от Германии.
** Russian Local Governmentes during the War and the Union of Zemstvos.— Yale University Press. 1930.
*** Падение царского режима, т. 7, с. 119.

кий князь Николай Николаевич, ни глава его штаба генерал Янушкевич ничего не смыслили в вопросах внутренней политики и экономики. И тем не менее они действовали в пределах своих полномочий, когда, полностью игнорируя правительство в Санкт-Петербурге, направляли свои распоряжения непосредственно местным властям, не ставя об этом в известность столицу. Получая приказы из двух источников, провинциальные чиновники были в полной растерянности, не зная, кому им следует подчиняться.

Во время великого отступления 1915 г. верховное командование вызвало в стране настоящий хаос насильственной высылкой из прифронтовых районов всех без исключения евреев, без всяких колебаний присоединив к ним и некоторых других местных жителей.

Из состава штаба Верховного главнокомандующего лишь генерал Данилов был настоящим военным стратегом, получившим военную подготовку. В письмах военному министру Янушкевич откровенно признавался, что не подготовлен для выполнения обязанностей на занимаемом им посту.

Легко понять, что обстановка на фронте и внутри страны настоятельно требовала коренных изменений во взаимоотношениях между верховным командованием и правительством. Вновь созданный Совет министров высказал почти единодушное мнение, что не видит возможности управлять страной, пока существует столь ненормальное разделение власти. Тщательно избегая вопросов, касающихся действий Главнокомандующего на фронте, большинство министров, как новых, так и старых, решительно критиковало создавшуюся ситуацию. Горемыкин упрашивал министров не обострять обстановку, поскольку их критика могла вынудить царя принять на себя обязанности Верховного главнокомандующего. Так оно и произошло в действительности. Царь стал Верховным главнокомандующим, отослав популярного великого князя Николая Николаевича своим наместником на Кавказ. Естественно, такое решение почти повсеместно рассматривалось как великое бедствие, предвещавшее новые катастрофы на фронте. Однако эти страхи оказались беспочвенными.

Все, кто следил за развитием событий на фронте в период наступления немцев весной и летом 1915 г., понимали, что, несмотря на огромное превосходство в вооружениях и блестящие тактические успехи, даже несмотря на растерянность, царившую среди генералов великого князя Николая Николаевича, верховное командование Германии потерпело стратегическое поражение. Планировавшаяся им операция «двойного охвата», призванная взять в клещи целую русскую армию, уничтожив ее тем самым как военную силу, полностью провалилась. Оправившись от нанесенных ей ударов, русская армия заняла позиции вдоль новой оборонительной линии, которые она удерживала вплоть до Октябрьской революции. По мнению наблюдателей, такую замечательную стратегию удалось успешно осуществить главным образом благодаря усилиям генерала М. В. Алексеева, которого царь назначил начальником Генерального штаба, передав тем самым руководство русской армией в руки лучшего в Европе стратега. И действительно, поскольку новый Верховный главнокомандующий счел за благо не вмешиваться в оперативные планы генерала Алексеева, к осени положение на фронте значительно улучшилось.

И все же решение царя взять на себя функции Верховного главнокомандующего имело для России фатальные последствия. Царь стал все чаще посещать Ставку и проводить там больше времени, тем самым пренебрегая внутренними проблемами страны. Став Верховным главнокомандующим, он предоставил царице функции соправителя, хоть и посоветовал ей как можно чаще консультироваться с министрами

и действовать через их посредство, а также распорядился, чтобы те, в свою очередь, держали царицу на время его отсутствия в курсе всех дел и событий. Не потребовалось много времени, чтобы результаты столь странного нового двоевластия в стране проявились в полную силу.

Дума была созвана 19 июля (1 августа). Постепенно в ней стало формироваться новое большинство, состоявшее из либералов и умеренных консерваторов. К середине августа это большинство оформилось в так называемый Прогрессивный блок, программа которого была созвучна моим идеям о будущем России. Своей целью блок поставил создание правительства из лиц, «пользующихся доверием» страны и «согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы», в которое вошли бы члены Государственного совета, а также Думы.

Руководимый П. Н. Милюковым, С. И. Шидловским и В. В. Шульгиным блок надеялся, не выдвигая требований о создании правительства, непосредственно ответственного перед представителями народа, убедить царя назначить председателем Совета министров человека, который, будучи консерватором, не занимал бы при этом, подобно Горемыкину, столь враждебной позиции по отношению к самому существованию Думы. Царь согласился на учреждение в составе всех министерств, связанных с ведением войны, «Особых совещаний» по вопросам обороны, транспорта, топлива и продовольствия. В них предполагалось включить представителей большинства Думы, Государственного совета, союзов земств и городов и Союза кооперативов. Тот факт, что такие комитеты были созданы по инициативе Думы, свидетельствовал о вновь возникшем намерении царя управлять страной в соответствии с пожеланиями Думы.

23 августа (5 сентября) царь как Верховный главнокомандующий отправился в Ставку. Тремя днями позже, 26 августа (8 сентября), на заседании Думы Прогрессивный блок изложил свою программу. Вечером 27 августа (9 сентября) министры, наиболее расположенные к сотрудничеству с Думой,— П. А. Харитонов, князь Н. Б. Щербатов, А. Н. Хвостов и марионетка в руках Распутина князь Шаховской— встретились с представителями блока для обсуждения этой программы.

Попытка убедить царя сотрудничать с Думой и создать правительство, независимое от влияния Распутина, имела крайне важное значение для судеб российской монархии. Вот почему я считаю более предпочтительным вместо изложения своих воспоминаний, связанных с этим эпизодом, привести несколько относящихся к нему отрывков из записей, сделанных Милюковым во время заседаний президиума блока и других совещаний. Они были опубликованы много лет спустя в «Красном архиве», и их достоверность была письменно подтверждена Милюковым *.

«Вечером 27 августа Совет министров поручил четырем министрам П. А. Харитонову (государственный контролер), кн. Н. Б. Щербатову (исполняющий обязанности министра внутренних дел), А. Н. Хвостову (министр юстиции), кн. Шаховскому (министр торговли и промышленности) переговорить со следующими представителями Прогрессивного блока по поводу программы блока — В. В. Шульгиным (фракция центра), В. Н. Львовым (та же партия), П. Н. Крупенским (националисты), И. И. Дмитрюковым (октябрист), С. И. Шидловским (левый октябрист и председатель блока), Т. Н. Ефремовым (председатель партии прогрессистов), П. Н. Милюковым (лидер кадетов), Д. Д. Гриммом (академическая группа) (бар. В. В. Меллером-Закомельским (октябрист — два последних также члены Государственного совета).

* Miljukov P. N. Memoires. Vol. II. N. Y. 1955, p. 217 (ниже выдержки из стенограммы заседаний даются по: Красный архив, 1932, № 1—2, 3.— *Прим. ред.).*

Совещание проходило следующим образом:

И. Н. Ефремов отметил, что в программе блока, видимо, по ошибке выпала часть этого отдела, говорившая о помиловании 5 депутатов с.-д. и восстановлении их в правах депутатов.

П. Н. Милюков подтвердил, что пункт этот был и оказался выпущенным по ошибке.

А. Н. Хвостов сообщил, что у него был А. Ф. Керенский и грозил ему скандалом с кафедры Гос. Думы, если в три дня он не решит дела в пользу депутатов. Он рассмотрел вместе с Керенским его черновые заметки и подробно ознакомился с подлинным делом. Его впечатление после всего этого, что суд не совершил ошибки... Однако он готов был ходатайствовать о помиловании и просил лишь Керенского, чтобы осужденные прислали телеграфное заявление, что в самом деле осуждают «пораженчество», Керенский от этого отказался.

П. Н. Милюков обращает внимание на трудное моральное положение, в которое министр поставил депутатов своим требованием. Купить помилование путем формальной ретрактации хотя бы таких взглядов, которых осужденные не разделяют,— политически невозможно: это равнялось бы для депутатов с.-д. политическому самоубийству, которого нельзя от них требовать. Притом амнистия по существу не есть пересмотр приговора по каким-нибудь новым обстоятельствам, а прощение вины.

П. Н. Крупенский высказался по пункту 5-му об «отмене ограничительных законов для евреев». Я — прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь в особенности, когда Барк (министр финансов) поехал за границу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменой политики относительно евреев. Таким образом, я сознательно отказался от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступиться.

Кн. Щербатов. Собственно правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства идти дальше.

П. А. Харитонов по поводу 4-го пункта замечает, что об автономии Царства Польского уже заявлено Горемыкиным, и отмена ограничений в правах (служба, дворянские организации) возможна. Но что разумеет блок под «пересмотром узаконений о польском землевладении»? Собственно, переход земли уже облегчен. Он стал читать текст программы, пояснив, что текст этот сообщен ему уже ранее (очевидно, Крупенским). При словах: «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны», он остановился.

П. Н. Милюков обратил внимание Харитонова на то, что блок считает этот пункт основным и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе. Таким образом и вопрос о «соглашении с законодательными учреждениями относительно выполнения программы» должен быть обсужден с правительством, пользующимся народным доверием.

П. А. Харитонов ответил, что выполнение этого пункта выходит за пределы компетенции кабинета. Очевидно, блок имеет в виду, что об этом его желании должно быть доведено до сведения верховной власти.

П. Н. Милюков и И. Н. Ефремов подтвердили, что именно так они и смотрят.

П. А. Харитонов заявил, что он доложит Совету министров об этом желании блока и продолжал читать программу».

Это была первая и последняя встреча представителей Прогрессивного блока с членами правительства. Для блока она имела самые неожиданные последствия.

3(16) сентября дальнейшие заседания Думы были отложены до ноября. Из кабинета Горемыкина один за другим стали исчезать министры, вошедшие в правительство после летнего поражения на фронте (за исключением военного министра А. А. Поливанова), а за ними — и министры прежнего состава, такие, как А. В. Кривошеин, тот самый, который убеждал царя не брать на себя обязанностей Верховного главнокомандующего. В начале октября с поста исполняющего обязанности министра внутренних дел был снят Н. Б. Щербатов и заменен крайне правым А. Н. Хвостовым. Этого умного и амбициозного молодого человека еще в 1911 г., до убийства Столыпина, заприметил Распутин, предложив его кандидатуру в качестве возможного заместителя министра или даже министра внутренних дел. Тем самым соправительница царя, царица, дала понять всей нации, что отныне положен конец каким-либо колебаниям при защите многовековых принципов русского самодержавия.

Руководители Прогрессивного блока поняли, что все надежды на соглашение с короной рухнули. Что же предпринять дальше? Этот вопрос и был поднят на следующем заседании блока 25 октября (7 ноября) 1915 года. На нем, кроме членов блока, присутствовали князь Львов и М. В. Челноков, представлявшие союзы земств и городов, а также А. И. Гучков от Военно-промышленного комитета. Заседание состоялось сразу же после назначения Хвостова на пост министра внутренних дел.

Чтобы наиболее точно передать драматическую атмосферу этого крайне важного заседания, я снова процитирую заметки Милюкова. Первым выступил не входящий ни в одну партию либерал М. М. Федоров.

«М. М. Федоров.— Упадок настроения несомненен, но естествен. В широких кругах связывалась с депутацией * надежда, что это даст такой же результат, как предшествовавшие шаги. Неудача должна была вызвать реакцию. У большинства связывается с необходимостью действия... Уже пытались создать общественные течения, которые бы шли вразрез с большинством съездов. Выдвинули в торгово-промышленный комитет Татищева — лицо, близкое к жене Мих. Ал-ча **, вели беседу о современном положении... Он говорил с государем: там готовы идти до несозыва Думы: И. Л. Горемыкин и Распутин. «Опасность династии грозит из армии». «Армия теперь народ». (На вопрос, готов ли он стать наследником трона, М. А. ответил: «Да минует меня чаша сия! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен».)

Шингарев.— Отказ в приеме депутации произвел впечатление, которое я предсказывал (в Москве я считал, что это средство — последнее). Разговоры кончены, должны начаться действия.

Меллер-Закомельский.— Нельзя так легко относиться к настроению всей России. Это настроение не упадка, а политического маразма, потеря всякой надежды. Лучшие элементы сказали: для победы нужно то-то, монарх сделал обратное. Все заключают: значит, теперь не смена Горемыкина, а революция. Неужели теперь, когда 15 губерний заняты неприятелем? Допустить, чтобы Горемыкин заключил мир, нельзя.

* Царь отказался встретиться с делегацией Прогрессивного блока для обсуждения вопроса о реорганизации правительства.

** Великий князь Михаил Александрович, брат Николая II.

Как выступать? Все общественные элементы сделали последний выстрел. На том же пути дальше итти некуда. Нужно быть уверенными в успехе, чтобы решиться на выступление. Конфликт со всей Россией — надо делать в иной плоскости. Созывы съездов — уже испытанный путь: тут наша артиллерия расстреляна. Возможность явиться, когда будет созвана Госуд. дума. Новое слово может явиться в наших палатах, съезды будут резервом для поддержания парламента. Надо оставить вопрос о дальнейшей тактике открытым до этого времени.

Милюков.— Не бояться левых: нас уважают, пока мы действенны. Надо созвать до Думы, остаться на месте, не спуститься ниже, подготовить материал для самооправдания. Менажировать * социальный элемент.

Гучков.— В каждой борьбе есть риск. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все иллюзии исчезли и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан moribundus **. Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно обстоятельства к тому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. Это новая нота, которая должна быть сказана. А это — разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху. Правительство — «пораженческое». Возымеют ли слова влияние? Может быть. Власть дряблая и гнилая. Там нет железных, сильных, убежденных людей, которые сознают свою слабость.

Маклаков (один из лидеров кадетов).— Съезд *** не может быть деловым. Он должен будет реагировать на вопросы высшей политики, и деловая часть пропадет. Съезды первые заговорят от имени страны. Единственный лозунг — выявление конфликта с короной. Мы не сможем выдерживать прежней фикции. Желательно ли эту фикцию передать съездам, а не Думе, которая обязательно должна это сделать? Милюков требует, чтобы подтвердить прежнее. У него есть оптимизм и нет нервности. Телеграммы государю вызовут оскомину. Нельзя удержаться на позиции лояльности. Съезды, может быть, не пойдут на это. Судьба этих съездов на этом прекратится, и вы испортите музыку Госуд. думе. Города недостаточно авторитетны для поднятия этого вопроса. Позиция левых ждет капитуляции перед ними. Обращение к государю провалилось. С того момента, как идете на это, мы отказались от нашей позиции, тогда я не боюсь левых. Приготовлены ли мы к этому конфликту? Скажем ли, что нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну итти путем, которого боимся. Если бы я был убежден,— что не можем победить — я надеюсь на deus ex machina — на 11 марта ****. Я понимаю П. Н. Милюкова и Шингарева, но считаю, что созванные первые должны объявить конфликт с властью. Итти на это съездом — нас распустят — невозможно. Додумаем до конца: 11 марта, забастовка? Мы тогда не додумали: П. Н. был уверен, что отказать в депутации не посмеют... Не знаю, сделает ли Дума, но придется сделать.

---

* Направлять, руководить (прим. в «Красном архиве»).

** Тот, кто должен умереть (прим. в «Красном архиве»).

*** Союзов земств и городов.

**** Бог из машины *(лат.)*. 11 марта 1801 г. заговорщики — гвардейские офицеры и придворные совершили убийство Павла I.

Шингарев.— На чем держится власть, спрашивает Гучков. На многом. На инерции, на заинтересованных кругах, на государственной машине. На отсутствии мужества и даже понимания. Для 11 марта нужен не съезд. Я считаю сомнительным готовность к удару в лоб. Особенно у земцев. Я предпочитаю конфликт на съездах конфликту в Гос. думе, так как исчезновение Думы превращает общество в пыль.

Гучков.— Конфликт с короной не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта. Даже правые...» *.

Не все записавшиеся для выступления смогли получить слово на этом заседании и обсуждение было продолжено 28 октября. Первым в тот день взял слово член Государственного совета граф Олсуфьев.

«Олсуфьев.— ...Вначале страна отнеслась с громадным сочувствием [к Прогрессивному блоку], но с тех пор большие перемены... Мы относились трагически к перемене командования. Катастрофа. Все мы ошиблись; государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Идол ** оказался пустым идолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросе ошибся и потерпел крушение. Затем мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва. Нужно изменить тактику. Воинственность блока теперь не будет отвечать положению, а некоторая сдержанность, «вооруженный нейтралитет»... Произошло лучше потому, что убрали Янушкевича, но это наше дело: Алексеев — думский кандидат.

Князь Львов.— Критикуйте, но будьте справедливы. То, что случилось, это — сумасшедший дом... Блок ни в чем не ошибся. Вся Россия висит на воздухе. Смена Совета министров, непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной.

Бобринский (член Думы от националистов).— Правительство стало хуже. Что будет при встрече? Не речи Керенского, а что мы скажем?.. Мы говорили 3 сентября: Думу нельзя будет собрать с Горемыкиным. Как будем теперь? Нельзя сказать: это не наше дело. Я ответа не нахожу и меня созыв Думы страшит.

Ковалевский (Академическая группа).— Стоустая молва говорит, что председатель Совета министров говорит: вешают собак, я руководствуюсь высшими соображениями, когда я уйду, будет заключен мир.

Гурко (член Государственного совета и бывший товарищ министра внутренних дел).— Основное положение не в вопросе об «ошибках», а достигнута ли основная цель. Цель была — обеспечить победу. Мы решили, что при современном правительстве победа немыслима. Изменилось ли это?.. Другого ответа, кроме отрицательного, не может быть... Если будем молчать, сам Гришка будет премьером» ***.

Но Гришка был крестьянином с огромным запасом здравого смысла. Он прекрасно понимал, что лучше обладать властью в Царском Селе, чем быть премьер-министром в Петрограде и нести ответственность перед Царским Селом.

Встречи лидеров блока продолжались. Однако ирония происходившего заключалась в том, что пока они спорили и обсуждали, как вести себя в отношении Горемыкина, если он появится на ноябрьской сессии Думы, в Царском Селе уже было принято решение, что никакой осенней сессии Думы не состоится вовсе, как не состоятся и иные заседания законодательных органов, пока кресло Горемыкина не займет человек, готовый безоговорочно осуществить планы решительной борьбы с народом.

---

* Красный архив, 1932, № 1—2 *(Прим. ред.)*.

** Великий князь Николай Николаевич.

*** Красный архив, 1932, № 3.

Интриги и заговоры

В 1905 г. были разорваны духовные связи между троном и городскими рабочими, промышленным пролетариатом. 8 июля 1906 г. была разрушена вера крестьянства в царя как «носителя народной правды» в результате роспуска и разгона первой Думы, обсуждавшей вопрос о земельной реформе. Теперь же, после разрыва с консервативно-либеральным большинством в законодательных органах, трон оказался в полной изоляции от народа и пользовался поддержкой лишь крайних реакционеров и беззастенчивых карьеристов, находившихся под контролем Распутина.

Для всех стало ясно, что корень зла не в правительстве, не в министрах, не в случайных ошибках, а в нежелании самого царя отказаться от своей idée fixe, будто только самодержавие способно обеспечить существование и могущество России. Осознание этого факта лежало в основе всех частных разговоров и планов, сформулированных Прогрессивным блоком, глубоко проникло оно и в армию и во все слои народа. Перед каждым патриотом встал неизбежный и роковой вопрос: во имя кого живет он — во имя России или во имя царя? Первым ответил на этот вопрос монархист и умеренный либерал Н. Н. Львов. Его ответ был: «Во имя России». Таким же был отклик, прокатившийся по всей стране — и на фронте, и в тылу.

В 1915 г. армейские офицеры организовали серию абсолютно бесперспективных заговоров с целью избавить Россию от царя. В одном из них, например, принимал участие известный военный летчик капитан Костенко, который намеревался спикировать на своем самолете на автомобиль императора, когда тот прибудет на фронт, лишив тем самым жизни и его, и себя. Два других офицера (один из них — капитан инженерных войск Муравьев, впоследствии — «герой» гражданской войны) явились ко мне, чтобы заручиться согласием на их план организовать засаду и взять царя в плен, когда тот прибудет с инспекцией на фронт. Даже генерал Деникин пишет в своих мемуарах, что и солдаты были за падение монархии, ибо считали виновницей всех своих бед «немку» из Царского Села.

Осенью того же 1915 г. меня посетил старый друг, сын одного из царских шталмейстеров граф Павел Толстой. Он был близким другом брата царя, великого князя Михаила Александровича, знал его с детства. Он сказал, что пришел ко мне по просьбе великого князя, который, зная о моих тесных связях с рабочим классом и левыми партиями, хотел бы знать, как отнесутся рабочие к тому, что он возьмет власть у брата и станет царем.

Все эти эпизоды были весьма симптоматичны для тех глубоких изменений в мышлении, которые происходили в стране. Народ потерял терпение. Более того, все большее число людей приходило к выводу, что все беды России исходят от Распутина и что политика правительства станет другой, если от него избавиться. Даже А. Н. Хвостов, воинствующий лидер «Союза русского народа» в Думе, развивал план убийства Распутина *. В конце концов миссию спасения династии и монархии посредством убийства Распутина взял на себя любимый кузен царя, великий князь Дмитрий Павлович, который действовал совместно с графом Юсуповым и правым депутатом Думы Пуришкевичем.

Я пишу обо всем этом с тем, чтобы дать читателю возможность

* План провалился. Товарищ министра и глава полиции Белецкий намеренно сорвал его. Хвостов получил отставку и, возвратившись в Думу в качестве депутата, подробно изложил детали заговора. Он заявил, что решил покончить с Распутиным не только потому, что тот имел такое огромное влияние на Царское Село, но и потому, что Распутин поддерживал постоянные контакты с германскими агентами, о чем он, Хвостов, как министр внутренних дел имел достоверные сведения.

лучше понять господствовавшие тогда в России настроения и душевные страдания, через которые прошли люди прежде, чем решиться на тот курс, которым пошел Прогрессивный блок. Оглядываясь в прошлое, я решительно отвергаю как несостоятельные утверждения тех, кто считает, будто оппозиция Прогрессивного блока трону диктовалась эгоистическими и корыстными устремлениями, которые и привели Россию к краху. Стоит лишь вспомнить о происхождении и общественном положении большинства депутатов III и IV Дум. Это были люди, традициями, социальным статутом и личными интересами тесно связанные с режимом и правительством, верные подданные царя. Это же большинство в IV Думе оказалось перед лицом великой трагедии, ибо вынуждено было отказаться от своей традиционной концепции монархии и ее места в России. Все это было тщательно выверено и продумано; и в конце концов уже не горстка людей, а большинство в Думе задавало себе вслед за Львовым вопрос: «Во имя царя или во имя России?» И ответ был: «Во имя России».

В конце 1915 г. я тяжело заболел и провел несколько месяцев в санатории в Финляндии, где мне сделали весьма серьезную операцию. В результате я смог возвратиться в Петроград лишь через семь месяцев. Однако в столице я пробыл недолго, поскольку мне сразу же пришлось отправиться в Туркестан для расследования обстоятельств первого крупного восстания местного населения. Искрой, вызвавшей волнения, явился абсурдный приказ Б. В. Штюрмера * о призыве в армию 200 тыс. местных жителей для рытья окопов на фронте. Мусульманское население не подлежало даже призыву на военную службу, тем паче использованию на принудительных работах. Более того, приказ вступил в силу в самый разгар сбора хлопка. Последней каплей стали злоупотребления мелких чиновников, за взятки освобождавших от набора сыновей богатеев. Германские и турецкие агенты, центром активности которых была Бухара, в полной мере использовали возмущение местного населения для подстрекательств к беспорядкам.

В Петроград я возвратился на исходе третьей недели сентября. Только что был назначен новый министр внутренних дел, на этот раз выбор пал на бывшего товарища председателя Думы Александра Протопопова. Всего за несколько месяцев этот человек, которому суждено было стать последним министром внутренних дел Российской империи, умудрился навлечь на себя гнев и возмущение всей нации.

Вскоре после моего возвращения состоялась тайная встреча лидеров Прогрессивного блока, на которой было решено сместить с помощью дворцового переворота правящего монарха и заменить его 12-летним наследником престола Алексеем, назначив при нем регента в лице великого князя Михаила Александровича. Подробности этого малоизвестного заговора были изложены в мемуарах его организатора Александра Гучкова, опубликованных вскоре после его смерти в 1936 году **. О существовании этого плана я знал с самого начала и, на мой взгляд, рассказ о нем Гучкова явно несколько сглажен.

В сентябре Гучков был приглашен на тайную встречу некоторых руководителей Прогрессивного блока, которая состоялась на квартире видного либерала Михаила Федорова. Среди присутствовавших были Родзянко, Некрасов и Милюков. Целью встречи было обсуждение вопроса о том, какие меры следует принять перед лицом того очевидного факта, что Россия стоит перед угрозой общенационального восстания. Все они согласились с тем, что Прогрессивный блок должен принять немедленные меры для предотвращения революции снизу. Наибольший

* В январе 1916 г. назначен на пост председателя Совета министров (*Прим. ред.*).
** Последние новости, 9, 13.IX.1936. Другие участники заговора: Шидловский, Шингарев, Годнев, Львов (брат Н. Львова) и Терещенко.

интерес представляют замечания, сделанные Милюковым, который заявил, что долг блока — не участвовать в восстании, а ожидать его результатов. Он предвидел два возможных варианта: либо верховная власть вовремя одумается и обратится к блоку с просьбой сформировать правительство; либо победит революция, и победители, не обладающие опытом правления, попросят блок сформировать правительство уже от их имени. В поддержку своих доводов он сослался на Французскую революцию 1848 года.

По поводу этого сугубо теоретического тезиса Гучков выразил сомнение в том, что народ, совершивший революцию, согласится затем передать власть в чужие руки. По его мнению, ни один революционер и не помыслит об этом. А посему блоку следует самому сделать первый шаг, сместив нынешнего правителя. Согласно Гучкову именно этим и завершилась встреча. Милюков добавляет, что после этой встречи стало очевидным, что Гучков намеревается организовать переворот, и из-за этого среди руководителей блока пошли споры о том, кому следует войти в новое правительство.

Далее в своих мемуарах А. И. Гучков сообщает, что вскоре у него начались сердечные боли и он оказался вынужден проводить все время в постели. Во время болезни его посетил товарищ председателя Думы Некрасов, спросивший, действительно ли Гучков готовит переворот. Тот ответил, что обдумывал такую идею, и они тут же решили создать «ячейку», включив в нее тогдашнего вице-председателя Центрального военно-промышленного комитета Терещенко, а также князя Вяземского. Всю ответственность за разработку и выполнение этого плана Гучков взял на себя, чтобы не подвергать риску других руководителей блока, присутствовавших на встрече, особенно Родзянко. Однако, согласно моей информации, решение об осуществлении переворота Гучков принял не в одиночку, а вместе с другими руководителями блока.

А тем временем вызревал другой заговор, осуществление которого было намечено провести в ставке царя 15—16 ноября. Его разработали князь Львов и генерал Алексеев. Они пришли к твердому выводу, что необходимо покончить с влиянием царицы на государя, положив тем самым конец давлению, которое через нее оказывала на царя клика Распутина. В заранее намеченное ими время Алексеев и Львов надеялись убедить царя отослать императрицу в Крым или в Англию. На мой взгляд, это было бы наилучшим решением проблемы, поскольку все, кто наблюдал за царем в Ставке, отмечали, что он вел себя гораздо более раскованно и разумно, когда рядом не было императрицы. Если бы план удалось осуществить и если бы царь остался в Ставке под благодатным влиянием генерала Алексеева, он бы, весьма вероятно, стал совсем другим. К сожалению, в первой половине ноября Алексеев внезапно заболел и отбыл в Крым для лечения. Вернулся он оттуда всего за несколько дней до свержения монархии.

Всю эту историю рассказал мне мой друг В. Вырубов, родственник и сподвижник Львова, который в начале ноября посетил Алексеева, чтобы утвердить дату проведения операции. Генерал Алексеев, которого я тоже хорошо знал, был человек очень осторожный, в чем я и сам убедился позднее. Не произнеся ни слова, он встал из-за стола, подошел к висевшему на стене календарю и стал отрывать один листок за другим, пока не дошел до 16 ноября. Но к этому дню он уже лечился в Крыму. Во время пребывания там его посетили некоторые из участников заговора Гучкова, пытавшиеся заручиться поддержкой Алексеева, но тот решительно отказал им.

Естественно, детали подготовки заговора были известны лишь тем, кто в нем непосредственно участвовал, в конце концов главное правило любого заговора заключается в том, что ни один из заговорщиков не должен знать больше того, что ему лично положено знать по плану заговора. Лидеры Прогрессивного блока знали лишь, что подготовка к осуществлению заговора идет своим чередом, и соответственно готовились к нему со своей стороны. Знали о заговоре и мы, руководители масонской организации, хоть и не были в курсе всех деталей, и тоже готовились к решающему моменту. Эта подготовка завершилась учреждением информационного центра левых партий с тем, чтобы иметь возможность шаг за шагом сообщать народу о результатах переворота, добиваясь либо его поддержки, либо, на худой конец, отказа от противодействия.

Чтобы лучше понять атмосферу, царившую на последней сессии Думы, которая длилась с 1 ноября 1916 г. по 26 февраля 1917 г., надо иметь в виду, что мысли всех депутатов были заняты ожиданием дворцовой революции. Конечно, рядовые члены политических партий не располагали точными данными о готовящемся перевороте, но зато не было недостатка в скрытых намеках на него в речах тех, кто знал о заговоре и кто видел, куда ведет страну политика царского правительства, в коем Протопопов играл не последнюю роль.

В начале января в Петроград прибыл вместе с группой офицеров хорошо известный генерал А. М. Крымов, командующий 3-го кавалерийского корпуса на Юго-Западном фронте. Родзянко договорился с ними о встрече на своей квартире, на которую были приглашены и лидеры Прогрессивного блока. На этой встрече генерал Крымов от имени армии призвал Думу без всякого промедления совершить переворот, заявив, что в противном случае у России нет шансов на победу в войне. Все присутствовавшие поддержали точку зрения Крымова, а некоторые позволили себе говорить о государе в таких выражениях, что Родзянко вынужден был попросить их не прибегать к подобному языку в доме председателя Думы.

Реальное осуществление планируемого переворота все время откладывалось, поскольку в том его виде, в каком он был задуман, его выполнение было задачей чрезвычайно трудной. Прежде всего организаторы заговора поставили перед собой задачу привлечь к нему как можно меньше людей — и лишь офицеров, чтобы не подвергать риску рядовых солдат. Во-вторых, они решили, дабы не вызывать кровопролития, осуществить его не в Ставке и уж тем более не в Царском Селе. Заговорщики остановились на идее задержать царский поезд где-нибудь между Ставкой и Петроградом, в том месте, где охрану железной дороги несли кавалерийские части императорской гвардии, офицеры которой и войдут в вагон царя, потребовав от него отречения от престола.

В своих мемуарах Гучков писал, что заговорщики не намеревались прибегать к физической силе или убивать царя. «Мы не собирались совершать переворот, в котором брату и сыну уготовано бы было переступить через тело брата и отца». Тем временем подготовка к перевороту, хоть и ужасающе медленно, но близилась к завершению. Он был намечен на середину марта. Но конец наступил 27 февраля (12 марта) и совсем по-другому.

* * *

4 (17) мая на частной встрече членов Думы Маклаков в самых резких выражениях подверг критике Временное правительство: «Господа, хочу сказать вам полную правду. Нет, мы не хотели революции во время войны. Мы опасались, что ни одной нации не под силу вынести одновременно смену государственной системы и связанной с ней общественной системы, совершить переворот и одновременно довести до победного конца войну. Но наступил момент, когда всем стало ясно, что добиться победы в войне при сохранении старой системы невозможно.

И те, кто понимал, что революция будет равнозначна катастрофе, сочли своим долгом, своей миссией спасти Россию от революции посредством переворота сверху. Такова была миссия, которую мы призваны были возложить на себя и которую мы не выполнили. И если наши потомки проклянут революцию, они проклянут и тех, кто вовремя не прибег к средствам, что могли бы ее предотвратить» *.

2 (15) августа Гучков подтвердил справедливость сказанных Маклаковым слов, не упомянув при этом о той руководящей роли, которую играл в заговоре, направленном на свержение царя. На заседании Чрезвычайной следственной комиссии он сказал: «Развитие событий требовало переворота. Ошибка, если можно говорить об исторической ошибке русского общества, заключается в том, что это общество, представленное своими ведущими кругами, не осознало в полной мере необходимости такого переворота и не осуществило его, предоставив тем самым проведение этой болезненной операции слепым, стихийным силам» **.

* Речь, 5.V.1917.
** Падение царского режима, 1926.

(Продолжение следует)

ПУБЛИКАЦИИ

СУДЬБА МИХАИЛА РОМАНОВА

I. Расстрел Михаила Романова

На страницах печати все чаще появляются работы, посвященные судьбе царской семьи [1]. Однако в них, как правило, содержатся отрывочные, порой противоречивые сведения о расстреле великого князя Михаила Александровича (1878—1918), последнего представителя династии Романовых на российском престоле, если считать временем его «правления» неполные сутки — с 3 на 4 марта 1917 года. Многие газеты, включая «Известия Пермского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и армейских депутатов», 15 июня 1918 г. поместили сообщение «Похищение Михаила Романова»: «В ночь с 12 на 13 июня в начале первого часа по новому времени в Королёвские номера, где проживал Михаил Романов, явилось трое неизвестных в солдатской форме, вооруженных. Они прошли в помещение, занимаемое Романовым, и предъявили ему какой-то ордер на арест, который был прочитан только секретарем Романова Джонсоном. После этого Романову было предложено отправиться с пришедшими. Его и Джонсона силой увели, посадили в закрытый фаэтон и увезли по Торговой улице по направлению к Обвинской. Вызванные по телефону члены Чрезвычайного Комитета прибыли в номера через несколько минут после похищения. Немедленно было отдано распоряжение о задержании Романова, по всем трактам были разосланы конные отряды милиции, но никаких следов обнаружить не удалось. Обыск в помещениях Романова, Джонсона и двух слуг не дал никаких результатов. О похищении немедленно было сообщено в Совет Народных Комиссаров, в Петроградскую коммуну и в Уральский областной Совет. Производятся энергичные розыски».

Это сообщение породило ряд предположений, в том числе о «спасении» Михаила. Сторонники монархии полагали, что поскольку Учредительное собрание перестало существовать, а новое собрать практически невозможно, манифест Михаила об отказе от престола (ставившего свое возможное согласие принять престол в зависимость от решения Учредительного собрания) утратил силу. Распространению этой версии способствовали и такие газетные публикации: «Москва. 21 июня. «Нашей Родине» сообщают из Вятки: «Здесь распространились слухи, что бывший великий князь Михаил Романов находится в Омске и принял главенство над сибирскими повстанцами. Им якобы издан манифест к народу с призывом к свержению Советской власти и обещанием созвать Земские Соборы для решения вопроса, какая власть необходима России» [2]. Однако надежды монархистов сделать Михаила знаменем белогвардейского движения оказались тщетными.

Другая версия, имеющая хождение до сего времени, основывается на материалах следствия по делу расстрела семьи Романовых, которые опубликовал колчаковский следователь Н. А. Соколов. Он пришел к выводу: «Данными моей агентуры установлено, что великий князь вместе

[1] В их числе: Иоффе Г. За последней чертой. Вымыслы и правда о конце династии Романовых. В кн.: Переписка на исторические темы: диалог ведет читатель. М. 1989; Рябов Г. «Принуждены вас расстрелять...».— Родина, 1989, №№ 4—5; и др.
[2] Голос Кунгурского Совета К., Р. и С. Д., Пермь, 6.VI.1918.

с Джонсоном был увезен пермскими чекистами в соседний с Пермью Мотовилихинский завод, где они оба и были убиты. Их тела были там же, видимо, сожжены»[3]. Наконец, приведем еще одну версию, известную читателям благодаря очеркам М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз». Впервые она была изложена в работе члена Екатеринбургского облисполкома, участника гражданской войны на Урале М. П. Быкова, который рассказал, что под влиянием требований рабочих Перми и Мотовилихи о расстреле Михаила образовалась тайная группа, поставившая себе целью убить его. В нее входили председатель Мотовилихинского Совета Г. И. Мясников, рабочие А. Марков, В. Иванченко, Н. Жужгов и И. Колпащиков. Группа эта не была связана ни с партийными, ни с советскими организациями и действовала тайно, на «собственный страх и риск».

В ночь с 12 на 13 июня эта группа явилась с подложными документами Губчека в гостиницу. Михаил спал. Его разбудили и предъявили документ о срочном выезде из Перми. Он отнесся к этому недоверчиво, отказался следовать за пришедшими и потребовал вызвать врача и председателя Чрезвычайной комиссии Малкова. Тогда пришедшие объявили, что они увезут его силой. Джонсон сказал, что последует за «своим господином». Хотя Джонсон в планы группы не входил, однако чтобы не задерживаться в номерах, решено было взять и его. Обоих арестованных посадили в заранее приготовленные фаэтоны и повезли по тракту в сторону Мотовилихи. Проехав керосиновые склады Нобеля, в 6 верстах от Мотовилихи свернули в лес направо, где и расстреляли Михаила. После этого, чтобы скрыть следы, один из участников сообщил по телефону в милицию и Губчека, что ночью в «Королёвские номера» явились какие-то неизвестные лица и увезли Михаила в сторону Сибирского тракта.

Это похищение оказалось полной неожиданностью для местных властей. Немедленно была организована погоня, которая, однако, направилась по ложному пути и никаких следов найти, конечно, не смогла. Вместе с тем были даны телеграммы в Петроград и по всем направлениям от Перми о побеге Михаила. Сначала Пермь была в неведении о подоплеке событий, и лишь спустя некоторое время из слухов, распространившихся «с низов», удалось узнать настоящее положение вещей. После проверки слухов и опроса предполагаемых участников расстрела выяснилось, что Михаил действительно погиб, о чем было сообщено в газетах. Надвинувшиеся вскоре военные события на Урале и расстрел царской семьи в Екатеринбурге ослабили внимание к смерти Михаила Романова[4].

Быков был в какой-то степени участником событий, поэтому его книгу можно считать источником. В ней он использовал не только периодику, но и некоторые белоэмигрантские издания, в его распоряжении были также архивные документы. Тем не менее автор неточно назвал некоторые фамилии участников расстрела Михаила, а также несколько изменил ход и последовательность событий. Представляет интерес упомянутый им факт публикации в газетах сообщения о расстреле Михаила. В одной из более ранних работ Быков так объясняет причину запоздалого сообщения: «Следует отметить то обстоятельство, что в официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Было сообщено о расстреле лишь бывшего царя, а великие князья, по нашим сообщениям, или бежали, или были увезены — похищены неизвестно кем. То же самое было сообщено и о жене, сыне и дочерях Николая, которые будто бы были увезены в «надежное место»... Это дало возможность сторонникам монархии говорить о побегах некоторых членов семьи. Чтобы

---

[3] Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин. 1925, с. 266.
[4] Быков П. М. Последние дни Романовых. Свердловск. 1926, с. 121—122.

рассеять этот туман, уже зимой 1918 года Областной Совет опубликовал официальное сообщение о расстреле и Михаила Романова»[5]. Однако и здесь Быков неточен. Поиски названного официального сообщения о расстреле Михаила Романова до сих пор не дали результатов. Удалось обнаружить только объявление о задержании пермскими чекистами в сентябре 1918 г. великого князя и Джонсона, которое в последний момент было снято из набора в пермских газетах (см. док. 4 и примечания).

Предлагаемая ниже подборка материалов позволяет восстановить истинный ход событий, показав их в восприятии представителей противоборствующих лагерей. Следует учитывать, что все источники в достаточной мере тенденциозны. Только сопоставление всех данных из архивных материалов, периодики и опублнкованных работ дает ключ к объективности. Необходимо также представлять себе обстановку, в которой эти события происходили. После свержения самодержавия настойчиво выдвигались требования о заключении под стражу и предании суду Романовых. В памяти народных масс еще были свежи драматические события 1905—1907 гг., уцелевшие активнейшие участники которых оказались затем в первых рядах лиц, осуществлявших революционные преобразования. Первым крупным политическим процессом о монархическом заговоре против Советской России явился суд по делу В. М. Пуришкевича (в свое время руководителя «Союза русского народа») и 13 его сообщников, проходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г. в Петрограде. Революционный трибунал приговорил Пуришкевича к «принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно; при условии, если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности, он освобождается от дальнейшего наказания»[6]. Затем он был временно освобожден из заключения в связи с болезнью сына. Вскоре Пуришкевич опубликовал заявление, в котором, в частности, писал: «Не вхожу в подробности прений, касавшихся моего освобождения, оставляя на ответственности говоривших все, что ими было сказано обо мне. Скажу кратко: я не Рузский, не Гучков и не Шульгин, чтобы лягать отказавшегося от трона бывшего государя... И я менее, чем кто-либо, способен быть «апологетом Советской власти»... Я остался тем же, кем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту»[7]. Несмотря на это, Пуришкевич был освобожден Советской властью по амнистии, после чего оказался на Юге в стане монархической контрреволюции.

Весной 1918 г. в РСФСР разразился тяжелый продовольственный и хозяйственный кризис. Закрывались предприятия, голодало население промышленных центров, был издан декрет о продовольственной диктатуре. Поднялись новые белогвардейские восстания; на Севере, Юге и Дальнем Востоке началась иностранная военная интервенция. 25 мая вспыхнул мятеж многотысячного чехословацкого корпуса, который был активно поддержан внутренней контрреволюцией. С 25 по 31 мая белочехи захватили десятки населенных пунктов, в том числе Челябинск, Мариинск, Нижнеудинск, Новониколаевск, Пензу, Томск. Непосредственная угроза нависла над столицей Урала Екатеринбургом. Тревожная обстановка складывалась и в Перми. В «Информационном листке Отдела местного управления НКВД РСФСР» сообщалось: «Пермь. 30 мая. В Совете 13 большевиков и 11 левых эсеров. В городе и на заводах Советская власть крепка, в волостях у крестьян — слаба. В губернии контрреволюционеров нет, за исключением Чердынского уезда, куда была послана карательная экспедиция. Против Дутова губерн-

---

[5] Быков П. Последние дни последнего царя. В кн.: Рабочая революция на Урале. Эпизоды и факты. Екатеринбург. 1921, с. 25—26.
[6] Известия ВЦИК, 4.1.1918.
[7] Новая жизнь, 21.IV. (4.V).1918.

ский Совет послал целый полк. В городе существует партийная организация большевиков. Меньшевики и правые эсеры ведут агитацию, но успеха не имеют»[8].

Белочехи и белогвардейцы вели наступление на Екатеринбург по двум направлениям: со стороны Челябинска и от Западноуральской железной дороги. В конце мая был образован Революционный штаб Уральской области, 2 июня Екатеринбургский РКП(б) объявил всеобщую партийную мобилизацию. Положение обострялось, и многие вопросы в то время решались Пермским и Екатеринбургским Советами автономно, по собственной инициативе. На это обстоятельство указывал в одном из документов бывший организатор Красной гвардии в Перми А. В. Марков: «В 1918 году со вступлением белогвардейских и колчаковских банд на Урал мы вместе с т. Малковым с разрешения местных партийных органов организовали похищение из номеров гостиницы Михаила Романова (брата Николая II) и расстреляли его, причем выполнение приговора было возложено на меня» (Архив Комиссии по установлению персональных пенсий при Совете Министров СССР, пенсионное дело П. И. Малкова № 11142/с, л. 8). Введение, подготовка документов к публикации и примечания И. А. МИРКИНОЙ и В. М. ХРУСТАЛЕВА.

№ 1

ТЕЛЕГРАММА ПЕРМСКОЙ ЧК В СОВНАРКОМ О ПОХИЩЕНИИ МИХАИЛА РОМАНОВА[1]

13 июня 1918 г.

Москва. Совнарком. Чрезком. Петроградская коммуна Зиновьеву. Копия Екатеринбург Облсовдеп. Чрезком. Сегодня ночью неизвестными [в] солдатской форме похищены Михаил Романов и Джонсон. Розыски пока не дали результатов, приняты самые энергичные меры. Пермский Округ Чрезком.

ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1109, л. 30. Телеграфный бланк.

№ 2

ПОКАЗАНИЯ ГОСПОДИНА КРУМНИСА (ЗАПИСАЛ Г. А. КОЗЛОВСКИЙ). «УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ»[2].

Берлин, 10 декабря 1923 г.

В начале 1918 года я жил в Екатеринбурге и был свидетелем зверств большевистской власти. В начале мая месяца я узнал, что мое имя внесено в списки заложников, и я предпочел отправиться в Пермь, где я остановился в «Королёвских номерах» (хозяина гостиницы звали Королёвым), что на Сибирской улице, неподалеку от набережной реки Камы. Тут я узнал, что в этих номерах проживает великий князь Михаил Александрович со своим секретарем г. Джонсоном[3]. Сначала я опасался остановиться здесь, ибо полагал, что пребывание великого князя привлечет к гостинице внимание Советской власти, но меня успокоили, сказав, что великий князь пользуется полной свободой, ходит сам по городу, никто не следит за ним. В гостинице жил советский комиссар, как обычно во всех национализированных пермских гостиницах. Комиссар распоряжался на правах хозяина. Я жил во втором этаже «Королёвских номеров», великий князь жил на третьем этаже, занимая с Джонсоном две небольшие комнаты. Я видел великого князя несколько раз в коридоре гостиницы и на улице. Он носил серый костюм и мягкую шляпу и палку. Всегда был в сопровождении Джонсона. Бросался в глаза контраст высокого роста великого князя и низкого г. Джонсона. Лицо у великого князя было грустное, болезненное. Он выглядел болезненно и производил впечатление человека обреченного. Его присутствие в Перми не вызывало среди местных жителей никакого интереса. Впрочем, ввиду господствовавшего тогда кровавого террора, все боялись общения с ним. Великий князь свободно ходил по магазинам, часто делал закупки, покупал колбасу, консервы, фрукты и разные вещи. Тогда, правда, в Перми уже было мало товаров, но большинство магазинов еще не было национализировано и торговали остатками. Великий князь часто захаживал в магазин Добрина, что на Сибирской улице, где беседовал с его доверенным о разных делах. Однажды доверенный Доб[рина] спросил его, почему он, пользуясь свободой, не принимает мер к побегу. На это великий князь ответил: «Куда я денусь со своим огромным ростом. Меня немедленно же обнаружат». При этом он всегда улыбался. За три дня до описанного ниже события великий князь почувствовал себя плохо и все три дня не выходил на улицу, а лежал у себя в номере. Каждый день, однако, в 9 часов он принимал ванну. Комиссар гостиницы относился к великому князю довольно корректно. Обеды подавали ему из кухни гостиницы. Обед состоял из трех блюд, молока или чаю. Мне никогда не доводилось заходить в комнату великого князя. Также я не видел никогда лакея при нем. Знаю только, что служила ему обыкновенная гостиничная служба.

Однажды, это было между 20 и 25 мая (точно даты не помню, но знаю, что это было либо 23 или 24, 25 мая) вечером в 9 1/2 часов по советскому времени, а по местному $8^1/_2$ ч. еще было светло[4], я сидел в компании с Липковским и еще с кем-то и играл в карты. Вдруг в коридоре гостиницы послышался шум. Мы все выбежали и увидели следующую картину: около конторки комиссара гостиницы стоял вооруженный красноармеец и что-то с ним объяснялся. Я спросил комиссара, в чем дело. Он ответил, что пришли трое вооруженных людей и предъявили ему ордер местной чеки о выдаче им Михаила Романова и его секретаря Джонсона, причем они не разрешили ему сноситься по телефону с чекой и проверить ордер. Прошло минут 20, когда с лестницы третьего этажа стали спускаться люди, окруженные вооруженными красногвардейцами. Нам было приказано стоять и не двигаться, я увидел следующее: впереди шел вооруженный красногвардеец, за ним великий князь и Джонсон. Шествие замыкал один вооруженный красногвардеец. Третий, стоявший при комиссаре, оставался несколько минут еще здесь. Великий князь и Джонсон были одеты в обыкновенные костюмы, в которых они обычно выходили на прогулку, без пальто. Имели палки в руках. Я не заметил особенного волнения на лицах этих людей. На дворе стоял одинокий экипаж, запряженный серой лошадью. На козлах сидел невооруженный человек Сзади экипажа ехал конный красногвардеец. В экипаже расселись великий князь и Джонсон, а напротив красногвардейцы. Через несколько минут я наблюдал из своего окна, как экипаж поднимался по Сибирской улице по направлению к Сибирскому тракту и исчез.

Прошло полчаса. Комиссар гостиницы (фамилии не помню) стал звонить в местную чека, проверяя, действительно ли был выдан ордер на выдачу Михаила Романова и Джонсона. Оттуда ответили отрицательно. Через час приехало несколько агентов чеки, а также и членов местного Совдепа и заявили, что Романов увезен злоумышленниками в неизвестном направлении. Поднялся шум. Мы все перепугались. Но этим дело было закончено. На следующий или на третий день в местной советской печати появилось сообщение, сводившееся к тому, что злоумышленники организовали побег великому князю. Снаряжена погоня. Все пермские жители поверили, что Михаил Александрович бежал, хотя всем и показалась странной вся обстановка побега, тем более что никаких обысков ни у кого не было сделано. Я вскоре уехал из Перми.

В конце июля месяца 1918 года я был в Москве и по рекомен[дации] моего знакомого комиссара Шонкмана[5], впоследствии убитого в Казани, я присутствовал на объединенном заседании ЦИКа, Совнархоза и РКП. На этом заседании делал доклад сам Ленин о расстреле царской семьи в Екатеринбурге[6]. Я твердо помню, что Ленин между прочим заявил: «Вся семья Романовых расстреляна на Урале: меры эти Ураль-

---

МИРКИНА Ирина Альбертовна — старший научный сотрудник Центрального государственного архива (ЦГА) РСФСР; **ХРУСТАЛЕВ Владимир Михайлович** — старший научный сотрудник ЦГАОР СССР, кандидат исторических наук.

[8] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 393, оп. 4, д. 69, л. 101.

ским Окружным Советом были приняты для того, чтобы избежать нового побега, какой был совершен в Перми Михаилом Александровичем». Единогласная резолюция собрания (поднятием рук) гласила: одобрить действия Уральского Совдепа.

ЦГАОР СССР, ф. 5881, оп. 2, д. 414, лл. 1—3.
Копия.

№ 3

«РАССТРЕЛ МИХАИЛА РОМАНОВА»[7]. ВОСПОМИНАНИЯ А. В. МАРКОВА[8].

15 февраля 1924 г.

Не помню точно числа и месяца, когда появился Михаил Романов в гор. Перми. Но в конце мая 1918 года и в начале июня в гор. Перми и Мотовилихе среди населения стали упорно ходить слухи, что Михаил Романов, живя в Перми, часто гуляет по городу и даже за городом, поднимается на «Горки» (горы около Перми) и любуется видами на завод, реку Каму и противоположный берег реки, откуда действительно хороший вид на эти местности. Эти прогулки и его проживание совпало, как есть, с моментом описи имущества в церквах, и время было не особенно спокойное. Особенно много беспокоились старухи набожные, которые собирались около церквей, а попы вели агитацию, что большевики хотят отбирать церкви, а когда эти «божьи старушки» узнали о пребывании Михаила Романова, то началось нечто вроде паломничества на те места, где гулял Михаил Романов, чтобы хоть глазком взглянуть на будущего помазанника божия. Надвигалось бурное время, приближался фронт белых банд Колчака, бушевала буржуазия, шла национализация имущества, бушевали попы, а мы, большевики, тогда были не так сильны. Помню, в Мотовилихинском Совете рабочих нас было только 50%, остальная часть были меньшевики и эсеры. Борьба с ними также велась отчаянная, они также были против нас и вели агитацию и даже вооружались. Мы же, большевики, хотя и были вооружены, но слабо, хотя главные посты власти были уже в наших руках.

И вот все это взятое вместе и то, чтобы не удрал бы как из Перми куда-либо, или не украли бы, или не скрыли где Михаила Романова, мы, небольшая группа большевиков, вздумали Михаила Романова изъять из обращения путем похищения его из «Королёвских номеров», где он проживал в Перми на Сибирской улице. Первая мысль об этом зародилась у тов. Мясникова Г. И.[9]. Об этом он сказал в Управлении милиции тов. Иванченко[10], который был комиссаром по охране гор. Перми и случайно был в Управлении Мотовилихинской милиции, или же позвал его т. Мясников туда, точно не помню, и тотчас же позвонили ко мне в кино «Луч» в Мотовилихе, где я был в то время управляющим, чтобы я пришел в милицию, что, конечно, я тотчас же исполнил. Это было первое совещание из 3-х лиц по этому делу, тов. Мясников посвятил нас, в чем дело, но троим нам, конечно, это сделать было невозможно, и мы тут же решили пригласить по рекомендации тов. Иванченко т. Жужгова Николая[11], а по моей — т. Колпащикова Ивана[12] и по моему предложению решили дальнейшее совещание перенести в кино «Луч», т. к. в милиции могли нас подслушать, но в самой конторе кино «Луч» также место было ненадежное; тогда мы, все 5 человек, перебрались в будку кино, где и продолжали свое заседание, правильнее, это было не заседание, а распределение ролей между собой. Было намечено следующее: около семи часов вечера взять 2-х надежных лошадей в крытых фаэтонах и направиться в Пермь. В Перми лошадей поставили во двор Губчека, посвятили в это дело председателя Губчека тов. Малкова[13] и помощника Иванченко т. Дрокина В. [А.] Здесь окончательно был выработан план похищения. Решено было так: явиться около 11 часов вечера в номера, где жил Михаил Романов, предъявить ему документ, подписанный тов. Малковым, о срочном его выезде. Если он будет брыкаться и откажется следовать, то взять силой. Документ этот я сел за пишущую машинку и напечатал, поставили не особенно ясно печать, а тов. Малков неразборчиво подписал. Во время печатания мною на машинке мандата пришел в Губчека тов. Сорокин — инженер, в то время Предисполкома. Он догадался, что мы чего-то хотим сделать, но чего — ему никто не сказал, но он чувствовал, что что-то затевается, и крупное, но рассмеялся и ушел.

Далее тов. Дрокину было поручено занять место т. Иванченко по охране Перми и ждать указаний от нас, заняв место у телефона, что им и было сделано. Тов. Малков остался в Ч. К., тов. Мясников ушел пешком к «Королёвским номерам», а мы четверо: т. Иванченко с тов. Жужговым на первой лошади, я (Марков) с Колпащиковым на второй, около 11 часов подъехали к вышеуказанным номерам в крытых фаэтонах к парадному. Жужгов и Колпащиков отправились в номера, мы же с Иванченко и Мясниковым остались на улице в резерве, но сейчас же потребовали подкрепления, т. к. Михаил Романов отказывался следовать, требовал «Малькова» (он плохо говорил по-русски), чтобы его вызвали по телефону. Тогда я, вооруженный наганом и ручной бомбой («коммунистом»), вошел в помещение, стража у дверей растерялась, пропустили беспрепятственно как первых двоих, так и меня. Я занял место в коридоре, не допуская никого к телефону, вошел в комнату, где жил Романов, он продолжал упорствовать, ссылаясь на болезнь, требовал доктора, Малкова. Тогда я потребовал взять его, в чем он есть. На него накинули, что попало, и взяли, тогда он поспешно стал собираться, спросил — нужно ли брать с собой какие-либо вещи. С собой вещи брать я отказал, сказав, что ваши вещи возьмут другие. Тогда он просил взять с собой хотя [бы] его личного секретаря Джонсона,— это ему было предоставлено, т. к. это было уже раньше согласовано между нами. После чего он наскоро накинул на себя плащ. Жужгов тотчас же взял его за шиворот и потребовал, чтобы он выходил на улицу, что он исполнил. Джонсон добровольно вышел из комнаты на улицу, где нас ждали лошади. Михаила Романова посадили на первую лошадь. Жужгов сел за кучера, а Иванченко рядом с Михаилом Романовым; я посадил с собой Джонсона, а Колпащиков за кучера, и таким образом в закрытых фаэтонах (к тому же моросил дождик) мы тронулись по направлению к Мотовилихе по тракту.

Когда по расчетам мы должны быть уже за чертой города, тов. Дрокин звонит официальным тоном, что в «Королёвские номера» явились неизвестные личности и увезли по неизвестному направлению Михаила Романова, и просит срочно направить по Сибирскому тракту и Казанскому конную милицию. Это же сообщено и в Губчека. Это же сообщил по телефону заведующий номерами в Губчека и в милицию. Пока все это происходило, мы уже были далеко, около зав[ода] Мотовилихи.

Сначала похищенные нами вели себя спокойно, и, когда приехали в Мотовилиху, стали спрашивать, куда их везут. Мы объяснили, что на поезд, что стоит на разъезде, там в особом вагоне их отправим дальше, причем я, например, заявил, что буду отвечать только на прямые вопросы, от остальных отказался. Таким образом проехали керосиновый склад (бывший Нобеля), что около 6 верст от Мотовилихи. По дороге никто не попадал; отъехавши еще с версту от керосинового склада — круто повернули по дороге в лес, направо. Отъехавши сажень 100—120, Жужгов кричит: «Приехали — вылезай». Я быстро выскочил и потребовал, чтобы и мой седок то же самое сделал. И только он стал выходить из фаэтона — я выстрелил ему в висок, он, качаясь, пал. Колпащиков тоже выстрелил, но у него застрял патрон браунинга. Жужгов в это время проделал то же самое, но ранил только Михаила Романова. Романов с растопыренными руками побежал по направлению ко мне, прося проститься с секретарем. В это время у т. Жужгова застрял барабан нагана (не повернулся вследствие удлинения пули от первого выстрела, т. к. пули у него были самодельные). Мне пришлось на довольно близком расстоянии (около сажени) сделать второй выстрел в голову Михаила Романова, отчего он свалился тотчас же. Жужгов ругается, что его наган дал осечку, Колпащиков тоже ругается, что у него застрял патрон в браунинге, а первая лошадь, на которой ехал тов. Иванченко, испугавшись первых выстрелов, понесла дальше в лес, но коляска задела за что-то и перевернулась, тов. Иванченко побежал ее догонять и, когда он вернулся, уже все было кончено. Начинало светать. Это было 12 июня[14], но было почему-то очень холодно. Зарыть [трупы] нам нельзя было, так как светало быстро и [было] недалеко от дороги. Мы только стащили их вместе, в сторону от дороги, завалили прутьями и уехали в Мотовилиху. Зарывать ездил на другую ночь тов. Жужгов с одним надежным милиционером, кажется Новоселовым[16].

Когда ехали обратно, то я ехал с тов. Иванченко, вместе разговаривали по этому случаю, были оба очень хладнокровны, только я замерз, т. к. был в одной гимнастерке, с часами на левой руке, почему меня, когда мы были еще в номерах, приняли

за офицера, почему потом из показаний бывших в номерах и говорили, что Михаила Романова похитили какие-то офицеры. Это, конечно, с испугу и быстроты похищения.

На другой день весть о похищении Михаила Романова быстро облетела весь город. Говорили, что похитили какие-то офицеры. Но никто не мог точно сказать, кто именно. Свои, партийцы, также не знали никто, кроме очень небольшого кружка товарищей. Были и такие, которые ругали Ч. К., что они прокараулили. В местной газете было написано также, что похищение произведено неизвестными лицами, а заведующий номерами показывал определенно, что похищением командовал раненый офицер, т. к. он видел на левой руке нашивки, какие носили раненые офицеры на левой руке.

Кроме самого Михаила Романова, его секретаря, с ними проживали еще двое из его свиты: одного я видел в форме моряка — пожилой, другой в штатском — тоже немолодой [16]. Они остались в номерах, и что дальше было с ними, я не знаю, слышал только, что их допрашивали, каким образом произошло похищение. Как потом выяснилось, что т. Мясников, который в момент нашего подъезда к номерам был около здания номеров, но когда в номерах произошли заминки, и Михаил Романов отказывался ехать, и что дело могло кончиться только расстрелом его и других на месте, и что мной в крайнем случае будут пущены в ход имеющиеся при мне бомбы, он струсил и убежал, и когда мы выходили или, правильнее, вытаскивали из номеров Михаила Романова, его действительно не было. А. Марков.

ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 5, д. 1552, лл. 49—50об., 51. Подлинник.

№ 4

ОБЪЯВЛЕНИЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЧЕКА «ЗАДЕРЖАНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА»[17]

18 сентября 1918 г.

После побега бывшего великого князя Михаила Романова контрразведкой Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссией были разосланы агенты по всем направлениям для задержания Михаила Романова. 12 сентября в [10] верстах от Чусовского завода, по Па[шийскому] тракту, одним из посланных агентов было обращено внимание на [двоих] проходящих по направлению к [Пашийскому] заводу лиц, которые держали себя довольно подозрительно. Один из них высокого роста, с русой бородой «буланже» особенно обратил на себя внимание. Агент потребовал от этих лиц предъявления документа. Последние показались ему сомнительными, а потому вышеуказанные лица были задержаны и препровождены в Пермскую Губернскую Чрезвычайную Комиссию для выяснения личности.

После ряда сбивчивых показаний при допросе, а также ненормальности лица (по наблюдению, лица у них были загримированы) им предложено было назвать свои фамилии и снять свой грим, что они сделать отказались. Ост[аваясь] уверенными, что спрашиваемые нами лица загримированы, мы силой заставили их снять грим. После снятия грима нами были опознаны в них бывший великий князь Михаил Романов и его секретарь Джонсон, каковые тотчас были заключены под сильную охрану.

По делу побега ведется в спешном порядке следствие, результаты допроса будут опубликованы. Председатель Пермской Губернской Чрезвычайной Комиссии П. Малков [18].

«Известия Пермского Уездного Исполнительного Комитета Совета крестьянских и рабочих депутатов», 18.IX.1918.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На телеграмме имеется помета «Дзержинскому. Троцкому».

[2] Документ сохранился в составе Русского заграничного исторического архива в Праге.

[3] Постановлением Совнаркома от 9 марта 1918 г. предписывалось: «Бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона... выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения. Местожительство в пределах Пермской губернии определяется Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 578). В гостинице «Королёвские номера» вместе с ними проживали камердинер великого князя В. Ф. Челышев и шофер Борунов.

[4] В указании даты и, очевидно, времени допущена ошибка.

[5] Лицо не установлено.

[6] Подобного заседания не проводилось (см. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Тт. 5, 6).

[7] Оставлен заголовок документа. Воспоминания Маркова, очевидно, предназначались для публикации или как справочный материал. А заключительная часть публикуемого документа придает ему характер объяснительной записки (или показаний) в следственном материале об обстоятельствах похищения и расстрела Михаила Романова.

[8] Марков Андрей Васильевич (1882—1965) — мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1906 г., большевик. С установлением Советской власти в Перми его назначают комиссаром по национализации и управлению культурно-просветительными учреждениями. Позднее он являлся членом Мотовилихинского ревкома и Пермской губчека. В автобиографии, написанной 24 декабря 1930 г., он сообщил: «Фактически ревкомом руководили мы, местные работники во главе с тов. Мясниковым, распоряжения же оперативного характера выполнялись мной, как комендантом завода, совместно с тт. Колпащиковым Иваном и Жужговым Николаем, которые участвовали со мной в расстреле Михаила Романова. Письменных решений не вын[оси]лось, да и не было времени их писать, так как сама обстановка была сверх боевая; тут и отступающие голодные части красной гвардии, голод в самом заводе, саботаж среди технического персонала завода, за что мы расстреляли управляющего заводом Темникова, его сына офицера и заведующего снарядным [цехом] № 3 Иванова. Это мы сделали с Колпащиковым Иваном, а для быстроты бросили в Каму, много было и других дел, всех не перечтешь» (ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 5, д. 1552, л. 46; ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1205, лл. 1—35). Во время наступления колчаковцев Марков перешел на нелегальное положение и под фамилией Афанасьев жил в Иркутске и Владивостоке, где участвовал в подпольной работе. После гражданской войны находился на руководящей хозяйственной работе, в начале 20-х годов выступал против «мясниковщины», за революционные и трудовые заслуги в 1956 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени, персональный пенсионер союзного значения (Революционеры Прикамья. Пермь. 1966, с. 374—377).

[9] Мясников Гавриил Ильич (1889—1946), мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1906 г., большевик, в 1917—1921 гг. находился на руководящей советской и партийной работе в Мотовилихе и Перми. В 1922 г. за «мясниковщину» (оппозиционная деятельность) был исключен из партии и эмигрировал (Революционеры Прикамья, с. 798). В годы второй мировой войны — активный участник антифашистского Сопротивления.

[10] Иванченко Василий Алексеевич (1874—1938), мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 г., большевик. С июня 1917 г. член исполкома Мотовилихинского Совета рабочих депутатов, в начале 1918 г. был избран депутатом Пермского горсовета, в апреле назначен комиссаром Перми и начальником городской милиции. Участник гражданской войны на Урале, после освобождения Перми от белых — начальник местной милиции, потом заведовал отделом в Управлении городского и уездного исполкома, был членом коллегии губчека, после гражданской войны находился на советской работе (Революционеры Прикамья, с. 227—230).

[11] Жужгов Николай Васильевич (1879—1941), мотовилихинский рабочий, член РСДРП с 1902 г., большевик. В мае 1918 г. был назначен помощником начальника милиции Мотовилихинского завода, являлся членом Пермской губчека. В автобиографии, написанной 3 сентября 1928 г., указывал: «По поручению Правления Губчека я много выполнял важнейших дел, как-то: аресты и расстрелы. Лично мною был арестован и расстрелян Михаил Романов (брат царя), Андроник (Пермский епископ), который вел контрреволюционное выступление против Советской власти» (ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 3, д. 8780, л. 11об.). Участник гражданской войны на Урале, после освобождения Перми от белых являлся помощником начальника губмилиции. Постановлением партийной Пермской Окружной контрольной комиссии Уральской области в 1921 г. был исключен из партии за пьянство. Позднее работал на Невьянском заводе токарем, с 1927 г. по инвалидности перешел на пенсию (ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 3, д. 8780).

[12] Колпащиков Иван Федорович — мотовилихинский рабочий, красногвардеец.

[13] Малков Павел Иванович (1892—1956), родился в бедной крестьянской семье Вятской губ., член РСДРП(б), столяр. С марта 1917 г. — член Мотовилихинского Совета рабочих депутатов, возглавлял цеховую партийную организацию, входил в общегородской партийный комитет, один из организаторов и руководителей Красной гвардии в Перми. 15 марта 1918 г. был назначен членом коллегии Пермской ЧК, с августа — ее председатель. Завершил жизненный путь на дипломатическом и внешнеэкономическом поприще (Революционеры Прикамья, с. 366—373).

[14] События происходили в ночь с 12 на 13 июня 1918 года.

[15] Новоселов Иосиф Георгиевич — служил в милиции при Мотовилихинском заводе, в октябре 1918 г. являлся старшим агентом Бюро Уголовного розыска Перми (ЦГАОР СССР, ф. 393, оп. 6, д. 116-а, л. 17об.).

[16] Имеются в виду камердинер Челышев и шофер Борунов, которые были арестованы Пермской ЧК. Телеграммой председателя Пермской ЧК Воробьева от 14 августа 1918 г. делался запрос в Совнарком РСФСР: «В тюрьме находится прислуга Романовых

ходатайствует об освобождении. Телеграфируйте как поступить» (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 36, л. 407). 21 августа ответил Председатель ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлов: «Относительно прислуги Романовых предоставляю поступить [по] вашему усмотрению согласно обстоятельствам» (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 36, л. 406). Следователь Соколов указывал: «Мне удалось установить, что оба последние содержались большевиками в пермской тюрьме, отсюда они по ордеру пермской чека от 21 сентября 1918 года за № 3694 были увезены и через некоторое время, по сведениям тюремного начальства, расстреляны» (Соколов Н. А. Убийство царской семьи, с. 265).

[17] Текст объявления в газете заштампован типографской краской. В других пермских газетах (губернской и уездных) данное объявление было вынуто из набора. В скобках указан текст, плохо поддающийся восстановлению, возможны разночтения.

[18] Объявление, очевидно, предназначалось для легализации расстрела Михаила. Имеется также свидетельство пермского чекиста А. А. Шамарина в пользу этого довода. В автобиографии он писал: «После своего отречения от престола брат царя Николая II-го — Михаил Романов из Москвы был выслан в г. Пермь. Ярко-монархические церемонии буржуазии, почти ежедневные шествия нового царя-спасителя до кафедрального собора по устланной мостовой коврами и живыми цветами, раздражали рабочий класс, а мы учили, что мнение рабочих тождественно решению народа и привели их желание в исполнение. В апреле месяце (так в документе.— *Сост.*) 1918 г. в доме б/в Торгового банка, угол Сибирской и Монастырской улиц, по постановлению Пермского Исполнительного Комитета и Губчека, Михаил Романов был расстрелян. Могучие волны реки-матушки Камы навсегда похоронили остатки царского трона России Романовых. (В операции участвовали тт. Малков, Барандохин М., Шамарин А., Воробцев (первоначально указывалось: Воробьев.— *Авт.*) и другие)» (ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 5, д. 2765, л. 63). Можно предположить, что тогда по постановлению Пермской губчека были расстреляны камердинер Челышев и шофер Борунов или другие лица, выданые за Михаила Романова и Джонсона. О реальности такой версии свидетельствует и телеграмма РОСТА, переданная 20 сентября 1918 г. по прямому проводу в Киев: «Пермь 18 сентября. 12 [...] сентября 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского Губчрезкома задержаны Михаил Романов, его секретарь. Они препровождены Пермь» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 529, л. 196).

II. Дневник великого князя Михаила

В 1928 г. Уральский Истпарт при изучении материалов периода гражданской войны на Урале занимался, в частности, выяснением обстоятельств смерти брата Николая II, великого князя Михаила. Были проанализированы воспоминания участников событий, имевших место в ночь с 12 на 13 июня 1918 г. в Перми, по поводу которых «Уральский рабочий» 18 июня 1918 г. сообщал, что «13 июня ночью неизвестные лица в солдатской форме похитили бывшего великого князя Михаила Романова и его секретаря Джонсона. Розыски пока не дали результатов. Принимаются самые энергичные меры».

Еще 9 марта 1918 г. Совнарком РСФСР издал постановление: «Выслать в Пермскую губернию впредь до особого распоряжения» бывшего великого князя Михаила Александровича Романова, его секретаря Николая Николаевича Джонсона, делопроизводителя Гатчинского дворца Александра Михайловича Власова и бывшего начальника Гатчинского жандармского управления Петра Людвиговича Знамеровского. В Перми Михаил и Джонсон жили вначале в гостинице «Эрмитаж» (в Центральных номерах), затем в «Королёвских номерах» (Сибирская ул., 3), откуда и были «похищены».

В Партархиве Свердловского обкома КПСС (ф. 41, оп.1, д.149, лл. 215—225) хранится машинописная копия документа под названием «Дневник Михаила Романова», который тот вел, находясь в Перми. Изучение его содержания и сопоставление с другими источниками позволяют сделать вывод, что автор дневника — именно Михаил. Не все упоминаемые в документе лица установлены. Дневник подготовил к публикации и снабдил примечаниями Ю. А. БУРАНОВ.

БУРАНОВ Юрий Алексеевич — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

* * *

Пермь, 25/8 мая, среда. Утром читали, после завтрака я познакомился с инженером Эльжановским. Около $3^3/_4$ часа Наташа [1], Дж. [2] и я на двух извощиках поехали к Тупициным [3], где пили чай и ели много вкусных вещей. В 7 час. простились с ними, Наташа поехала, а Дж. и я пошли до дома пешком. Вечером к чаю пришел Петр Нилович Второв. Погода была отвратительная, ветер, с ночи лежал местами снег, —2°, к 5 час. появилось ненадолго солнце.

Пермь, 26/9 мая, четверг. Утром читали, днем прошлись по Торговой, Монастырской, а обратно вдоль реки. После чая Наташа и я легли отдохнуть. К обеду пришли Знамеровские [4] и остались до $11^1/_2$. Погода была полусолнечная, 2°.

Пермь, 27/10 мая, пятница. Около $11^1/_2$ Борунов [5] и я переехали на лодке на другую сторону Камы (поселение Средняя Курья), там мы пошли налево вдоль опушки леса, затем выйдя к реке, переехали обратно. После завтрака был у нас датский вице-консул Рее с секретарем австрийцем — мы угостили их кофе. В $5^1/_2$ Наташа, Дж. и я отправились в Петропавловский Собор, где служил пасхальную вечерню архиепископ Андроник,— служит он очень хорошо. Вечером я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме вечера, 2°.

Пермь, 28/11 мая, суббота. Утром Борунов и я отправились на другую сторону Камы, где прошли в лес направо и дошли до полигона. Возвратились к завтраку. Днем Наташа, Дж. и я неудачно съездили в цветочные магазины, а затем в рыбный магазин Анны К., затем пешком пошли к архимандриту Матвею (ректор Семинарии). Мы смотрели его квартиру, так как все ищем куда бы можно было переехать. Нас угостили кофе и пасхой — он, бедный, будучи нездоров, лежал в постели. Оттуда с Монастырской мы возвратились пешком домой. В 8 час. мы пошли в театр, где шла «Мечта любви» — Борегар [6] заходила к нам в нижнюю ложу. С нами сидели Сергей и Ольга Тупицины. Погода была солнечная утром, а вечером не надолго пошел сильный снег, 2°. На Украине переворот. Рада разогнана. Ген. Скоропадский назначен гетманом Украины. Немцы заняли Ростов и Таганрог.

Пермь, 29/12 мая, воскресенье. Утром читали. Днем меня фотографировал П. Н. Второв. Около $4^1/_2$ Наташа, Дж. и я пошли к г-же Алиной на Сибирской, где пили чай, а затем нам показывали комнаты,— дом очень хороший. По возвращении домой, Дж. и я прошлись немного пешком вдоль реки. Дж. пошел в 8 час. в театр, сегодня последний спектакль. Я лег рано. Погода была солнечная, 3°. Кабинет на Украине составлен из к. д. и беспартийных. Депутация хлеборобов подала ген. Скоропадскому петицию о восстановлении дореволюционного земства. На Русско-Украинском фронте установилось перемирие. 7 мая подписан договор между Румынией и Центральными Державами.

Пермь, 30/13 мая, понедельник. Утром читали. В 3 часа Борунов и я отправились на другую сторону реки, где пошли по берегу направо, прошли версты 3—4, дошли до дач — обратно шли часть дороги лесом. Обратно переехали на пароходике-пароме. Возвратились домой в $7^1/_4$. До обеда, котор. был в 9 час., я купался. Вечером у нас сидел П. Н. Второв. Погода была солнечная, приятная, 8°. Немцы от Ростова двинулись на Кубань. Немцы перевезли мамá в Киев, вероятно, что Ксения, Ольга и др. с нею [7].

Пермь, 1/14 мая, вторник. Утром Дж. и я ходили в милицию, потом сидели в театральном садике. Днем Дж. и я переехали на другую сторону Камы, я греб. Обратно мы плыли на моторном пароходике, вернее лодке. К чаю пришел С. Тупицин. После раннего обеда Наташа, Дж. и я отправились в театр, где давал концерт Шебуев, участвовали и др. артисты. Погода была солнечная, тихая, 10°.

Пермь, 2/15 мая, среда. Утром читал. Днем Наташа и я отправились на лодке в Среднюю Курью, а обратно переход сделали на пароходике. К чаю пришла барышня Кобяк [8]. Потом я играл на гитаре. После раннего обеда мы отправились в театр, где шел концерт (Трио) артистов Мариинского театра. С нами сидели в ложе Знамеровский и Второв. После концерта они пили у нас чай. Погода была хорошая и солнечная, 14°. По-видимому, в Киеве кроме мамá также и все остальные, которые жили в Крыму.

Пермь, 3/16 четверг. Утром читал. Днем Наташа и я прошлись, были в магазинах и на маленьком рынке на Монастырской. После чая я прошелся немного с Дж. вдоль берега. После обеда я играл на гитаре. Погода была солнечная, хорошая, 14°. Днем мы заходили к Знамеровским на Кунгурскую. До завтрака приходили Петр Нилович

Второв прощаться, он уехал в Москву, до Нижнего пароходом, вечером недолго шел дождь.

Пермь, 4/17 мая, пятница. Утром писал письма — Ольге Пав., Алеше, Тате[9] и Дворжицкому. Днем Наташа и я гуляли, были в гостинном дворе, затем прошли мимо церкви Воскресения на старое кладбище, обойдя его по Сибирской, возвратились домой. До обеда я написал Снегурочке письмо. Весь вечер Наташа укладывалась, благодаря чему легли поздно. Погода была теплая и полусолнечная, 14°. Отъезд Наташи был решен вчера вечером,— очень грустно опять оставаться одним.

Пермь, 5/18 мая, суббота. Встали около 8½. В 9½ Наташа и я поехали на извощике на вокзал Пермь 2-я, за нами ехали Дж. и Екатерина Даниловна. Там ждали долго поезда на платформе. В результате Сибирский экспресс запоздал примерно на 36 час., так как он должен прийти третьего дня вечером. Наташа получила место в маленьком купэ международного вагона общ. вместе с чужой дамой. Поезд пошел в 12 ч. 10 мин. В. М. Знамеровская тоже поехала. Наташа едет через Москву. Дж. и я возвратились на извощиках. Зашли в милицию, затем немного сидели в театральном саду. В 1 ч. завтракали, Знамеровский пришел, а в 3 час. я с ним совершил большую прогулку пешком,— мы переправились на другую сторону Камы и вдоль берега дошли до железнодорожного моста, там сели на лодку и переплыли обратно реку, и затем этой стороной речки возвратились домой, куда и пришли в 7 час. После обеда Дж. неудачно пошел к Борегар, а Знамеровский пробыл еще с полчаса. Я играл на гитаре. Погода была хорошая, полусолнечная, 14°. С отъездом Наташи стало так грустно, так пусто, и все как-то кажется по другому, и комнаты стали другими.

Пермь, 6/19 мая, воскресенье. Утром прошелся с Боруновым, а Дж. пошел по делам,— мы прошлись садом, что над рекой. К завтраку пришел Знамеровский. Он и я прошлись вдоль набережной, прошли сад и возвратились по Торговой. До обеда, который был в 7½ час., я читал. В 8 час. мы втроем пошли в театр, шла пьеса «Мой Беби» и «Красивая женщина» — страшный балаган. Сидели как всегда в нижней левой боковой ложе, во время антракта заходили С. Тупицин и Добродин. Днем прошла небольшая гроза, ут. 14°, к веч. 8°. Вчера, после отъезда Наташи пришло письмо на ее имя от Елены Константиновны, а сегодня от Таты и открытка от Ольги Павловны.

Пермь, 7/20 мая, понедельник. Утром ходил с Боруновым в сапожный магазин, который закрылся перед нашим носом. После завтрака я ходил по городу с Знамеровским, мы также зашли в международный паноптикум-восковые фигуры. После чая Дж. и я переправились на другую сторону Камы, где прошлись немного лесом и обратно переехали на моторной лодке. Вечером играл на гитаре, а Дж. с Петром Л. делал отчетность[10]. Погода была по временам дождливая, 12°. Утром получил из Вологды от Наташи телеграмму,— она завтра надеется утром быть в Москве.

Пермь, 8/21 мая, вторник. В 11 час. Дж., Василий[11] и я отправились в Пермскую Окружную Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Я получил бумагу, в которой мне предлагается являться туда ежедневно в 11 час. (Люди добрые, скажите, что это такое). После этой явки я отправился домой, а Дж. и Василий пошли по делам. После завтрака я с Знамеровским пошел в магазин за сапогами, простые солдатские штиблеты. После 4-х Дж. и я переплыли на другую сторону реки и там прошлись вправо на полигон и возвратились частью лесом, бедный Дж. провалился одной ногой в болото. В 7¼ возвратились домой. После обеда я играл на гитаре, Дж. лег рано, а Знамеровский подсчитывал на счетах. Погода была дождливая, 12°. Получил открытку от Ольги Павловны.

Пермь, 9/22 мая, среда. Утром Дж. и я сходили в Чрезвычайную Комиссию. До завтрака после я читал В 4 и ¾ я и Дж. пошли к Бармину (бывш. Агафуровых)[12], где нас угостили вкусными вещами. Возвратившись в 7 час., я написал письмо Наташе в Москву. Потом Дж., Знамеровский и я пошли в театр — прощальный бенефис Борегар, шла «Нора» (Ибсена). С нами сидел С. Тупицин. Погода была отчаянная, шел дождь, 5°.

Пермь, 10/23 мая, четверг. Утром пошли в милицию, где спросили, почему мы больше туда не являемся, мы ответили, что являемся последние дни в Чрезвычайный Комитет, где сказано было, что они известят об этом милицию, но конечно забыли это сделать. Возвратившись из Чрезвычайного Комитета, я читал. Днем Знамеровский и я прошлись по городу, за город нельзя было идти, такая была грязь. До обеда стригся,— стриг австрийский пленный из Львова, который стремится домой. Затем я читал и играл на гитаре. Вечером мы втроем пошли в кинематограф «Триумф», Василий и Борунов тоже были. Погода была отвратительная, ут. лежал на крышах снег, 4°. Получил от Наташи две телеграммы из Москвы, мне их передали не с телеграфа, а в Чрезвычайном Комитете. Наташа приехала в Москву в понедельник, утр. Бедный Кирюша очень расшибся с мотоциклетки, я также получил две открытки с дороги.

Пермь, 11/24 мая, пятница. Утром читал. До 3½ читал. Затем Дж., Знамеровский и я пошли к Тупициным, где пили чай и оставались до 7¾, Дж. играл на рояли. У них были Добротины и Николаевы. Обратно шли вдоль набережной. После обеда я читал. Погода была пасмурная до 6 ч., 1°.

Пермь, 12/25 мая, суббота. Утром читал. Дж. и я каждое утро ходим расписываться в Чрезвычайный Комитет. Днем Знамеровский и я отправились за Каму, как тут выражаются, и вдоль берега дошли до Верхней Курьи. Затем лесной дорогой прошли на полигон и возвратились в Среднюю Курью, и на лодке в город,— пришли домой в 7 час. После обеда ко мне пришли двое американцев Мр. О'Бриен и Мр. Гесс. Они оба здесь проездом из Баку, откуда им пришлось бежать, а завтра они едут во Владивосток, если только смогут проехать. Погода была солнечная до 4½ утр., 10°, к веч. стало холодно. В Каме вода очень поднялась. Сегодня только узнал из письма Татьяны Павловны из Гатчины о смерти милого кн. Шервошидзе. Он умер кажется 25 марта в Ай-Тодоре.

Пермь, 13/26 мая, воскресенье. Утром читал. После завтрака принял Яблоновского, корреспондент «Свобода России», конечно не для того, чтобы он обо мне писал в газете, а просто с ним интересно поговорить. В 4½ мы пошли втроем к молодым Добротиным. У них было много родственников — его родители, тетя, брат и сестра и жена брата. Ушли от них только в 7 час. Обратно шли по Кунгурской до собора. После обеда Дж. со старой гвардией пошел в Синема, а Знамеровский и я читали до 11 часов. Погода была солнечная от 5 ч., 3°.

Пермь, 14/27 мая, понедельник. Утром читал, в 3 час. Знамеровский и я переехали через реку, пошли к полигону, затем левой стороной полигона в глубь леса до проселочной дороги, по дороге влево лесом, звтем вырубкой вышли к Каме против Слудского Собора, реку переехали на моторной лодке. Домой возвратились в 6½. Я думаю, что прошли верст 12, до обеда выкупался. Вечером читали, а также я играл на гитаре. Погода была пасмурная, кроме утра, 12°.

Пермь, 15/28 мая, вторник. Утром читал, днем тоже до 4½, а после чая Знамеровский и я пошли гулять, по Покровской дошли до Перми 2-я, сделаля круг вправо, к сожалению зашли в очень грязные места, затем по Монастырской возвратились домой в 7¼. Вечером читали, а Дж. пошел с визитом к Борегар. Погода была утром солнечная, а потом часто шел проливной дождь, 14°. Почки на некоторых деревьях начинают разворачиваться в листки, весна страшно запоздала, а в Гатчине черемуха уже отцветает. Пермь объявлена на военном положении. За последние дни отсюда посылали довольно много рот Красной Армии на разные внутренние фронты. Получил письмо от Ольги Павловны.

Пермь, 16/29 мая, среда. Газет не было из Петрограда уже два дня, а из Москвы почему-то сегодня поезда не пришли. Утром читал, а после завтрака играл на гитаре. В 4 час. Дж. и я пошли к Тупициным, другой семье, которая живет рядом с ними. У них три дочери, две замужем. После чая еще немного посидели. Возвратились домой по Набережной. До обеда видел Обыденова, только что возвратившегося из Екатеринбурга — по-видимому там военнопленные взяли власть в свои руки и арестовали Советскую власть, то же самое совершилось и в других некоторых городах Сибири. Вообще трудно понять, что творится, но что-то крупное назревает. Вечером к нам зашел инж. Андреев. Погода была утром недолго солнечная, прошел небольшой дождь, после 5 ч. погода разгулялась, 12°.

Пермь, 17/30 мая, четверг. Утром читал. Днем играл на гитаре. От 5 до 6¼ Знамеровский и я гуляли, прошлись за собором в саду над рекой. Обедали в 7¼. Потом втроем отправились в театр, шла «Бездна», кроме Казаровского и Полякова играли плохо. Затем смотрели один акт из «Веселой вдовы» под аккомпанемент пианино, но несмотря на мизерную обстановку было приятно послушать музыку, тем более что двое

главных играли хорошо. Погода была по временам дождливая. Насколько нам известно, поезда отсюда ходят только до Вятки, до Екатеринбурга кажется не доходят. Получил от Наташи из Москвы телеграмму.

Пермь, 18/31 мая, пятница. Утром кончил читать «Записки из мертвого дома». Днем Знамеровский и я прогулку сделали через старое кладбище, за ним спустились и поднялись через лесистый овраг, покрытый пихтами и внизу которого вьется речка, и пошли через деревню Горки обратно в город мимо Петропавловского Собора. После чая я играл на гитаре. В $9^{1}/_{4}$ мы пошли в кинематограф «Триумф» — «Белые голуби». Погода была солнечная до 5 ч. потом пошел небольшой дождь, 13°. Получил телеграмму от Юлии Владимировны, которая пишет, что хотя положение Кирюши тяжелое, но надежда на выздоровление есть.

Пермь, 19/1 июня, суббота. Утром я читал. Днем играл на гитаре, а после чая Знамеровский и я прошлись, сначала пошли на пристань и хотели обойти пароход, но приехавшие пассажиры нам помешали, потом сделали небольшой круг по городу и возвратились в $5^{1}/_{2}$. До обеда читал, а затем купался. Обедали в $7^{1}/_{4}$ и пошли в театр в 8, но нам объявили, что спектакль не состоится, так как слишком мало публики. Очень досадно, потому, что должны были играть рабочие, и было бы интересно их послушать. Знамеровский и я прошлись по городу и сидели довольно долго в саду, кот. над рекой в конце Сибирской. Возвратились домой в 9 час. и читали, я начал читать [неразборчиво]. Дж. пошел после чая с визитом к Алиным и пришел только в 11 час. Погода была солнечная, небольшая гроза прошла около 6 час., 16°, а веч. 11°.

Пермь, 20/2 июня, воскресенье. Утро прошло, как всегда. Днем Дж. и я пошли к датскому вице-консулу, видели его секретаря Шойфлера, очень милый и любезный австриец. Возвратились на извощике. Затем я писал Ольге Павловне. В 5 час. к чаю пришли Алин (сын) с женой. От $7^{1}/_{2}$ до $8^{1}/_{2}$ Знамеровский и я пошли гулять по Набережной и в сад за собором, дивный вечер. Вечером докончил письмо О. П. [неразбор.], затем писал Снегурочке. Погода была дивная, первый действительно хороший летний день, 18°. Получил письмо от Снегурочки, Алеши, Дворжицкого и Клевезаль.

Пермь, 21/3 июня, понедельник. Утром писал Алеше письмо. Днем продолжал писать Наташе. Письма посылаю с оказией. Думаю, что Наташа еще в Москве. К чаю пришли Кобяк: мать, дочь и сын—старичок не мог прийти, потому что заболел. После их ухода Знамеровский и я хотели сделать прогулку, но поднялся такой ветер, с пылью, что мы сейчас же возвратились. Вечером мы дошли до Алиных, по Сибирской и обратно. Погода была жаркая, пасмурная и вечером пошел небольшой дождь, 18°. Московских и Петроградских газет опять не было и причина кажется та, что идет переброска Красной Армии с Запада на Восток к Екатеринбургу и еще в другие места, но куда не знаю.

Пермь, 22/4 июня, вторник. Утром читал. Днем докончил письмо Наташе, затем, т. е. к чаю, Дж. и я пошли к Кобяк,— старичок, это изобретатель электролитной воды, живут они около Мариинской гимназии, против гостиного двора. Возвратившись, мы не обедали, а только переоделись и пошли втроем в театр. Шла «Мальва» из рассказа М. Горького. Там же был очень слабый концерт, антракты были бесконечно длинные из-за аукциона. Погода была дождливая по временам, ут. солнечная 18°. Получил телеграмму от Наташи из Москвы, она рассчитывает выехать сегодня в Гатчину. Здоровье Кирюши лучше.

Пермь, 23/5 июня, среда. Утром зашел Знамеровский и принес письма, кот. привезла его жена, приехавшая из Гатчины с сыном и братом Петра Л. Днем читал, а после этого Дж. и я пошли к Тупициным, шли по Монастырской. Там мы сидели на террасе все время, кроме самой хозяйки и детей никого не было. Дж. немного пел в гостиной. Обратно мы шли вдоль Набережной. К Василию пришел доктор. Василию еще придется пролежать несколько дней, он чувствует боль в области отростка слепой кишки. После обеда Дж. читал газету вслух. Погода была чудная, 14°, черемуха начинает цвести. Письма получил: от Таты, В. А. Козерской, Власова, В. Н. Андреевской, Котона, Мена и его сына. На днях мы прочли, что на Дону образовалось свое Войсковое Правительство, во главе которого стоит ген. Краснов, он также и войсковой атаман.

Пермь, 24/6, четверг. Утро прошло как всегда. Днем я читал. Заходил на короткое время С. Тупицин, а также мой крестник — правовед Нагорский. После чая Дж. и я пошли в городской сад, что у Сибирской заставы, где сидели и слушали музыку, струнный оркестр. Встретились с Шойфлером. Пришли домой к обеду. Вечером читали. Сегодня у меня появились мои знаменитые боли в желудке, лег поэтому раньше. Погода была чудная, 14°. На днях по приказанию Совнаркома часовая стрелка была переведена на 2 часа вперед, т. е. на два часа против солнца.

Пермь, 25/7 июня, пятница. В Чрезвычайном Комитете я слегка сцепился с одним «товарищем», который был очень груб со мною. Днем я читал, позже зашел С. Тупицин и мы втроем пошли на Каму, по Сибирской ул., собирались прокатиться на моторной лодке, но шоферы никак не могли наладить мотор, т. о. кататься не удалось. Дж. и я возвратились домой и пили чай в $4^{1}/_{4}$ у хозяйки [13] наших номеров Королёва, где нас гостеприимные хозяева угостили чудным кофе и кексом. У них две взрослые барышни, одиннадцатилетний мальчик и дочь 8 лет. В 8 час. Дж. и я отправились в сад слушать струнный оркестр, кот. ежедневно там играет. Там мы ходили по саду, и после часа возвратились домой к обеду. Вечером Дж. сходил к Кобяк и пробыл там до 11 час. Я читал. Погода была чудная, 20°, днем одна туча немного спрыснула. Пузо мое нет-нет и напоминало о себе.

Пермь 26/8 июня, суббота. Утро провел как всегда. Днем читал. Около 3 час. зашел инженер Умберто. В 7 час. пришел папа Кобяк, с которым интересно поговорили. После 12 час. дня я больше не ел, так как боли у меня все продолжаются. Погода была дождливая, 16°.

Пермь 27/9 июня, воскресенье. Провел целый день в постели у окна и продолжал ничего не есть со вчерашнего дня, т. е. даже ни капли молока. Боли по временам все-таки появлялись. Днем зашел Знамеровский и рассказывал много интересного о ходящих по городу слухах. Вечером мне читал Дж. Погода была чудная, 22°.

Пермь 28/10, понедельник. Весь день был на ногах, но чувствовал себя очень неважно. Днем спал. В 6 час. приходил доктор Шипицин. Боли периодически появлялись. За целый день выпил стакана полтора молока пополам с водой, больше ничего. Погода чудная, 20°, за последние дни вся зелень распустилась. Весь день я читал ту же французскую книгу. К обеденному чаю зашел Знамеровский. К вечеру поднялся особенно сильный, но все же теплый ветер. Получил телеграмму от Наташи из Гатчины,— она приехала туда в прошлую среду.

Пермь 29/11 июня, вторник. Сегодня были боли послабее и менее продолжительные. Утром читал. Днем я на час прилег. К чаю пришел Знамеровский и мой крестник Нагорский (правовед), он кушал с большим аппетитом, еще бы после Петроградского голода. Потом я писал Наташе в Гатчину. Доктор Шипицин зашел около $8^{1}/_{2}$. Вечером я читал. Погода была временами солнечная, днем шел недолго дождь, 13°, вечером тоже. Около 10 зашел мой крестник, правовед Нагорский проститься, он сегодня же уезжает в Петроград.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Графиня Наталья Сергеевна Брасова (Шереметевская) — морганатическая супруга Михаила.

[2] Николай Николаевич Джонсон — секретарь Михаила Романова, англичанин.

[3] Пермская семья Тупициных. О Сергее Владимировиче Тупицине в документах говорится как о «служащем постройки университета».

[4] В Перми в это время жили: П. Л. Знамеровский — бывший жандармский полковник, высланный в Пермь вместе с Михаилом Романовым, затем к нему приехали из Гатчины жена Вера Михайловна с сыном и брат полковника Александр Людвигович Знамеровский.

[5] Борунов— шофер Михаила Романова, жил вместе с ним в номерах.

[6] Борегар — актриса.

[7] «Мама́» — Мария Федоровна, мать Михаила, вдова Александра III. Ксения, Ольга — возможно, автор имел в виду своих сестер.

[8] Кобяк — семья пермских промышленников, владельцы фабрики «серебряной» (электролитной) воды.

[9] Ольга Павловна — возможно, О. П. Путятина. «Алеша» был связан с управлением хозяйственными делами Михаила. «Тата» — видимо, дочь Брасовой.

[10] Вероятно, с П. Л. Знамеровским.

[11] Василий Федорович Челышев — камердинер Михаила, служил у него с 1915 г.

[12] Видимо, пропущено слово «управляющий», а фамилия Бармин искажена. Тогда следует читать: «Бардину (бывш. управляющему Агафуровых)». В Перми существовало отделение торгового дома Бр. Агафуровых.

[13] Жена управляющего гостиницей «Королёвские номера» И. Н. Сапожникова.

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

№ 43. ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ 2 АВГУСТА 1906 г. ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К. Д. ПАРТИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ [1]

Предварит[ельное] засед[ание] ЦК-та 2/VIII 906.

1). Сообщение о происшедших после роспуска Думы событиях и о заседаниях парл. фракции.

2). О циркуляре № 26 [2].

3). О съезде и его программе.

4). Об отношениях к др. партиям.

В. Гессен полагает, что никаких постановлений не делать. И объединить все вопросы в один — что теперь делать партии. *Изгоев* предлагает выяснить список вопросов провинциалам.

Заседание открыто речью председателя ЦК кн. Павла Дм. Долгорукова. В речи своей кн. Долгоруков изложил вкратце содержание териокских заседаний парлам[ентской] фракции и ЦК, происходивших 12—14 июля после закрытия Думы и принятия ее членами, удалившимися в Выборг, постановлений, выраженных в обращении к населению, изданном 10 июля 1906 г., и затем, указав на неизбежность изменения тактики партии под влиянием всего происшедшего и ответственности этого шага, сообщил, что ЦК не счел возможным принять на себя окончательного решения по этому вопросу и предположил для решения его созвать всеросс[ийский] делегат[ский] съезд в конце августа. При этом были сообщены вкратце суждения членов комитета по вопросу о бойкоте правительства и содержание временных постановлений, ЦК, а затем прочтен А. А. Корниловым циркуляр за № 26, в котором изложены лозунги, принятые ЦК и преподанные им партии на ближайшее время до созыва партийного съезда.

Поверкою собравшихся было установлено, что в совещании приняли участие 30 членов Центр. комитета [3] и 33 представителя губернских комитетов от 29 губерний. В целях выяснения настроения партии и вообще населения на местах представителям провинции предложено было высказаться, стараясь по возможности дать определенный ответ на следующие 7 вопросов, редактированные Центральным Комитетом: 1. Как принято членами партии и населением распущение Думы? 2. Как принято поведение членов Думы после роспуска и, в частности, выборгское обращение? 3. Считается ли возможным проведение выборгского воззвания в жизнь? 4. Какие вопросы момента особенно наметились на местах? 5. Каково положение партии на местах? 6. Каково настроение в партии по вопросам тактики? 7. Положение на местах других партий и междупартийные отношения.

Слово было предоставлено Головину, представителю Московского губ. комитета, члену ЦК-та.

Головин оговаривается, что он может сообщить, главн. обр., личные впечатления, основанные на разговорах с членами партии и населением, так как заседания губ. к-та не было. Лично он собирал членов партии в Дмитровском уезде, человек 20. Все единогласно негодуют на роспуск Думы и из разговоров с крестьянами вынесли впечатление, что и крестьяне так же настроены. Как относится население к выборг. постановлениям — сказать не берется. Члены партии понимают, что положение было трудное, но не одобряют постановлений; многие полагают, что следовало добиться,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2, 5, 6.

чтобы так или иначе правительство разогнало Думу в Петербурге. Первую часть воззвания многие признают приемлемой, но вторую почти все признают непрактичной и идущей вразрез с прежней тактикой партии. Особенно не одобряют многие призыв к отказу от отбывания воинской повинности, находя, что этим путем можно вовлечь население без пользы в тяжелые последствия. Многие находят, что уж если сходить с легального пути, то следовало действовать решительнее. Некоторые одобряют мысль о воззвании к войскам. Указав затем на необходимость скорейшей легализации партии и скорейшего созыва съезда, оратор отмечает, что теперь партия на местах бездействует. Причина этого летнее время и выжидательное положение, которое все занимают в ожидании директив из центра.

Кн. *Павел Долгоруков.* В общем подтверждает правильность впечатлений Головина. Указывает, что в Рузском уезде крестьяне раньше настроены были очень активно и воинственно, постановляли повсеместно приговоры с обещаниями не выдавать Думу и т. п.; но после роспуска Думы настроение подавленное, боязнь репрессий, и никаких приговоров нет.

Пржевальский (от г. Москвы) оговаривается также, что сообщит, главн. обр., свое субъективное мнение. Прежде всего констатируется недовольство роспуском Думы во всех слоях населения, за исключением ничтожной горсти черносотенцев. Выборщики г. Москвы, так же как и др. собрания партии, отнеслись к выборгским постановлениям в общем сочувственно, некоторые находили лишь, что редакция воззвания слишком бледна. Обсуждая поведение депутатов, некоторые замечали, что не следовало бежать в Выборг, а надо было так или иначе в Петербурге организовать сопротивление правительству. Относительно осуществимости воззвания $^1/_2$ районных комитетов г. Москвы полагает, что оно осуществимо, а др. половина — что нет. Приверженцы первого течения предполагают совместную с другими партиями и союзами забастовку и организацию разностороннего финансового бойкота, так, чтобы правительство действительно не получило ни копейки в казну. Между прочим признается желательным, чтобы этот вопрос предложен был съезду и чтобы ЦК разработал к съезду вопрос о формах и способах финансового бойкота. Противники воззвания указывают на неосуществимость и непрактичность его по ничтожности прямых налогов в нашем бюджете, по легкости продажи имущества за неплатеж податей и по невозможности организации отказа от исполнения воинской повинности. Вообще они думают, что пассивное сопротивление теперь не удастся, так как идея забастовки дискредитирована рядом неудач. В ответ на 4 вопрос указывает на признаваемую всеми необходимость скорейшего созыва съезда. Жалуется на бездеятельность ЦК-та и нападает на него за его неосведомленность; указывает на отсутствие директив и на проистекающую от того неловкость перед избирателями ввиду невозможности отвечать на самые естественные вопросы. На п. 5 — партия в Москве действует; районы объединяются на собраниях хотя бы для краткого обмена взглядами, если нет специальных рефератов, еженедельно. На п. 7. Правые партии в Москве замерли [4]; может быть, хотят прикрыть волчью шкуру плашом обновления. Левые партии разбиты.

Кишкин (от г. Москвы) заявляет, что ему приходилось по преимуществу встречать отрицательное отношение к выборг. воззванию.

Маклаков (Москва). В виде поправки к речи Пржевальского утверждает, что выборщики отнюдь не вынесли сочувствия выборгскому воззванию, в лишь признали, что вина за все происшедшее падает на правительство.

Пржевальский признает, что формально это более точное воспроизведение суждения выборщиков.

Щепкин Н. Н. (Москва) желает дополнить картину положения партии в Москве другой, более общей. Он смотрит на Москву как на скопище провинциалов из тянущих к Москве губерний. Известие о роспуске Думы дошло в воскресенье во время беспартийного собрания. Им овладело крайнее возбуждение, но при первых словах председателя о необходимости сдержать себя наступило тотчас же полное спокойствие. В неинтеллигентной среде нет возражений против воззвания, разве о том, что оно недостаточно сильно написано. В крестьянской среде и без него была уже масса приговоров о бойкоте. По п. 3 оратор думает, что Москва инициативы выполнения на себя не возьмет, но отзовется, если провинция начнет. Отмечает, что в некоторых местах молодежь желает идти в войска с намерением пропаганды. На выборах все же

ПРОТОКОЛЫ ЦК КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

№ 43. ПРОТОКОЛ СОВЕЩАНИЯ 2 АВГУСТА 1906 г. ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА К. Д. ПАРТИИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТОВ [1]

Предварит[ельное] засед[ание] ЦК-та 2/VIII 906.

1). Сообщение о происшедших после роспуска Думы событиях и о заседаниях парл. фракции.

2). О циркуляре № 26 [2].

3). О съезде и его программе.

4). Об отношениях к др. партиям.

В. Гессен полагает, что никаких постановлений не делать. И объединить все вопросы в один — что теперь делать партии. *Изгоев* предлагает выяснить список вопросов провинциалам.

Заседание открыто речью председателя ЦК кн. Павла Дм. Долгорукова. В речи своей кн. Долгоруков изложил вкратце содержание териокских заседаний парлам[ентской] фракции и ЦК, происходивших 12—14 июля после закрытия Думы и принятия ее членами, удалившимися в Выборг, постановлений, выраженных в обращении к населению, изданном 10 июля 1906 г., и затем, указав на неизбежность изменения тактики партии под влиянием всего происшедшего и ответственности этого шага, сообщил, что ЦК не счел возможным принять на себя окончательного решения по этому вопросу и предположил для решения его созвать всеросс[ийский] делегат[ский] съезд в конце августа. При этом были сообщены вкратце суждения членов комитета по вопросу о бойкоте правительства и содержание временных постановлений, ЦК, а затем прочтен А. А. Корниловым циркуляр за № 26, в котором изложены лозунги, принятые ЦК и преподанные им партии на ближайшее время до созыва партийного съезда.

Поверкою собравшихся было установлено, что в совещании приняли участие 30 членов Центр. комитета [3] и 33 представителя губернских комитетов от 29 губерний. В целях выяснения настроения партии и вообще населения на местах представителям провинции предложено было высказаться, стараясь по возможности дать определенный ответ на следующие 7 вопросов, редактированные Центральным Комитетом: 1. Как принято членами партии и населением распущение Думы? 2. Как принято поведение членов Думы после роспуска и, в частности, выборгское обращение? 3. Считается ли возможным проведение выборгского воззвания в жизнь? 4. Какие вопросы момента особенно наметились на местах? 5. Каково положение партии на местах? 6. Каково настроение в партии по вопросам тактики? 7. Положение на местах других партий и междупартийные отношения.

Слово было предоставлено Головину, представителю Московского губ. комитета, члену ЦК-та.

Головин оговаривается, что он может сообщить, главн. обр., личные впечатления, основанные на разговорах с членами партии и населением, так как заседания губ. к-та не было. Лично он собирал членов партии в Дмитровском уезде, человек 20. Все единогласно негодуют на роспуск Думы и из разговоров с крестьянами вынесли впечатление, что и крестьяне так же настроены. Как относится население к выборг. постановлениям — сказать не берется. Члены партии понимают, что положение было трудное, но не одобряют постановлений; многие полагают, что следовало добиться,

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2, 5, 6.

чтобы так или иначе правительство разогнало Думу в Петербурге. Первую часть воззвания многие признают приемлемой, но вторую почти все признают непрактичной и идущей вразрез с прежней тактикой партии. Особенно не одобряют многие призыв к отказу от отбывания воинской повинности, находя, что этим путем можно вовлечь население без пользы в тяжелые последствия. Многие находят, что уж если сходить с легального пути, то следовало действовать решительнее. Некоторые одобряют мысль о воззвании к войскам. Указав затем на необходимость скорейшей легализации партии и скорейшего созыва съезда, оратор отмечает, что теперь партия на местах бездействует. Причина этого летнее время и выжидательное положение, которое все занимают в ожидании директив из центра.

Кн. *Павел Долгоруков*. В общем подтверждает правильность впечатлений Головина. Указывает, что в Рузском уезде крестьяне раньше настроены были очень активно и воинственно, постановляли повсеместно приговоры с обещаниями не выдавать Думу и т. п.; но после роспуска Думы настроение подавленное, боязнь репрессий, и никаких приговоров нет.

Пржевальский (от г. Москвы) оговаривается также, что сообщит, главн. обр., свое субъективное мнение. Прежде всего констатируется недовольство роспуском Думы во всех слоях населения, за исключением ничтожной горсти черносотенцев. Выборщики г. Москвы, так же как и др. собрания партии, отнеслись к выборгским постановлениям в общем сочувственно, некоторые находили лишь, что редакция воззвания слишком бледна. Обсуждая поведение депутатов, некоторые замечали, что не следовало бежать в Выборг, а надо было так или иначе в Петербурге организовать сопротивление правительству. Относительно осуществимости воззвания 1/2 районных комитетов г. Москвы полагает, что оно осуществимо, а др. половина — что нет. Приверженцы первого течения предполагают совместную с другими партиями и союзами забастовку и организацию разностороннего финансового бойкота, так, чтобы правительство действительно не получило ни копейки в казну. Между прочим признается желательным, чтобы этот вопрос предложен был съезду и чтобы ЦК разработал к съезду вопрос о формах и способах финансового бойкота. Противники воззвания указывают на неосуществимость и непрактичность его по ничтожности прямых налогов в нашем бюджете, по легкости продажи имущества за неплатеж податей и по невозможности организации отказа от исполнения воинской повинности. Вообще они думают, что пассивное сопротивление теперь не удастся, так как идея забастовки дискредитирована рядом неудач. В ответ на 4 вопрос указывает на признаваемую всеми необходимость скорейшего созыва съезда. Жалуется на бездеятельность ЦК-та и нападает на него за его неосведомленность; указывает на отсутствие директив и на проистекающую от того неловкость перед избирателями ввиду невозможности отвечать на самые естественные вопросы. На п. 5 — партия в Москве действует; районы объединяются на собраниях хотя бы для краткого обмена взглядами, если нет специальных рефератов, еженедельно. На п. 7. Правые партии в Москве замерли [4]; может быть, хотят прикрыть волчью шкуру плащом обновления. Левые партии разбиты.

Кишкин (от г. Москвы) заявляет, что ему приходилось по преимуществу встречать отрицательное отношение к выборг. воззванию.

Маклаков (Москва). В виде поправки к речи Пржевальского утверждает, что выборщики отнюдь не вынесли сочувствия выборгскому воззванию, а лишь признали, что вина за все происшедшее падает на правительство.

Пржевальский признает, что формально это более точное воспроизведение суждения выборщиков.

Щепкин Н. Н. (Москва) желает дополнить картину положения партии в Москве другой, более общей. Он смотрит на Москву как на скопище провинциалов из тянущих к Москве губерний. Известие о роспуске Думы дошло в воскресенье во время беспартийного собрания. Им овладело крайнее возбуждение, но при первых словах председателя о необходимости сдержать себя наступило тотчас же полное спокойствие. В неинтеллигентной среде нет возражений против воззвания, разве о том, что оно недостаточно сильно написано. В крестьянской среде и без него была уже масса приговоров о бойкоте. По п. 3 оратор думает, что Москва инициативы выполнения на себя не возьмет, но отзовется, если провинция начнет. Отмечает, что в некоторых местах молодежь желает идти в войска с намерением пропаганды. На выборах все же

боевой лозунг будет выборгский манифест. Увидят, что бойкот нетрудно осуществить. Добрые обычаи прививаются легко. По п. 7. Другие более левые партии относятся к нам теперь гораздо лучше, чем прежде.

Кн. *Павел Долгоруков* указывает на образование новой партии мирного обновления и на желание этой партии заключить с нами союз против левых [5].

Струве заявляет, что процесс разложения союза 17 октября [6] завершился, что же касается партии мирного обновления, то эта партия определенно желает отмежеваться и справа и слева.

Федоров (от г. Петербурга). Психология Петербурга несколько иная, нежели Москвы. В Петербурге из числа голосов, поданных за наших кандидатов на выборах, только 25% принадлежали членам партии, 75% были беспартийные (чиновники, приказчики, скрытые кадеты). Очерчивает дов[ольно] рельефно чиновничий оппортюнизм, господствующий в партии в Петербурге, и рассказывает, как приказчики надували своих хозяев на выборах. Теперь все эти элементы находят, что фракция наша в Выборге зарвалась. Почти все в Петербурге против финансового бойкота: 1) он противоречит прежней партийной тактике, чисто парламентарной; 2) этот путь опасен для будущего, ибо бойкот может быть впоследствии применен и против парламентского министерства. Проводить манифест все решительно отказываются, даже те, кто его не порицает. По п. 4 — недовольство тактикой парлам. фракции. По п. 5: партия бездействовала, следила только за работой Думы. Осенью можно рассчитывать на возобновление деятельности на основе 3-х лозунгов, преподанных в циркуляре ЦК. Теперь, к сожалению, все клубы закрыты полицией.

Добровольский (Петербург). По п. 1. К роспуску Думы население отнеслось с единодушным негодованием. По п. 2. Выборгское воззвание слабо; отъезд депутатов в Выборг знаменовал расхождение дела со словом. По п. 3. Проведение воззвания в жизнь безусловно невозможно, разве могут откликнуться, если население подымет бойкот снизу. По п. 4. Сознает, что отрекаться от выборгского воззвания нельзя, но и выносить его на свет Божий тоже не следует, в виду чего лучше оттянуть съезд и прожить пока циркулярными распоряжениями ЦК-та, к-рые свели бы воззвание незаметно на-нет. По пп. 5 и 6 высказывает оптимистическое настроение. По п. 7 указывает, что на собрании разных союзов и партий большинство разделило, как оказалось, первый лозунг Центр. К-та, и на этом основании можно предполагать возможность блоков с разными группами.

Федоров (дополняет). Необходимость собирать деньги будет многих отпугивать от партии. Выборы стоили 60.000 руб., а у петербургского комитета, кроме долгу в неск[олько] тысяч руб., ничего нет!

Ещин (к порядку заседания) требует более сжатого делового и информационного характера сообщений.

Дворжак (Рязанск. губ.). Факты, на которых основываются его впечатления, собраны из объезда губернии, собрания же в Рязани не было. Роспуск не «ошибкой» считается, как здесь некоторые говорили, а вызывает всюду большое негодование! Порицания депутатам за то, что они уехали в Выборг, не слышал, наоборот признавали, что они поступили правильно. По п. 3. Выполнение воззвания признается большинством невозможным. Однако крестьяне во многих местах уже осуществляют бойкот податей фактически. Земцы указывают, что при последовательном проведении воззвания земство окажется в невозможном положении. По п. 4. С нетерпением ждут директив от ЦК-та и от съезда, скорейший созыв которого признается необходимым. По п. 5. Партия растет, но не очень. Было открытых членов 70, теперь 150, но число голосов, поданных за нас на выборах, считалось тысячами. По п. 7. Левые стали гораздо любезнее и даже предлагают соглашения и союзы. За неимением директив оратор на такие предложения отзывался уклончиво. Население относится ко всякого рода агитаторам слева чрезвычайно радушно и превосходно охраняет их от полиции. Открытая и легальная деятельность нашей партии в губернии преследуется.

Масленников (Вологодской губ.) — высказывается на основании личных впечатлений и обсуждений в местном комитете. Вологодская губ. была, в сущности, лишена настоящ[его] представительства в Думе, так как крестьяне избранных от губернии лиц (кроме одного) не признавали своими представителями. Тем не менее интерес к Думе был громадный, и негодование по поводу ее роспуска наблюдается весьма сильное. Отношение к выборгскому воззванию частью отрицательное, как к неосуществимому; однако крестьяне уже и теперь не платят податей. Оратору лично известны три волости, в которых крестьяне отказываются от отбывания всяких повинностей. При этом и крестьяне, однако, понимают, что страдает от неплатежа более всего земство. В частности, по поводу заявления воззвания о займах приходилось слышать большие сомнения, чтобы государство могло на самом деле не платить долги, если бы таковые и еще были сделаны правительством. В партии преобладает «левое» настроение по тактическим вопросам: считая выборгское воззвание, при его практической неосуществимости, слабым по значению, многие находят нужным идти дальше и говорят, напр., о необходимости всеобщей забастовки. Деятельность партии в губернии замерла после неудачи на выборах. Теперь необходим партийный съезд; без его решений нельзя собрать губернский съезд, а без него нельзя и оживить дело. Отношение левых групп к партии как будто за последнее время изменилось, и с ними возможно и было бы очень важно известное соглашение.

Шингарев (Воронежск. губ.). Партийного собрания в Воронеже не было, но было много комитетских совещаний. Роспуск Думы совпал с аграрным пожаром всей губернии. Впечатление было не бурное, а ошеломляющее, между тем начальство ждало, видимо, именно бури: по городу ездили пулеметы, все было готово к подавлению восстания; но никаких признаков восстания налицо не было. В партии было напряженное ожидание директив из центра. Их не было, и, поразмыслив, члены партии сообразили, что центр в данную минуту и не мог их дать. Тем не менее провинция ждала директив от центра, а центр ждал сведений о настроении провинции, и образовался какой-то circulus vitiosus *, который производит впечатление растерянности. Из обмена взглядами с левыми группами убедились, что там дело обстоит так же. Последующее общее впечатление, когда несколько опомнились, — резкая злоба против правительства. Закрытие Думы нанесло, несомненно, удар идее царизма в народе — почти смертный приговор этой идее...

По п. 2. Некоторые критиковали поездку в Выборг, полагали, что следовало действовать в Петербурге; большая часть на этом не останавливались и страстно обсуждали выборг[ский] манифест в 4 заседаниях, причем были высказаны и оспорены все обычные возражения против манифеста, вопрос же о распространении манифеста чуть-чуть не вызвал раскола, тем более что даже наличные члены Думы придерживались противоположных мнений. Указывалось, между прочим, на ответственность такого шага — бросить манифест в обращение среди крестьян, которые и без того уже жгли имения. Однако, когда решено было, что распространением манифеста могут заняться лишь желающие, таких желающих оказалось $^2/_3$ комитета, причем были среди них и не сочувствующие манифесту. По п. 3. Большинство признало принципиально манифест приемлемым. Неплатеж повинностей начался давно. Ожидается полный крах земских финансов, тем более, что земское собрание признало земство ответственным за аграрные пожары, и последний ресурс земства — страховой капитал, быстро истощается. Крестьяне не платят и не будут платить; но кроме них никто не пойдет на бойкот казны. Недачу рекрут осуществить трудно — ответственность падет на отдельные семьи. Пассивный бойкот признается желательным, но для него необходима поддержка всего общества, а ее нет. В земстве царит теперь реакция, помещики озлоблены против движения ввиду тех форм, в которые оно вылилось. По п. 4. Все признают, что нужен съезд как можно скорее, нужны директивы. Необходимо принять во внимание совершающееся в губернии аграрное движение и принять какие-нибудь меры против применяемых теперь форм его подавления. Оратор сам был свидетелем ужасных, совершенно разнузданных карательных экспедиций. Убежден, что этого нельзя так оставить; надо по этому вопросу войти в соглашение с другими партиями. По п. 5. Партия растет и укрепляется — растет вширь и вглубь, устроены сельские комитеты; тем не менее на выборах положение партии по отношению к др. партиям будет нелегкое. По п. 6. Тактика должна полеветь. Бойкот все же имеет почву, хотя один пассивный бойкот многих не удовлетворяет. Центр. К-ту следует позаботиться о разработке сведений и литературных данных о различных видах бойкота. По п. 7. Аграрное движение в губернии вызвано, несомненно, левыми партиями, они сильно рабо-

* Порочный круг (*лат.*).

тают, хотя и не попадаются. В г. Воронеже могут победить с.-д. Правые партии ничтожны. Левые на митингах сплошь и рядом побеждают.

Езерский (Пензенск. губ.). В первую минуту роспуском Думы население было ошеломлено, растерялись. Теперь общая злоба, направленная против носителя верховной власти. По п. 2. Поведение членов Думы особой критике не подвергалось. По п. 3. Выборг[ское] воззвание вообще вызывает симпатии, но возможность практического осуществления сомнительна. Организованный отказ от исполнения воинской повинности едва ли осуществится, высказывают опасения, что тогда правительство, пожалуй, задержит старых солдат сверх срока. Тем не менее протест выборгского собрания очень авторитетен в глазах населения, и на выборах он учтется для нашей партии благоприятно. Поднимался вопрос о расширении понятия бойкота в виде организованного неповиновения властям. Население опасается, однако, карательных экспедиций. По п. 4. Ждут директив из центра. Необходим съезд. Необходимо неотложное снабжение литературой, разъясняющей положение и формы бойкота. По п. 5. Положение партии очень плохое. Замерла. Замечается тенденция налево. По п. 7. Правых партий вроде союза 17/X не существует совсем. Прежние земские элементы, участвовавшие в съездах, стали черносотенными. Левые партии чувствуют себя также неподготовленными и гнут теперь на соглашение с кадетами; но там работает земская молодежь, совершенно неопытная в политической жизни и даже не понимающая обязательности раз заключенных соглашений.

Хвостов (Казанск. губ.). От роспуска Думы впечатления получились ошеломляющие, но и только. Впрочем оратор уехал с места 12 июля, а потому знает только первые впечатления. Заседания губернского комитета не было. К выборг[скому] воззванию в Казани отнеслись с принципиальным одобрением и готовы его распространять. Шаг этот со стороны членов б. Госуд. Думы был необходим, но о практическом выполнении бойкота пока трудно что-нибудь сказать, и, во всяк[ом] случае, есть много оснований для сомнений. В частности, крестьянство слишком пассивно: оно не будет платить там, где и без того не платило. В самой Казани, как известно, даже и всеобщая забастовка не удалась. Впрочем, в крестьянстве после роспуска Думы оппозиционное настроение сильно повысилось, и основы монархизма существенно поколеблены. Среди членов партии первое слово после роспуска Думы было в Каз[анской] губ[ернии] — съезд; он безусловно необходим. Крайние партии после роспуска немедленно обратились к нам же с расспросами, «что думают делать кадеты»? У самих у них заметна была сильная растерянность, тем более, что более солидные элементы поарестованы и у дела осталась зеленая молодежь. Партия мирного обновления, вероятно, в Казани сложится, но сил будет у нее мало.

Фурович (Могилевск. губ.). У нас также среди крайних партий (даже у Бунда) чувствовалась какая-то растерянность. В то же время в их среде наблюдается теперь большая терпимость по отношению к кадетам. Выборг. воззвание некоторые находили у нас слишком слабым, другие — неосуществимым. Однако крестьяне, по имеющимся сведениям, отнеслись к нему сочувственно и склонны исполнять его на деле. Между проч[им], в нашей губернии, как неземской, не может иметь значения тот довод против финансового бойкота, что он подорвет земские учреждения. Что касается отказа от исполнения воинской повинности, то возможно, что и оно может получить осуществление. Так, один толковый крестьянин указывал возможность такого осуществления не в одиночку (из чего ничего бы не вышло), а целой массой новобранцев, когда они соберутся уже в городе. В общем нельзя не отметить, что на местах удивлялись, если кто-либо из депутатов, считавшийся порядочным человеком, оказывался не подписавшим выборгское воззвание. Этим самым в значительной степени характеризуется отношение к воззванию. Наша партия в Могилевской губернии плохо сорганизована, хотя за последнее время появились крестьянские группы (о них оратор впоследствии дал секретариату специальные дополнит[ельные] сведения) [7]. Другие партии не сорганизованы тоже. Правые партии крайне черносотенного направления; среди них нет вовсе порядочных людей. Поэтому блоки возможны только с левыми.

Выковский (Могилевск. губ.) добавляет к речи предыдущего оратора, что боевое настроение крестьянства чрезвычайно усилилось за последние месяцы. К выборгскому воззванию все встречавшиеся Выковскому крестьяне относились весьма радушно. Миросозерцание крестьян колеблется. Из 7 крестьян, с которыми он беседовал, 5-ро отдают предпочтение республике перед монархией.

Хвостов (Казанск. губ.) дополняет свою речь заявлением, что в Казанск[ой] губ. у крестьян боевое настроение также повысилось.

Васильев (Самарск. губ.). Отмечает, что он из неурожайной губернии. Роспуск Думы принят крестьянством со злобой. Монархические принципы в их среде поколеблены. Этим облегчена пропаганда левых партий. Впрочем, в Самарск[ой] губ. кадетской партии в чистом виде нет: приписывались к ней, как к программе-minimum. Правых партий тоже не существует. Выборгское воззвание распространяется бойко — разошлось в 105 тыс. экземпляров. Отношение к нему, впрочем, скорее отрицательное, оно признается недостаточно радикальным. Тем не менее революционеры распространяют его охотно. Бойкот воинской повинности удобнее произвести в городе скопом. Блоки можно заключать лишь с крайними левыми партиями, конечно, не делая уступок из программы. К. Д. партия в губернии в плачевном состоянии. Собраний не было. Денег нет и не будет до выборов. Не привыкли действовать конспиративно. В заключение оратор высказывает нарекания на Центр. Комитет за отсутствие директив, которые необходимы.

Добавляет, что крестьяне в губернии настроены очень радикально, что выражается в многочисленных приговорах и др. заявлениях.

Кн. *Ишеев* (Тамбовск. губ.). Вращается больше в городской среде, с крестьянами сталкивается лишь как присяжный поверенный. Роспуск Думы произвел на крестьян ошеломляющее впечатление, но волнений еще не было. В Тамбове сильны крайние партии — правые и левые. Союз 17/X был разбит. К. Д. победили благодаря поддержке левых, но не воспользовались победой вследствие кассации тамбовских городских выборов. Крайние правые очень сплочены. Население смотрит на роспуск Думы как на несчастье; от депутатов ждали энергичного сопротивления и полагали, что они будут арестованы. Поездка в Финляндию и Выборг, воззвание многих разочаровали. Вторую часть объясняли поспешным и вынужденным соглашением с трудовиками. Идею бойкота признавали удачной, но не понимали, почему она ограничена некоторыми только формами. Ждали директив от Центр. Комитета. Профессиональные союзы склонны оказать энергичную поддержку бойкоту. Партия слаба и непопулярна в Тамбове. Тает, несмотря на снятие репрессий. Публика относится на митингах сочувственно к нападкам на К. Д. партию. Были попытки организовать бойкот партийной газеты «Тамбовский голос».

Виноградов (Астраханск. губ.). Роспуск Думы в первый момент произвел ошеломляющее действие. Затем наступило всеобщее озлобление, сопровождаемое падением [авторитета] царизма. Воззвание распространяется деятельно, особенно крайними левыми, но, к сожалению, текст без подписей. На уезды его не хватило. Лозунги, данные фракцией и Центр. Комитетом, произвели хорошее впечатление, но как пойдет исполнение — еще не видно. Сознается необходимость съезда, чувствуется потребность в литературе; необходим приезд лекторов с громкими именами. Партия работает, между проч[им], в местных интересах: она приняла на себя и исполнила разработку ловецкого (рыболовного) вопроса. В Астрахани существуют крайние правые и крайние левые партии. Среди последних заметна некоторая растерянность; они также ожидают директив от своих центральных органов.

Новосильцов (Калужск. губ.). Пока была Дума, крестьяне были спокойны; они всего ждали от Думы. Настроены они были и тогда дов[ольно] радикально; на полях во вр[емя] работ нередко можно было услышать марсельезу. Теперь замечается большое озлобление. Много случаев демонстративного массового выхода из церкви при чтении манифеста о роспуске Думы; в населении замечается антидинастическое настроение, выражающееся, между проч[им], в наименовании Государя Николаем Кровавым и т. п. Выборгское воззвание всеми считается весьма умеренным ответом на действия правительства; что оно проведется в жизнь — никто не сомневается. Население ждет, что скоро придет распоряжение об аресте всех существующих властей и что повсюду будут выбраны временные власти. Крайние партии оживились. В деревнях в некоторых местах начинается бойкот водки.

Имшенецкий (Полтавск. губ.). Констатирует озлобление сельского населения с антидинастическим характером. Но при этом ему не хватает активности. Интелли-

генция удручена, претендует на недостаточно активное настроение крестьянства: «Для них стараются, а они даже беспорядков никаких не делают!» Воззвание мало распространяется (Лучицкий прерывает: «Есть, есть!»). В среде партии выезд депутатов в Выборг критикуется и вторая часть воззвания также. Исполнение на практике сомнительно. Положение партии в губернии трудное. Репрессии угнетают. Денег нет. После роспуска Думы к председателю комитета К. Д. партии явился один С. Д. и сказал: «Теперь Ваша роль спета, Вы должны теперь нам помогать деньгами и квартирами». С. Д. полагают, однако, что в острые моменты борьбы объединенные действия их партии с нашей возможны. Во время выборов бороться придется с левыми, но и при этом объединение с правыми группами было бы для партии гибельно. При объявлении высоч[айшего] манифеста замечается теперь демонстративный выход из церквей.

Дервиз (Тверск. губ.). Партия в губернии замерла, несколько живее действует городская группа. Роспуском Думы возмущены, но и подавлены. О крестьянах мало известно. Осуществимость воззвания представляется очень сомнительной.

Харламов (Обл[асть] войска Донского). Роспуском Думы население очень возмущено. Что касается Выборг[ского] воззвания, то область В[ойска] Д[онского] находится по отношению к нему в особом положении. Податей казаки в обычном смысле этого слова не платят вовсе; отбывание воинской повинности поставлено также в совершенно своеобразные условия. Правительство старается всячески восстановить казаков против революционеров и против крестьян, охотно снабжая казачье население всякого рода оружьем для борьбы с «бунтовщиками». Однако положение партии Народ[ной] Своб[оды] в области не плохо, особенно благодаря тому, что именно ее представлениями[8] был поднят в Думе вопрос об облегчении казачьей службы.

Чудновский (г. Одесса). Город находится под гнетом военного положения; уже год четыре месяца прошли с тех пор, как запрещены всякие собрания. Роспуск Думы вызвал негодование. Выезд депутатов в Выборг в Одессе не одобряется. Впрочем, о выборгских заседаниях первые сведения, может быть, тенденциозные, получены были чрез левые партии. Воззвание подвергалось сильной критике. Исполнение его ставят в зависимость от того, покажут ли пример сами составители. Однако же решили воззвание распространять, и уже распространено до 7000 экз. После роспуска Думы левые партии предлагают объединенные действия. Возможно образование общих с ними комитетов — один общий комитет информационный уже существует. Идея всеобщей забастовки встречает мало сочувствия. Одесский комитет полагает, что от всякого союза с правыми теперь следует воздерживаться; напротив, желательны соглашения с левыми. В программу предстоящего съезда желательно включить вопросы: 1) об объединенных действиях всех левых групп; 2) об организации областных организаций. Решено устроить областной съезд херсонско-бессарабский. Всероссийский съезд желательно устроить в начале сентября или в конце августа. В программу съезда следует еще включить разработанную декларацию о займах[9].

Грессер (Владимирск. губ.). Народ верил в Думу и, пока она заседала, спокойно ждал своей участи, несмотря на провокаторство властей и помещиков. Составлялись приговоры, как раз соответствующие по духу выборгскому воззванию. Во Владим[ирской] губ. уже за 3 дня до роспуска Думы заметно усилились правительственные репрессии. О роспуске узнали только 11-го. 12-го — созван был комитет. Содержание воззвания не обсуждалось, а сразу приняты были меры к его распространению. 13-го было распространено уже неск[олько] тысяч[10]. Роспуск Думы ошеломил население. Сперва гнев народа чуть не обратился на интеллигенцию. К счастью, уход губернатора Леонтьева предотвратил организованный погром, а через 3 дня раздражение направилось уже по другому адресу. Теперь озлобление направляется уже на правительство, и замечается ряд оскорблений верховной власти. Чувствуется необходимость издания ряда брошюр, могущих осветить положение вещей и разъяснить возможность бойкота. (Об этом оратор сделал подробный доклад в комиссии издат[ельства] «Народного права».) Крестьяне ставят вопрос о возвращении старой Думы; если же будут выборы, то они обещаются на этот раз забаллотировать всех черносотенцев. Во Влад[имирской] губ. партия растет, а не тает. Есть крестьянские К. Д. комитеты. Крестьяне усердно пишут письма с родины к родственникам и землякам солдатам. Среди войск есть в[есьма] приличные офицеры. Вопросом дня является теперь широкое распространение литературы и вообще пропаганда. Просил бы совещание решить, можно ли считать, что уже начался предвыборный период. Если же вопрос этот не может быть решен до съезда, то необходимо немедленно созвать съезд. Блоки, по мнению Влад[имирского] комитета, могут быть заключаемы только с левыми, особенно с крестьянским союзом. До послед[него] вр[емени] была потеряна нить, соединявшая с ним партию, теперь она возобновилась, и можно устроить информационные комитеты.

Богуславский (Харьковск. губ.). После роспуска Думы было одно собрание, но в присутствии полиции, которая запрещала касаться выборг. воззвания. Тем не менее вопрос о закрытии Думы обсуждался, и решено было выразить доверие Думе. Обращено было внимание на то, что теперь тактика партии должна резко измениться. Не получая директив от Центр. Комитета, решили оживить районные собрания и предпринять широкую рассылку литературы и разъезды членов. Так как денег нет, то решено было сделать дополнительное обложение членов 5—10-рублевыми единовременными взносами ad hoc*. Настроение крестьян приподнятое. Крестьяне рады не платить, но спрашивают, как организовать бойкот. Относительно отказа от дачи рекрут сомневаются, чтобы удалось это организовать. Вопрос о бойкоте косвенных налогов не обсуждался. Выборг. воззвание было напечатано союзом...[11] и С. Д.-тами. Был сделан перевод на малорусский язык, причем допущены неточности в месте, где говорится о земле. Учреждены информационные соединенные комитеты. Партийный съезд ожидается с нетерпением.

Ромм (Вильна). С момента роспуска Думы в партии ничто не изменилось. Роспуск Думы не был ошеломляющим. Конфликт предвиделся со времени правительственного сообщения и предвиделся не в пользу Думы. Настроение было тревожное: ожидались погромы; но после недопущении Одесского погрома население успокоилось. Настроение не особенно пессимистическое. По отношению к предстоящим выборам население полно надежд в уверенности, что у других партий не найдется такого числа достойных кандидатов, как в нашей партии. В Вильне нашли, что депутаты после распущения Думы ничего другого и не могли сделать, как собраться в Выборге. Воззванию сочувствуют как известной форме протеста. Навязать громадному народу повсюду одинаковые формы борьбы — невозможно. Практическое осуществление воззвания сомнительно.

Ещин (Нижегород. губ.). На первый вопрос я не могу дать единого ответа. Местами, в глухих углах, крестьяне и теперь еще не знают о роспуске Думы. Местами население отнеслось к роспуску дов[ольно] равнодушно: «Назначены новые выборы, ну, тех же и выберем!» Местами наблюдается и раздражение, и ошеломленность, и даже озлобленность. Так и программа Стишинского[12] в одном селении была встречена овациями, а в другом соседнем — свистками! Наше партийное собрание, по предложению губерн. комитета, присоединилось к выборг. воззванию и постановило требовать созыва старой Думы и создания думского министерства; мы считали, что этот лозунг дается Центр. Комитетом. Любопытно, что собравшиеся при этом 80 человек принимали указанные предложения комитета без всяких прений, молча...[13] В самом губ. комитете долго обсуждали выборг. воззвание, причем высказано было много недоумений. В конце концов финансовый бойкот нашли в сущности неосуществимым. Так, напр., в торговой среде перед Нижегородской ярмаркой невозможно было даже вопрос возбуждать о невыборке торговых свидетельств. Крестьяне и без того частью не платят. О косвенных налогах, конечно, трудно говорить. Квартирный налог будет взиматься еще в будущем апреле... Что касается бойкота воинской повинности, то ведь при проведении его нужно было бы выйти в отставку предводителям дворянства и др. прикосновенным к набору лицам, а это было бы вредно во многих отношениях. Таким образом, на практике почти все падает само собою...

Необходим скорейший созыв партийного съезда. Между прочим, съезд этот необходим для того, чтобы путем более энергичного и решительного обращения к населению от имени съезда поднять настроение населения, теперь напуганного и растерянного.

Из др. партий у нас есть партия «белого знамени» — чисто черносотенная. Др.

* Для этой цели (*лат.*).

правых партий теперь нет. Очень сильны С.-Д., но чуть ли не еще сильнее действуют с.-р., у которых имеется обширное книгоиздательство, организации в деревне и проч. В данное время они готовы, по-видимому, работать по соглашению с нами, но, очевидно, рассчитывая, что при этом пойдем за ними.

Кн. *Оболенский* (Таврическ. губ.). По отношению к роспуску Думы у нас наблюдается то же, что и везде: раздражение, озлобленность и т. д. На бывшем у нас съезде уездных представителей некоторые критиковали выборг. воззвание, как слабое, причем замечалось, что с «левой» точки зрения возражали против него как раз более умеренные элементы; большинство же высказывалось в пользу воззвания и присоединялось к нему. По вопросу об осуществлении выборг. воззвания в широких слоях населения определенных указаний высказано не было, хотя было установлено существование самостоятельного движения в крестьянстве в этом именно направлении. Но самими членами партии вопрос этот обсуждался подробно. Оптимистически настроенной при этом оказалась лишь евпаторийская группа, в составе которой много крестьян, а остальные группы, преимущественно состоящие из крестьян, высказались скептически, однако решили сделать попытку, причем поручили мне просить Центр. Комитет издать брошюру о бойкоте (особенно о бойкоте вина).

Собраний у нас нельзя было делать, и деятельность партии вообще замерла. Комитет наш после выборов почти перестал функционировать, но теперь опять ожил и предполагает начать действовать. Союз 17 окт. также как будто начинает пробуждаться, т. е. собственно черносотенная его часть. Левые относились к нам прежде очень враждебно и срывали наши собрания, но теперь как будто настроены мягче; явилась возможность соглашений с ними, и собраниям нашим они предполагают долее не препятствовать.

Татаринов (Орловск. губ.). По отношению к роспуску Думы настроение то же, что и в др. местах. Однако нам пришлось наглядно убедиться, что существует пропасть между определенно оппозиционным настроением и готовностью к активному его осуществлению... По отношению к выборгскому воззванию Орловским комитетом почти единогласно признано, что ни в городе, ни в деревне — по крайней мере, в наших местах — оно не может получить осуществления. Поэтому мы даже самое воззвание не особенно распространяем. Что касается положения партии, то оно у нас с апреля мало изменилось. У нас правая партия сильна, и теперь и с ней придется в городе упорно бороться. В деревнях предстоит сильная борьба с левыми (с с.-р. или с трудовою группою), и трудно сказать, насколько эта борьба будет успешна. В общем, надо сказать, что у нас на выборах имеют шансы победить или правые — при сильном давлении на выборы администрацией — или же левые. По отношению к тактике намечается сейчас созыв съезда и резкая постановка на нем вопроса о дальнейшем пути партийной деятельности в связи с наличностью выборгского воззвания: остается ли для нее прежний путь или партия пойдет революционным путем. При этом не могу не сказать, что Орловский комитет высказался с своей стороны совершенно определенно против изменения характера партийной тактики.

Лопухин (Тульск. губ.). Население у нас было также ошеломлено роспуском Думы и отнеслось к нему частью даже с ужасом: ожидали опять всеобщей забастовки, разгромов и проч. Когда же этого не случилось, все удивились и искали причины... Начавшиеся после забастовки в Петербурге и Москве, Свеаборгское восстание и проч. вызвали новое ошеломление. В общем, настроение получилось подавленное, неактивное и выразилось пока лишь удвоением сделок через Крестьянский банк... Ввиду такого апатичного настроения нам казалось бы важным поднять дух населения. У нас было недавно одно заседание комитета, которое было посвящено выборгскому воззванию. Особенной критики его не слышно было, но к практическому осуществлению его отнеслись отрицательно. Положение партии у нас дов[ольно] плохое. В городе будет сильная борьба с левыми. На губернских выборах, однако, у нас сейчас больше надежды на крестьян, чем в прошлую кампанию: на тех выборах мы не сумели сорганизовать их.

Полторацкий (Черниговск. губ.). Партия организована у нас плохо, тем более что у нас был губернатор, не допускавший развиться партийной деятельности. И сейчас положение очень незавидное: собрания не допускаются, происходят высылки и т. д. Настроение пока неопределенное. Крестьянам некогда еще было обдумать

события последнего времени. Но идея царизма, несомненно, пострадала (впрочем, не в общей форме, а в ее конкретном воплощении). Партия по вопросу о выборг. воззвании раскололась. Между проч[им], у нас находили, что выборгское воззвание ведет вовсе не только к пассивному, но и к определенно активному сопротивлению: ведь у нас власти не ограничатся легальными формами взыскания повинностей, а будут снаряжать для этого карательные экспедиции и проч. Впрочем, один вид бойкота — бойкот винной монополии — встречает сочувствие и в партии, и в населении. Что касается форм дальнейшей партийной деятельности, то мы, ввиду изменившихся обстоятельств, установили наряду с официальными органами и неофициальную организацию, для чего разбились на кружки. Съезд сейчас, безусловно, необходим. Необходимо также издание брошюры, которая ознакомила бы население с деятельностью Гос. Думы и с обстоятельствами ее роспуска. Проскользнувшее в газетах известие о каких-то переговорах некоторых видных членов нашей партии в Москве с представителями мирного обновления имело у нас значение скандала. Дело в том, что, если здесь вам приходится иметь дело с гр. Гейденом и др. подобными людьми, то в провинции те же правые партии представлены уже чисто черносотенными элементами, с которыми немыслимы никакие соглашения и сближение с которыми было бы неприлично. С левыми пока отношения у нас не определились; они между проч[им], сильно смущены неудачами последних своих предприятий (забастовки и проч.).

Лапотникова (Костромской губ.). Мои впечатления относятся преимущественно к городу. Роспуск Думы произвел в Костроме страшное впечатление. Наш комитет экстренно собрался в тот же день, и на следующий в более полном составе. Немедленно же мы издали листок с изложением деятельности Думы. С.-Д.-ты издали в Костроме 5000 выборг. воззваний, но с изменением текста, а именно, заменили требование «народного представительства» — требованием «учредительного собрания». По вопросу о воззвании в партии сперва образовался раскол: многие находили его «шумихой», другие находили его даже безнравственным (ввиду того, что «сами ведь не будем исполнять») и т. д. Однако громадное большинство решило распространять воззвание, меньшинство же высказывало, что принуждено будет выйти из партии, если и съезд присоединится к воззванию.

Население к роспуску Думы относится различно: в части населения подорвано доверие к Царю, частью оно осталось равнодушным, а были и такие, что выражали радость. Положение партии в губернии ухудшается. В городе оно, пожалуй, даже укрепилось, но в деревне партия тает. У нас числится 20 отделений, но некоторые из них состоят всего из нескольких лиц; некоторые члены ограничиваются лишь взносом денег и даже скрывают свою принадлежность к партии. В деревне имеют сильную организацию с.-р.; в городе сильны с.-д. Теперь у нас составилось бюро из представителей разных партий и организаций, но оно пока еще не сложилось во что-либо определенное. Не достигнуто даже соглашение о характере бюро: с. д-ты и представители Крестьянского союза настаивают на информационном характере его, а к-д-ты и с-р-ы на праве его постановлять известные обязательные для партий решения.

Аджемов? [14].

Овсянико-Куликовский (Курск. губ.). Деревня реагирует на происшедшие события различно. Про[ве]дение выборг. воззвания в жизнь идет не планомерно, а стихийно. Бойкот воинской повинности едва ли состоится. Союз 17 октября прекратил свое существование. Правовой порядок — тоже. Левые работают усиленно. После роспуска Думы они стали любезнее и даже пробовали устраивать совместные с другими партиями собрания, но собрания эти были разогнаны.

Кн. *Шаховской* (Ярославск. губ.). Партия в Яросл[авской] губ. замерла под влиянием репрессий и других причин. К-д. относятся к выборгскому воззванию вообще скептически. Население же занимает какое-то выжидательное положение: и рабочие, и крестьяне «ждут приказа».

Сахаров (Симбирск. губ.). После роспуска Думы в Симбирске тотчас собрался комитет. Роспуска ожидали. Черносотенные элементы были довольны, но огромное большинство населения возмущено. В деревнях крестьяне озлоблены — даже и против верховной власти. При прежнем симбирском губернаторе кн. Яшвиле собрания были свободны, даже крайние партии собирались свободно. Отношение их к к. д. в последнее время изменилось к лучшему. Приглашают к совместным конспиративным

объединениям. Наши к этому склоняются. Ввиду перемены губернатора и наступления репрессий приходится на это идти. В настоящее время правых партий в губернии нет. Успехи левых значительны: с-д-ки завоевали город, а с-р-ы — деревню.

Затем *Н. Н. Черненков* прочитывает, по предложению председателя, постановление Гдовского комитета от 22 июля, а *Н. А. Гредескул* выдержки из письма одного крестьянина, ярко характеризующие настроение малороссийской деревни.

ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 27, лл. 148—185.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Протокол воспроизводится по беловой записи, сделанной А. А. Корниловым. В деле есть и черновой, более подробный. В окончательный протокол не вошел только список участников: «Присутствовавшие на совещании 2 августа 1906 года. Члены Центрального Комитета: Гессен Владимир, Головин, Гредескул, Долгоруков Павел, Долгоруков Петр, Изгоев, Каминка, Кишкин, Колюбакин, Корнилов, Комиссаров, Ломшаков, Лучицкий, Маклаков, Максимов, Муханов, Набоков, Новгородцев, Протопопов, Родичев, Струве, Сабашников, Тесленко, Черненков, Чубинский, Шаховской, Щепкин Ник., Якушкин, Иорданский, Выковский, Щепкин Евгений. Делегаты губернских и городских групп: г. Москвы — Пржевальский, рязанский — Дворжак, вологодский — Масленников, воронежский — Шингарев, бессарабский — Бестерман, тамбовский — кн. Ишеев, петербургские — Федоров и Добровольский, могилевский — Фурович, самарские — Хардин и Васильев, астраханский — Виноградов, калужские — Обнинский и Новосильцев, полтавский — Имшенецкий, тверской — фон Дервиз, донской — Харламов, одесский — Чудновский, владимирский — Грессер, харьковские — Линтварев и Богуславский, виленский — Ромм, нижегородский — Ещин, таврический — Оболенский, орловский — Татаринов, черниговский — Полторацкий, костромской — Лапотникова, ростовский на Д.— Аджемов, тульский — Лопухин, казанский — Хвостов, пензенский — Езерский, курский — Овсянико-Куликовский, симбирский — Сахаров».

[2] В этом циркуляре кроме сообщения о результатах июльского совещания в Териоках до сведения местных партийных комитетов доводилось, что «ЦК признает в высшей степени желательным открытое заявление голоса народного по этому предмету (имелся в виду протест против роспуска Думы.— *Ред.*) и полагает, что такое заявление могло бы лучше всего найти место в приговорах и постановлениях сельских и городских общественных учреждений и разных союзов и обществ с определенным выражением одобрения деятельности Думы и заявлениям ее членов, состоявшимся в Выборге после ее распущения 10 сего июля» (ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 33а, л. 46).

[3] Судя по вышеприведенному списку участников совещания, на нем присутствовал 31 член ЦК.

[4] В черновике: «Делегат от Москвы *В. Пржевальский:* Торг[ово]-пром[ышленная партия] и С[оюз] 17-го окт[ября] соверш[енно] не действуют, хотя деятели их собираются и что[-то] обсуждают. П[равового] П[орядка] и не было. Левые (С-д здесь больше большевики)».

[5] В черновике: «*Пав. Долгоруков:* «С[оюз] 17-го окт[ября], реформ[ированный] в Союз мирн[ого] обн[овления], по программе близкая к нам [партия]. *Их желание* — сплотиться с нами на выборах, иначе выборы будут совершенно левые. Соед[иниться], чтобы спасти рус[ский] либерализм, констит[уционные] принципы и проч.».

[6] В черновике: «*Струве.* Гораздо больше нам мешает пока разложение Союза 17-го окт., чем образование новой партии. Инициаторы новой партии боятся победы 2 крайностей и хотят от себя, гл. обр., отбросить правый фланг (П. П. и проч., с кот[орыми] они шли раньше вместе)».

[7] В деле эти сведения отсутствуют.

[8] Так в тексте. Надо: «представителями».

[9] В черновике далее: «Е. Н. Щепкин. Первые экз[емпляры] воззвания дошли через него, но они не б[ыли] размножены».

[10] Далее — зачеркнутая фраза: «Чтобы сбить с толку власти, рассылка была организована по каждому уезду».

[11] Так в тексте. В черновике: «союзом инженеров».

[12] Программа главноуправляющего землеустройством и земледелием А. С. Стишинского предусматривала укрепление наделов в личную собственность путем выхода крестьян из общины.

[13] Здесь и далее отточия документа.

[14] Текст выступления Аджемова отсутствует и в беловой записи, и в черновике.

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. М. ПУШКАРЕВА. *Рабочее движение в России в период реакции.* М. Наука. 1989. 272 с.

В исследовании ведущего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук И. М. Пушкаревой реконструированы (помесячно) события массового рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 1910 г., обычно остававшиеся в тени. Автор вовлек в научный оборот обширную информацию, содержащуюся в вышедших в последние годы хрониках стачечного, профсоюзного и кооперативного рабочего движения[1], и применил новые, в том числе количественные, методы для более полного раскрытия ведущих тенденций и особенностей рабочего движения в общероссийском, региональном, отраслевом и профессиональных разрезах. В книге широко использованы таблицы, диаграммы и схемы, рассмотрена динамика движения и показано, что спад его в послереволюционный период шел более плавно и не был столь продолжительным, как это представлялось ранее.

Материалы общероссийских и региональных хроник рабочего движения, которые автор подверг критическому сопоставлению и дополнил официальными данными фабричной инспекции, а также архивных документов, позволили не только уточнить, но в ряде случаев и пересмотреть ранее бытовавшие в литературе представления о масштабах стачечной борьбы российского пролетариата в рассматриваемый период. Эти данные (табл. 24, с. 224—229) превышают аналогичные показатели фабричной инспекции, из которых исследователи обычно черпали сведения о стачках, соответственно в 1,7 и почти в 2 раза (с. 231). Уточнены сведения о количестве стачек и забастовщиков — по годам, регионам, крупным промышленным центрам, отраслям производства и профессиям рабочих (табл. 29, 30, 31, 32).

Большое внимание уделено в книге систематизации сведений о различных типах стачек (политических, экономических, смешанных) (табл. 37). Новые подсчеты меняют сложившееся в литературе представление о якобы резком сокращении масштабов стачечного движения сразу же после третьеиюньского переворота 1907 года. На самом деле динамика стачечной борьбы в период реакции была более сложной, потенциал революции 1905—1907 гг. оказался более мощным, чем это представлялось до сих пор. Уточненная оценка масштабов массового рабочего движения в 1907—1910 гг. позволяет полнее осмыслить и предпосылки нового революционного подъема в 1912—1914 годах.

Материалы, содержащиеся в книге, дают возможность внести определенные коррективы в установившиеся в науке представления о месте и роли профсоюзов и кооперативов в развитии революционного процесса (с. 91, 93). Конечно, многие из них, возникшие в годы революции, распались в период реакции, но те, что сохранились, организационно окрепли и активно участвовали в борьбе за улучшение экономического положения рабочих. Отличительной чертой рассматриваемого периода был беспрецедентный рост числа пролетарских потребительских кооперативных обществ. Возникают и независимые рабочие кооперативы. Особенно важно, что кооперативы втягивали в свои ряды арьергардные слои рабочих (с. 98).

Представляет интерес попытка автора охарактеризовать состояние центральных и особенно местных социал-демократических

[1] См. Хроника рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г. Чч. 1—4. М. 1981—1982; Профессиональные союзы рабочих России. 1905—февраль 1917 г. Перечень организаций. Чч. 1—2. М. 1985; Балдин К. Е. Динамика и основные тенденции развития кооперативного движения рабочих России (2-я половина XIX в.— начало XX в.). Иваново. 1987; и др.

организаций, их практическую деятельность в рабочем классе (с. 67—68, 82, 85).

Работа, проделанная Пушкаревой, стимулирует дальнейшее развитие исследовательской мысли. Во-первых, давно назрела необходимость создания на основе единой научной методики хроники рабочего и социал-демократического движения дореволюционной России. Это позволило бы провести экспертную оценку уже имеющихся в распоряжении исследователей хроник общероссийской и по регионам, как и хроники рабочего движения в России с 3 июня 1907 г. по 31 декабря 1910 г., представляющей один из базовых источников монографии. Известно, что многие сведения, включенные из разнотипных источников в эту хронику, весьма существенно расходятся не только с официальной статистикой, но и с региональными хрониками. Еще сложнее обстоит дело с хрониками социал-демократического движения. Приведенные Пушкаревой сведения о состоянии социал-демократических организаций в 1907—1910 гг. пока не сопоставлены с материалами составленного в 1966 г. ИМЛ при ЦК КПСС «Перечня организаций РСДРП», согласно которому среди различных слоев населения в России действовало 82 комитета и областных центра и 248 организаций и групп РСДРП.

Во-вторых, исследователям предстоит преодолеть многие переходящие из книги в книгу определения относительно места и роли как самой РСДРП, так и других политических партий в российском рабочем движении. Положительным моментом монографии как раз и является попытка пересмотреть эти сложившиеся в литературе штампы. В книге содержатся сведения об агитационно-пропагандистской деятельности в рабочем классе национальных социал-демократических и неонароднических организаций (с. 161, 187—188, 199 и др.), но эта попытка все же не доведена автором до четких обобщений. Поиски новых источников должны помочь в уточнении места и роли небольшевистских течений в РСДРП.

В целом же монография отражает объективно назревшие потребности обновления исторической науки и будет, несомненно, способствовать дальнейшей плодотворной разработке истории рабочего класса России.

В. В. Шелохаев

А. Я. АВРЕХ. *Царизм накануне свержения.* М. 1989. Наука. 251 с.

Четверть века тому назад А. Я. Аврех издал свою первую книгу, а сейчас, вслед за еще тремя другими[1], вышла — посмертно — пятая, завершающая его исследование избранной им еще на студенческой скамье темы.

Творческий путь автора был нелегок и непрост. Великая Отечественная война, которую он прошагал «от звонка до звонка», начав солдатом, а окончив гвардии капитаном, оторвала его от письменного стола на долгих пять лет; в период застоя наскоки ретивых администраторов от науки испортили ему немало крови своими зачастую совершенно нелепыми требованиями и обвинениями. Всю жизнь он вел яростные споры со своими коллегами по науке, отнюдь не всегда соглашавшимися с некоторыми его положениями[2]. В основе этой полемики лежал вопрос о возможности или невозможности альтернативы тому пути, по которому царизм вел Россию.

Слегка меняя аргументацию, Аврех во всех своих работах твердо стоял на том, что никакой альтернативы происходившему в стране не было, революция являлась фатально неизбежной, предупредить ее было нельзя. И в рецензируемой — в значительной мере, итоговой — работе Аврех остался верен себе: задуманные реформы не были дарованы царизмом, и не потому, что он не желал их дать в принципе (борьба между ним и буржуазией оппозицией шла лишь по вопросу о мере, форме и сроках этих «реформ»), а в силу того, «что их оказалось невозможным дать... Действительность показала, что, несмотря на царящую в стране реакцию, «реформы», будь они даны, способствовали бы не столыпинскому «успокоению», а углублению революционного кризиса, продолжавшегося, хотя и в скрытых формах, и в послереволюционные годы» (с. 244).

Что можно возразить на это кредо автора, последовательно проведенное им через все свои работы? Во-первых, действительность ничего не «показала», поскольку, с чем соглашается и сам Аврех, «реформы» (лучше бы без кавычек) «даны не были». Во-вторых, Аврех, никогда не приводил факты в пользу того, что у царизма было желание их дать. Напротив, то, что широко известно исторической науке, свидетельствует об обратном. Все, что было дано (манифест 17 октября 1905 г., указ 9 ноября 1906 г., названный позже «столыпинской реформой»), вырывалось у самодержца силой, давалось непоследовательно, с твердым намерением не выполнять обещаний. Отсюда и третьеиюньский переворот в 1907 г., и утверждение царем в октябре 1913 г. «Особого журнала Совета министров» о роспуске законодательной Думы и превращении ее в законосовещательную[3] и многое другое. В-третьих, нельзя оценивать требования либералов как не затрагивающие политического всевластия самодержавия (с. 244), ибо если согласиться с этим тезисом, то окажется, что на политической арене боролись не три лагеря (правительственный, либеральный и революционной), а фактически — два. И, наконец, в-четвертых, история России в царствование последнего самодержца прошла как бы три витка спирали: с начала царствования до конца первой российской революции, от послереволюционной реакции до начала первой мировой войны, и наконец — война. Каждый из этих витков начинался с тишины и покоя, дававших шанс для спокойного проведения реформ, а кончался революцией или ее преддверием, как в августе 1914 года. Каждый последующий виток был в два раза короче первого. История буквально наступала самодержавию на пятки. Но из двух возможных форм прогресса и преобразования закосневших политических структур — реформистского или революционного — Николай II каждый раз, несмотря на советы многих самых верных и дальновидных своих слуг, решительно отвергал первый и тем самым оставлял только второй путь. Он не выбирал революционной альтернативы, но делал ее неизбежной. Именно поэтому он и только он виноват в драматических, а порой и трагических страницах, вписанных в историю революциями, последовавшей за ними гражданской войной, и в собственной гибели, и в гибели своей семьи.

«Инстинкт самосохранения» был совершенно чужд Николаю II, верившему, как и все слабовольные люди, только в силу кулака.

Эти соображения относятся не столько к рецензируемой книге, сколько к предыдущим работам Авреха. Что же касается этой книги, то концепция автора полностью соответствует периоду, исследуемому в ней. Она написана блестяще. Она, бесспорно, лучшая из всего, что создал этот талантливый и яркий историк. В ней слиты воедино три жанра: строго документальное глубокое исследование, яркое публицистическое произведение и в ряде мест талантливая проза. Особенно это относится к первой главе, образно названной «Сердца четырех» (царь, царица, А. Вырубова и Г. Распутин).

В современной литературе достаточно определенно наметилось несколько ироническое отношение к самой возможности того, что безграмотный сибирский конокрад влиял на высшие государственные дела[4]. Авторов этой тенденции не смущает давно опубликованная переписка царя с царицей, в которой роль Распутина при дворе выявляется вполне однозначно. Пожалуй, никто еще с такой тщательностью, как Аврех, не раскрыл механизма влияния «трех сердец» на четвертое — царское. Хитрый и ловкий Распутин через фрейлину царицы, Вырубову, выведывал о пожеланиях, колебаниях и сомнениях царицы, никогда не перечил ее твердым намерениям и на основе точного знания «вещал» о видениях святых и воле бога, что для мистической психопатички было откровением в последней инстанции, лишало ее каких-либо колебаний, и она с маниакальным упорством вдалбливала слабовольному супругу, что́ он должен говорить и как действовать.

Современному историку трудно себе представить, что наступление, предпринятое настойчивым генералом А. А. Брусиловым в конце сентября 1916 г., было приостановлено царем по требованию царицы, поскольку Распутину было «видение свыше», а через два месяца после приостановки наступления войск Юго-Западного фронта «старцу» было новое «видение», которое царица настоятельно требует претворить в жизнь: «Он (Распутин.— *К. Ш*) просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо... он говорит,

[1] Аврех А. Я. Столыпин и третья Дума. М. 1968; его же. Царизм и IV Дума. 1912—1914. М. 1981; его же. Распад третьеиюньской системы. М. 1985.

[2] См., напр., рец. К. Ф. Шацилло в «Истории СССР» (1968, № 3).

[3] См. Кризис самодержавия в России 1895—1917. Л. 1984, с. 534.

[4] Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение самодержавия. М. 1976, с. 234—238.

что именно теперь это самое важное и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать» (с. 38—39).

От внимания историков как-то ускользал тот факт, что печально знаменитая, по выражению крайне правого В. М. Пуришкевича, «министерская чехарда» началась лишь с осени 1915 г., когда почти в полном составе Совет министров выступил против смещения Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, и назначения на этот пост самим себя Николая II. Дело было, разумеется, не в стратегических талантах великого князя, а в ясном понимании многоопытными бюрократами двух обстоятельств: во-первых, во время неизбежных и длительных отъездов царя в Ставку они оставались с глазу на глаз с императрицей, которой царь передавал право «координировать» действия министров. А во-вторых, последние понимали, что, сместив Николая Николаевича (которого царица по наущению Распутина подозревала в претензиях на польский престол) и назначив себя «верховным», царь не столько стяжает лавры маловероятных побед, сколько понесет ответственность за почти неизбежные поражения. Встретив дружное сопротивление министров, Николай II и членов правительства занес в список ослушников своей воли, начал перетряску Совета министров, руководствуясь указаниями своего «Солнышка»-императрицы, получившей через «святого старца» рекомендации от бога. Так в правительство попали не просто некомпетентные лица, а откровенные жулики типа А. Н. Хвостова, психические больные, вроде А. Д. Протопопова или престарелые рамолики, вроде И. Л. Горемыкина. Но в России существовало и неофициальное правительство, или камарилья, состоявшая из ближайших царских «шептунов», по словам злоязычного С. Ю. Витте, «размножившегося стада великих князей», «объединенного дворянства» и черной сотни. Мера их влияния и грызня друг с другом — еще одна тема книги Авреха.

Выработанная автором четкая структура труда, широкая источниковая база, яркий материал, извлеченный из многочисленных воспоминаний современников и участников описываемых событий, однозначно доказывают даже предубежденному читателю правоту автора. От революции страну даже чудо спасти уже не могло! 20 лет, с восшествия на престол 20 октября 1894 г., Николай упорно «вгонял» страну в революцию. Конечно, все эти годы у нее были и объективные предпосылки, и временами необходимая в таких случаях революционная ситуация, и народ, готовый подняться на революцию. Но сколько раз в истории правящие круги находили, если желали, реформистский выход из подобной ситуации! Николай II не пошел по этому пути.

К. Ф. Шацилло

D. L. RANSEL. *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia.* Princeton University Press. Princeton. 1988. XIV + 330 p.

Д. Л. РЭНСЕЛ. *Матери нищеты. Брошенные дети в России.*

Дэвид Рэнсел — профессор Индианского университета (США) — известен как специалист по социально-политической истории России XVIII века. Его перу принадлежит ряд статей и книг о внутренней политике Екатерины II. В последнее десятилетие он занимается изучением различных проблем семьи, материнства и детства в дореволюционной России[1]. В рецензируемой монографии он рассматривает проблемы государственного призрения детей в России в XVIII — начале XX в., государственной благотворительности, участия в ней общественности, а также социально-культурные и медицинские аспекты материнства и детства.

К исследуемой проблеме автор пришел в процессе поиска материалов о жизни и быте русского крестьянства, но не в этнографически-описательной манере, а в динамике. С этой целью он обратился к источникам, хранящимся в архивах воспитательных домов, поскольку их связи с деревенской округой были регулярными и хорошо документированными, и был поражен размахом деятельности этих учреждений в России второй половины XIX века. В результате Рэнсел сосредоточился на истории воспитательных домов и «питомнического промысла» (отдача детей на воспитание кормилицам в деревню).

Автором использованы материалы ряда фондов Центрального государственного архива древних актов, Центрального государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Москвы, Ленинградского государственного исторического архива, русской дореволюционной и современной зарубежной литературы. Книга содержит более 50 таблиц, диаграмм, графиков, содержащих богатый статистический, экономико-географический, демографический материал.

Возникновение в XVIII в. государственной системы призрения подкидышей было, считает Рэнсел, вполне закономерным. Петровские реформы, когда значительная часть взрослого мужского населения страны была временно или постоянно оторвана от своих семей (приписные крестьяне, рекруты), привели к увеличению контингента незаконнорожденных. Рэнсел исследует государственную систему призрения брошенных детей в России в сопоставлении и взаимосвязи с историей аналогичных учреждений в странах Западной и Центральной Европы (Франции, Италии, Испании, Великобритании, Дании и др.). Он показывает, как использовался в России европейский опыт, прослеживает влияние гуманистических идей Просвещения. К сожалению, автор слабо знаком с взглядами русских просветителей. В книге отсутствует даже упоминание о предложениях М. В. Ломоносова, писавшего в 1761 г.: «Для сохранения жизни неповинных младенцев надобно бы учредить нарочные богоделенные домы для невозбранного зазорных детей приему»[2] (фактически он предвосхитил воплощение в жизнь чуть позже планы Екатерины II и И. И. Бецкого).

По смелости и широте своих целей («воспитание новой породы людей») планы императрицы и Бецкого опережали западноевропейские системы благотворительности. В советской историографии обычно делается акцент на неудачах, провале этих планов. Рэнсел же останавливается на малоизученных судьбах программ и учреждений, основанных на принципах «системы Бецкого». И тут выясняется, что, несмотря на неудачи с ее реализацией, программа 1764 г. действовала в полном объеме до 1796 г., а в основных чертах просуществовала до 1830-х годов. Конечно, «инкубаторов для создания нового типа личности» (с. 294) не удалось создать. Но принципы неограниченного и анонимного приема детей незамужних женщин, равно как и покровительство монарха благотворительности продолжали существовать и в XIX веке. По справедливому замечанию Рэнсела, Московский и Петербургский воспитательные дома оставались «монументальными памятниками патерналистской идеологии режима», символами царского попечения о «несчастнорожденных». Государственное финансирование, покровительство верховной власти и система конфиденциального приема — та часть наследия Бецкого, которая в основном просуществовала до реформы 1891 года.

Екатерина II и супруга Павла I Мария Федоровна, руководившая воспитательными домами в 1797—1828 гг., понимали, что эти учреждения страдают рядом недостатков. Детская смертность была колоссальна. Мария Федоровна в 1805—1815 гг. предпринимала ряд частичных реформ, подробно рассмотренных в книге (с. 70—76), но попытки ограничить прием младенцев, отменить его анонимность, выплачивать пособия матерям на воспитание детей были неудачны, а планы коренных реформ разбивались о неприкосновенный принцип патерналистской власти монарха. При Николае I правительство провело ряд мер, ужесточивших положение воспитанников (с. 76—82), но это не снизило ежегодного прироста числа поступавших в воспитательные дома. Рэнсел считает, что главная причина неудачи правительственной политики заключалась в отсутствии широкого общественного обсуждения ее основных принципов. «Правительство не было заинтересовано в информированности общества, в критике и поисках новых подходов к деятельности воспитательных домов» (с. 83).

Поражение в Крымской войне потребовало критически переоценить почти все социально-политические институты страны, в том числе и систему воспитательных домов. Ее подвергали критике за высокую детскую смертность, за то, что более трети «подкидышей» были фактически законнорожденными детьми, воспитывавшимися за казенный счет; за отдачу питомцев на воспитание

[1] Ransel D. L. The Politics of Catherinian Russia: The Panin Party. New Haven.— Lnd. 1975; ejusd. The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research. Urbana. 1978, etc.

[2] Ломоносов М. В. Избранные произведения. Архангельск. 1980, с. 135.

в деревню, что вело к распространению болезней в крестьянских семьях. Русское общественное мнение постепенно отходило от романтизации незамужней женщины (эта проблема исследована Рэнселом на материалах художественной литературы и периодической печати).

Правительство в конце 1830-х годов приступило к модернизации системы государственного призрения подкидышей. Окончательный разрыв с «системой Бецкого» произошел после реформы 1891 г., радикально изменившей процедуру приема (с. 106—129). Теперь «несчастнорожденные» принимались в воспитательные дома только при наличии документов, удостоверявших этот факт. Матерей поощряли оставаться в воспитательных домах первые пять-шесть недель после рождения ребенка; тем из них, кто соглашался ухаживать за ребенком в течение первого года жизни, выплачивалось пособие. В результате существенно снизилось поступление детей, на 15—20% уменьшилась их смертность. Однако нерешенными оставались проблемы, связанные главным образом с хронической нехваткой нянек и кормилиц.

Рэнсел специально останавливается на динамике показателей пола «несчастнорожденных» и социального состава их матерей. Полученные им с помощью математических методов данные весьма любопытны (с. 130—149). В первое столетие существования воспитательных домов матери охотнее отказывались от девочек. К 1870 г. эта особенность исчезает, и пол ребенка перестает быть основанием для отказа от него, что, по мнению автора, было связано с ростом фабрично-заводского производства, расширявшим возможности применения детского труда. Существенно изменился и социальный состав матерей, вынужденных прибегать к услугам воспитательных домов (с. 150—175). Если в первой половине XIX в. это были в основном «люди разного звания» (солдатки, мещанки, а нередко и дворянки), то к концу века преобладали крестьянки и городская прислуга, недавно вышедшая из деревни.

Практика отдачи питомцев на воспитание в крестьянские семьи (с. 176—293) началась еще в 1764 г., но настоящего размаха достигла к середине XIX века. Как показывает Рэнсел, «воспитательный рынок» был весьма важной частью системы взаимосвязей города и деревни в пореформенной России (с. 198). Во второй половине XIX в. Московский и Петербургский воспитательные дома выплачивали крестьянским семьям ежемесячные пособия на общую сумму более 1 млн. руб. в год, что для многих семей являлось существенным подспорьем. Часто к «питомническому промыслу» обращались, когда нужно было срочно поправить свое материальное положение, пошатнувшееся в результате неурожая, пожаров и т. д. По мере исчезновения такой необходимости питомцев нередко передавали другим нуждающимся семьям, и они «циркулировали, как капитал» (с. 221).

Не осталась без внимания автора и важная проблема влияния «питомнического промысла» на жизнь деревни (с. 256—293). Земские доктора резко протестовали против практики «воспитательного рынка», указывая на то, что питомцы нередко приносили в деревню болезни, полученные от кормилиц или в результате прививок в воспитательных домах; кроме того, воспитание подкидышей отнимало у матерей время и силы, необходимые для ухода за собственными детьми. Но была, считает автор, и другая, не менее существенная сторона дела. Воспитательные дома с начала XIX в. играли центральную роль в развитии педиатрии и медицинской помощи в деревне. Они задолго до создания земств направляли своих врачей в деревню для обследования питомцев и растивших их семей, с успехом проводили вакцинацию против оспы, организовали в начале XIX в. первые в России школы акушерок, а в 1845 г.— фельдшеров, в которых учились в основном воспитанники этих домов и которые оставались до 1860-х годов единственными в стране.

Исследования, подобные книге Рэнсела, показывают перспективы и возможности того направления исследований, которое на Западе принято называть «социальной историей».

И. В. Карацуба, О. Б. Мельникова

R. H. WHEALEY. *Hitler and Spain. The Nazy Role in the Spanish Civil War.* The University Press of Kentucky. Lexington. 1989. 269 p.

Р. УИЛИ. *Гитлер и Испания. Роль нацистской Германии в гражданской войне в Испании*

Адъюнкт-профессор университета штата Огайо (США) Р. Уили предлагает свой взгляд на ряд спорных вопросов, связанных с историей национально-революционной войны 1936—1939 гг. в Испании. Им использованы материалы архивов МИД и Главного командования военно-морских сил Германии, Национального исторического архива в Мадриде и испанского МИД, документы других ведомств, пресса 30-х годов, а также интервью, полученные им у участников испанских событий — адмирала Г. Хейне, Э. Милха, Г. Вольтата.

Автор пытается подойти к взаимоотношениям Германии и Испании в контексте общемировой и европейской политики того времени. Сама гражданская война в Испании рассматривается Уили не только как событие локальное, но как мощный катализатор политических процессов во всем мире на начальной стадии второй мировой войны (с. 3, 142).

В книге рассмотрены также малоизученные сюжеты, как развитие экономических связей Германии и Испании, трения между Германией и Италией по вопросам, относящимся к их участию в гражданской войне, и многое другое. Истоки германо-испанского сотрудничества автор обнаруживает еще в миграции немцев за Пиренеи, он напоминает о контракте на строительство в Испании подводных лодок для Германии, подписанном в 1925 г., других подобных эпизодах (с. 4). Но в центре внимания автора находится роль держав «оси» в войне против Испанской республики.

Уили считает, что Испания не являлась самостоятельной целью гитлеровской политики, ее, так сказать, независимым направлением, а использовалась скорее как средство давления на другие державы. Гитлера в данном случае интересовала в первую очередь «реакция Рима и Парижа» (с. 9). По мнению автора, вмешательство Германии в гражданскую войну, убедившее Японию в том, что Гитлер «решительно настроен против большевизма», ускорило подписание в 1936 г. окончательного текста Антикоминтерновского пакта. После признания Гитлером в ноябре того же года правительства Франко и подготовки легиона «Кондор» Япония согласилась на публикацию этого пакта, что еще больше привязало ее к германской политике. Это стало дипломатической победой Гитлера (с. 27). Фюреру удалось, считает Уили, при помощи испанской войны отвлечь внимание держав, загипнотизировать Англию и Францию «коммунистической угрозой», расстроить их отношения с СССР как потенциальным союзником в борьбе против германской агрессии, а «заодно добиться успеха в Австрии и Чехословакии» (с. 71, 136).

Собственно военная помощь, оказанная Гитлером Франко, утверждает Уили, ограничилась операциями «Фейерзаубер» и «Отто» (июль — октябрь 1936 г.) и созданием легиона «Кондор»: в дальнейшем же масштабы интервенции не наращивались, а лишь «поддерживались на прежнем уровне» (с. 6—8). Гитлер предоставил воинственно настроенному Муссолини взять на себя основную тяжесть ответственности за интервенцию, а сам наблюдал за развитием событий и выбирал момент для своего главного хода в Чехословакии и Австрии. Действия Германии по организации воздушного моста для переброски колониальных частей в Испанию и поставка им военной техники были, как полагает Уили, предприняты только для «обмана дипломатов» отвлечения их внимания от этих главных целей (с. 137).

Автор, как нам представляется, преуменьшает стратегическое значение Испании для держав «оси». Интервенция в Испанию явилась важным этапом в развертывании нацистской агрессии. Об этом, в частности, говорит то, что экономическому и военному сотрудничеству Германии со слаборазвитой Испанией, обладавшей значительными запасами минерального сырья и занимавшей важные стратегические позиции на юго-западе Европы, нацистские верхи уделяли самое пристальное внимание. Большинство из работавших в 1935 г. в Испании иностранцев составляли выходцы из Германии, традиционно сохранявшие прочные связи с родиной, к тому же многие из них были членами заграничной секции нацистской партии. Десятки секретных агентов разного уровня еще в 20-х годах работали на Гер-

манию. К 1936 г. их число значительно возросло, а деятельность активизировалась.

Гитлер хорошо понимал роль Испании, которая в силу своего геополитического положения могла очень сильно повлиять на расстановку сил в Европе. Франко исправно поставлял в Германию железную руду, пириты, а также сельскохозяйственные продукты. Фюрер же стремился превратить франкистскую Испанию в своего сателлита, поставщика стратегического сырья и проводника германского влияния в Латинской Америке (с. 116). Совместно разрабатывались планы военно-морского строительства, Канарис создал в Испании широкую разведывательную сеть (в книге приводятся на этот счет интересные данные), делались серьезные расчеты на захват Гибралтара и т. д. (с. 62—67, 95—101).

Автор пытается свести гитлеровское вмешательство в испанские дела к «дипломатическим, экономическим, пропагандистским и военным экспериментам», имевшим будто бы одну цель — «отвратить от коммунизма многих людей в мире» (с. 138). Но он не указывает, что на самом деле вмешательство Германии и Италии отвратило миллионы людей от фашизма, во всем мире развернулось движение в поддержку республики. Автор пытается объяснить создание интербригад исключительно деятельностью Коминтерна и НКВД. Однако движение в поддержку испанских демократов и патриотов было прежде всего естественным ответом мировой прогрессивной общественности на несправедливость, насилие и реакцию. На стороне Испанской республики сражались многие представители русской эмиграции, не питавшие ни малейших симпатий к коммунизму. Сильное движение в поддержку республиканцев было и в Социнтерне. На встрече представителей двух Интернационалов в июне 1937 г. во Франции было подтверждено принципиальное единство взглядов на испанские события.

В книге показана зависимость правительства Л. Блюма от лондонского курса. Автор не без оснований считает, что именно Англия вынудила французское правительство запретить всякие поставки вооружений в Испанию. Англия была флагманом политики «невмешательства» (с. 15—17). Впрочем, повествуя о деятельности лондонского Комитета по невмешательству, автор явно склонен, как и многие другие западные, особенно американские, историки, к подчеркиванию тезиса о «равной ответственности» всех его членов в эскалации конфликта: «Главная сила в Комитете — Англия, Франция, Германия, Италия, Португалия и Советский Союз — не имели желания следовать договоренности и тайно нарушали дух и букву обязательств по невмешательству» (с. 18).

Точно подметив такую характерную черту политической обстановки в Испании, как «нетерпимость всех сторон» (с. 2), Уили предлагает «разделить ответственность» за поляризацию испанского общества между левым лагерем и карлистами, альфонсистами и фалангой. Думается, что подобная позиция чревата отходом от принципа историзма, игнорированием принципиальных политических различий между демократией и фашизмом. Автор уходит от анализа достаточно сложной обстановки внутри коммунистического движения и Коминтерна. Упрощенно подходит он и к характеристике советской политики в испанском вопросе. Если для многих советских политиков и военачальников необходимость максимально возможной помощи республике на государственном уровне не вызывала сомнений, то, скажем, Сталин, больше озабоченный внешнеполитическими интригами, достаточно прохладно относился к тем проявлениям интернационализма, которые не вписывались в его игру.

Автор утверждает, что членов испанского Народного фронта объединяло только «требование амнистии для участников забастовки 1934 г.» (с. 2). Признавая действительную слабость этого фронта, надо все же иметь в виду и то, что, хотя это требование стало фактической основой для пакта о единстве 15 января 1936 г., налицо был и ряд более существенных общедемократических и антифашистских требований. Значение Народного фронта может быть оценено только с учетом его демократического потенциала, противостоявшего фашизму.

В. А. Стакло

J. SOLE. *La Révolution en questions*. Seul. P. 1988. 413 p.

Ж. СОЛЕ. *Революция в вопросах*

Среди книг о Французской революции конца XVIII в. привлекает внимание исследование Жака Соле — профессора новой истории университета социальных наук в Гренобле. Широко используя работы других авторов, он по каждому дискуссионному вопросу высказывает и свое мнение. При этом главные критические стрелы направлены против «традиционной» историографии, которая, по его словам, «различными способами связана с марксизмом» (с. 15). И действительно, в послевоенные годы именно историки-марксисты оказали наиболее существенное влияние на исследование истории революции. Можно напомнить, в частности, о вышедших в 70-е — начале 80-х годов работах М. Вовеля по истории массового сознания, которые содействовали утверждению диалектического подхода к проблеме преемственности в связи с изучением событий XVIII века.

Полемизируя с «традиционным» видением революции, Соле противопоставляет ему симметричную и достаточно однобокую трактовку. Говоря об идейных катаклизмах в предреволюционной Франции, он подчеркивает роль тех представителей дворянства, которые, по его словам, были «единственной группой населения, способной понять и поддержать философию Просвещения» (с. 20). Это противоречит современным взглядам на французское Просвещение как на сложное явление, связанное с творчеством представителей разных общественных сил. Автор отказывает этой идеологии в революционности. Сам же он связывает революционные настроения главным образом с верой в сверхъестественное, с мистическими представлениями. Тем самым он старается лишить Французскую революцию глубоких идейных корней.

Автор подчеркивает главенствующую и позитивную роль дворянства накануне и в начале революции, что получило отражение в его оппозиции абсолютизму, активном участии в создании представительного режима и в целом в политических переменах 1789 года. Буржуазия же, считает Соле, была тогда намного консервативней, да и вообще сложилась как класс и приобрела классовое сознание только в ходе революции.

В книге признается, что частые продовольственные выступления городских санкюлотов способствовали их политическому воспитанию, осознанию ими собственной силы. Вместе с тем автор «забывает» об антифеодальных устремлениях санкюлотов. Соле утверждает, будто в 1789 г. у них «часто не было ничего общего с политиками наверху» (с. 83). Но разве без определенного единения городского люда и Национального собрания в совместной борьбе против феодализма и абсолютизма было возможно «развязывание» революции?

Крестьянское движение, по мнению Соле, было направлено не против феодализма, а против аграрного капитализма, под которым он подразумевает несколько видоизменившийся к предреволюционному времени сеньориальный режим. В целом же крестьянские выступления революционной эпохи вписываются им в традиционную враждебность крестьян к городу и властям.

Автор отталкивается в своих рассуждениях от тезиса о «заносе» революции, но обнаруживает «отклонения» не с 1792 г., как это делают Ф. Фюре и Д. Рише [1], а чуть ли не в самом начале революционного процесса. Так, он сетует на проявившийся, по его мнению, в 1789—1791 гг. «кризис всех авторитетов», «отсутствие законной власти» (с. 129). Дальнейшие беды, и в частности контрреволюционные восстания на западе страны, Соле, следующий здесь консервативным традициям католической историографии, связывает прежде всего со статусом духовенства. Затем он прозрачно намекает на непопулярность республиканского и особенно якобинского режима. Он пишет, что «вопреки всему при Республике и до Бонапарта большинство французского народа оставалось монархистски настроенным» (с. 60). Якобинская диктатура вызывала ненависть и страх многих групп населения, что, в частности, привело к «стихийному народному федерализму» (с. 168).

Создается впечатление, что у революции в ее критический период было очень много противников, но мало сторонников. Но как тогда объяснить ее победы над интервенцией и контрреволюцией? Для того чтобы както устранить это противоречие, Соле чуть ли не отождествляет революционное прав-

[1] См. Furet F., Richet D. La Révolution. Vol. 1—2. P. 1965—1966.

ление с террором. При рассмотрении якобинской диктатуры Соле уделяет именно ему основное внимание, а социальная политика якобинцев, которая в духе «ревизионистской» интерпретации характеризуется как антикапиталистическая, уходящая корнями в умонастроения Старого порядка и тормозящая общественный прогресс, отступает на задний план. Террор же рассматривается в книге не как средство борьбы с дворянством, духовенством, верхами буржуазии, контрреволюционерами из других общественных групп и не как способ расправы с плебейской оппозицией, а в основном как средство сведения личных и групповых счетов. Говоря о падении якобинской диктатуры, автор решительно отказывается связывать поражение якобинцев с их разрывом с санкюлотами, а выводит 9 термидора исключительно из внутрипарламентской борьбы и столкновений между правительственными комитетами.

Для Соле, как и для других историков-«ревизионистов», термидор по-прежнему означает конец «заноса» революции. По его словам, именно это открыло наконец «путь к капитализму будущего» (с. 215). Связывая с цензовой конституцией, установившей режим Директории, успех либерализма, Соле даже провозглашает III год Республики решающим в политической истории Франции. Пытаясь объяснить причины недолговечности Директории, Соле, кстати говоря, ученик католического историка А. Латрейя, памяти которого и посвящена книга, ссылается прежде всего на то, что она придерживалась политики отделения церкви от государства. Согласие между верующими и «безбожным государством» оказалось невозможным (с. 221).

Говоря о результатах и историческом наследии Французской революции, Соле делает ударение на элементах преемственности между Старым порядком, революцией и постреволюционным временем. В частности, он упирает на то, что бюрократы Людовика XVI продолжали и при республике административную традицию монархии и без труда пережили потрясения террора (с. 255), а дворяне сохранили сильные позиции прежде всего в аграрном секторе экономики и после революции. Однако едва ли можно согласиться с мыслью Соле о том, что элита земельных собственников начала XIX в. сложилась в основном не за счет обуржуазивания дворянства, а в связи с «одворяниванием» крупной буржуазии.

Доказывая, что революция принесла мало изменений в социально-экономической сфере, Соле ссылается на то, что фабричному капитализму было еще очень далеко до своего торжества. На этом основании он критикует «марксистский миф, уподобляющий революцию 1789 г. решающему этапу в развитии капиталистической экономики и индустриального общества» (с. 267). При этом не упоминается о таких предпосылках дальнейшего роста капитализма, как утверждение неограниченного права частной собственности, свободы предпринимательства и гражданского равенства, не ставится вопрос и о связи между новыми общественными условиями и технико-экономическим прогрессом в послереволюционный период.

Касаясь роли революции в духовной жизни французов, Соле особое внимание уделяет религии. Из-за упорного сопротивления населения политика дехристианизации, которая, как он считает, являлась «буржуазной операцией», совсем не получила «народного отклика» (с. 288). По мнению Соле, революция не добилась позитивных перемен в духовной сфере, отвергнув вместе с традициями и порядком рационализм и прогресс (с. 308). Утверждение автора, что революция не принесла сдвигов в области образования, расходится с результатами специальных исследований.

Оценивая место Французской революции во всемирной истории, Соле не может не признать, что революция провозгласила основные демократические свободы, приучила народ к выборной системе, явилась своеобразным «испытательным стендом» (с. 316), на котором прошли опытную проверку различные режимы. Но в целом он все же явно склоняется к отрицательной характеристике революционного наследия. Революция, считает он, привнесла несогласие и раскол в политическую жизнь Франции. События 1789—1799 гг. выработали длительную привычку к беззаконию, беспощадному сведению счетов, «привили французам вкус к резким и всеобщим изменениям» (с. 318), «были для Франции учителем насилия» (с. 316).

В интерпретации Соле клише «ревизионистской» историографии приобретают еще более консервативный характер. Это связано и с принятием ряда элементов традиционно-католической трактовки революционного переворота, воздействием англоязычных историков, более решительных в развенчании революции.

С. Ф. Блуменау

A. MARSH, V. RYAN. *The Seamen. A History of the National Union of Seamen, 1887—1987*. Oxford. Malthouse Press. 1989. 357 p.

А. МАРШ, В. РАЙЕН. *Моряки. История Национального союза моряков, 1887—1987 гг.*

К столетию Национального союза моряков (НСМ) Англии вышла книга по истории этого тред-юниона. Ее написали известный профсоюзный деятель, член Ученого совета колледжа Сент-Эдмонд при Оксфордском университете Арчер Марш и научный сотрудник того же колледжа Виктория Райен. Они использовали документы архивов НСМ и других профсоюзов, периодику, воспоминания и обширную литературу по теме.

Главное внимание уделено в книге деятельности в 1887—1929 гг. создателя и многолетнего президента НСМ Дж. Х. Уилсона, который с либеральных позиций относился к лейбористской партии и добивался реализации идеи «неполитического тред-юнионизма». Ряд страниц книги посвящен характеристике сменявших друг друга генеральных секретарей НСМ. Авторы подчеркивают особую роль лидеров в профсоюзном движении: пропагандистов, организаторов и умельцев выколачивать средства на нужды тред-юнионов.

Наиболее содержательны разделы с описанием малоизвестных событий, касающиеся деятельности НСМ в шести регионах (в портах Шотландии, районах Миддлсбро, Халла, Лондона, Кардиффа и Ливерпуля), а также его взаимоотношений с другими профсоюзами, охватывавшими тружеников моря и побережий. В специальной главе идет речь о стачке моряков 1966 г.— третьей по длительности в истории забастовок английских рабочих вообще. По мнению авторов, она открыла «новую эру» успешной защиты членами НСМ своих прав (с. 198). Любопытен написанный по следам свежих событий раздел о резко обострившейся в 1988 г. конфронтации моряков и других транспортников с властями в связи с сооружением Англией и Францией железнодорожного тоннеля под Ламаншем. Профсоюзные ячейки Дувра провели в целях единства действий общие мероприятия (редкий случай в истории НСМ) вместе с другими рабочими союзами (с. 232—247).

Для советской литературы о тред-юнионах долгое время было характерно несколько пренебрежительное отношение к этому основному течению в английском рабочем движении. Между тем несомненны и реальные достижения этих профсоюзов в деле защиты материальных интересов своих членов. Книга наглядно свидетельствует о том, ка́к именно удавалось добиваться этого в специфических условиях развития данной отрасли труда, сочетая бойкоты с «бумажными ультиматумами» и фиксируя затем двусторонние соглашения, воплощенные в закон.

Д. И. Динкин

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

ПЕРВОИСТОЧНИК РУССКИХ ДАННЫХ О ПОТЕРЯХ НАПОЛЕОНА ПРИ БОРОДИНЕ

Разница между французскими и русскими данными о потерях французов в Бородинской битве очень велика. Французские авторы большей частью следуют здесь за Денье, инспектором Главного штаба Наполеона, который служил позднее в архиве Военного министерства Франции и, по данным этого архива, подсчитал, что при Бородине французы потеряли 6567 человек убитыми и 21 519— ранеными, всего —28 086 человек[1]. Приводятся во французской литературе и другие цифры, но, как правило, в пределах от 20 до 30 тысяч[2]. Специалисты из других стран Европы опираются на французские данные[3].

Первоисточником русских данных о потерях французов являются данные Ф. В. Ростопчина со ссылкой на документы, «оставленные неприятелем»: 50 876 «нижних чинов», а всего — 52 482 человека»[4]. Этой цифры держались, при случае несколько «округляя» ее, почти все русские дореволюционные и советские историки[5] до 1941 г., когда Б. Л. Кац, ссылаясь на подсчеты В. А. Афанасьева, определил потери французов в 58 478 человек[6]. Теперь все (за редким исключением) советские историки называют цифру Б. Л. Каца[7], часто «округляя» ее до 60 тысяч[8]. При этом никто из них не ссылается на первоисточник этой цифры и не интересуется ее происхождением.

Сам Б. Л. Кац так объяснил происхождение своих данных: «О потерях французской армии, понесенных ею в Бородинском сражении, как сообщил В. А. Афанасьев, который на основании французских документов, опубликованных в 1813 г., сделал самые точные подсчеты (эти документы были захвачены русскими при бегстве французов и озаглавлены. «Подробный список всех французских корпусов, составлявших французскую армию, выступившую в поход против России в 1812 г., с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании в разных сражениях до вступления в Москву»)»[9]. Итак, цифра Каца получена от Афанасьева, а тот сделал свои «самые точные подсчеты» на основании тех же документов, которые опубликовал в 1813 г. Ростопчин. Но по его документам никак нельзя насчитать 58 478 французов, павших при Бородине,— получается 52 482, т. е. изначальная ростопчинская цифра.

Можно установить источник и этой изначальной цифры — по документу, который составлен в 1812—1813 гг., опубликован в 1864 г., но до сих пор не замечен советскими историками. Это записка майора Главного штаба наполеоновской армии А. Шмидта и его ответы на 53 вопроса Ростопчина[10]. Шмидт, симулируя болезнь, остался в Москве, когда французы уходили из нее, и сумел переслать Ростопчину записку о том, что он «может сообщить весьма важные сведения о французской армии». Ростопчин прислал к нему в Голицынскую больницу своего ближайшего помощника, известного впоследствии московского почт-директора А. Я. Булгакова, который до августа 1813 г. записал все сведения, сообщенные Шмидтом, и его ответы на вопросник Ростопчина.

Вот как резюмировал беседы Булгакова с Шмидтом редактор «Русского архива» П. И. Бартенев: «Благодаря своей необычной памяти Шмидт переименовал все полки, которые входили в состав «Великой армии», и исчислил все потери ранеными и убитыми, которые потерпела эта армия во всех сражениях, предшествовавших занятию Москвы. Из сведений, сообщенных Шмидтом, Булгаков составил записку, которая была дополнена при последующих свиданиях с этим офицером. Все это составило брошюру, которую гр. Ростопчин напечатал впоследствии под заглавием «Подробный список всех корпусов, составлявших армию, вошедшую в Российские пределы под предводительством Наполеона Бонапарте, с присовокуплением потерь, понесенных армиею сею убитыми и ранеными во всех сражениях до Бородинского,— составленный из бумаг, оставленных французами в Москве»[11].

Итак, «Подробный список» Ростопчина представляет собой не что иное, как запись данных, которые по памяти сообщил русской стороне французский офицер-перебежчик Шмидт. Заслуживает ли этот источник того доверия, которым прониклись к нему (не зная о его происхождении) Афанасьев и Кац, а следом за ними и другие историки, вплоть до наших дней? Достаточно сказать, что численность французской армии при Бородине в «Подробном списке» преувеличена (180,5 тыс. человек[12] вместо 133 819)[13], а в составе ее на Бородинском поле указан 10-й корпус под командованием маршала А. Монсея, тогда как он действовал за сотни верст от Бородина, между Двинском и Ригой, и командовал им не Монсей (который вообще не участвовал в походе на Россию), а Ж.-Э. Макдональд. Вдвое преувеличена в «Подробном списке» и численность гвардии Наполеона при Бородине: 40 тыс. человек[14] вместо 19 тысяч[15].

Все сказанное позволяет сделать вывод: исходный источник русских данных о потерях Наполеона в Бородинском сражении теперь можно считать установленным, но вопрос о подлинных размерах этих потерь остается открытым.

Н. А. Троицкий

---

[1] Denniée P. Itineraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P. 1842, p. 80; см. также: Thiers A. Histoire du Consulat et de l'Empire. T. 14. P. 1854; p. 153; Thiry J. La campagne de Russie. P. 1969, p. 153; Blond G. La Grande Armée. P. 1979, p. 345.

[2] Fain A. Manuscrit de l'an 1812. T. 2. P. 1827, p. 41; Tranie J., Carmigniani J. La campagne de Russie. Napoléon — 1812. P. 1981, p. 170.

[3] Клаузевиц К. 1812 год. М. 1937, с. 174; Kukiel M. Wojna 1812 roku. T. 2. Kraków. 1937, s. 199; Chandler D. The Campaigns of Napoleon. Lnd. 1967, p. 1119.

[4] Подробный список всех корпусов, составлявших французскую армию, вышедшую в поход против России в 1812 г. с приложением расписания потерь, сделанных неприятелем с начала кампании в разных сражениях до вступления в Москву. В кн.: Ростопчин Ф. В. Соч. СПб., 1853, с. 362. Весь «Подробный список» занимает здесь с. 335—364. Это — вторая его публикация. Впервые он был опубликован по указанию Ростопчина отдельным изданием в Москве в 1813 году.

[5] См., напр., Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. Т. 2. СПб. 1839, с. 254; История русской армии и флота. Т. 3. М. 1911, с. 164; Свечников М. С. Война 1812 г. Бородино. М. 1937, с. 88; Сивков К. В. Разгром Наполеона в России в 1812 г. М.— Л. 1941, с. 23.

[6] Кац Б. Л. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении. Исторический журнал, 1941, № 7—8, с. 125.

[7] Прунцов В. В. Бородинское сражение. М. 1947, с. 66; Военные вопросы в курсе истории СССР. М. 1986, с. 48; Абалихин Б. С. Героическая эпопея народного подвига. М. 1987, с. 32; Сироткин В. Г. Отечественная война 1812 г. М. 1988, с. 131.

[8] Недаром помнит вся Россия. Отечественная война 1812 г. М. 1986, с. 78; Мелентьев В. Д. Кутузов в Петербурге. Л. 1986, с. 149; и др.

[9] Кац Б. Л. Ук. соч., с. 125.

[10] Записка о майоре французской службы Александре Шмидте, составленная для гр. Нессельроде А. Я. Булгаковым.— Русский архив, 1864, № 11—12. В названии документа здесь допущена опечатка. Вместо «гр. Нессельроде», как явствует из содержания документа и комментариев к нему, должно быть: «гр. Ростопчина».

[11] Русский архив, 1864, № 11—12, с. 1210. Бартенев (как, впрочем, и Кац) не совсем точно воспроизводит длинное название «Подробного списка...» Ростопчина.

[12] Подробный список, с. 357.

[13] Chambray G. Histoire de l'expedition de Russie. T. 2. P. 1838, p. 33 (роспись соединений «Великой армии» перед Бородинским сражением).

[14] Подробный список, с. 341.

[15] Chambray G. Op. cit. T. 2. p. 33 (роспись гвардии Наполеона перед Бородинской битвой). Ср.: Lachouque H. The Anatomy of Glory. Napoleon and his Guard. Lnd. 1961, p. 247.

ОБ ИЗДАНИИ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ А. А. ЗИМИНА

После смерти А. А. Зимина (1920—1980) остались неопубликованными несколько монографий[1]. За истекшее время напечатаны две книги[2]. Третья — «Витязь на распутье» — готовится к печати и есть основания надеяться, что она выйдет в свет в 1991 году. Таким образом, издание фундаментальной эпопеи из шести монографий Зимина по социально-политической истории России XV—XVI вв. будет завершено.

Кроме того, в научно-популярной серии вышла книга, написанная А. А. Зиминым в соавторстве[3], а также была осуществлена публикация «Задонщины» (Краткая редакция и реконструкция Пространной редакции) с предисловием и подробными комментариями Зимина[4]. Наконец, издана его плановая монография, утвержденная к печати еще при жизни автора[5].

Институтом истории СССР, в стенах которого Зимин так много сделал для науки,

---

[1] Список печатных трудов Зимина см.: Археографический ежегодник за 1980 г. М. 1981; Библиография трудов А. А. Зимина (подготовка к печати Д. Аффериика). В кн.: Essays in Honor of A. A. Zimin. Slavica Publishers Inc. 1985, p. 87.

[2] Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М. 1982; его же. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой крестьянской войны в России. М. 1986.

[3] Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 1982.

[4] Задонщина. Древнерусская песня. Повесть о Куликовской битве (Выбор, подготовка и комментарии А. А. Зимина). Тула. 1980.

[5] Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988.

была запланирована к изданию и монография о Русской Правде, подготовленная Зиминым. Но вот уже более 10 лет рукопись ее лежит без движения, хотя речь идет как раз о той отрасли науки, которая на глазах скудеет. Есть и еще одна неопубликованная работа Зимина. В первой половине 60-х годов он написал книгу о «Слове о полку Игореве», в которой предпринял попытку пересмотреть вопрос о датировке этого произведения.

Вывод его, что время написания этого памятника — вторая половина XVIII в., встретил противоречивую реакцию: одни историки и литературоведы поддержали его, другие — и таких было большинство — решительно выступили против. В этом не было бы ничего необычного, если бы дискуссия не вышла за пределы аудиторий, в которых выступал Зимин: началась газетная кампания с предъявлением ему политических обвинений. Поскольку в ученом мире (как в нашей стране, так главным образом и за рубежом) газетная травля вызвала вполне понятную реакцию, было принято решение напечатать работу Зимина на ротапринте в 200 экз. и провести закрытое обсуждение с участием исследователей, приглашенных Отделением истории и Отделением языка и литературы АН СССР.

Само собой разумеется, эта идея преследовала вполне определенную цель — помешать изданию книги. Она действительно в целом вида так и не увидела свет. Когда ею заинтересовался иностранный член АН СССР Андре Мазон, экземпляр ротапринтного издания передали в Архив АН СССР, допустив туда французского ученого. Зимину удалось опубликовать лишь ряд фрагментов своего исследования. (Обычно вслед за ними, а иногда и в тех же номерах журналов печатались контрматериалы.)

После многократных обсуждений и полемики в печати Зимин вернулся к работе над «Словом». Оставаясь на тех же позициях, он укрепил свою аргументацию и внес в нее существенные дополнения и усовершенствования, так что тот вариант книги, который хранится в его семейном архиве, существенно отличается от ротапринтного издания.

Газетная травля Зимина была проявлением обычной в то время и не изжитой, к сожалению, до сих пор практики политизировать науку, преследовала все ту же цель — пресечь научное инакомыслие. Чтобы дать представление о характере обвинений, выдвигавшихся против Зимина, приведу ответ из газеты «Известия» (1963 г.) на мое письмо-протест против того, что неизданная книга обсуждается (вернее, осуждается) на страницах этой газеты, в частности, в статьях акад. Б. А. Рыбакова и писателя А. Югова:

«Уважаемый т. Панеях! Вопрос о том, кто является автором «Слова о полку Игореве» — безвестный поэт XII века или Иоиль Быковский,— вопрос не только и не столько историко-текстологический, сколько политический. Все Ваши доводы и рассуждения были бы верны при одном условии: если бы удалось открыть, найти бесспорные доказательства авторства Быковского. Но этого нет. Есть гипотеза А. А. Зимина. Большинство участников дискуссии против нее. Дело здесь не в арифметике — крупнейшие специалисты по истории и филологии не поддержали Зимина. Спрашивается: зачем нужно во что бы то ни стало приписывать «Слово» XVIII веку, как это делает Зимин? Во имя чего? Во имя того, чтобы доказать, что русский народ неспособен был создать в XII веке такую поэму? Конечно, субъективно Зимин далек от подобной мысли, но объективно она прозвучала в его гипотезе. Вот ведь в чем дело. Повторяем: если бы сейчас наука стала располагать бесспорным доказательством принадлежности «Слова» XVIII веку, это открытие стоило бы опубликовать, а «Слово» передедактировать. Но этого нет. Вместо этого — ненужная, приведшая к лишней трате сил дискуссия, поиски абстрактной истины, тогда как истина, как известно,— конкретна. И все мы живем и работаем не в безвоздушном пространстве, а в определенной идеологической сфере, в которой происходит борьба идеологии буржуазной с социалистической. И собственными руками, по доброй воле подбрасывать врагу материал для злопыхательства не стоит.

Подумайте об этом. И Вам станет яснее вся картина, а не один лишь вопрос о гипотезе Зимина. С приветом,

Зам. редактора «Известий» по
отделу пропаганды Ю. Шарапов».

Этот документ свидетельствует о том, что нынешняя кампания против так называемой русофобии — не столь уж далекое эхо официальной позиции застойного времени и пресловутой борьбы против «антипатриотов» в конце 40-х — начале 50-х годов. Конечно, считать и сейчас, что исследование Зимина — антирусское, значило бы возвратиться назад — к ориентирам брежневского и сталинского правления.

Ныне уже признано, что споры вокруг концепции Зимина существенно продвинули анализ «Слова», так как побудили считающих его происхождение более древним углубить свою аргументацию. Издание книги Зимина в переработанном и дополненном автором виде снова стимулирует его оппонентов, что пойдет на пользу нашей науке.

В. М. Панеях

О СУДЬБЕ ДОНСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В декабре 1919 г. материалы Донского исторического архива с частью музейных ценностей Войска Донского по указанию атамана А. П. Богаевского были вывезены из Новочеркасска. В октябре—ноябре 1920 г. все они вместе с эвакуировавшейся из Крыма белой армией (в том числе Донским корпусом и донской казачьей администрацией) оказались в Турции. Вскоре вслед за Богаевским они были переправлены в Болгарию, а оттуда через несколько месяцев — в Югославию. Здесь пути архива и атамана разошлись. Последний, забрав все, что представляло реальную материальную ценность, отбыл в 1924 г. в Париж.

В 1922 г. Чехословакия начала проводить «русскую акцию» (материальная и иная помощь эмигрантам). В результате тысячи их оказались в этой стране. В 1925 г. в рамках «русской акции» с согласия Богаевского Донской исторический архив был перевезен в Прагу и передан, как и некоторые другие казачьи реликвии, в ведение МИД Чехословакии. Оно оплачивало аренду помещений, выплачивало зарплату сотрудникам, а также выделяло средства на канцелярские и иные расходы. Однако в войсковом отношении заведующий Донским историческим архивом в Праге (до 1936 г.— П. А. Скачков, в 1936—1945 гг.— М. А. Ковалев) оставался в подчинении Донского войскового атамана.

Решением Богаевского в Праге была создана наблюдательная комиссия по охране Донского войскового имущества, архива и музея (Донская историческая комиссия). В ее состав на первом этапе вошли: А. П. Богаевский, Н. М. Мельников, В. А. Харламов, П. А. Скачков и Н. Р. Епифанов. Председателем комиссии был назначен донской кооператор С. В. Марукаев, являвшийся в 1922—1926 гг. и в 1936—1944 г. «представителем» донского атамана в Чехословакии. Членами комиссии в разные годы были также: генерал Донской армии Г. И. Долгопятов, работавший заведующим отделом учебных заведений в Чешском земском союзе земледелия и лесоводства, полковник Донской армии М. А. Ковалев, в марте 1928 г. принятый на работу в архив служащим для приведения в порядок военного отдела и в 1936 г. назначенный заведующим архивом, а также ряд других эмигрантов.

Фонды архива систематически пополнялись за счет документации находившихся в эмиграции донских органов управления, штабов и различных организаций. В основном материалы поступали из штаба Донского корпуса в Софии, из канцелярий донских атаманов Богаевского и сменившего его в 1935 г. графа Граббе, находившихся в Париже, из канцелярии Русского института сельскохозяйственной кооперации (Прага), из правления Общеказачьей студенческой станицы (Прага), от административной комиссии русских земледельцев в Чехословакии, из Донского кадетского корпуса, возобновившего занятия в 1922 г. в Билезе (Югославия).

Наряду с этим на хранение в архив поступили личные архивы, в частности П. А. Скачкова — секретаря Донского правительства (в эмиграции); генерала Т. М. Старикова — командира одного из корпусов Донской армии в годы гражданской войны; начальника оперативного отделения штаба Донской армии полковника В. В. Добрынина — в 20—30-е годы одного из руководителей отдела Казачьего союза в Чехословакии; бывшего председателя Донского войскового круга члена Государственной думы В. А. Харламова (в Чехословакии он был председателем Казачьего сельскохозяйственного союза) и других эмигрантов.

В 1934 г. правительство Чехословакии начало сворачивать «русскую акцию», субсидии стали заметно сокращаться, однако вхождение Донского исторического архива в ведение МИД Чехословакии еще не было должным образом оформлено. В связи с этим по обоюдному согласию «казачий архив» был включен в состав находившегося в том же ведении Русского зарубежного исторического архива.

О судьбе Донского исторического архива после оккупации Чехословакии немецкими войсками есть свидетельства Ковалева. «Первые два года,— писал он 18 июня 1945 г.— Донской архив находился в ведении министерства внутренних дел Протектората, а с апреля 1942 года — в распоряжении немецкого военного архива в г. Праге». Ковалев уточняет, что он «всю архивную работу... контактировал с немецким генералом Либером и полковником Шенке, являвшимся начальником архива». Ковалев далее пишет: «Немцы меня, как заведующего архивом, обязали не перемещать по своему усмотрению материалы из одного помещения в другое; без их разрешения я не имел права выдавать из архива материалы кому бы то ни было... Немцы оставили за собой право пользования всеми материалами архива по своему усмотрению и, в частности, фотографировать их и снимать копии. В остальном деятельность Донского казачьего архива регламентировалась правилами, установленными министерством внутренних дел Протектората по согласованию с наблюдательной комиссией по охране войскового донского имущества, архива и музея. Русский и Донской архивы остались в том же помещении, где находились ранее. Немцы при отступлении их не тронули».

В конце 1945 г. по соглашению между

правительствами Советского Союза и Чехословакии Русский зарубежный исторический архив был передан СССР. Вместе с ним был передан и Донской исторический архив с частью музейных ценностей и библиотеки. (Часть ее осталась в Славянской библиотеке в Праге.) Все это поступило в советские центральные архивы. В частности, в ЦГАОР СССР хранятся материалы по истории казачьих эмигрантских организаций, в том числе таких, как штаб Донского корпуса, канцелярия Донского атамана, созданный в эмиграции Богаевским Казачий союз, походный штаб Донского атамана, штабы донских казачьих бригад, полков. Часть библиотеки Донского исторического архива (книги, журналы, брошюры, газеты и др.) вошла в состав Научной библиотеки центральных государственных архивов СССР.

Поступившие из Чехословакии донские музейные ценности являлись до 1919 г. частью экспозиции бывшего Донского войскового музея. В их числе — коллекции знамен, преимущественно донских казачьих полков, оружие (булавы, насеки и др.), портреты военачальников Войска Донского, юбилейные подарки (братины, чаши, кубки и т. п.), церковная утварь, иконы, кресты, археологические находки, ордена, медали, монеты, одежда и т. п. Все они в 1946 г. были переданы Комитету по делам культурно-просветительских организаций при Совете Министров РСФСР с целью их воссоединения с экспозицией существующего с 1899 г. Музея истории донского казачества в Новочеркасске. В 1988 г. был открыт доступ к материалам Донского исторического архива. Они станут источником для исследований созданного в Ростове-на-Дону Общества по изучению донской истории и культуры.

К. Н. Хохульников,
лектор общества «Знание»

ЮЛИАН ВЛАДИМИРОВИЧ БРОМЛЕЙ

4 июня 1990 г. скончался академик Юлиан Владимирович Бромлей.

Ю. В. Бромлей родился в 1921 г. в Москве в семье известного историка античности В. С. Сергеева. После окончания средней школы Ю. В. Бромлей в 1939 г. поступил на Физический факультет Московского университета. В том же году он был призван в Красную Армию, где окончил полковую школу. С первого до последнего дня он участвовал в Великой Отечественной войне. В 1944 г. он вступил в ряды КПСС.

После демобилизации в 1945 г. Ю. В. Бромлей поступает на Исторический факультет МГУ, где изучает историю южных и западных славян. Особенно большую роль в формировании научных интересов и методов исследования будущего ученого сыграл Б. Д. Греков. После окончания университета в 1950 г. Ю. В. Бромлей был принят на работу в Институт славяноведения АН СССР. С 1952 г. он работает в Отделении истории АН СССР сначала в должности ученого секретаря по координации, а позднее — ученого секретаря Отделения.

Свои первые исследования Ю. В. Бромлей посвятил социальным отношениям в хорватской деревне XV—XVI вв. и эволюции феодальной ренты. На основе кропотливого анализа поземельных описей (урбариев) он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию (1956 г.), а затем опубликовал книгу «Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. Из истории аграрных отношений и классовой борьбы в Хорватии XVI в.» (1959 г.). В результате обстоятельного изучения источников по истории классообразования в Хорватии Ю. В. Бромлей публикует в 1963 г. монографию «Становление феодализма в Хорватии. К изучению процессов классообразования у славян», которую защищает в качестве докторской диссертации.

Изучение социальной структуры общины у южных славян на докапиталистической стадии развития побудило Ю. В. Бромлея вплотную обратиться к этнографическим проблемам.

В начале 1966 г. он становится директором Института этнографии АН СССР. Многочисленные труды Ю. В. Бромлея имели большое значение для обновления общей теории этнографии. В них обоснован ряд важнейших положений, стимулировавших последующее развитие этнографических исследований (определение понятия «этнос» и других этнических категорий, роль этнической эндогамии в поддержании целостности этноса, проблемы исторической типологии и иерархии этнических общностей и т. д.). Среди более чем 300 опубликованных работ Ю. В. Бромлея такие фундаментальные труды, как «Этнос и этнография» (1973 г.), «Современные проблемы этнографии» (1981 г.), «Очерки теории этноса» (1983 г.). Существенное внимание Ю. В. Бромлей уделял разработке проблем соотношения этнографии и смежных дисциплин, сформулировал новое понимание ее предмета. Под его редакцией были подготовлены обобщающие труды «Современные этнические процессы в СССР» (два издания: 1976 и 1978 гг.) и «Этнические процессы в современном мире» (1987 г.). Ю. В. Бромлей руководил также созданием 20-томной серии «Страны и народы», получившей широкое общественное признание. Существенный вклад внес он и в формирование новой научной дисциплины — этносоциологии современности, обосновав необходимость анализа взаимосвязи этнических и социально-экономических процессов.

По инициативе Ю. В. Бромлея началось издание совместного с учеными ГДР многотомного труда «Свод понятий и терминов этнографии», а также трехтомника по этнографии славян.

Ю. В. Бромлей вел большую научно-организационную работу, он возглавлял Научный совет АН СССР по национальным проблемам, Межведомственный совет по изучению национальных процессов, секцию по общественным наукам Научно-издательского совета АН СССР, был вице-президентом Международного союза антропологов и этнографов и Европейского общества антропологов и фольклористов, членом Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, членом исполкома Всемирной организации научных работников.

В 1966 г. Ю. В. Бромлей был избран членом-корреспондентом, а в 1976 г.— действительным членом АН СССР. Он был награжден орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны II степени и Трудового Красного Знамени.

Светлый образ Юлиана Владимировича Бромлея, одного из видных историков и этнографов нашего времени, создателя современной советской школы этнологической науки, будут хранить в своих сердцах его коллеги и ученики.

CONTENTS

SOMMAIRE

SUMARIO

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 01.08.90. Подписано к печати 23.08.90. Формат 70×108[1]/[16].
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 102 000 экз. Заказ № 2664. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.